

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 28 (204)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2010

ISSN 1990-8466

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Выпуск 15

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **В. С. Балакин** (отв. редактор), д-р филос. наук **Ф. М. Землянский**,
д-р искусствоведения **Н. В. Парфентьева**, канд. ист. наук **С. А. Кривоногова**
(отв. секретарь), канд. филос. наук **Е. В. Миронов**, д-р ист. наук, д-р искусствоведения
Н. П. Парфентьев, канд. филос. наук **В. Е. Хвощев**

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	
АНДРЕЕВ А. Н. Российские «инородцы» в XVIII веке и западно-христианское влияние.....	6
БАЛАКИНА Л. П. В. С. Немчинов — организатор Челябинского губернского статистического бюро (1919—1922 гг.).....	12
БОГДАНОВ А. В. Социально-бытовые условия и организация питания иностранных специалистов на заводах Урала в годы первой пятилетки.....	15
БРЕКОТКИНА И. П. Художественные вкусы английской аристократии в первой половине XVII столетия	19

ВОЛКОВ Е. В. Образы историко-революционных произведений изобразительного искусства Южного Урала.....	25
ИВАНОВ А. А. Бронзовые наконечники стрел VII — первой половины VI вв. до н. э. в погребальных комплексах Урало-Казахстанских степей.....	35
МИРОШНИЧЕНКО М. И. Роженицы Урала в начальный период формирования сети родовспомогательных учреждений.....	39
МОСИН В. С. Этнокультурные процессы на Урале в начале голоцена.....	44
ПЛЕШАНОВ М. Л. Прохоровские погребения в могильнике Айгыр I.....	50
СУВОРОВА А. В. Учителя начальных школ и семьи учащихся Южного Урала (1900 — февраль 1917 гг.).....	54
РЯПУСОВА Д. Н. Киноиндустрия «Большого Урала» в годы Великой Отечественной войны.....	58
СИБИРЯКОВ И. В. История политического террора в России в начале XX века в отечественной постсоветской историографии.....	65
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
АНДРЕЕВА Ю. С. Православная икона в религиозно-просветительской деятельности духовенства Оренбургской епархии на рубеже XIX—XX столетий.....	71
КОРОБЕЙНИКОВА О. М. Творчество А. П. Кудрявцева в контексте основных тенденций развития отечественной керамики второй половины XX — начала XXI вв..	74
МИЛИЦИНА И. В. Проблемы идентификации в историко-философском осмыслении.	80
МУХИНА Н. В. О системном подходе в исследовании орнаментики кириллических рукописей поздней традиции на Южном Урале и Зауралье в XVIII — начале XX вв.....	84
ПАРФЕНТЬЕВА Н. В. Авторские произведения древнерусских мастеров церковно- певческого искусства в старообрядческой книжно-рукописной традиции Урала.....	91
РУСАНОВ Я. А. МУЖЕВА В. Н. Иконография образа «Спас Вседержитель» на примере иконы из собрания Челябинского областного музея искусств.....	96
ТРИФОНОВА Г. С. О методологических подходах и принципах исследований духовного в изобразительном искусстве Южного Урала XX века.....	101
ТРОФИМОВА Н. В. Методы изучения памятников и традиций иконописи уральских старообрядцев в отечественной историографии.....	109
ШАБАЛИНА Н. М. Традиционные центры народного гончарства и изразцового производства на Южном Урале.....	114
ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
БРЕДИХИНА Н. В. Изучение состояния здоровья и сохранение здоровья населения на Южном Урале.....	122
ТРЕГУБОВ Н. А. Трансцендентные основания функционирования политической системы: к постановке проблемы.....	127
ХВОЩЕВ В. Е. Тезисы о философии, теологии и религии.....	134
ФИЛОСОФИЯ	
ГРИГОРЬЕВА Л. М. Проблема онтологического доказательства бытия Бога: Ансельм Кентерберийский и И. Кант.....	137
МИРОНОВ Е. В. Влияние социальных концепций античности и Гегеля на формирование социально-философской позиции либерального консерватизма.....	141
РЕЦЕНЗИЯ	
Сёмочкина Е. И. История великой победы: изучать, помнить, передавать традиции. Рецензия на сборник статей «Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте истории XX—XXI веков».....	147

CONTENTS

From the Editorial Board 5

HISTORICAL SCIENCES

- ANDREEV A. N. Russian “non-Russians” in 18 century and West Christianity influence 6
- BALAKINA L. P. V. S. Nemchinov is an organizer of
Chelyabinsk regional Statistical Office in 1919—1922..... 12
- BOGDANOV A. V. Social and living conditions and catering of foreign specialists
at Ural plants during THE first five-year plan period 15
- BREKOTKINA I. P. Virtu of English aristocracy in the first half of 17 century 19
- VOLKOV E. V. Images of South Ural historic and revolutionary works of fine arts 25
- IVANOV A. A. 7 and early 6 century bc Bronze arrow-headsin sepulchral complexes
of Ural-Kazakh steppes..... 35
- MIROSHNICHENKO M. I. Ural Parturient women in initial period of organization
of the obstetrical establishments system 39
- MOSIN V. S. Ethnocultural processes in Ural at the beginning of Holocen 44
- PLESHANOV M. L. Prokhorovsky burials in burial ground Aigyr I 50
- SUVOROVA A. V. South ural primary-school teachers and pupils’ families
from 1900 to february 1917 54
- RYAPUSOVA D. N. “Big urals” film industryin the great patriotic war period..... 58
- SIBIRYAKOV I. V. History of political terror in Russia at the beginning
of the 20 century in Russian post-Soviet historiography 65

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

- ANDREEVA Y. S. Orthodox icon in religion enlighten activity of Orenburg
clergy eparchy at the turnof the 19—20 centuries 71
- KOROBAYNIKOVA O. M. Creative work of A. P. Kudryavtsev in the scope
of the main development trends of the Russian ceramics of
the second half of the 20 and beginning of the 21 centuries..... 74
- MILITSINA I. V. Issues of identification in historico philisophical comprehension 80
- MUKHINA N. V. On system approach in research of ornamentationof
the Cyrillic Manuscripts in late tradition of Ural and Trans-Urals
in the 18 and beginning of the 20 century..... 84
- PARFENTIEVA N. V. Author works of old Russian mastersof church singing art
in the Ural Old Believer manuscript tradition..... 91
- RUSANOV Y. A., MUZHEVA V. N. Iconography of “Pantocrator” with icon
from Chelyabinsk Museum of Art taken as an example 96
- TRIFONOVA G. S. On methodological approachesand research principles
of spiritualin Ural fine art of the 20 century 101
- TROFIMOVA N. V. Methods of research of monuments and traditions of Ural
old believers in icon painting in Russian historiography 109
- SHABALINA N. M. Traditional centers of folk pottery and tiled manufacture
in South Ural..... 114

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- BREDIKHINA N. V. Research of state of health and its preservation among
South Ural populatio 122

TREGUBOV N. A. Transcendental bases of political system functioning: to the problem definition.....	127
KHVOSHCHYOV V. E. About philosophy, theology and religion	134
PHILOSOPHY	
GRIGORIEVA L. M. Problem of ontological evidence of God existence Anselmus Cantuariensis and I. Kant	137
MIRONOV E. V. Influence of the social ancient world and Hegel concepts on formation of sociophilosophical attitude of liberal conservatism.....	141
REVIEW	
SYOMOCHKINA E. I. History of the great victory: study, remember, hand down traditions Collected works “The Great Patriotic War and Second World War in the Scope of History of 20—21 Centuries”	147

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск научного журнала «Вестник Южно-Уральского государственного университета», в котором в рамках серии «Социально-гуманитарные науки» объединен ряд статей, подготовленных к публикации учеными университета и вузов России. Редакционная коллегия сочла целесообразным сохранить четыре раздела журнала: «Исторические науки», «Искусствоведение и культурология», «Политология и социология» и «Философия».

Тематика исследований историков охватывает временной интервал от голоцена до XX века. В статьях В. С. Мосина, А. А. Иванова и М. Л. Плешанова подводятся итоги исследований стоянок эпохи мезолита-энеолита и погребальных комплексов Урало-Казахстанских степей. А. Н. Андреев проанализировал восприятие римского католицизма и протестантизма языческими и неправославными народами России XVIII века. Исторические сюжеты начала XX века привлекли внимание Е. В. Волкова и А. В. Суворовой. Проблема освещения в литературе политического террора в России нач. XX века раскрывается в статье И. В. Сибирякова. В статье Л. П. Балакиной показана деятельность В. С. Немчинова по организации Челябинского статистического бюро. А. В. Богданов и М. И. Мирошниченко посвятили свои статьи изучению состояния социальных проблем на Урале в первой половине 1930-х годов. Проблема функционирования киноиндустрии «Большого Урала» в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. раскрывается в статье Д. Н. Ряпусовой. Искусствоведы Ю. С. Андреева, Я. А. Русанов, Н. В. Трофимова продолжили исследование особенностей православного иконопочитания, иконографического канона и методов изучения традиций иконописи уральских старообрядцев в отечественной историографии. В статье Н. М. Шабалиной раскрывается деятельность традиционных центров народного гончарства и изразцового производства на Южном Урале. Предметом исследования Г. С. Трифионовой стали методологические подходы и принципы изучения духовного в изобразительном искусстве Южного Урала XX века. Н. В. Парфентьева продолжила исследование авторских произведений древнерусских мастеров церковно-певческого искусства в старообрядческой книжно-рукописной традиции Урала. В разделе «Политология и социология» представлены статьи Н. В. Бредихиной, Н. А. Трегубова и В. Е. Хвощева в которых рассмотрены проблемы социологического изучения состояния здоровья, философских, теологических и религиозных оснований бытия, а также роль трансцендентных факторов политической системы. Участники раздела «Философия» обратились к проблеме онтологического доказательства бытия Бога (Л. М. Григорьева) и проанализировали влияние социальных концепций античности и Гегеля на формирование социально-философской позиции либерального консерватизма (Е. В. Миронов).

Исторические науки

УДК 282/288
ББК 86.375

РОССИЙСКИЕ «ИНОРОДЦЫ» В XVIII ВЕКЕ И ЗАПАДНО-ХРИСТИАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ

А. Н. Андреев

RUSSIAN "NON-RUSSIANS" IN 18 CENTURY AND WEST CHRISTIANITY INFLUENCE

A. N. Andreev

В статье рассматриваются главные особенности восприятия римского католицизма и протестантизма языческими и неправославными народами России в XVIII в. Автор анализирует возможности влияния западно-христианских вероисповеданий на духовную жизнь некоторых коренных народов Поволжья, Урала, Сибири и Северного Кавказа.

Ключевые слова: неправославные коренные народы России, языческие народы, католицизм, протестантизм, западно-христианские церкви в России XVIII в.

The article deals with main features of perception of Roman Catholicism and Protestantism by the heathenry and non-Orthodox nations living in Russia in 18 century. The author analyzes the possibilities of influence of the West Christianity religions on spiritual life of some indigenous groups of Volga region, Ural, Siberia and North Caucasus.

Keywords: non-Orthodox nations living in Russia, heathenry, Catholicism, Protestantism, West Christian churches in 18 century Russia.

Для Русской православной церкви, на протяжении многих столетий стремившейся организовать не только внешнюю, но и внутреннюю миссию, языческое и мусульманское население России всегда выступало объектом интенсивной христианизации. Однако в период социокультурного сближения России с Западом нерусские, неправославные народы с миссионерской точки зрения стали вызывать большой интерес и у европейских проповедников. Пропаганда католицизма и протестантизма среди неправославного населения, не имевшего закрепленного в традициях антагонизма к европейским вероисповеданиям, могла быть гораздо более успешной, чем среди православных россиян. Например, отсутствие предубеждения против западных христиан (в данном случае католиков) у татар, башкир и удмуртов (вотяков) демонстрируется их приветливостью и добротой, проявленной к польским пленным-конфедератам в процессе их следования из Казани в Кунгур¹. В то же время со стороны русских жителей Предуралья и Урала конфедераты, как правило, не встречали поддержки или сочувствия². Еще в начале XVIII в. иезуиты писали о мордве и о расположении ее к католическим священникам: «По дороге были у нас также разговоры с мордвинами идолопоклонниками. И этот народ, по-видимому, расположен был бы войти в царство Божие по своей простой и довольно нравственной жизни, если бы этому не препятствовали управляющие им»³.

Препятствия к прозелитизму, о которых говорится в иезуитском донесении, действительно существовали, однако позиция российских властей относительно католического или протестантского миссионерства среди нехристианских подданных оказывалась двойственной, оставляя реальную возможность для проповеднической деятельности не только со стороны Русской православной церкви, но и западно-христианских церквей.

В XVII столетии переходы из одного неправославного вероисповедания в другое могли совершаться совершенно беспрепятственно: лютеранство часто принимали турки, татары, евреи и даже поляки-католики, проживавшие в Немецкой слободе Москвы⁴. Запрет на венчания православных с иноверцами, существовавший в допетровской Руси, затруднял вступление католиков и протестантов в брак с русскими женщинами, однако иностранцам предоставлялась возможность найти себе пару среди мусульманок. По этой причине у российских «немцев» в качестве невест и наложниц особенно ценились обращенные в протестантизм татарки⁵. Приобретая крепостных татарок и турчанок, «немецкие господа» так же имели обычай отправлять их к своим пасторам на исповедь⁶. Учитель лютеранской школы в Москве Рингубер в 1660-е гг. рапортовал покровительствовавшему российским протестантам саксонскому герцогу Эрнсту Благочестивому: «Иногда немецкими господами посылаются для святого крещения татарские или

калмыцкие дети, приведенные офицерами в Москву в качестве пленников; таких я знаю пять или шесть. Немецкие господа посылают в школу также разного рода рабов»⁷.

В Петровскую эпоху практика обращений нерусских людей в западно-христианские вероисповедания по-прежнему оставалась весьма распространенной. Возможности неправославного миссионерства в начале XVIII столетия даже расширились: иезуиты, которые получили негласное разрешение обращать в христианство язычников, мусульман и евреев, подчеркивали, что перед ними теперь открылось огромное поле для деятельности⁸. Однако в связи с высылкой иезуитов из России уже в 1719 г. Петр Великий издал указ, запрещающий иноверцам склоняться в свою религию российских подданных⁹. В дальнейшем аннинским манифестом 22 февраля 1735 г. лютеранам, реформатам и католикам было строго запрещено «превращать в свой закон» любых подданных Российской империи, «какого б народа и звания оные ни были»¹⁰. В 1746 г. Елизавета Петровна повторила запрет в более конкретной форме, возбранив всем неправославным обращать в свою веру не только русских (т. е. православных) подданных, но также и магометан и язычников¹¹. В. Н. Татищев в своем знаменитом «Лексиконе», перечисляя различные группы иноверцев, проживавших в империи, отмечал, что «всем им в России под смертию в свой закон не токмо россиян, но и иноверных превращать запрещено»¹².

В царствование Екатерины Великой несколько изменился взгляд правительства на проблему западно-христианского влияния среди неправославных народов («инородцев», по терминологии того времени). В манифесте «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают» 22 июля 1763 г. Екатерина II разрешила католикам и протестантам вести проповедь своих учений среди мусульман, проживавших на окраинах государства. Поскольку юго-восточные границы России оставались диффузными, то разрешение касалось как зарубежных, так и российских мусульман, сосредоточенных в приграничной полосе. Закон гласил: «разного звания находящихся в магометанском законе, прилежащих к границам нашей империи народов, не только благопристойным образом склонять можно в христианские законы, но и всякому крепостными себе учинить позволяем»¹³. Правда, данное разрешение касалось только европейских колонистов, выступая средством их привлечения на жительство в Россию. Большая часть колоний разместилась в Поволжье, где калмыки и казахи («киргиз-кайсаки») продолжали совершать набеги на русские и «инородческие» деревни и села. Таким образом, правительство Екатерины II, допуская миссию европейцам, надеялось превратить ее в средство замирения кочевых племен. Реальные шансы на успех проповеди среди кочевников были невелики: колонисты сами нередко становились объектом нападений. В 1770-е гг. саратовские колонии по обеим сторонам Волги неоднократно подвергались разграблению. Например, 15 августа 1774 г., в праздник Успения Пресвятой Богородицы, на католическую колонию Тонкошнуровку

совершили нападение «киргиз-кайсаки», которые, вытаскив молящихся из церкви, многих перебили, а остальных увели в рабство¹⁴. 28 августа того же года казахи еще раз вторглись в Тонкошнуровку, увели до двухсот человек женщин и детей, а вместе с ними и католического патера¹⁵. К тому же местные народы далеко не всегда с пониманием относились к христианской проповеди, без энтузиазма встречая ксендзов и пасторов. Так, моравские братья сразу же по переселении в Россию и основании колонии Сарепта активно, но безуспешно пытались проповедовать свою веру среди калмыков; многие из моравских миссионеров даже кочевали с калмыками по несколько лет, обучаясь их языку и языками «заблуждения» ламаизма, однако, по свидетельству графа А. В. Салтыкова, посетившего Сарепту в 1797 г., так и не сумели добиться обращений¹⁶.

В стремлении превратить кочевые народы в законопослушных подданных-христиан российские власти возлагали определенные надежды и на монахов Ордена Иисуса, в последней трети XVIII в. de facto ставших политическими агентами российского самодержавия. Существуют данные о том, что Г. А. Потемкин и правительство Екатерины II предполагали использовать иезуитов для христианизации Крыма и Кубани и намеревались разрешить им миссионерскую деятельность¹⁷. С этой целью было введено преподавание татарского, адыгейского и некоторых других языков в полоцком новициате и ряде белорусских коллегий. Однако юридическое разрешение заниматься католическим миссионерством среди неправославных «инородцев» так и не последовало. Об этом можно судить по воспоминаниям Г. Р. Державина, занявшего в 1802 г. пост министра юстиции и вошедшего в состав Непременного совета. В совете среди прочих вопросов обсуждалась проблема иезуитской миссии среди магометанских и «идолопоклоннических» народов, обитавших в Астраханской, Оренбургской и сибирских губерниях. С предложением позволить иезуитам распространять свою веру выступил министр внутренних дел В. П. Кочубей (следовательно, к тому времени правом миссии иезуиты еще не обладали). Предложение Кочубея вызвало критику Державина, министра коммерции Румянцева и др. сановников, почему оно и не было принято к производству¹⁸. Тем не менее, через несколько лет правительство все же даровало право на миссионерскую деятельность: иезуитам — среди народов Поволжья (до их высылки в 1815 г.)¹⁹, гернгутерам — среди калмыков, англиканам — среди тунгусов²⁰. При этом гернгутеры преследовали не только прозелитические, но и коммерческие интересы, поскольку выгодно торговали с калмыками²¹.

Попытки западно-христианского прозелитизма неоднократно предпринимались и до официального дозволения католической и протестантской миссионерской работы (т. е. до начала XIX в. — например, уже упоминавшимися сарептскими гернгутерами), причем прозелитические усилия прилагались не только духовными лицами, но и мирянами. В 1709 г. лейб-медик крымского хана Ферран писал о горячем желании обратиться в католичество черкесского хана, его семейство, а вместе с ними и всех

черкесов, для чего предполагал воспользоваться помощью миссионера из Бахчисарая²². Сосланный в Тобольск в 1711 г. пленный шведский капитан Курт фон Вреех в переписке с виднейшим идеологом пиетизма пастором Франке из Галле настаивал на необходимости обращения в христианство хантов (остяков) и других язычников²³. Взаимопонимание и взаимопомощь и, как следствие, духовное сближение могли в действительности наблюдаться между лютеранами и хантами с манси: один пленный шведский обер-лейтенант, сосланный в Восточную Сибирь, по отзывам современников, «приобрел такую любовь туземцев, что они снабжали его всем, что только ему нужно, и во всех делах своей земли спрашивали его совета»²⁴. В то же время пленные лютеране при православизации язычников в ряде случаев признавали за православным крещением силу христианского таинства, тем самым проявляя терпимость и уважение к православной традиции²⁵.

В отдельных регионах России практика обращений неправославных подданных в западно-христианские вероисповедания оказывалась вполне традиционной и весьма устойчивой. К таким регионам следует отнести Астрахань и Новороссию (после присоединения Крыма к России) — регионы, где особенное влияние приобрел римский католицизм. В Астраханской губернии, в связи с исторически сложившейся конкуренцией различных вероисповеданий (православия, католичества, армянского монофизитства, ислама и др.) возможностей для влияния католической церкви на неправославных жителей империи было намного больше, чем в целом по России. К тому же во владениях Оттоманской Порты и среди ее вассалов (в Крыму, государствах Северного Кавказа и Закавказья) Римско-католическая церковь в XVIII в. сумела наладить успешную миссионерскую деятельность, что не могло не отразиться на развитии межконфессиональных отношений в приграничных российских областях. Так, приезжавшие в Астрахань римские священники являлись профессиональными миссионерами, совершавшими десятки и сотни «сворачиваний» армян и мусульман в Персии, Армении и северо-кавказских землях²⁶. Среди таких миссионеров (особенно среди капуцинов и иезуитов) были фанатичные священники, нередко пренебрегавшие опасностью для жизни: за тайное крещение мусульманина в Персии, например, полагалось битье по пятам до смерти. Такой кары по счастливой случайности сумел избежать один капуцин (вероятно, патер Антоний Мария д'Амелиа Луалда), лечивший и при этом крестивший персидских детей, а в дальнейшем обустроивший миссию в Астрахани²⁷. Прозелитическая целевая установка конгрегации пропаганды веры сохранялась такими священниками и в России, что обуславливало их конфликты с местной духовной властью. Но поскольку одним из важнейших объектов миссионерской деятельности на Северном Кавказе, в Закавказье и Астрахани выступали армяне, со временем становившиеся членами многонациональных католических приходо-²⁸, столкновения католических миссионеров нередко происходили не только с православным, но и армянским духовенством. «Борьба за паству»

латинских и армянских священников особенно ярко проявилась в церковной жизни астраханских обывателей в середине XVIII в.

В 1751—1756 гг. разгорелся конфликт астраханских капуцинов Франциска Марии и Сотера с армянским владыкою Стефаном. Капуцины обвинили Стефана в «отторжении» некоторых католиков от римской церкви и приведении их в армянскую веру. В частности, в донесении капуцинов упоминалось, что «из римского закона была выдана девка Елизавета Айвазова за армянского попа» и обращена в армянскую веру, а также дети астраханского католика мещанина Бабежанова вопреки желанию родителей-католиков были крещены Стефаном²⁹. Армянский архиерей, напротив, обвинял капуцинов в систематическом «сворачивании» армян³⁰. Любопытно, что первоначально российские власти в данном конфликте приняли сторону католиков: указ Елизаветы Петровны из Святейшего Синода в коллегиям иностранных дел от 30 марта 1756 г. не только повелел «армянскому архиерею Стефану, дабы он впредь римского закона людям в свой армянский закон насильного превращения ни под каким видом не чинил», но и дозволил католический прозелитизм в Астрахани среди неправославных, не состоявших в российском подданстве: «А когда-де они, патеры, из армянского, персидского, турецкого, арапского и прочих законов будущих по случаям в Астрахани не подданных Ея Императорского Величества в свой римский закон по их добровольному желанию окрестят, о том оному архиерею в судебных местах извещать на них запретить»³¹. Капуцины объявили, что никого из армянской веры в Астрахани или в Кизляре не обращали, а те армяне-католики, которые в недавнее время стали их прихожанами, были крещены в католичество патерами не в России, а в различных персидских городах, Тифлисе и Исфагани³². Часть армян-неофитов подтвердила данный факт, однако в дальнейшем выяснилось, что Мария и Сотер все же занимались прозелитизмом среди российских армян, а также среди представителей других национальностей, являвшихся российскими подданными³³. Неоднократно в делах, касающихся астраханской миссии, упоминаются «сворачиванные» в католичество армяне, чеченцы, татары и православные грузины³⁴. Армянский архиепископ Стефан в 1755 г. доносил Синоду о том, что капуцины «многих находящихся здесь в Астрахани и Кизлярской крепости армян в противность указов от армянской веры отторгли и в свое папешество превратили»³⁵. Многие армяне-католики являлись астраханскими мещанами и дворовыми слугами местного дворянства, причем их количество в середине века достигало нескольких сотен человек³⁶. Каждый год к ним присоединялись и другие армяне. Только в 1756 г. в реестре вероотступников значилось одиннадцать человек армян, принявших католичество³⁷. Некоторые из них объявили, что были крещены ксендзами за границей: Богдасар Сафаров в Гиляне, Афстандил Естатов в Тифлисе, другие в Исфагани, однако подтвердить свои показания ничем не смогли³⁸. Все допрашиваемые добровольно стали католиками, они демонстрировали приверженность к католической вере, а потому могли оправдывать своих духовных

там проповедь среди нерусских подданных, не давало возможности организовать полноценную миссионерскую работу, однако, с другой стороны, позиционируя католичество и протестантство как вероисповедания, имеющие преимущество перед различными формами идолопоклонства и исламом, в какой-то степени оправдывало проповеднические усилия патеров и пасторов. Так или иначе, но планомерная проповедническая работа Римско-католической и протестантских церквей в России XVIII столетия так и не была налажена, несмотря на четкие прозелитические установки духовенства из Европы. Языческие и мусульманские народы остались преимущественно объектом христианизации Русской православной церкви.

Примечания

1. См.: Поляк-конфедерат в Сибири // Русский архив. — 1886. — № 3. — С. 283—285.
2. Там же. — С. 283.
3. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. — СПб.: Сенатская типография, 1904. — С. 182.
4. Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). — М.: Древлехранилище, 2004. — С. 154.
5. Цветаев Д. В. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). — М.: Университетская типография, 1890. — Кн. 1. — С. 410.
6. Там же. — С. 515.
7. Цит. по.: Курило О. В. Лютеране в России XVI—XX вв. — М.: Фонд «Лютеранское наследие», 2002. — С. 43.
8. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 364. Оп. 1. Д. 114. Л. 50.
9. См.: дело по прошению «римского закона папешской веры патеров Франциска Марии и Сотера, коими просят, что обретающемуся в Астрахани армянскому архиерею Стефану впредь кроме своего закона ни из какой веры к себе не принимать» 1756 г.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 37. Д. 90. Л. 9.
10. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 19. Оп. 122. Д. 298. Л. 2 об.
11. Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. — М.: Крутицкое патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 2001. — С. 631.
12. Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской // В. Н. Татищев Избранные произведения. — Л.: Наука, 1979. — С. 298.
13. Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 16. — С. 313. № 11880.
14. Грот, Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта / Я. К. Грот // Труды Я. К. Грога. Из русской истории: Исследования, очерки, критические заметки и материалы. — СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1901. — С. 667.
15. Там же. — С. 668.
16. Записки путешественника в Сарепту (Журнал графа С—ва) // Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Б. Федоровым. — СПб.: Тип. А. Смирдина, 1827. — С. 68—69.
17. Моршкин М. Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. — СПб.: Тип. 2-ого отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1867. — Ч. 1. — С. 219—220.
18. Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Г. Р. Державин Сочинения. — Т. 6. — СПб.: Тип. Академии наук, 1871. — С. 782.
19. См. рукопись Д. В. Цветаева о католической пропаганде и иезуитах: РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 114. Л. 50—51.
20. Доброклонский А. П. Указ. соч. — С. 632.
21. Мертваго Д. Б. Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. — СПб.: Русская симфония, 2006. — С. 227—228.
22. Путешествие из Крыма в Черкессию через земли ногайских татар в 1709 г. доктора Феррана // Русский вестник. — 1842. — Т. 6. — № 4. — Отд. 2. — С. 51.
23. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — С. 73.
24. Там же. — С. 70.
25. Там же. — С. 76, 95.
26. Напр., такими миссионерами являлись капуцин Анджело-Миноре, иезуит Иоанн Гитрециус, капуцин Рудольф и др. См. дело о приезде в Москву из Астрахани капуцина папера Анджело-Миноре со служителем 25 июня 1713 г.: РГАДА. Ф. 152. Оп. 1. (1713 г.). Д. 3. Л. 4; дело о «приезде из Астрахани Ивана Ришарда»: РГАДА. Ф. 152. Оп. 1. (1718 г.). Д. 2. Л. 1—2. Также см. информацию о священниках: А. Н. Андреев Католицизм и общество в России XVIII в. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. — С. 276.
27. Вебер Х.-Ф. Записки Вебера // Русский архив. — 1872. — Вып. 9. — Стб. 1649; ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 37. Д. 90. Л. 23.
28. См.: Лазарова Э. Т. Католичество на Северном Кавказе (XIII — начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. — Владикавказ, 2007. — С. 110.
29. РГИА. Ф. 796. Оп. 37. Д. 90. Л. 1, 18 об.
30. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 10. Оп. 10/1 (1751—1758 гг.). Д. 1. Л. 2—3; ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 37. Д. 90. Л. 1—11.
31. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1751—1758 гг.). Д. 1. Л. 8—8 об.
32. Там же. — Л. 9 об.
33. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1760 г.). Д. 3. Л. 1—1 об.
34. РГИА. Ф. 796. Оп. 37. Д. 90. Л. 79, 90.
35. Там же. — Л. 10.
36. Там же. — Л. 1.
37. Там же. — Л. 10 об.
38. Там же. — Л. 11.
39. Там же. — Л. 79, 90, 115.
40. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1760 г.). Д. 3. Л. 2.
41. РГИА. Ф. 796. Оп. 37. Д. 90. Л. 157.
42. РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 111. Л. 9.
43. Там же. — Л. 19.
44. Там же. — Л. 19 об.
45. Там же. — Л. 20.
46. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 215.
47. РГИА. Ф. 796. Оп. 37. Д. 90. Л. 10 об.
48. ЦГИА СПб. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 8. Л. 101.
49. Там же. — Л. 111.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

АНДРЕЕВ Александр Николаевич, родился в 1980 г., окончил Челябинский государственный университет (2002 г.), кандидат исторических наук (2004 г.), с 2004 г. — старший преподаватель, с 2005 г. — доцент кафедры искусствоведения и культурологии Южно-Уральского государственного университета. Сфера научных интересов: история западно-христианских конфессий в России, история духовной культуры России XVIII в., история Русской православной церкви, методология исторического познания.

ANDREEV Aleksandr Nikolaevich was born in 1980, graduated from Chelyabinsk State University (2002). He is Cand. Sc. (History) from 2004, senior lecturer, from 2005 is an associate professor of the Art History and Culture Studies Department of South Ural State University. Research interests: history of West Christianity confessions in Russia, history of spiritual culture in Russia of 18 century, history of Russian Orthodox Church, methodology of historical knowledge.

В. С. НЕМЧИНОВ¹ — ОРГАНИЗАТОР ЧЕЛЯБИНСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО БЮРО (1919—1922 гг.)

Л. П. Балакина

V. S. NEMCHINOV IS AN ORGANIZER OF CHELYABINSK REGIONAL STATISTICAL OFFICE IN 1919—1922

L. P. Balakina

В статье рассматривается роль В. С. Немчинова в организации работы Челябинского статистического бюро. Выявлена организационная структура статистического бюро. Проанализированы основные направления деятельности статбюро в контексте исторической эпохи. Показана теоретическая деятельность В. С. Немчинова в сфере статистической науки.

Ключевые слова: *региональное статистическое бюро, секция, первоначальные наблюдения, текущая статистика, ударная работа.*

The article deals with Nechinov's role in organization of work of Chelyabinsk Statistical Office. The author explores the organizational structure of the statistical office, analyses the main areas of activities in the context of historical epoch. She demonstrates Nechinov's activity in statistics.

Keywords: *regional Statistical Office, sections, initial observation, current statistics, shock work*

Василий Сергеевич Немчинов родился 2 января 1894 года в селе Грабово Пензенской области. Здесь он получил начальное образование. В 1906 году он поступает в Челябинское реальное училище. Это было обычной практикой для того времени — получать образование вдали от дома. В данном случае выбор был не случаен. Реальное училище было одним из двух средних учебных заведений дореволюционного Челябинска. Оно существовало с 1902 года и давало учащимся общее образование, приспособленное к практическим потребностям и приобретению технических знаний. Обучение было платным, ежегодная плата составляла 40 рублей. Это была значительная сумма, но семья Немчинова была достаточно обеспечена, его отец занимался производством и оптовой продажей зерна. Возможно, это и обусловило дальнейший интерес Немчинова к статистике сельского хозяйства и, в частности, хлебозаготовкам.

В 1913 году, после семи лет учебы по расширенной программе, В. С. Немчинов окончил реальное училище и поступил на экономическое отделение Московского коммерческого института. Обычно учащиеся-реалисты по окончании училища поступали на математические факультеты или шли в высшую техническую школу. Немчинов избрал другой путь. Еще в училище он заинтересовался экономическими науками. Это предопределило его научный интерес в дальнейшем. На первом курсе В. С. Немчинов побывал на лекции известного статистика А. Ф. Фортунатова. Этот человек произвел на девятнадцатилетнего юношу неизгладимое впечатление. Уже на первых курсах В. С. Немчинов увлеченно занимался статистикой.

В связи с начавшейся Первой мировой войной В. С. Немчинов получает возможность проверить на практике полученные им теоретические знания. Во время войны создаются новые управленческие структуры (департаменты). Для работы в них привлекались наиболее способные студенты. Василий Сергеевич был направлен статистиком во Всероссийский земский союз в отдел беженцев. Он не был мобилизован в армию по причине очень слабого зрения.

Профессиональную деятельность В. С. Немчинов начал в г. Челябинске. В 1914 г. В. С. Немчинов работал регистратором в Челябинском уезде в ходе земского экономического обследования, а затем заведующим оценочно-статистического отдела уездного земства и заведующим статистическим бюро Челябинского земельного отдела². Деятельность В. С. Немчинова в 1918—1920 гг. совпала с формированием советской статистики.

Революционные события превратили статистику в важное условие самого существования нового государства. Перед ней были поставлены задачи обеспечить потребности управления страной в целом, отдельными отраслями народного хозяйства и регионами, обеспечить потребности планирования, оценки выполнения планов и напряженности плановых заданий. «Учет и контроль» станут главным лозунгом управления страной. Необходимо было учесть фабрики и заводы, банки, посевные площади, количество скота, наконец, величину сельскохозяйственной разверстки. Частично эти вопросы получили освещение в литературе. Однако, например, в изданиях 1990-х гг. утверждается,

что статистические учреждения царской России не могли быть использованы так как «опирались на полицейско-административный аппарат самодержавия», а земская статистика была раздроблена и ее деятельность не координировалась с работой правительственной статистики³.

В отношении достижений, в том числе научных, предреволюционной статистики, вряд ли это мнение можно признать объективным. Это особенно касается специалистов в сфере статистики, которые и будут работать в 1920-е годы в советских статистических учреждениях. 25 июля 1918 года Декретом Совета Народных Комиссаров «О государственной статистике (Положение)» было оформлено создание в стране единого общегосударственного органа — Центрального статистического управления. Этим декретом, а также утвержденными в сентябре 1918 года «Положением об организации местных статистических учреждений» и «Положением о Совете по делам статистики при Центральном статистическом управлении» были заложены основы советской государственной статистики в РСФСР.

В губерниях и уездных земствах статистические бюро и отделы создавались на базе земских статистических организаций. Статистические органы по существующей традиции не были объединены в одну структуру. В Челябинске работали земельно-учетный отдел при Губземотделе, статистический отдел при Губпродкоме и учебно-статистический при отделе народного образования.

В 1919 году во вновь организуемой Челябинской губернии губревком создал самостоятельное губернское статистическое бюро. С докладом на этом заседании выступил В. С. Немчинов. Губернское статистическое бюро, являясь самостоятельным отделом Революционного комитета, действовало в соответствии с постановлениями Центрального статистического управления. С 1920 года бюро становится отделом губисполкома, а его заведующим назначается В. С. Немчинов⁴. Главной задачей губстатбюро являлась правильная постановка статистического учета. В соответствии с указаниями ЦСУ губстатбюро было разбито на общий отдел и ряд секций.

В 1920 г. ЦСУ запланировало и провело общую перепись населения, сельскохозяйственную перепись и перепись (учет) промышленности. В целях уменьшения организационных трудностей все эти переписи выполнялись совместно, как единый комплекс и особым декретом для их проведения были мобилизованы все статистики. Совнарком от 4 мая 1920 года постановил привлекать «комдезертиров» к работе в принудительном порядке, с заключением их в концентрационный лагерь. В. С. Немчинов выяснил, что в подобном лагере г. Челябинска содержатся 9 статистиков. Среди них были выпускники Петроградского университета, Томского университета, Киевского коммерческого института. В. С. Немчинов обратился в соответствующие инстанции с просьбой мобилизовать их для работы в губстатбюро.

В Губернском статистическом бюро в 1920 г. работало 11 секций. Следует признать, что для эпохи гражданской войны осуществлено это было с про-

фессиональным знанием дела, а по количеству направлений работы и широко. Были созданы секции: демографической статистики, земельная секция (с 1919 г.), сельскохозяйственного хозяйства, текущей сельскохозяйственной статистики (с 1919 г.), текущей промышленной статистики, статистики труда, статистики трудолюбивости, статистики профдвижения, экономической статистики, статистики народного образования, санитарной статистики⁵.

Сложной проблемой оказалась создание сети органов первичного наблюдения и кадров, занимавшихся различными вопросами подготовки и осуществления статистической работы. 24 декабря 1920 г. коллегия губстатбюро приняла решение создать по всей губернии сеть райстатистиков. В 1920—1921 гг. сеть органов первичного наблюдения в уездах состояла из уездных разъездных инструкторов, волостных стагагентов и добровольных корреспондентов. Дефицит средств оплаты труда в 1921 г. привел к упразднению сети районных статистиков (36 человек)⁶.

Для переписи 1920 г. по плану, разработанному В. С. Немчиновым, уже в январе секция Земледельческого хозяйства организовала 20 счетных групп. Демографическая секция готовит новый список населенных мест Куртамышского уезда. Секции промышленной статистики и статистики труда развернули работу по созданию списка промышленных предприятий, а также осуществили единовременный краткий учет занятой в производстве и управлении рабочей силы. Секция текущей сельскохозяйственной статистики закончила формирование сети райстатсчетов и сводку бланков заготовки сева озимых, паров, а также количества скота, произведя предварительное обследование нескольких волостей. Из хозяйственных вопросов отметили организацию общежития для приезжающих из районов и меры по экономии топлива⁷.

Гражданская война, продолжавшаяся на Урале, привнесла в деятельность Челябинского губстатбюро не только элементы мобилизационного труда, но и репрессий. В конце мая 1920 г. молодой руководитель губернского статистического бюро был задержан органами ВЧК. Однако губисполком решительно встал на его защиту и 1 июня 1920 г. Василий Сергеевич вновь приступил к работе⁸. В феврале 1921 г. «в виду объективного военного положения» В. С. Немчинов подписывает приказ о ежедневных дежурствах работников статистического бюро.

В марте 1921 г. в связи с продолжающейся работой по Всероссийской переписи, В. С. Немчинов издает приказ о том, что эта деятельность «является ударной» и запрещает привлекать сотрудников к другим работам. Одновременно в многочисленных губернских управлениях он изыскивает возможности добыть для премирования сотрудников сахар, керосин или табак. Грозное впечатление должны были произвести строки из его приказа о том, что «мануфактура до его приезда для премирования выдана быть не может под страхом предания суду»⁹. В октябре 1921 г. ввиду эпидемии тифа в Челябинской губернии В. С. Немчинов издает приказ о переводе всего коллектива на ударное положение.

Переход к новой экономической политике, проблема сбора продналога и восстановление товарно-денежных отношений объективно требовали дальнейшего расширения статистических работ. Однако этот переход совпал на Урале с голодом, обострением социальных конфликтов и ухудшением материального положения статистиков.

В целом центр тяжести статистических работ постепенно переносился с единовременных обследований (переписей), занимавших основное место в годы гражданской войны на текущую статистику. Но и переписи продолжали занимать видное место.

Программа деятельности секции текущей промышленной статистики предусматривала получение сведений о числе дней работы, численности рабочих, количестве отработанных человеко-дней, выработке изделий в натуре, потреблении и остатках топлива, а по некоторым отраслям и сырья. Секция промышленной статистики и статистики труда в 1922 г. осуществила январское обследование промышленных заведений, по текущей статистике были получены сведения об 130 предприятиях. Также велся учет незанятой рабочей силы при бирже труда.

Активно велась работа и по созданию текущего статистического учета в сельском хозяйстве. Проводился весенний опрос (на основе выборки — доля отбора хозяйств изменялась от 5 % до 10 %) для сбора сведений о населении, численности скота, сельхозинвентаре и посевных площадях; осенний опрос; сбор сведений о состоянии посевов и трав и уборке урожая на 1 и 15-е число каждого месяца; бюджетно-монографическое и динамическое обследование крестьянских хозяйств. Кроме этого секцией текущей сельскохозяйственной статистики через волстатагентов и добровольных корреспондентов были собраны данные о метеорологических условиях, условиях роста и созревания хлебов.

В начале 1922 г. ЦСУ перестал выдавать кредиты на оплату органов первичного наблюдения. В результате этого в 1922 г. количество волстатагентов сократилось с 160 до 22 человек, а добровольных корреспондентов с 388 до 18 человек. В. С. Немчинов и члены коллегии считали, что следует повышать качество работы разъездных инструкторов с волстатистиками. Поэтому члены губстатбюро подробно разъясняли им инструкции, объясняли как заполнять графы бланков и выдавали денежное сдельное вознаграждение.

Летом 1922 г. В. С. Немчинов подготовил большой доклад для Центрального статистического управления. В этом документе он проанализировал широкий круг проблем о землепользовании и землепользователях в Челябинской губернии. Во-первых, он отметил, что многие волисполкомы и сельсоветы не имели сведений даже об общей площади земли, находящейся в распоряжении всего общества; во-вторых, что списки современных землепользователей в Губземуправлении и Уземуправлениях как правило, отсутствуют; в-третьих, земские оценочно-статистические данные утеряны. В. С. Немчинов специально выделил проблему «многоземельного» характера Челябинской губернии. Отчасти он объяснял ситуацию включением в состав Челябинской губернии уездов из 3-х губерний (Оренбургской, Уфимской и Тобольской). В Челябинской губернии по его мнению вне учета находились сотни и даже тысячи десятин земли. В. С. Немчинов пишет, что даже по количеству разверсточных единиц, вследствие смерти хозяев и «выселения многих десятков и сотен хозяйств» этот учет восстановить невозможно. В особенности крупные изменения в структуре хозяйств, по его мнению, произошли в голодные 1921—1922 гг., когда в губернии были заброшены и уничтожены тысячи хозяйств. При этом о «распределении земли на угодья и о количестве угодий вообще» у земорганов, волисполкомов, сельсоветов и населения существуют самые разноречивые и спутанные представления, явившиеся результатом эволюции понятий о земле¹⁰. Осенью 1922 г. В. С. Немчинов был и переведен в Свердловск и назначен уполномоченным ЦСУ на Урале¹¹.

Примечания

1. Немчинов В. С. — действительный член академии наук СССР (1894—1964 гг.)
2. Челябинская энциклопедия. — Челябинск : Каменный пояс, 2001. — С. 568.
3. Плешко Б. Г., Елисеева И. И. История статистики. — М. : Финансы и статистика, 1990. — С. 195.
4. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-83. Оп. 1. Д. Л. 54.
5. ОГАЧО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 3а. Л. 5.
6. ОГАЧО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 192. Л. 99.
7. ОГАЧО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.
8. ОГАЧО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 10. Л. 138.
9. ОГАЧО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 3. Л. 81.
10. ОГАЧО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 186. Л. 87—88.
11. ОГАЧО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 192. Л. 243

Поступила в редакцию 22 мая 2010 г.

БАЛАКИНА Людмила Павловна, в 1980 г. окончила Челябинский пединститут, кандидат исторических наук (1994), доцент кафедры «История» ЮУрГУ. Научные интересы: интеллектуальная история, история Отечественной науки.

BALAKINA Elena Pavlovna graduated from Chelyabinsk Pedagogical University in 1980, Cand.Sc. (History) from 1994, associate professor at the History Department of South Ural State University. Research interests: intelligent history, history of Russian science.

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПИТАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ЗАВОДАХ УРАЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

А. В. Богданов

SOCIAL AND LIVING CONDITIONS AND CATERING OF FOREIGN SPECIALISTS AT URAL PLANTS DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN PERIOD

A. V. Bogdanov

Статья посвящена изучению бытовых условий иностранцев, приехавших на стройки Урала в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). В ней рассмотрены трудности восприятия советской действительности иностранными специалистами. В статье автор дал подробную характеристику проблем возникавших в организации питания для иностранных специалистов, обеспечении благоприятных условий проживания и т. д.

Ключевые слова: Иностранные специалисты, снабжение иностранцев, индустриализация, Торговля с иностранцами, быт иностранцев.

The article deals with research of living conditions of foreigners came to Ural's constructions during the first five-year plan period (1928—1932). The article covers the specialists' difficulties of the Soviet reality perception. The author gives a detailed characteristics of the problems appeared in the sphere of the foreign specialists catering, providing good living conditions and others.

Keywords: foreign specialists, provision of foreigners, industrialization, trade with foreigners, foreigners' way of life.

Социально-бытовые условия — одни из важнейших предпосылок образа жизни людей, развития и проявления их способностей, утверждения гармоничных форм поведения. Быт — это опосредствованно связанная с производством сфера жизни социальных структурных подразделений населения; среди различных бытовых форм и способов доминирующее положение занимают формы и способы повседневного удовлетворения материально-культурных потребностей человека, его воспитания, саморазвития и совершенствования. При этом он тесно связан с определенными сдвигами в социально-экономическом, политическом, духовном развитии общества.

То есть, быт — это сфера жизни людей с установившимся укладом, включающая удовлетворение потребностей человека: жилище, одежду, питание и т. д., а также досуг, то есть времяпрепровождение, не связанное с выполнением функциональных общественных, семейных и других обязанностей индивида, осуществляемое им всецело по своему выбору и усмотрению.

Большое влияние на изменение жизни людей оказывали материально-бытовые условия, важнейшим из которых являлось обеспеченность жильем. В начале 1930-х годов на Магнитогорском комбинате было три основных места проживания иностранцев: «Березка» (первоначально «Американка»), где сначала расселяли инженеров-иностранцев,

но вскоре сделали «анклав» для местной советской элиты; дом (блок) № 7 Социалистического города — там жили несколько сотен иностранных рабочих и техников и барак № 17, построенный на холме за Социалистическим городом. В пятидесяти комнатах этого барака жили сто человек — девяносто восемь немцев и два американца.

Джон Скотт, американский рабочий, проживавший в Магнитогорске в годы первой пятилетки, описывает «Березки» как маленький пригород, где жили «валютные» иностранцы и высокие советские должностные лица. Березки представляли собой замкнутый маленький мирок. Большинство магнитогорских рабочих понятия не имели, кто там живет и как.

Березки, или «Американский город», по описаниям Скотта, состоял приблизительно из ста пятидесяти домов, расположенных между двумя холмами милях в пяти от комбината. Эти дома были хорошо построены, в большинстве из них были каменные стены и металлические крыши, и во всех домах — водопровод и центральное отопление.

Там жили триста или четыреста немецких и американских специалистов, которые получали зарплату золотом и работали либо непосредственно на Советское правительство, либо на иностранную фирму, чье оборудование они устанавливали. Правительство старалось сделать все так, чтобы создать для этих специалистов условия, близкие к тем, к которым они привыкли у себя на родине.

Например, американский инженер Бендт, посланный от фирмы в Магнитогорск, рассказал, что жил с коллегами в «оазисе западного комфорта» — в домах на 4—7 комнат с централизованным отоплением, горячей и холодной водой, электричеством и другими привычными ему удобствами. В «американском поселке» Магнитогорского комбината, по его словам, имелся даже тир и теннисный корт. Не было серьезных нареканий, связанных с условиями проживания, и от американцев СТЗ.

Джон Скотт подробно описывает жизнь, которую вели люди в Березках. Он говорит, что она была весьма разнообразна и в большинстве случаев приближалась к западноевропейским стандартам. Очень немногие из этих иностранных специалистов приехали сюда со своими семьями. У всех были двух и трехкомнатные квартиры, и в целом они жили очень хорошо, хотя и страдали от холодов и отсутствия свежих фруктов и овощей¹.

Однако в «Березках» жили в основном специалисты, приехавшие по договорам. Еще до приезда расходы на них производились в соответствии с их будущей должностью, а также с учетом их социального статуса и положения в родной стране. Разница в расходах на рабочего и инженера, предусматривающая создание разных условий жизни в СССР, закладывалась изначально.

Индустриальные специалисты, приехавшие по договорам, составляли особую подгруппу «А» (остальные рабочие — подгруппу «Б»). Таким образом, индустриальные рабочие особого и первого списка снабжались лучше всего. Хуже снабжались служащие второго списка и т. д.² Они проживали в Социалистическом городе и бараке № 17, обслуживание которых было на порядок ниже, чем в «Березках». Было отмечено много случаев когда иностранцев размещали в проходных комнатах³.

В советской литературе утверждалось о том, что первые годы индустриализации самые трудные и уже к середине тридцатых годов проблема с жилплощадью и условиями жилья решена. Однако, судя по документам дело, обстояло иначе: если в 1928 году на 1 человека приходилось 4,4 кв. м, то в 1933 году при росте населения больше чем в 3 раза, на человека приходилось только 2,2⁴.

Как отмечают современные исследователи значительной проблемой в годы первых пятилеток являлась нехватка финансов. Даже объекты, названные всесоюзными ударными стройками, испытывали недостаточность финансирования. В стране, на Урале и особенно на новостройках, в 1930-е гг. не хватало продуктов питания, одежды, обуви, жилья.

Численность жителей городов и заводских поселков Урала увеличилась в 2 раза за эти годы, но строительство жилья шло очень медленно и поэтому даже в конце 1930-х гг. большинство людей жили в бараках. Многие уральские города не имели водопровода, канализации, хороших дорог, транспортных магистралей, тротуаров для пешеходов. Как правило, благоустройство городов и поселков правительство возлагало на местные предприятия и самих жителей.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов радикальные архитекторы предпочитали коммуналь-

ные квартиры, по идеологическим соображениям и строили новое жилье для рабочих с общими кухнями и ванными. В Магнитогорске, например, первые капитальные жилые дома были построены по проекту, который не только заставлял семьи пользоваться общими ванными и уборными, но еще и первоначально не предусматривал кухонь — поскольку предполагалось, что все будут питаться в общественных столовых.

В уральских индустриальных городах характерной приметой жилищной ситуации — и вообще городского коммунального хозяйства — было то, что жилье и прочие коммунальные услуги предоставлялись предприятиями, а не местными советами, как было принято в других местах.

Таким образом, неотъемлемой чертой жизни становились «ведомственные городки», где завод не только давал работу, но и контролировал жилищные условия. В Магнитогорске 82 % жилплощади принадлежало главному промышленному объекту города — Магнитогорскому металлургическому комбинату⁵. В Магнитогорске в 1938 года бараки составляли только 47 % имевшегося жилья, однако к этому следует прибавить 18 % землянок, крытых дерном, соломой и обрезками металла, построенных самими жильцами.

Одноэтажные бараки, состоявшие из больших комнат с рядами железных коек или поделенные на маленькие комнатки, как правило, служили жильем для холостых рабочих и новых промышленных городах и представляли обычную картину на окраинах старых; женатым рабочим с семьями приходилось жить в них, несмотря на отсутствие уединения.

Джон Скотт в своих воспоминаниях описывает сравнительно приличный барак в Магнитогорске, где проживали иностранные специалисты: низкое деревянное беленое здание, двойные стены проложены соломой. Крыша, крытая землей, по весне протекала. В бараке было тридцать комнат. В каждой жильцы установили маленькую кирпичную или железную печку, так что, пока были дрова или уголь, комнаты можно было отапливать. Коридор с низким потолком освещался одной маленькой электрической лампочкой.

В комнате на двух человек, размером шесть на десять футов имелось одно маленькое окошко, которое заклеивали газетами, чтобы не дуло. Там стояли небольшой стол, маленькая кирпичная печка и трехногий табурет. Две железные койки были узкими и шаткими. На них не было пружинной сетки, только толстые доски лежали на железном каркасе. В бараках не было ванн, водопровода, а часто не было света или дров, чтобы отапливать комнаты⁶.

Об этом же свидетельствует докладная записка администрации Челябинского тракторного завода, в которой говорится о том, что в домах, где живут иностранцы, лестницы не освещены, наблюдаются частые случаи погасания света, в то время как в других домах горит. Частые жалобы поступают на отсутствие шкафов и стульев. С мая 1933 года стоимость эксплуатации мебели завода значительно повысилась⁷.

Необходимо отметить то, что жалобы на отсутствие света наиболее часто встречаются в документах. В докладной записке товарищу Рыдину мастер цеха ММК Розен заявляет, что иностранцы опаздывают на работу, что в свою очередь связано с плохим бытовым обслуживанием. Из-за отсутствия света в квартирах приходилось изобретать — изготавливать лампы из консервных банок⁸.

Более того, как уже упоминалось выше минимальный материальный «порог», которым вынужден был довольствоваться русский рабочий, оказывался абсолютно неприемлемым для иностранца, привыкшего на родине к иному уровню зарплаты, питанию и вообще качеству жизни. При этом партийность, революционный стаж, пролетарское происхождение и прочие формально—анкетные признаки, столь привычные и важные в советском обществе или в среде политэмигрантов, внутри иностранной колонии имели значительно меньшее значение, а в определенных условиях вообще переставали «работать»⁹.

Требования санитарно гигиенических норм на производстве также повлияли на быт иностранцев. Жизненный уровень трудящихся значительно снизился, упала рождаемость. Многие уральские города не имели водопровода, канализации, хороших дорог, транспортных магистралей, тротуаров для пешеходов. Как правило, благоустройство городов и поселков правительство возлагало на местные предприятия и самих жителей.

Квартплата обычно зависела от жалованья и составляла приблизительно от двух до десяти рублей в месяц за каждый квадратный метр жилой площади. Мебель в квартирах, как и сами дома, изначально принадлежала заводу. Квартиросъемщик платил за использование мебели пять процентов ее оценочной стоимости в год. По мере того как она приходила в негодность и исчезала, замена мебели обычно производилась самим жильцом, поэтому постепенно рабочий обзаводился все большим количеством собственной мебели, обычно деревянной и очень простой.

Однако, за исключением новых промышленных городов, подобных Магнитогорску, большинство коммуналок 1930-х годов были не построены, а переделаны из старых отдельных квартир, и такая переделка в основном объяснялась нехваткой жилья.

В коммунальных квартирах периодически проводились проверки комиссии, осматривавшие помещения, оценивавшие их санитарное состояние и делавшие замечания дежурным жильцам (в обязательном порядке были введены дежурства по уборке) по исправлению выявленных недостатков. Предпринимались и попытки организовать соревнования за «коммуналку» образцового содержания¹⁰.

Что касается организации общественного питания для иностранных специалистов, то дифференциация в рамках системы общепита в той или иной форме существовала повсюду, а в крупных учреждениях иерархия (признаками которой служили количество и качество еды, а также само помещение столовой) была довольно сложной. Необходимо отметить, что первоначально отдельной столовой

для иностранцев не было, были лишь специальные столы для инженерного состава. На некоторых заводах в придачу к столовой для рядовых рабочих и служащих имелась еще одна столовая для главной администрации, другая — для среднего звена и третья — для ударников.

В документах отмечается, что рабочее снабжение и общественное питание — один из худших участков. «Настолько был плохо поставлен учет, что точно никто не знает количества лиц, состоящих на питании. Очень плохо обстояло дело с обедами, столовых не хватало, готовили обеды плохо. Когда стали вводить столовые для ударников, то опять ежедневно остается без обедов 100 человек как минимум, а то и 200—300 человек. Безобразное отношение в части выпечки хлеба. Хлебный завод не обеспечивал потребности, надо строить новый»¹¹.

Часто указывается на недостатки в организации питания и снабжения — в магазине ограничен ассортимент и преимущественно дорогостоящим. Проверяющие комиссии часто указывали на отсутствие зелени и овощей¹². В документах отмечаются случаи, что в столовых обеды готовятся из протухшего мяса — имелись даже случаи отравления. При столовых часто имелась жалобная книга, но в нее никто не заглядывал, так как она на иностранном языке и часто рабочие жаловались на большие очереди¹³.

О разнице в снабжении иностранцев по всему СССР, а также о их реакции на снижение норм можно составить представление из сводки Наркомтруда от 20 октября 1932 года представленной Е. А. Осокиной. Недовольство организацией питания было зафиксировано повсеместно — в Донбассе, Сибири, Поволжье, на Урале.

Например, с Бобриковского химкомбината, шахт Донбасса, Нижегородского автозавода, из Рыбинска сообщали о массовых случаях выдачи испорченных продуктов, в связи, с чем среди иностранцев распространилось мнение о намеренном вредительстве. На некоторых шахтах Донбасса иностранцам в течение 3-х месяцев не выдавали положенное по норме мясо и фрукты, на других — летом 1932 года мясо было только 2—3 раза в месяц.

На Уралвагонстрое к дефициту продовольствия и промтоваров добавилось то, что Инснаб располагался в городе, в 13 км от заводской площадки. Чтобы отовариться, некоторые иностранцы вынуждены были раз в неделю отпрашиваться с работы или совершать прогулы. В 1932 году в местный Инснаб вообще не завозили теплую одежду и детскую обувь, в результате чего дети нескольких иностранцев с наступлением осени не смогли посещать школу¹⁴.

Для иностранцев существовал «особый» магазин — Инснаб, отделение которого находилось в Березках. Инснаб имел в продаже большое количество всех необходимых продуктов: мясо, масло, яйца, молоко, мука, хлеб, рыба, консервы, кондитерские изделия, а также много одежды.

Но, как отмечает Джон Скотт, продукты были весьма плохого качества. Однако цены были гораздо ниже (иногда они составляли одну десятую) тех цен, по которым советские рабочие покупали подобные товары в своих магазинах.

Были также отмечены случаи, когда русские девушки имели личные связи с иностранцами ради тех льгот, которые они получали. Показательным в этом случае является письмо специального корреспондента, в котором говорится, что в середине июня 1934 года (женатый) Ганс Ренс соблазнил пятнадцатилетнюю девушку, обещав ей вещи из Инснаба.

Таких случаев было не мало. Тот же корреспондент сообщал, что сорокалетний Франц Рухка стал пьянствовать. Он живет с двадцатилетней русской девушкой — Шурой Степановой, которую он терроризирует и бьет. Как она сама объясняет, ее удерживает только инснабовская книжка. Она ненавидит его, но использует его привилегии¹⁵.

Официально, никакие советские специалисты не были прикреплены к Инснабу, однако в действительности директор комбината и его заместители, а также секретарь городского партийного комитета, начальник ГПУ были в списке обслуживающихся в Инснабе вместе с иностранцами. Число советских граждан, прикрепленных к этому магазину, постоянно увеличивалось до 1935 года, когда все магазины с ограниченным доступом были ликвидированы, и специальное обслуживание иностранцев прекратилось¹⁶. Имели место и многочисленные случаи продаж и обмена Торгсиновских книжек.

Таким образом, для многих иностранцев разочарование в советской модели социализма, воспринимаемой не в теории, а на основе советской повседневности и собственного жизненного опыта, вело не только к крушению иллюзий, но и объективно толкало к поиску альтернативы в рамках их сформировавшегося социалистического мировосприятия.

В большинстве случаев власти СССР физически не могли предоставить иностранцам сравнимые с западными, и особенно — американскими стандартами условия проживания. Несмотря на существовавшие льготы в оплате жилья и повышенное коммунальное обслуживание¹⁷. Документы свидетельствуют о том, что большинство иностранцев остались недовольными жилищными условиями.

Попадая в материально бедное общество, приходилось жить по его возможностям. Острый продовольственный и товарный кризис определял не только положение советских граждан, но и иностранцев, живших в СССР. Бесспорно, что центральное и местное руководство пытались создать для иностранных специалистов и рабочих наилучшие условия.

Практически на любом предприятии в бытовом плане иностранные специалисты обеспечивались лучше своих советских коллег. Среди иностранцев, работавших на одном и том же предприятии, инженеры и техники получали преимущества перед рабочими. Однако это была все та же иерархия в бедности.

Примечания

1. Скотт Дж. За Уралом: американский рабочий в русском городе стали. — М. : Изд-во МГУ; Свердловск : Изд-во УрГУ, 1991. — 304 с.
2. Из доклада Мелкова на заседании Президиума областной контрольной комиссии ВКП(б) о результатах работы магнитогорской РКК—РКИ 22 октября 1930 г. // Челябинская область 1917—1945 гг. — Челябинск, 1998. — С. 162.
3. ОГАЧО. Ф. 792. Оп. 4. Д. 144. С. 46.
4. Рост жилой площади и населения городов Урала (1928—1937 гг.) // Урал. 20 век. — Екатеринбург, 1997. — С. 234.
5. ОГАЧО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 203. Л. 16.
6. Скотт Дж. Указ. соч. С. 216.
7. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 113. Л. 5.
8. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 113. Л. 20.
9. Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанового завода в советском обществе 1920—1930-х гг. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 352 с.
10. ОГАЧО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 147. Л. 21.
11. Из доклада Мелкова... С. 162.
12. ОГАЧО. Ф. 397. — Оп. 1. Д. 1. С. 15.
13. ОГАЧО. Ф. 288. — Оп. 1. Д. 113. Л. 5.
14. Журавлев С. В. Указ. соч. — С. 221.
15. ОГАЧО. — Ф. 288. — Оп. 1. Д. 113. Л. 4.
16. Скотт Дж. Указ. соч. — С. 104.
17. ОГАЧО. Ф. 792. Оп. 4. Д. 144. С. 46.

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

БОГДАНОВ Алексей Вячеславович, родился в 1980 г., окончил Южно-Уральский государственный университет в 2007 году. Ассистент кафедры «История», аспирант очной формы обучения Южно-Уральского Государственного Университета, г. Челябинск. Область научных интересов — история России первой половины XX века, быт и повседневность рабочих Урала в первой половине XX века.

BOGDANOV Aleksey Vyacheslavovich was born in 1980, in 2007 he graduated from South Ural State University. Now he is an assistant lecturer at the History Department, full-time post graduate student of South Ural State University, Chelyabinsk. Research interests: Russian history of the first half of the 20 century, household and every day life of the Ural workers in the first half of the 20 century.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВКУСЫ АНГЛИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII СТОЛЕТИЯ

И. П. Брекоткина

VIRTU OF ENGLISH ARISTOCRACY IN THE FIRST HALF OF 17 CENTURY

I. P. Brekotkina

Английские короли, Яков I и Карл I Стюарты, тратили огромные средства на постановку придворных празднеств, приобретение живописных произведений венецианской школы и покровительство иностранным художникам. Они стремились подражать великолепию придворной жизни испанского и французского монархов. Политика Стюартов в сфере художественной культуры повлияла на возникновение у английской элиты интереса к итальянскому искусству эпохи Ренессанса.

Ключевые слова: *аристократия, художественный патронаж, политическая пропаганда, придворная культура, итальянское искусство, придворный спектакль, живопись.*

English Kings James I Stuart and Charles I Stuart spent much money on the court celebrations, purchase of Venetian school's work of arts and patronage of foreign artists. They aspire to imitate the splendour of Spanish and French court life. The Stuart policy in the sphere of artistic culture influenced the emergence of an interest among English aristocracy in Italian Renaissance Art.

Keywords: *aristocracy, artistic patronage, political propaganda, court culture, Italian art, court performance, painting.*

В 1603 году на английский престол взошел Яков Стюарт. Новый король начал активно использовать художественную культуру в политических целях. При дворе Якова I изобразительное искусство служило целям политической пропаганды, направленной на возвеличивание персоны монарха и репрезентацию силы и могущества английского государства. Яков I, не особо интересовавшийся живописью и скульптурой, тем не менее, занимался художественным патронажем и коллекционированием, что также имело политическую подоплеку. Английский монарх стремился придать больший блеск придворной жизни в Британии, дабы она соответствовала высокому культурному уровню европейских дворов, при которых меценатство и создание художественных собраний считались общепринятыми занятиями государя. Яков I осознавал, что политический престиж государства среди европейских держав во многом зависит от размаха и высокой стоимости художественных проектов, осуществляемых правителем. В отличие от экономной Елизаветы Яков I увеличил расходы на строительство королевских резиденций, проведение придворных масок и в целом на сферу изобразительного искусства¹. Финансовые вложения Короны в область художественной культуры, безусловно, стали серьезной предпосылкой для развития изобразительного искусства Англии в первой половине XVII века. Так, в 1619 году по инициативе Якова I была основана королевская мануфактура в Мортлейке по производству шпалер², а в 1623 году

король приобрел для нее серию знаменитых картин Рафаэля.

При Якове I произошло объединение Англии и Шотландии в единое государство. Объединенная страна получила название «Британия», именно так назывался остров во времена древнего Рима³. Новое название государства вызывало аллюзии с могущественной Римской империей и стало использоваться в целях репрезентации политического могущества английского Королевства. Реальной основой для утверждения имиджа Британии как могущественной империи стали многочисленные английские колонии в Новом свете. Имперская тема, возникшая в области политической идеологии Стюартов, предполагала обращение к античным реминисценциям в сфере изобразительного искусства. Ярким воплощением этой идеологии стало здание Банкетингхауза, построенное в 1619 году королевским архитектором Иниго Джонсом. Банкетингхауз, предназначенный для проведения дипломатических встреч, судебных разбирательств и придворных спектаклей, являлся архитектурной метафорой политической активности монарха⁴. Джонс спроектировал здание Банкетингхауза в виде римской базилики, что, несомненно, порождало имперские ассоциации⁵. Декоративное решение Банкетингхауза было выполнено в палладианском стиле, воспринимавшимся в ту эпоху как художественная реконструкция античной архитектуры.

Другим важным средством прославления власти Стюартов были придворные спектакли — маски,

оформлением которых с 1605 года занимался Иниго Джонс. Ему принадлежит заслуга знакомства английской аристократии с новым видом сценографии, основанной на законах прямой перспективы. Нововведения в устройстве сцены были обусловлены политическими причинами. Кресло короля в зале находилось на оси, проходящей через точку схода всех линий перспективной декорации, а значит, его позиция при восприятии сцены была наилучшей. Таким образом, новая сценография масок подчеркивала превосходство монарха среди его приближенных.

Декорации, выполненные Иниго Джонсом, представляли британским придворным неизвестный им до того тип восприятия пространства и долгое время оставались им непонятными. Хорошо известно письмо от сэра Дадли Карлетона, выражающее недовольство по поводу несуразности новой постановки маски 1605 года⁶. Рой Стронг пишет, что «даже в 1636 году в Оксфорде были люди, неспособные понять перспективное устройство сцены, которое он (Джонс — *И. Б.*) спроектировал для представлений по случаю королевского визита. Изумленный наблюдатель описывал боковые кулисы как нечто похожее на выступающие книжные шкафы в библиотеке»⁷.

Но, тем не менее, сценография королевских масок, в которой использовались перспективные построения, постепенно приучала образованную публику Англии к ренессансному способу видения мира, основанному на концепции антропоцентризма, и формировала у нее интерес к итальянскому искусству. В раннеюэтовский период происходит более близкое знакомство английской аристократии с художественной культурой Италии эпохи Возрождения, что было невозможно в елизаветинскую эпоху из-за существования устойчивой ассоциации итальянского искусства с католической церковью. Одной из причин изменившегося отношения Англии к итальянской художественной культуре стала новая внешняя политика Якова I. Британский король, несмотря на свою приверженность протестантизму, занял более лояльную позицию по отношению к папскому Риму, поскольку католическая церковь признавала его как легитимного правителя. Жена Якова, Анна Датская, в 90-е годы XVI столетия перешла из лютеранства в католичество и, став английской королевой, всячески способствовала политическому сближению Лондона и Рима. Кроме того, одной из причин изменившегося задач британского монарха было заключение англо-испанского matrimonialного союза, который бы позволил Якову I стать ключевой фигурой в европейской политике благодаря своим династическим связям и с католиками, и с протестантами. Идея англо-испанского брака стимулировала осуществление в Англии художественных проектов, ориентированных на эстетические запросы испанской инфанты⁸.

В период правления Якова I среди английской знати появляется небольшой круг любителей искусства, которые начинают коллекционировать художественные произведения, причем наибольшую ценность в их глазах приобретает итальянское искусство эпохи Возрождения. Как правило, британских знатоков искусства привлекали ренессансные

произведения светского характера, предназначенные для социальной элиты. Итальянское искусство конترفормации, адресованное массовому зрителю, не интересовало британских просвещенных дворян⁹.

При дворе Якова I, где был принят обмен подарками между патронами и клиентами, возникает новый вариант подношения в виде произведения искусства. Своим рождением эта традиция была во многом обязана английским дипломатам в Венеции — Генри Уоттону и Дадли Карлетону¹⁰.

В 1611 году Сэр Уолтер Коуп писал Карлетону: «если ты встретишь какое-нибудь старинное произведение живописи по разумной цене, то ты не сможешь отправить что-то более приятное Принцу или моему Лорду Казначей»¹¹. Известно, что и Генри Уоттон преподносил в подарок Принцу Генри и Роберту Карру нидерландскую и итальянскую живопись¹². Восприятие придворными художественного произведения как предмета роскоши и ценного подарка способствовало развитию коллекционной деятельности среди английской знати.

Первое место среди английских любителей искусства стоит отдать Генриху Стюарту, Принцу Уэльскому. Он был первым ребенком королевской четы и мог унаследовать английскую корону, если бы не его ранняя смерть в 18 лет. Принц Генри полностью соответствовал представлениям британцев о совершенном джентльмене: он являлся убежденным протестантом, славился глубиной познаний в различных науках, смело выступал на военных состязаниях и был безупречен в моральном отношении. Его внезапная кончина от тифа была воспринята в Англии как национальная трагедия. Молодой принц, обладая тонким художественным вкусом, проявлял огромный интерес к изобразительному искусству. Он стал первым коллекционером в Британии, начавшим систематически пополнять свое собрание. В его коллекции находились живописные работы Тинторетто и Гольбейна, бронзовые скульптуры Джамболоньи, античные монеты и медали¹³.

Помимо покупки произведений искусства принц Генри выступал как покровитель художников и архитекторов. У него на службе находился миниатюрист Исаак Оливер, который после своей поездки в Италию хорошо освоил все приемы современной континентальной живописи. Генрих Стюарт пригласил ко двору известного инженера-гидравлика Соломона де Коса, по приказу принца занявшегося реконструкцией парков Ричмондского дворца по образцу Виллы д'Эсте. Соломону де Косу принадлежит заслуга создания первой книги о перспективе на английском языке¹⁴. В 1610 году принц Генри назначил Иниго Джонса инспектором по строительным работам в своих владениях.

Принц Уэльский, с одной стороны, являясь патриотом Британии, а с другой, хорошо понимая эстетическую ценность произведений континентальных мастеров, в своей культурной политике пытался найти компромисс между английской культурной традицией и художественными завоеваниями ренессансного искусства. На турнире 1610 года, на котором Генрих Стюарт впервые выступил перед придворными, он представлял рыцаря, способного возродить Госпожу Рыцарство. Эта инсценировка,

прямо обращенная к неокуртуазной идеологии времен Елизаветы, проходила на фоне декорации, где были изображены античные руины, воплощавшие собой Дом Рыцарства¹⁵. В целях культурного альянса между национальной и континентальной культурой неосредневековая мифология елизаветинской поры облекалась в изобразительные формы итальянского Ренессанса.

Одним из близких друзей принца Генри был Томас Ховард, граф Арундел. Он принадлежал к старинному аристократическому роду Ховардов, представители которого зарекомендовали себя при Елизавете как сторонники католической веры, выступающие в оппозиции правящему режиму. Дед Томаса Ховарда, герцог Нюфолк, в 1572 году был казнен за попытку государственного переворота, цель которого заключалась в возведении на престол Марии Стюарт. Отец Томаса Ховарда большую часть жизни провел в тюрьме из-за недоказанного подозрения в государственной измене. Мать графа Арундела стойко держалась католицизма и оказывала поддержку католическим священникам и иезуитам¹⁶.

Томас Ховард был крещен как католик, но в отличие от своих родителей он никогда не проявлял религиозного фанатизма и ярой приверженности к католицизму. Духовность, сопряженная с интеллектуальной деятельностью, привлекала его намного больше, нежели духовность религиозного свойства. Вероятно, поэтому принц Уэльский, славившийся своими строгими протестантскими воззрениями, сблизился с графом Арунделом, потомственным католиком. Двух молодых аристократов объединял не только общий интерес к интеллектуальным досугам, но и увлечение изобразительным искусством. Граф Арундел, также как и принц Генри, занимался коллекционированием живописи. Важную роль в развитии художественного вкуса графа и приобретении им обширных знаний по искусству сыграли его итальянские путешествия. В 1612 году граф Арундел, перенесший в детстве туберкулез, ездил лечиться в Падую, славившуюся своими целительными источниками. В 1613 году он вновь решил посетить Италию, пригласив в качестве компаньона Иниго Джонса. Свой второй визит в Италию Ховард посвятил не столько оздоровительным целям, сколько изучению античного и современного искусства этой страны.

Кроме того, Арундел использовал эту поездку для пополнения своего художественного собрания. Томас Ховард первым из британских коллекционеров начал собирать памятники античной скульптуры. Находясь в Риме, Арундел купил лицензию на проведение раскопок и смог самостоятельно заняться поиском древних статуй, что тоже было необычным делом для британского аристократа¹⁷.

Особой симпатией графа Арундела пользовалось искусство графики, он одним из первых в Британии взялся коллекционировать рисунки старых и современных мастеров. Гордостью графического собрания Арундела были рисунки Дюрера, Гольбейна, Рафаэля, Леонардо, Пармиджанино. Наряду с покупкой графических произведений Томас Ховард приобретал и живопись. Его коллекция живописи

была одной из самых лучших в Европе. В нее входили шедевры Гольбейна, Дюрера, Рафаэля, Джорджоне, Тициана, Тинторетто, Веронезе¹⁸. Собирая свою коллекцию, Арундел руководствовался, прежде всего, соображениями эстетического характера, конфессиональная принадлежность художника, исполнившего картину, его не интересовала.

Помимо коллекционной деятельности граф Арундел занимался художественным патронажем. По его приглашению в 1618 году в Англию приехал работать нидерландский художник Дэниел Митенс, ставший впоследствии придворным портретистом короля Якова I. Благодаря Арунделу состоялся первый приезд Ван Дейка в Лондон в 1620 году.

Во время своей дипломатической поездки в Германию в 1636 году Томас Ховард познакомился с художником-графиком Венцеслаусом Холларом и пригласил его к себе на службу¹⁹.

Томас Ховард, граф Арундел, стал олицетворением совершенно нового для Англии типа аристократа. По складу ума Арундел был космополитом, его эстетические предпочтения, как правило, выходили за рамки религиозной или национальной идеологии Британии. Он в отличие от многих английских аристократов относился к изобразительному искусству не как к средству политической пропаганды, а как к высшему проявлению человеческой духовности. Томас Ховард показал британской знати, что созерцание памятников скульптуры, живописи, графики и архитектуры может доставлять не меньшее эстетическое удовольствие, чем восприятие поэзии²⁰.

Главным политическим оппонентом графа Арундела на протяжении 1618—1628 гг. был Джордж Вилльерс, герцог Бэкингем, обладавший неограниченным влиянием на Якова I, а затем и на Карла I. Королевский фаворит составлял конкуренцию Томасу Ховарду не только на политическом поприще, но и в сфере приобретения художественных произведений. Герцог Бэкингем развернул бурную коллекционную деятельность, которая демонстрировала его высокое положение в обществе, и в то же время являлась личным хобби герцога. Джордж Вилльерс не обладал столь совершенным вкусом как граф Арундел, но он имел квалифицированных советников, помогавших ему сориентироваться в сфере изобразительного искусства. Друг герцога, Карл Стюарт, также оказывал заметное влияние на формирование эстетических пристрастий Вилльерса. Бэкингем собрал богатую коллекцию картин венецианских мастеров, из которых он отдавал предпочтение Веронезе. Большинство значительных приобретений для художественного собрания герцога осуществил Бальтазар Гербер, агент Бэкингема по покупке произведений искусства²¹. В 1621 году Гербер был отправлен герцогом в Рим и Венецию, где по удивительно низким ценам приобрел для своего патрона картины Тициана, Тинторетто, Гвидо Рени, Манфреди, Якопо и Франческо Бассано²².

Кроме того, герцог коллекционировал скульптуру. В отличие от графа Арундела он покупал не только античную скульптуру, но и произведения современной пластики. Если граф Арундел приобретал антики с отломанными частями, но обладавшие при этом эстетической и исторической значимо-

стью, то Бэкингом отбирал для своей коллекции лишь полностью сохранившиеся статуи. Большой удачей для Джорджа Вилльерса стала покупка в 1627 году художественного собрания Рубенса, в которое входили и замечательные образцы античной скульптуры²³.

Бэкингом впервые встретился с Рубенсом в Париже в 1625 году, куда он приехал для того, чтобы сопровождать невесту Карла Стюарта, Генриетту Марию, из Франции в Лондон²⁴. Герцог подружился со знаменитым фламандским художником, прибывшим во Францию с дипломатической миссией. Впоследствии Рубенс исполнил два репрезентативных портрета Вилльерса. Другим современным живописцем, к которому благоволил Бэкингом, был итальянский мастер Орацио Джентилески. По инициативе герцога Бэкингема итальянец был приглашен в Англию, где получил заказы от короля Карла I.

Джордж Вилльерс, оказывая покровительство художникам и тратя баснословные суммы на приобретение живописных и скульптурных шедевров, не проявлял особого интереса к науке или литературе. Для Британии начала XVII века, где занятия поэзией и наукой представляли собой традиционные увлечения аристократии, герцог Бэкингом, сконцентрировавший все свое внимание в области изобразительного искусства, был необычной фигурой.

Самым могущественным покровителем искусства в Англии первой половины XVII столетия был Карл Стюарт. Все его царствование прошло в обстановке сильнейшей напряженности, причинами которой явились острый конфликт между королем и парламентом, неудачные военные кампании Короны, финансовый и экономический кризис в стране.

Карл Стюарт был третьим ребенком в семье, и первоначально его не готовили к управлению государством. После внезапной смерти Принца Генри Карл сделался наследником престола. Большинство историков считают, что Карл I не обладал талантом политика и военачальника. Но неудачливый король прекрасно разбирался в изобразительном искусстве и в этой сфере не имел себе равных среди английских аристократов, за исключением графа Арундела. Но отношения между королем и Томасом Ховардом были холодны и натянуты из-за интриг Бэкингема, пытавшегося настроить Карла против Арундела²⁵.

Карл I отдавал явное предпочтение итальянскому искусству, особенной его симпатией пользовалась венецианская живопись. Где-то около 1622 года венецианский посол в Англии писал Дожу, что принц Карл «любит живопись старых мастеров и особенно тех художников, кто работал в нашей области и в нашем городе»²⁶. Любимым живописцем Карла был Тициан. Неслучайно, впоследствии его придворным художником стал Ван Дейк, испытавший сильнейшее влияние венецианского мастера. Английский король, высоко оценивая художественный дар Ван Дейка, видел в нем преемника Тициана²⁷. Карл Стюарт считал своей миссией оказывать Ван Дейку столь же высокое покровительство, какое Карл V когда-то оказал Тициану²⁸.

Большое значение для формирования художественных предпочтений молодого Карла имела

его авантюрная поездка в Мадрид, совершенная в 1623 году совместно с герцогом Бэкингом²⁹. Главной целью визита Карла ко двору Филиппа IV было сватовство к испанской наследнице. Но испанский король в мягкой форме дал отказ английскому принцу. Идея англо-испанского матримониального союза потерпела фиаско. В Мадриде Карл познакомился со многими шедеврами ренессансной живописи. Испанский король обладал великолепной художественной коллекцией, центральное место в которой занимали произведения венецианских мастеров. При отъезде английский принц получил в подарок от Филиппа IV две картины Тициана — «Диану и Актеона» и «Похищение Европы», которые явились своеобразной компенсацией за уязвленное самолюбие Карла³⁰. Пребывание при мадридском дворе убедило Карла Стюарта в том, что «авторитет и власть абсолютной монархии подтверждаются придворным великолепием»³¹, важной составляющей которого является богатое художественное собрание.

В 1627 году король купил значительную часть знаменитой художественной коллекции герцогов Мантуанских³². Во время доставки этих произведений из Италии разлившаяся ртуть на корабле испортила несколько работ, но, тем не менее, картины Тициана, Корреджо, Андреа дель Сарто, Рафаэля, Джулио Романо, Доссо Досси, Доменико Фети, Романино, Бронзино, Мантеньи, Караваджо прибыли в Лондон в хорошем состоянии³³. В 1629 году состоялась вторая крупная сделка английской Короны с мантуанским домом Гонзага, в ходе которой Карлом I была приобретена знаменитая серия полотен Андреа Мантеньи «Триумф Цезаря»³⁴ и множество произведений римской скульптуры. Пополнение художественного собрания британского монарха происходило и за счет подарков, преподносимых ему придворными. Так, Лорд Эннерэм подарил Карлу I три работы голландского живописца Рембрандта³⁵. В 1635 году королевская чета Стюартов получила подарок от кардинала Франческо Барберини в виде нескольких произведений итальянской живописи, которые Генриетта Мария разместила затем в своей личной капелле в Сомерсет-Хаусе³⁶.

Английский монарх неоднократно предпринимал попытки привлечь к своему двору знаменитых итальянских художников. Только вступив на престол, он начал переписку с Гверчино, приглашая его приехать работать в Лондон. Но Гверчино отказался, ответив, что «не сможет ужиться, ни с английскими еретиками, ни с английским климатом»³⁷. Итальянские мастера Альбани и Пьетро Тассо также отказались от приглашения Карла I³⁸. Но в 1626 году в Англию прибыл Орацио Джентилески, получивший от Карла I заказ на роспись плафона в королевском доме в Гринвиче³⁹. Важным событием в культурной жизни Англии стала установка в 1635 году знаменитых полотен Рубенса на потолке Банкетингхауса. За свои живописные произведения, прославляющие правление Якова I, Рубенс получил от Карла I беспрецедентную сумму — 3000 фунтов стерлингов⁴⁰. В 1635 году при английском дворе работал итальянский скульптор Франческо Фанелли, создавший в это время превосходный бронзовый портрет сына британского короля, будущего

Карла II. Флорентийский скульптор, находясь в Англии, снискал расположение и герцога Ньюкастела, для которого мастер исполнил несколько бронзовых статуэток лошадей⁴¹.

В 1636 году английский король благодаря посредничеству Папы Урбана VIII заказал свой скульптурный портрет Лоренцо Бернини. Бернини выполнил эту работу, опираясь на живописное изображение короля кисти Ван Дейка. Общение короля с Папой Римским, даже преследующее исключительно культурные цели, порицалось подавляющим большинством британских дворян, являвшихся убежденными протестантами. Карл Стюарт также придерживался протестантской веры, но он не считал ее препятствием для реализации своих художественных проектов.

Широкий размах коллекционной деятельности и патронажа Карла I связан не только с личным интересом короля к искусству, но и с его абсолютистскими амбициями. Карл I, осознававший себя единовластным правителем, стремился вести столь же роскошную жизнь, как и короли Испании и Франции. Даже в 30-е гг. XVII века, когда казна Британии была совершенно пуста, король продолжал приглашать ко двору иностранных мастеров, покупать новые экспонаты в свою коллекцию, устраивать при дворе «маски», затрачивая на все это баснословные суммы⁴².

Карл I так же, как и его отец Яков I, придавал серьезное политическое значение устройству придворных масок. С помощью придворных спектаклей английский монарх не только репрезентировал могущество собственной персоны, но и пытался подтвердить свои имперские и абсолютистские амбиции. В ходе придворных празднеств король и его окружение нередко выступали в качестве античных героев, что являлось аллегорическим указанием на многочисленные добродетели монарха и его подданных, а также должно было демонстрировать смысловую связь между героическим прошлым Рима и совершенным устройством современного английского Государства. Участники придворных масок представляли свои роли на фоне декораций Иниго Джонса, изображавших античную и ренессансную ордерную архитектуру. Сценография королевских масок знакомила высший свет с памятниками классической и ренессансной архитектуры, таким образом, формируя у придворных новые эстетические критерии и прививая вкус к итальянскому искусству эпохи Возрождения.

Британский король покровительствовал не только изобразительному искусству, он был также большим поклонником поэзии, традиционно почитаемой в Англии. Хотя поэтические произведения, созданные в эпоху правления Карла I, стали более рафинированными и рационально выверенными, они все же продолжали соответствовать высокому художественному уровню, достигнутому елизаветинской литературой. По мнению английского историка искусства Д. Хука, «именно поэзия лучше всего позволяет представить тон и качество придворной культуры при Карле I»⁴³.

Политика в сфере искусства, проводимая Карлом I, встречала неприятие со стороны большей

части английского общества. Пуритане и англикане, представители высшей знати и мелкопоместное дворянство ополчились на культурную политику короля, порицая Карла за расточительство, попушания католикам и фривольный характер придворных увеселений⁴⁴. В то же время, английское общество, критиковавшее своего монарха за покровительство иностранным художникам и дорогостоящие придворные празднества, не имело ничего против поддержки национального поэтического искусства.

Большинство англичан было враждебно настроено по отношению к итальянским влияниям в художественной культуре родной страны. Это объясняется, во-первых, традиционным для Британии патриотизмом, предполагавшим поддержку национальной культуры и ограничение иностранного воздействия. Во-вторых, итальянское искусство ассоциировалось у многих англичан с католицизмом и идолопоклонничеством, что естественно, формировало отрицательное отношение к нему в протестантской стране. В-третьих, покровительство иностранным мастерам и художественное коллекционирование очень дорого обходилось Короне.

Итак, политика Якова I и Карла I в сфере художественной культуры существенно отличалась от позиции Елизаветы, принятой ей по отношению к изобразительному искусству. Английские короли новой династии Стюартов стали использовать изобразительное творчество для подтверждения собственных абсолютистских претензий. В своей художественной политике они руководствовались примером европейских абсолютных монархий, репрезентирующих искусство как знак придворного величия. Подражание Стюартов придворной роскоши испанского и французского королей шло вразрез с национальной традицией простоты и экономии в жизни двора, установившейся при Елизавете. Политическая идеология абсолютизма, воплощенная в художественных образах, вызвала отторжение у многих подданных английской Короны, считавших необходимым постоянный диалог между государем и парламентом.

В то же время, инициативы британских королей в области изобразительного искусства имели серьезное значение для развития и трансформации художественных вкусов английской знати. В первой половине XVII столетия британские аристократы близко знакомятся с художественными произведениями итальянского Ренессанса. Благодаря представителям королевской семьи в Британии оказывается множество первоклассных произведений живописи и скульптуры Италии эпохи Возрождения. Постоянное соприкосновение с итальянским искусством приучало английских придворных к новому для них типу визуального восприятия, основанному на ренессансном способе видеть. Кроме того, политический авторитет короля заставлял английскую элиту подражать эстетическим предпочтениям своего государя.

Особую роль в формировании у придворных интереса к художественной культуре Италии сыграли Дадли Карлетон и Генри Уоттон, британские дипломаты в Венеции. Они не только консультировали английских аристократов по вопросам создания

художественных коллекций, но и ввели при дворе моду на новый вид подарков в виде произведений живописи и скульптуры. Другим важным фактором в продвижении при английском дворе новых эстетических установок, лежащих в основе ренессансного искусства Италии, были декорации к королевским маскадам, которые исполнял Иниго Джонс. Сценография придворных спектаклей нередко включала изображения итальянской архитектуры эпохи Возрождения, что, безусловно, способствовало воспитанию художественной привычки к восприятию ренессансной концепции пространства.

Серьезным аспектом новых художественных вкусов английской аристократии стало отношение к произведению изобразительного искусства как к источнику эстетического наслаждения, тогда как ранее, в XVI веке, британские дворяне видели эстетическую ценность лишь в поэтических и музыкальных произведениях. Надо сказать, что увлечение социальной элиты Англии художественным коллекционированием не отменило ее традиционного интереса к поэзии, музыке и науке. Литераторы, музыканты и ученые получали от английских аристократов не менее щедрые вознаграждения за свой творческий труд, нежели художники. Получение удовольствия от восприятия художественного произведения традиционно связывалось в Англии с приватной жизнью аристократа, с его досугом. Живопись и скульптура, находившиеся в художественных собраниях британской знати, предназначались для созерцания их на досуге. Венецианская живопись XVI столетия, широко представленная в английских коллекциях XVII века, наиболее соответствовала эстетическим ожиданиям британской элиты⁴⁵. В то же время, аристократов, способных по-настоящему понять и оценить художественные произведения итальянского Ренессанса, в раннеэпохальной Англии было не так много. Британские знатоки и любители итальянского искусства, принадлежащие высшей знати, в основном, группировались вокруг двух наиболее значительных меценатов того времени: короля Карла I и Томаса Ховарда, графа Арундела.

Примечания

1. Yates F. *Theatre of the world*. — London : Routledge & Kegan Paul Ltd, 1969. — P. 85.

2. Hook J. *The Baroque Age in England*. — London : Thames and Hudson, 1976. — P. 16.

3. Strong R. *The Spirit of Britain: a narrative history of the arts*. — London : Hutchinson, 1999. — P. 224.

4. Parry G. *The Golden Age Restor'd: The Culture of the Stuart Court 1603—1642*. — Manchester : University Press, 1981. — P. 153.

5. Ibid.

6. Ibid. — P. 152.

7. Strong R. *Art and Power: Renaissance Festivals 1450—1650*. — Woodbridge : Boydell Press, 1984. — P. 156.

8. Parry G. *Op. cit.* — P. 154.

9. Mercer E. *English art, 1553—1625*. — Oxford : Oxford University Press, 1962. — P. 9.

10. Levy Peck L. *Consuming Splendor: Society and Culture in Seventeenth-Century England*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — P. 174.

11. Ibid.

12. Ibid.

13. Strong R. *The Spirit of Britain...* — P. 228.

14. Ibid.

15. Ibid. — P. 227.

16. Parry G. *Op. cit.* — P. 108.

17. Ibid. — P. 113.

18. Браун К. Ван Дейк. — М. : Искусство, 1989. — С. 52.

19. Parry G. *Op. cit.* — P. 124.

20. Wilks T. *Art, Architecture and Politics // A Companion to Stuart Britain / ed. By Barry Coward*. — Oxford : Blackwell Publishers, 2003. — P. 191.

21. Ibid. — P. 196.

22. Hook J. *Op. cit.* — P. 16.

23. Parry G. *Op. cit.* — P. 143.

24. Parry G. *Op. cit.* — P. 140.

25. Parry G. *Op. cit.* — P. 122.

26. Hook J. *Op. cit.* — P. 16.

27. Браун К. Указ. соч. — С. 135.

28. Там же.

29. Hook J. *Op. cit.* — P. 33.

30. Ibid.

31. Wilks T. *Op. cit.* — P. 193.

32. Parry G. *Op. cit.* — P. 143.

33. Wilks T. *Op. cit.* — P. 193.

34. Ibid. — P. 194.

35. Ibid.

36. Hook J. *Op. cit.* — P. 34.

37. Ibid.

38. Wilks T. *Op. cit.* — P. 195.

39. Hook J. *Op. cit.* — P. 35.

40. Wilks T. *Op. cit.* — P. 194.

41. Hook J. *Op. cit.* — P. 34.

42. Ibid. — P. 37. Хук представляет данные о расходах на «маски».

43. Ibid. — P. 35.

44. Ibid. — P. 38—39.

45. Mercer E. *Op. cit.* — P. 9.

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

БРЕКОТКИНА Ирина Павловна, аспирант, в 2000 году окончила Санкт-Петербургский государственный художественный институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Научные интересы: история западноевропейской графики XV—XVII вв. и английское изобразительное искусство конца XVI — первой половины XVII вв.

BREKOTKINA Irina Pavlovna is a post graduate student, graduated from Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture. Research interests: history of West European graphics of XV—XVII centuries and English fine arts of late 16 and the first half of XVII century.

ОБРАЗЫ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ЮЖНОГО УРАЛА

Е. В. Волков

IMAGES OF SOUTH URAL HISTORIC AND REVOLUTIONARY WORKS OF FINE ARTS

E. V. Volkov

Работа посвящена анализу образов, созданных советскими художниками в живописи, графике и скульптуре в рамках историко-революционного тематического направления. Автор рассматривает данные образы, разделенные на фигуры вождей, красных командиров, молодых героев-революционеров и врагов, в контексте формирования и развития советской мифологии о «героическом времени создания нового мира». Эти образы соединили в себе как новые, так и старые каноны и традиции мышления и искусства. Они значительно повлияли на представления советских людей о прошлом.

Ключевые слова: произведения искусства, изображения, красные командиры, гражданская война, мифология.

The work deals with the analysis of images created by Soviet artists in painting, graphic arts and sculpture within frameworks of historic and revolutionary theme. The author analyses these images divided into the leaders' figures, red commanders, young heroes of revolution and enemies in the context of formation and development of the Soviet mythology about "heroic time of the new world establishment".

Keywords: work of arts images, red commanders, Civil war mythology.

Революция и гражданская война стали одними из наиболее распространенных мифологических сюжетов в изобразительном искусстве советской эпохи. Для государства и общества, ведущих новый отчет своего развития с 1917 г., актуальной являлась задача утверждения своей легитимности и формирования коллективной идентичности. Мифы о «славных» и «героических» революционных временах призваны были способствовать конструированию нового советского человека с его иными взглядами на прошлое, определяемыми классовым подходом.

Изобразительное искусство придавало советским мифам историко-достоверный характер, наподобие фото- и кинохроники. Историко-революционные картины тиражировались в огромных масштабах, нередко публиковались и в учебниках по истории. Художники визуализировали и сакрализировали советские мифы путем создания артефактов, неотделимых по их общественной функции от объектов культового и религиозного поклонения (например, парадные портреты и монументы вождей, памятники героям революции и гражданской войны)¹.

Каковы особенности историко-революционного изобразительного искусства? Во-первых, конечно, описательно-иллюстративный язык, не содержащий непонятных символов и каких-либо загадок. Во-вторых, «мифология, обличенная в реалистическую одежду». Отсюда и стремление многих художников опираться на классические традиции русской живо-

писи еще дореволюционной эпохи и отвергать то, что не вписывалось в каноны «социалистического реализма». Хотя нужно признать, что в 1920-е — начале 1930-х гг. в рамках историко-революционной тематики появлялись и авангардистские произведения, не вписывающиеся в представления о настоящем реализме. В последующие годы такие артефакты были подвержены обструкции и не имели доступ к широкому зрителю.

Следующей отличительной чертой историко-революционного изобразительного искусства являлась монументальность, связанная с победным и оптимистическим стилем. Классицизм, как стиль с ясными и органичными образами, как гармоничность и упорядоченность целого, также оказывал значительное влияние на советское искусство. В середине 1930-х гг. с подачи властей началась кампания по созданию советской классики и искоренения формализма и натурализма в искусстве. Тогда же стал утверждаться принцип народности. Это означало, что ведущую роль в системе ценностей должен занимать народ. Поэтому художники старались уйти от элитарности и быть в своих произведениях ближе и понятней народным массам. Здоровая и оптимистическая жизнь народа противопоставлялась упадочности и отвлеченности².

Центральная тема историко-революционного искусства — борьба с врагами, поэтому здесь всегда присутствовало героическое начало. По

мнению ряда исследователей — это «пангероизм ницшеанско-марксистского толка», т. е. помимо классово-теории К. Маркса о «пролетариате-спасителе», советский социалистический реализм под сознательно опирался и на идею Ф. Ницше о «сверхчеловеке». В свое время Ницше писал о важности мифа для здоровья культуры, людям необходима ложь, чтобы жить и активно действовать. Ницшеанский образ «сверхчеловека» вполне вписывался и в канонический портрет героя советской эпохи, активиста, альтруиста, борца. Культ советских героев сочетал в их образах разумность и целесообразность («аполлонические» качества) с борьбой и аскетизмом³.

Вообще, художники историко-революционного направления, находившиеся под сильным влиянием советской мифологии и необходимости соблюдения утвержденных канонов, изображали на своих полотнах сюжеты, в которых проявлялись архетипы «вождя-отца», «родины-матери», сыновей и дочерей — героев, и, конечно, врагов.

В данной работе анализируются произведения художников, в которых запечатлены сюжеты и образы в тематическом поле, названном историко-революционным искусством. Территориальные рамки ограничиваются Южным Уралом, одним из значительных регионов бывшего СССР, занимающего территории Башкирии, Оренбургской и Челябинской областей. В силу значительного количества артефактов работа охватывает преимущественно Челябинскую губернию, впоследствии переименованную в ходе административно-территориальных реорганизаций в область. На основе изучения визуальных произведений в данном регионе можно выявить типичные черты и сделать определенные выводы о развитии историко-революционной тематики и на всем пространстве Южного Урала⁴.

Если говорить о живописных полотнах, графических произведениях и скульптурах, то с точки зрения авторства их следует разделить на две категории. Первая, наиболее многочисленная группа — это творения, созданные региональными художниками. Произведения уральских мастеров кисти и скульпторов, видимо, составляют большую часть советского наследия историко-революционного изобразительного искусства Южного Урала. Вторая группа — произведения, созданные руками авторов преимущественно из Москвы и Ленинграда, как правило, на заказ. Многие из таких творений остались в музеях, картинных галереях, частных коллекциях или до сих пор стоят в виде скульптурных монументов на площадях и улицах городов южно-уральского региона. Значительную роль в развитии творческого сотрудничества между столичными и уральскими художниками в плане историко-революционного направления сыграла выставка «Урало-Кузбасс в живописи», состоявшаяся в 1935 г. в Свердловске. На выставке был представлен целый ряд полотен московских и ленинградских живописцев.

Зарождение историко-революционного изобразительного искусства следует отнести к периоду гражданской войны, когда значительное распространение как средства пропаганды получили плакат и карикатура. В период Гражданской войны художни-

ками Урала было создано только для печати около 100 плакатов⁵. Несколько подобных работ хранятся ныне в фондах Челябинского областного краеведческого музея. Среди них плакат «Памяти павших борцов» (1919) определенно написан в Челябинске. О чем свидетельствует надпись на нем. Предположительно, его автором мог быть А. Н. Самохвалов. Плакат демонстрирует следующую картину. На переднем плане изображена пожилая женщина подле тела погибшего сына-революционера, рядом стоит его соратник. На заднем фоне восходит солнце Свободы, на которое обращают свои взоры живые персонажи плаката. Внизу помещены первые строчки из стихотворения дореволюционного поэта-народника Л. И. Пальмина «Реквием»: «Не плачьте над трупами павших борцов!»⁶.

Образы партийных вождей

Ключевой фигурой историко-революционного искусства, конечно, являлся образ большевистского лидера В. И. Ленина как «отца-основателя» советского государства. Культ Ленина в изобразительном искусстве явно превзошел по своему размаху культ И. В. Сталина и других советских руководителей. Фигура Ленина по количеству творений советских художников побил все рекорды.

Памятники, посвященные ему, стали появляться один за другим на Южном Урале сразу же после кончины вождя. Уже в январе 1924 г. в Златоусте установили деревянный траурный обелиск. В августе того же года с открытием чугунного бюста в Троицке началась «скульптурная лениниана» на Южном Урале. Следующий памятник Ленину, из гранита, воздвигли в 1925 г. в Челябинске на Алом поле. В облике монумента проявились черты культовых сооружений древности. Мавзолейные формы памятника должны были отражать всеобщую скорбь. Непосредственно в постаменте, на верхней части которого поместили бюст вождя, сделали библиотеку-читальню. Создателем бюстов Ленина для памятников в Троицке, Челябинске, а затем и в Миассе, искусствоведы считают московского скульптора М. Я. Харламова⁷. Судя по образу вождя, главным стремлением скульптора было максимально точно передать внешний облик создателя советского государства.

Впоследствии памятники Ленину открыли в целом ряде городов и селений Южного Урала. Только в Златоусте в 1925—1926 гг. появились чугунный бюст и бронзовая скульптура вождя. Среди наиболее известных памятников такого плана — скульптурные изображения Ильича в Верхнем Уфалее (1963) и Копейске (1964). Образ Ленина на этих монументах стал более подвижен. Художники отошли от статичности в его репрезентации. На первом памятнике Ленин представлен как оратор, а на втором он изображен идущим с папкой в руках на очередное заседание Совнаркома⁸.

Самыми помпезными и величественными скульптурными монументами, посвященными вождю, были те, что устанавливались в столице и областных центрах. Поэтому памятник Ленину в центре Челябинска, на площади Революции, открытый в ноябре 1959 г., отличается своими значительными масштабами и монументальностью. Статуя достигает пяти

метров, а общая высота памятника с постаментом составила около пятнадцати метров⁹. Скульпторы Л. Н. Головницкий и В. С. Зайков изобразили Ленина идущим вперед в «светлое будущее».

Всего по нашим подсчетам на территории Челябинской области в советский период открыли не менее 31 памятника В. И. Ленину¹⁰. Как правило, существовало два варианта подобных памятников: бюст или скульптура в полный рост. Образ вождя представлялся либо в статике, либо в движении. Основным материалом памятников — чугун, бронза, гранит, бетон.

Живописцы и графики такжестарались не отстать от скульпторов в изображении В. И. Ленина. К его образу обращались такие южно-уральские художники как А. П. Сабуров, А. В. Храмов, В. А. Неясов и другие¹¹. Они, как правило, изображали вождя ораторствующим в окружении соратников, жадно слушающих каждое его слово. Иной вариант — статичный образ Ленина без сподвижников в тот или иной период его жизни.

Портретов И. В. Сталина или картин, где он показан среди других персонажей, после двух масштабных кампаний советской эпохи по искоренению культа его личности, почти не сохранилось. В настоящее время известна одна из немногочисленных работ, где представлен образ Сталина. Картина А. М. Любимова «Челябинский этапно-пересыльный пункт» (1935)¹² представляет будущего большевистского вождя в шапке и полушубке, выходящего в один из зимних дней 1907 г. вместе с другими заключенными, скованными по двое кандалами, из этапной тюрьмы. Среди всех фигур, и ссыльных, и конвоиров, художник, благодаря световой гамме, выделил образ Сталина с уверенным и волевым взглядом.

1 мая 1938 г. в торжественной обстановке открыли огромный десятиметровый памятник И. В. Сталину в Магнитогорске у главной проходной металлургического завода. Известный московский скульптор С. Д. Меркуров выполнил бронзовую скульптуру вождя в движении, а постамент, отделанный финским гранитом, приспособил для трибуны¹³. Конечно, монумент до настоящего времени не сохранился.

Скульптурные портреты ближайших соратников вождя также нашли отражение в изобразительном искусстве. Наибольшее распространение получила фигура «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, совершившего на Южный Урал в довоенный период не менее трех поездок. Три памятника ему открыли в Копейске, два — в Кыштыме, один — в Челябинске.

Другим популярным персонажем среди художников являлся С. М. Киров. Один памятник этому советскому деятелю открыли в Копейске, другой — в Челябинске.

По своим сюжетам произведения изобразительного искусства Южного Урала отличались еще и тем, что репрезентировали образы преимущественно региональных вождя и героев, зачастую рассказывали о революционных событиях в крае. Среди советских руководителей Южного Урала можно выделить образ большевика С. М. Цвиллинга, за-

печатленный как на живописных полотнах, линогравюре, так и в скульптуре¹⁴. Он изображался как мужественный, смелый, стойкий большевик. В то же время художники подчеркивали его молодость и красоту. Перед зрителями предстает герой без страха и упрека. Молодой вождь, ведущий за собой народ на борьбу за идеалы социализма. Одного взгляда на образ Цвиллинга достаточно, чтобы сделать вывод о нем, как лидере новой эпохи, «сверхчеловеке» в духе философской концепции Ф. Ницше.

На картине Р. И. Габриэляна «Выступление Цвиллинга у кинотеатра «Луч»» показан его дебют в качестве политика и оратора в Челябинске. Это произошло 6 марта 1917 г., в дни Февральской революции. Картина представляет молодого вождя с обнаженной головой в солдатской шинели, стоящего над толпой демонстрантов, и указывающего на «буржуев», как главных виновников всех бед трудового народа.

Если обратиться к историческим источникам, то можно констатировать, что художник несколько искажил изображенное им событие. Цвиллинг тогда говорил о недоверии только к военным, которые собрались на офицерское собрание в помещении кинотеатра «Луч». Согласно сообщениям местной прессы, на митинге помимо Цвиллинга выступали и другие люди, не таких радикальных взглядов как он, среди ораторов оказался даже священник. Затем все мирно разошлись¹⁵.

Гибель Цвиллинга в апреле 1918 г., когда он, будучи уже председателем Оренбургского военно-революционного комитета, во главе продотряда

И. Габриэлян «Выступление Цвиллинга у кинотеатра «Луч»» (1917)

столкнулся с превосходящими силами оренбургских казаков в станице Изобильной, художник А. С. Пруцких на своем полотне стремился показать как подвиг. В центре картины — Цвиллинг с саблей наголо. Он, окруженный вместе со своими немногочисленными бойцами казаками, мужественно отбивается. На него летят сразу трое верховых казаков. Один из них вот-вот ударит комиссара пикой. Перед зрителями как бы оживает миф о герое, погибающем за правое дело.

Итак, образы партийных вождей как всероссийского, так регионального масштаба занимали первенствующее место в историко-революционной тематике. Как правило, они изображались как честные, благородные, никогда не ошибавшиеся лидеры, ведущие за собой народ к светлому будущему, готовые, если потребуется, встретить смерть прямо в лицо.

Образы красных командиров

Одним из распространенных образов военачальника и героя гражданской войны на Южном Урале стала фигура В. К. Блюхера. Мозаичное панно с его обликом, созданное художниками Р. И. Габриэляном и В. И. Григорьевым (1967) до сих пор украшает одну из центральных улиц Челябинска (ул. Кирова, 92). На панно запечатлены слова «В памяти благодарных потомков сохраняются о них предания». Портрет Блюхера из керамической мозаики — это образ мужественного и умного командира Красной армии. Усы, широкие скулы и уверенный взгляд призваны подчеркнуть большой жизненный и боевой опыт изображенного на панно человека.

Блюхер как талантливый и авторитетный военачальник был представлен и на полотнах известного челябинского живописца В. А. Неясова. В 1963 г. художник совершил поездку по пути, которым летом 1918 г. проследовали бойцы В.К. Блюхера и Н. Д. Каширина с целью соединиться с частями Красной армии под Кунгуром. Вообще у Неясова насчитывается как минимум четыре работы с названием «По тылам белых» и семь полотен «Южно-уральские партизаны», видимо художник творил в условиях многочисленных заказов и вынужден был поставить свое творение на поток. Пожалуй, самый известный его шедевр «По тылам белых. Поход южноуральских партизан под командованием В. К. Блюхера»¹⁶ датируется 1969 г. и хранится в фондах краеведческого музея Верхнеуральска. Большое полотно, изображает переправу красных партизан через реку Сим. Блюхер, в правой части картины, восседает на белом красавце-коне, и, полуобернувшись, наблюдает за переправой. Он изображен в кожаной куртке и фуражке, с коричневым загоревшим и усталым лицом. Во всей его фигуре чувствуется уверенность в том, что он делает. И бойцы, судя по их взглядам, верят своему командиру.

На переднем плане полотна рядовые партизаны переходят вброд реку. Они, спешили и везут на лошадях пулемет и ящики с боеприпасами. Их ведет проводник-башкир, обернувшийся в сторону Блюхера. В изображении башкира-бедняка, помогающего партизанам, конечно, сказалась установка на «пролетарский интернационализм». Представляя

Р. И. Габриэлян и В. И. Григорьев
«Полководец Блюхер» (1967)

события гражданской войны на территории Южного Урала, художник, чтобы создать идеологически выдержанную картину, обязан был показать местных жителей как союзников большевиков и противников белогвардейцев.

Чуть дальше, на втором плане, изображен еще один красный командир в кожанке и папахе, с биноклем на груди. Он сидит на рыжем красавце коне и указывает нагайкой, куда следует двигаться партизанам. Безусловно, прототипом данного образа являлся Н. Д. Каширин, по социальному происхождению оренбургский казак и уроженец этих мест. Ранее на картинах советских мастеров кисти его образ не был представлен. Так полотно ленинградского художника А. К. Жаба «Поход южно-уральских партизан» (1937)¹⁷ изображает в качестве командира одного Блюхера, следующего во главе колонны на фоне горных хребтов и приостановившегося, чтобы выслушать донесение конного разведчика. Второй значимой фигуры в лице Н. Д. Каширина на картине нет. Видимо, здесь сказалось то обстоятельство, что он в 1937 был репрессирован. Вскоре, уже в следующем году, за ним последует и Блюхер.

Только после развенчания культа личности И. В. Сталина и реабилитации ряда советских, партийных и военных деятелей, изображение их фигур на полотнах и памятниках стало обычным делом.

Популярность и мифологичность истории, связанной с рейдом красных партизан Южного Урала по тылам белых выражена и в дискурсе советской эпохи, которой требовались свои герои без страха и упрека. Так в одной из газетных заметок, где речь шла о работе художника над картиной, говорилось: «Живописец Василий Андреевич Неясов мыслит крупными категориями. Вероятно, он прав. Участники гигантских битв не могли не быть гигантами»¹⁸.

Художник стал автором и диорамы «Бой на горе Извоз»¹⁹, создававшей в течение нескольких лет и открытой в 1976 г. в краеведческом музее Верхнеуральска. Прежде чем приступить к работе Неясов познакомился с трудами историков и мемуарами участников гражданской войны на Южном Урале. Он встречался с современниками и участниками тех событий, их потомками, фиксируя устные воспоминания о событиях гражданской войны.

Творение художника достоверно передает напряженный момент боя, происшедшего 29 июля

А. К. Жаба «Поход южноуральских партизан» (1937)

1918 г., когда красным партизанам под командованием В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина (они запечатлены вместе, верхом на лошадях) почти удалось взять линию вражеских окопов, но белогвардейцы организовали контрнаступление. Таким образом, диорама показывает лобовое столкновение красных и белых, как в конном, так и в пешем строю. Еще не совсем ясно, чья возьмет. И красные, и белые сражаются отчаянно. В этом драматизм и реализм произведения Неясова. По сути, оно стало первой диорамой в Челябинской области, созданной специально для музея. Впоследствии художник работал над новой диорамой, посвященной боям за Челябинск в июле 1919 г. между красными и белыми. Однако ее судьба оказалась не столь удачной.

Стоит заметить, что на горе Извоз в 1968 г. в честь пятидесятилетней годовщины боя установили бетонный памятник. На фоне десятиметрового пилона с датой «1918» стоят две скульптуры красных воинов. Одна из них — фигура молодого горячего казака с саблей в руке, другая фигура — сдержанный солдат в шинели и папахе, опирающийся одной рукой на винтовку. Лица бойцов преисполнены чувством победы. На тыльной стороне пилона расположена мраморная плита со словами: «Здесь у г. Извоз в 1918 г. объединенный отряд красных партизан под командованием Каширина наголову разбил соединения белогвардейских войск». Далее указаны имена 17 погибших красных казаков в этом бою²⁰.

По поводу данного памятника следует сделать, по крайней мере, два замечания. Во-первых, отсутствие на нем имени В. К. Блюхера в качестве командира, видимо может быть расценено как знак местного патриотизма, так как именно Н. Д. Каширин являлся уроженцем этих мест. С другой стороны, реальная обстановка была такова, что Каширин действительно командовал объединенным отрядом, пока его не ранили на горе Извоз и руководство перешло к Блюхеру. Во-вторых, количество жертв со стороны красных, упомянутых поименно на мраморной плите, позволяет сделать предположение о незначительном масштабе боя.

Помимо Блюхера некоторые художники обращались к образам и других героев-военачальников

Красной армии. Большое полотно свердловских живописцев Г. Мосина и М. Брусиловского «Красные командиры времен Гражданской войны на Урале» (1969)²¹, поступившее в 1975 г. в собрание Челябинской областной картинной галереи, показывает двадцать военачальников Красной армии. Среди них — В. К. Блюхер, С. М. Цвиллинг, Я. К. Берзин, П. Д. Хохряков, В. И. Шорин, И. М. Малышев, Н. Д. Каширин, В. И. Чапаев, Ф. И. Голощекин, Н. Д. Томин, В. М. Азин и другие. По мнению искусствоведов, перед нами романтический парадный коллективный портрет, «решенный соединением станковых и монументальных форм». «В образном строе картины присутствует идеализирующая отстраненность и строгая мемориальность. В сочетании с портретной узнаваемостью каждого из героев эта отстраненность создает особый эмоциональный настрой, атмосферу сдержанной напряженной патетики. Немаловажную роль в создании образа в картине играет уральский пейзаж на дальнем плане, своим вневременным «космическим» характером напоминающий о вечных общечеловеческих ценностях»²².

Следует отметить, что в изображении мужественных и строгих лиц красных командиров можно увидеть черты агиографического подхода, но только не в литературе, а в живописи. Герои представлены как святые, как борцы за новую веру. В чем-то эта картина перекликается со средневековыми изображениями, демонстрирующими подвиги за веру и церковь. Несмотря на официально заявленный атеизм советской культуры, такие артефакты нередко появлялись в советском обществе. Предшествующие советскому периоду представления и традиции в изображении героев оказались востребованными.

Об этом в свое время писала американский профессор К. Кларк, занимаясь исследованиями в области советской литературной традиции. Проанализировав притчевую структуру сюжетов произведений сталинского периода, она выяснила, что здесь важными являются два компонента. Один из них напрямую связан с пропагандистской функцией, а другой — с метафорикой. Развитие сюжета в

советских романах опиралось на миф о «великой семье», которая возникала и прогрессировала в движении от «тьмы» к «свету», при содействии как стихийных, так и сознательных сил. Советские вожди играли роль «отцов» этой «великой семьи», олицетворяя собой сознательное начало, авангард общества. Другими положительными героями выступали «сыновья», первоначально несущие стихийное начало. Затем в условиях коммунистического перевоспитания они становились сознательными строителями нового общества. Таким образом, по мнению, Кларк, положительные герои советского романа выступали структурным аналогом средневековой агиографической литературы, имевшей очень сходные сюжеты и персонажи²³.

Подобный тезис, на наш взгляд, можно отнести и к изобразительному искусству. Такая мысль возникает, когда смотришь на картину Г. Мосина и М. Брусиловского. Фигуры красных героев как бы выдвинуты из темного пейзажа на свет. На их лицах — мужество и благородство. Подобным образом средневековые иконописцы изображали борцов и мучеников за христианскую веру.

Одним из оригинальным памятников Южного Урала стал портрет комбрига Н. Д. Томина, созданный скульптором из Ленинграда П. М. Кривоуцким и установленный в 1962 г. в Троицке. За три года до открытия памятника художник приехал на родину комбрига и ознакомился с историческими данными о нем. Он даже встречался в Куртамышье (Курганская область) с писателем-краеведом П. З. Кочегиним, автором книги о Томине, а также с вдовой красного командира и только затем приступил к созданию его скульптурного портрета. Кривоуцкий решил отказаться от традиционного бюста и выполнил скульптурный облик красного командира в виде полуфигуры. На завершающей стадии работы бронзовый памятник отлили на ленинградском заводе «Монументскульптура»²⁴.

Герой гражданской войны изображен в кожаной куртке и фуражке, опирающимся обеими руками на эфес сабли. Взгляд его устремлен вдаль. Лицо Томина очерченное снизу небольшой бородкой, весь внешний облик с присутствующими воинскими атрибутами, говорят, что перед нами бесстрашный герой революции, в чем-то похожий на средневекового рыцаря, воина сражающегося за святую веру. Религиозный культ рыцаря-крестоносца и советский культ красного героя явно соединились в этой скульптуре. Здесь наглядно продемонстрировано, как новое советское искусство опиралось на старые приемы и традиции, выработанные предшествующими поколениями.

Таким образом, красный командир являл собой еще один вариант героя без страха и упрека. Этот образ ассоциируется с нишеанским «сверхчеловеком», которому, несмотря ни на что, любые военные задачи были по плечу.

Образы героев — сыновей и дочерей

Первоначально о героях революции на Южном Урале, как и по всей стране, напоминали обелиски, поставленные на братских могилах, с указанием имен павших. Скульптурные изображения появи-

лись позднее. Они ставились во многих городах и селах. Зачастую в создании таких обелисков из дерева, камня и металла не последнюю роль играла традиция, связанная с христианскими культовыми надгробными сооружениями. С внешней стороны подобные мемориальные символы были мало похожи на появившиеся позднее сооружения в стиле новой советской культуры. Ярким примером такого обелиска является памятный знак в честь погибших революционеров, установленный в Кусе недалеко от здания усадьбы бывшего владельца железодельного завода. Подобные сооружения поставили в 1920-е гг. в Троицке, Златоусте, Копейске, Миассе, Сатке и других городах.

Одним из первых скульптурных изображений, посвященных павшим борцам революции, явился памятник, отлитый в 1922 г. на Каслинском заводе. В его создании принимал участие внук знаменитого скульптора К. А. Клодт. Памятник изображал рабочего чуть повернувшего голову с решительным взглядом, устремленным вдаль. В одной руке он держал винтовку, а другой опирался на молот. Скульптура выглядела слишком натуралистично. В образе рабочего отсутствовала какая-либо идеализация. Не чувствовалось и мотива скорби. Вскоре памятник стал тиражироваться, и такие же скульптуры установили в ряде городов Южного Урала²⁵.

Еще раньше, в 1920 г., на площади Восстания в Челябинске, установили бетонный монумент «Освобожденный труд» (скульптор И. В. Евдокимов). Он изображал рабочего, смотрящего вдаль, и опиравшегося одной рукой на молот, а другой рукой указывающего вперед. Основание постамента выполнили в виде шестерни. Памятник простоял до 1948 г., но затем по причине новых застроек был демонтирован²⁶.

В 1939 г. поставили пятиметровый обелиск у стен Каслинского машиностроительного завода на братской могиле 73-х расстрелянных рабочих в период гражданской войны. Для воплощения чувства скорби на вершине обелиска, выполненного с элементами древнегреческой архитектуры, изображены траурные знамена, расходящиеся от общего центра по пяти сторонам в форме звезды. На боковых плоскостях памятника поместили тексты высказываний В. И. Ленина и И. В. Сталина о павших борцах революции. В создании обелиска использовался гранит, мрамор и чугун²⁷.

Живописцы также не обошли стороной образы молодых героев революции. В этой связи обращает на себя внимание картина Б. В. Рябины «Допрос Сони Кривой» (1953)²⁸, которая по своему сюжету перекликается с классическим творением Б. В. Иогансона «Допрос коммунистов» (1930). Здесь, как и на картине Иогансона, победа большевиков, правды революции, показана через их страдание и поражение. Мужественная и красивая девушка со связанными руками за спиной стоит у стены в правой части картины. Она находится на допросе в застенках контрразведки. Враги, двое сидят за столом, а третий подает какие-то бумаги, изображены слева. Лица этих людей с ужасными гримасами выглядят отталкивающе. Главное внимание зрителей благодаря световым оттенкам привлечено к облику

С. Кривой с красивым, непреклонным и волевым лицом.

Действительно, эта женщина, являясь активным участником большевистского подполья, была захваченная белой контрразведкой и впоследствии казнена. Но судя по сохранившимся фотографиям, она не отличалась высоким ростом и статной фигурой, как это представлено на картине. Художник фактически показывает ее как святую-мученицу, которая готова погибнуть за правое дело, но никого из своих соратников не выдать врагам. Ее мучения делают ее облик красивым и одухотворенным. Даже угроза смерти не может ее сломить. Она верит в идеалы, за которые готова расстаться с жизнью.

Картины с подобными сюжетными линиями, рисующие жертвенные образы красных героев, принадлежат художникам Р. И. Габриэляну и С. Б. Качальскому. Первый на небольшом полотне «Гибель Колющенко» (1957)²⁹ изобразил последние минуты жизни руководителя челябинских большевиков и четверых его соратников, окруженных казаками.

Вообще история, связанная с расстрелом в июне 1918 г. в Челябинске большевиков Д. В. Колющенко, М. А. Болейко, В. И. Могильникова, Н. Л. Тряскина и Ш. И. Гоziоского, превратилась в мифологический сюжет о героях-мучениках. И даже не важно, насколько значимой или нет, являлась фигура того или иного большевика для Южного Урала. Самое главное — это их страдание за новую веру, веру в коммунистические идеалы. Поэтому в честь погибших революционеров впоследствии назвали

Л. Н. Головницкий «Орленок» (1958)

площадь в Челябинске (им. «Павших борцов») и на одном из зданий в 1967 г., недалеко от места расстрела, появилась мемориальная доска, выполненная скульптором Г. П. Пановым, с изображением образов и указанием имен большевиков.

Работа С. Б. Качальского «Расстрел уральских рабочих колчаковцами» (1957)³⁰ изображает на переднем плане слева большую группу избитых людей, стоящих на снегу. Чуть вдалеке, на фоне уральского горного пейзажа, белый казачий офицер поднял руку, чтобы скомандовать своим подчиненным, которые должны открыть огонь. Перед нами вновь образы святых-мучеников, борцов за революционное дело, и дьявольские образы врагов, не знающих ни жалости, ни сострадания.

Символом подвигов героев-комсомольцев гражданской войны стал памятник «Орленок», установленный в Челябинске в октябре 1958 г. на Алом поле. Автор скульптуры Л. Н. Головницкий изобразил связанного подростка-красноармейца, которого должны вскоре казнить враги. Последние не изображены на памятнике. Но судя по мужественному и одновременно презрительному взгляду, который устремил юноша на своих палачей, можно вполне представить образы немилосердных врагов-белогвардейцев.

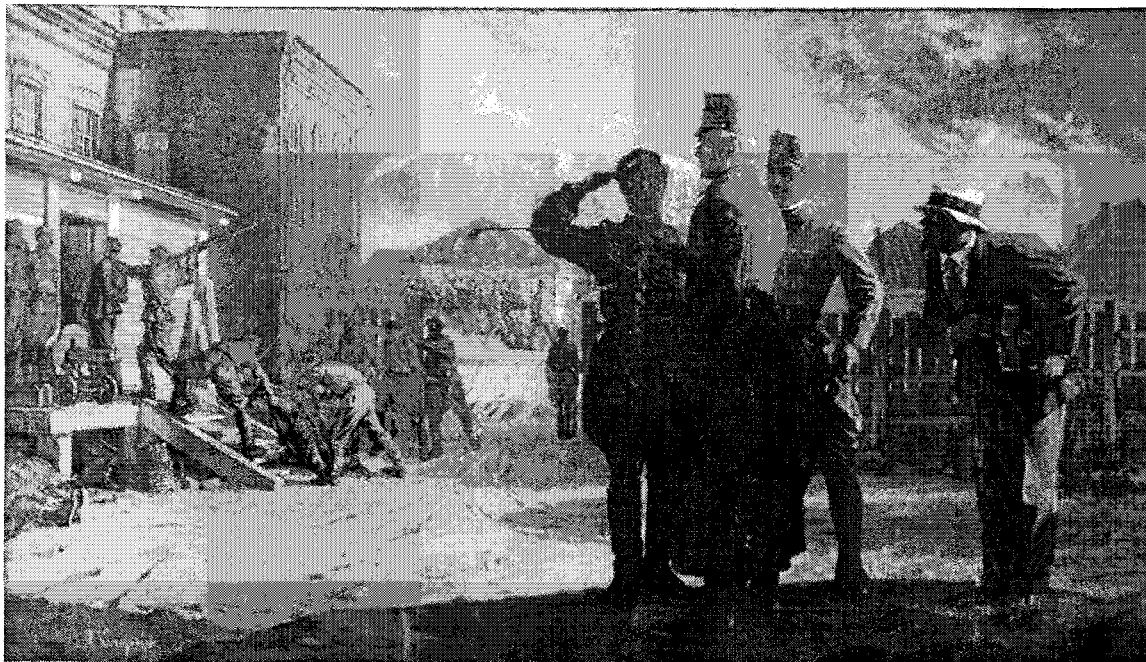
Согласно воспоминаниям скульптора, создавая образ Орленка, он думал о старшем брате, погибшем в 1943 г. на Курской дуге, и таких же молодых воинах, ушедших на фронт. По сути, для Головницкого, несмотря на то, что памятник создавался в честь комсомольцев-героев революции и Гражданской войны на Урале, он стал скульптурным символом, посвященным юным солдатам Великой Отечественной³¹. При этом не следует, конечно, забывать и о том факте, что во второй половине 1950-х гг. широкой популярностью пользовалась песня «Орленок» (поэт Я. Шведов, композитор В. Белый) о юном герое гражданской войны. Видимо эта песня могла также повлиять на образное решение памятника.

Итак, многочисленные образы героев революции и Гражданской войны, созданные художниками, призваны были постоянно оживлять коллективную память о «славном героическом прошлом», чтобы советские люди знали «кто они» и «куда идут».

Образы врагов

Важным атрибутом историко-революционной живописи являлись образы врагов. В скульптурных композициях советской эпохи они, как правило, не изображались, а вот на полотнах художников присутствовали. Очень распространенной сюжетной линией были расправы врагов над вождями или рядовыми борцами революции.

Советские художники редко изображали врагов в качестве главных персонажей своих картин. Но такое все-таки случалось. В качестве примера можно назвать полотно Н. М. Кочергина «Белочехи в Челябинске»³². Московский художник создал картину в 1950-е гг., видимо, на заказ, специально для Челябинского краеведческого музея. На переднем плане, чуть справа, изображена группа из четырех враждебных фигур. Центральной из них является чешский офицер в шинели со стеклом в правой руке.

Н. М. Кочергин «Белочехи в Челябинске» (1950-е гг.)

Он указывает на пленных большевиков, которых казаки, избивая, тащат в одно из зданий, видимо ставшим помещением для контрразведки и тюрьмы. Прототипом этого образа являлся подполковник С. Н. Войцеховский, русский офицер, оказавшийся с 1917 г. на службе Чехословацком корпусе. Когда в мае 1918 г. произошло выступление чехословацких легионеров против советской власти в Челябинске, он, как командир полка, оказался здесь самым старшим из офицеров. Благодаря его опыту и военному таланту, а также быстрым и решительным действиям его подчиненных, им удалось практически за одну ночь 26 мая с отрядом в 250 легионеров обезвредить и разоружить красногвардейские части, находившиеся в так называемых «Красных казармах» и свергнуть власть большевиков в Челябинске. В итоге, два советских полка (около двух тыс. человек) были застигнуты врасплох. Многие красноармейцы просто спали. Победителям досталось 20 орудий, 15 тысяч винтовок, пулеметы и грузовые автомобили. На их сторону перешло 112 русских офицеров, а из районов Верхнеуральска и Троицка подошли на помощь казачьи отряды³³.

Другие лица, окружающие старшего офицера, изображены следующим образом. Угодливый казачий офицер-ординарец с аксельбантами стоит навытяжку и докладывает, отдавая честь. Рядом — еще один чешский офицер, явно младшего чина, с довольной улыбкой на устах что-то также хочет сказать своему начальнику. Возможно, прототипом данного образа является прапорщик М. Чила, который возглавлял основной костяк отряда, захватившего Красные казармы.

Еще одна фигура врага — это образ «эсеро-меньшевистствующего» соглашателя, с бородкой и в пенсне, склонившегося в угодливом поклоне перед спиной старшего чешского офицера. На нем летняя шляпа, коричневый пиджак, прикрывающий белую рубашку и синеватый галстук, светлые брюки и

штылеты. Перед нами типичный политический деятель провинциального масштаба.

Вообще репрезентация художниками вражеских образов как ключевых была нехарактерной для сталинского периода. В историко-революционной живописи такая линия проявляется в 1920-е — начале 1930-х гг., а затем многие мастера кисти, находившиеся в тисках тоталитарного сталинского режима, чтобы не рисковать, отказались от подобного подхода, и изображали в качестве основных образов исключительно «своих», а не «чужих». После Сталина в условиях политической «оттепели» показ врагов на переднем плане как главных фигур вновь стал возможен. Поэтому можно предположить, что Н. М. Кочергин создавал свое полотно уже в пост-сталинский период.

Слева на заднем фоне картины, как сказано выше, представлены казаки, ведущие под конвоем плененных большевиков. Чуть дальше по улочке города строем идет колонна чехов. Вся атмосфера представляется тревожной. Ее нагнетают нарисованные художником, сумрачные тучи, уже заполнившие почти все небо.

Главная идея картины перекликается с некоторыми историко-революционными полотнами советских художников, которые отразили мысль о неизбежности будущей победы большевиков, несмотря на их сегодняшнее поражение. Герои, изображенные на втором плане, предстают как мученики, готовые погибнуть за великую идею. Их участь предрешена, вскоре состоится казнь. Но эта расправа не приблизит белых к победе, так как они выступают за неправоное дело.

Создавая образы врагов, художники, ориентировали советских граждан в мире прошлого и настоящего, указывая, кто есть «свой», а кто — «чужой». Образы врагов в историко-изобразительном искусстве, наряду с другими каналами трансляции

коллективной памяти, призваны были консолидировать и мобилизовать советское общество на решение новых сверхзадач.

Итак, историко-революционное тематическое направление в изобразительном искусстве советской эпохи играло важную роль, связанную с мифологизацией прошлого и формированием коллективной идентичности. Наибольшее развитие оно получило в 1920—1930-е гг. и во второй половине 1950-х—1960-е годы. Именно в эти периоды появилось значительное количество историко-революционных произведений. Данное явление наблюдалось как во всей стране, так и на Южном Урале, где художники также находились под влиянием общих тенденций в развитии советского изобразительного искусства.

Несмотря на значительное искажение исторической правды и мифологизацию событий прошлого художниками, работавшими в историко-революционной тематике, эстетическая составляющая ряда их произведений не утратила и сегодня своей привлекательности. Как говорится, в любом произведении искусства значительного художника, даже выполненного на заказ, чувствуется рука мастера. Стоит также отметить, независимо от того, что историко-революционные произведения остались в другой эпохе, и практически сегодня не создаются, тем не менее, подобные творения оказали колоссальное влияние на взгляды советских людей о прошлом, которое изображалось как героическое время рождения нового мира. И сегодня образы историко-революционного искусства советского периода дают о себе знать. Представления многих современных российских граждан о революции и гражданской войне остаются в границах прежних трактовок советского прошлого. Об этом говорит и тот факт, что ни общество, ни власти не предпринимают активных и масштабных попыток для восстановления исторической справедливости и увековечивания имен деятелей антибольшевистской борьбы. В этом отношении продолжает действовать принцип «победителей не судят».

Примечания

1. Голомшток И. Соцреализм и изобразительное искусство // Соцреалистический канон : сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. — СПб., 2000. — С. 138.
2. Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон : сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. — СПб., 2000. — С. 7—15.
3. Розенталь Б. Соцреализм и нищестанство // Соцреалистический канон : сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. — СПб., 2000. С. 56—69.
4. Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам Челябинского областного краеведческого музея за предоставленную возможность познакомиться с фондами, включающими произведения историко-революционной живописи и графики о них.
5. Серебрянников Н. Н. Урал в изобразительном искусстве. — Пермь, 1959. — С. 19.
6. Боже В. С. Рыцарям революции посвящается // Челябинский рабочий. — 1987. — 6 мая.
7. Кудзоев О. А., Ваганов А. С. Скульптурная летопись края. — Челябинск, 1989. — С. 21—26.
8. Там же. — С. 40.
9. Там же. — С. 84—85.

10. Подсчитано по: Кудзоев О. А., Ваганов А. С. Указ. соч. — С. 207—211.

11. См., напр., репродукции картин: А. П. Сабуров «В. И. Ульянов (Ленин) в Челябинске», А. В. Храмов «В. И. Ленин в дни Октября» (1937); В. А. Неясов «Ленин у карты ГОЭЛРО» (1970), «Ленин среди молодежи» (1970); «В дни Октября» (1979) и др. (Александр Порфилович Сабуров : каталог выставки. — Челябинск, 1976; Художники Башкирии : справочник. — Уфа, 1979. — С. 201—202; Художники Южного Урала / сост. Л. Байнов. — Челябинск, б. г.; Челябинская организация Союза художников России : справочник. — Челябинск, 1996. — С. 262—264; Василий Андреевич Неясов. Личность и творчество / сост. Г. С. Трифонова. — Челябинск, 2006. Вклейка.

12. См. репродукцию картины: Серебрянников Н. Н. Указ. соч. — С. 171. Оригинал картины хранится в фондах Челябинской областной картинной галереи (далее — ЧОКГ).

13. Кудзоев О. А., Ваганов А. С. Указ. соч. — С. 32—33.

14. См. напр.: А. С. Пруцких «Героическая гибель Цвиллинга» (1944), см. репродукцию картины: Байнов Л. П. Художники Челябинска. — Челябинск, 1979. Вклейка; Р. И. Габриэлян «Выступление Цвиллинга у кинотеатра «Луч»» (1957), оригинал картины хранится в фондах Челябинского областного краеведческого музея (далее — ЧОКМ); памятник С. М. Цвиллингу (1964), скульптор Е. И. Макаров; А. П. Сабуров «Цвиллинг» (1964), см. репродукцию линогравюры: Байнов Л. П. Художники Челябинска. — Челябинск, 1979. Вклейка.

15. Борисов В. Г. Факты и мифы из жизни С. М. Цвиллинга // Исторические чтения. — Вып. 4. — Челябинск, 1998. — С. 199.

16. См. репродукцию картины: Василий Андреевич Неясов. Личность и творчество / сост. Г. С. Трифонова. — Челябинск, 2006. Вклейка.

17. Оригинал картины хранится в фондах ЧОКМ. Помимо этого названия у творения А. К. Жаба имелись и другие: «Поход Блюхера на Кунгур» или «Поход Блюхера в тыл колчаковцев». Последнее наименование картины явно неудачное, грубо искажающее исторические факты. Летом 1918 г. во время эпопеи красных партизан А. В. Колчак еще не являлся Верховным правителем и не обладал никакой властью. Партизанам пришлось воевать с войсками Временного Сибирского правительства, находившимися в данном регионе.

18. Фоминых П. По следам героев // Челябинский рабочий. — 1968. — 6 ноября.

19. См. репродукцию диорамы: Василий Андреевич Неясов. Личность и творчество... Вкладка-приложение.

20. Кудзоев О. А., Ваганов А. С. Указ. соч. — С. 80.

21. См. репродукцию: Челябинская областная картинная галерея / авт. и сост. Г. С. Трифонова, Г. И. Пантелева, Л. А. Сабельфельд. — М., 2003. — С. 60.

22. Челябинская областная картинная галерея... — С. 60.

23. Clark K. Soviet Novel: History as Ritual. — Chicago, 1981; Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Соцреалистический канон... — С. 569—584.

24. Кудзоев О. А., Ваганов А. С. Указ. соч. — С. 56—61; Кудзоев О. А. Памятник Н. Д. Томину // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. — Т. 6. — Челябинск, 2008. — С. 529—530.

25. Кудзоев О. А., Ваганов А. С. Указ. соч. — С. 19.

26. Там же. — С. 20.

27. Там же. — С. 38.

28. См. репродукцию: Байнов Л. П. Художники Челябинска. — Челябинск, 1979. Вклейка. Оригинал картины хранится в фондах ЧОКГ.

29. Картина хранится в фондах ЧОКМ. На ней запечатлена одна неточная деталь: казаки изображены с алы-

Исторические науки

ми лампасами на галифе. Такого цвета лампасы носили донские казаки. В то время как оренбургские казаки, которые расправились в июне 1918 г. с челябинскими большевиками, имели на своих форменных брюках лампасы василькового цвета.

30. Картина хранится в фондах ЧОКМ.

31. Мурзин А. Мальчишка с Алого поля // Правда. — 1968. — 4 янв.; Колпакова В. С. Скульптор Л. Н. Голов-

ницкий: штрихи к портрету // Исторические чтения. — Вып. 5. — Челябинск, 2000. — С. 93—94.

32. Картина хранится в фондах ЧОКМ.

33. Канинский Г. Г. «...Иначе поступить не мог». Русский генерал С. Н. Войцеховский. — Челябинск, 2003. — С. 21—23.

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

ВОЛКОВ Евгений Владимирович, доктор исторических наук, кафедра истории России, ЮУрГУ.

VOLKOV Evgeny Vladimirovich was born in 1964, now he is Cand.Sc. (History), associate professor of the History Department of South Ural State University. He has got more than 60 publications, a doctoral thesis concerning Russian history. Research interests: history of white movement in Russia during Civil War period.

БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ VII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI ВВ. ДО Н. Э. В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

А. А. Иванов

7 AND EARLY 6 CENTURY BC BRONZE ARROW-HEADS IN SEPULCHRAL COMPLEXES OF URAL-KAZAKH STEPPES

A. A. Ivanov

Статья посвящена анализу бронзовых наконечников стрел VII — первой половины VI вв. до н. э. Они рассматриваются как индикатор этнокультурных связей населения различных регионов. Кроме того сделана попытка разграничить социальную, хронологическую и культурную информацию, которая нашла отражение в колчаных наборах Урало-Казахстанских кочевников.

Ключевые слова: наконечники стрел, этнокультурные контакты, Урало-Казахстанские степи, типология, хронология, сарматы.

The article deals with analysis of bronze arrow-heads of 7 and early 6 centuries BC. They are analysed from the point as indicator of the ethnocultural ties of population of different regions. Beside this the author made an attempt to divide the social, chronological and cultural information with was reflected in the sets of quivers of Ural-Kazakh nomads.

Keywords: arrow-heads, ethnocultural ties, Ural-Kazakh steppes, typology, chronology, the Sarmatians.

Наконечники стрел являются наиболее массовым археологическим источником. Очень часто их используют для датировок памятников и определения культурного влияния населения отдельных регионов.

Многие исследователи, занимаясь анализом наконечников, используют принципы типологии, предложенные в 1961 году К. Ф. Смирновым¹. Унификация принципов исследования позволила создавать региональные типологии сопоставимые между собой. В результате есть возможность определять исходные районы, в которых происходило формирование того или иного типа наконечников стрел. До сих пор остается определенной разногласия в терминологическом аппарате, а иллюстративный материал и описание не дают возможностей для однозначного восприятия материала.

Основное внимание мы обратим на форму наконечников стрел, которая изменяется как в процессе изготовления, так и использования. Например, крайне нечетко разделяются треугольная и сводчатая головка, симметрично-ромбическая и лавролистная. Отсутствие четких критериев затрудняет типологическую интерпретацию, что и усложняет их культурную трактовку.

В основе исследования лежит гипотеза о том, что смена типов оружия несет информацию о взаимодействии населения различных регионов. Кроме того анализ наконечников стрел позволит говорить о территории происхождения и о эволюции определенных типов.

Для систематизации наконечников стрел использованы существующие типологии, разработанные

К. Ф. Смирновым, Л. Т. Яблонским, О. А. Вишневецкой, и др. В ходе исследования не ставилась цель выделения новых типов, хотя необходимость такой работы назрела.

Была составлена выборка из 24 погребальных комплексов расположенных на территории Урало-Казахстанских степей, содержащих 402 наконечника стрел. Авторами публикаций все они датированы в рамках VII — первой половины VI вв. до н. э. Количество наконечников стрел в погребениях от 1 до 88.

В результате систематизации имеющегося материала выявлены общераспространенные и единичные типы наконечников стрел. Основу колчаных наборов, составляют: черешковые трехлопастные со сводчатой головкой и втульчатые двухлопастные, из которых наиболее распространены типы с асимметрично и симметрично ромбической головкой.

Менее распространены наконечники стрел следующих типов: черешковые: двухлопастные, четырехлопастные, трехгранные; втульчатые: ромбические и круглые в сечении, четырехлопастные, трехлопастные; наконечники с зажимной формой насада.

В качестве рабочей была выдвинута гипотеза о том, что колчаные наборы знати состоят из новейших образцов и качественно отличаются от наборов рядовых воинов. Происходит это из-за того, что знат первой усваивает инновации, поэтому одновременные погребения «знатных» и «рядовых» членов общества будут различаться². В качестве критериев знатности были приняты следующие

показатели: количество наконечников в погребении, наличие высокохудожественных изделий и изделий из драгоценных металлов.

Для выяснения взаимосвязи количества и типологического разнообразия наконечников стрел была проведена их корреляция. В результате были выделены две группы погребений.

Первая группа — условно «рядовое» население. Их колчаные наборы содержат от 1 до 14 наконечников стрел. Особенности группы: небольшое количество стрел; преобладание черешковой формы насада; наличие редких типов, характерных в большей степени именно для этой группы (двулопастные, четырехлопастные, трехгранные черешковые); отсутствуют высокохудожественные изделия из бронзы и драгоценных металлов.

Данную группу можно разделить на три подгруппы:

1а. Содержат от 1 до 3-х бронзовых наконечников стрел разных типов. Господствует черешковая форма насада. Другой инвентарь в погребениях, как правило, отсутствует.

1б. Включает от 4 до 7 бронзовых наконечников черешковых трехлопастных и втульчатых двулопастных. Другой инвентарь в погребениях чаще всего не выразителен.

1в. Достаточно большие наборы от 9 до 14 бронзовых однотипных наконечников стрел. Для этой группы характерна стандартизация колчанного набора. Другой инвентарь включает оружие ближнего боя.

Вторая — условно «элитарная» группа погребений. Количество бронзовых наконечников стрел от 16 до 88. Особенности этой группы: большее количество стрел; преобладает втульчатая форма насада; наличие редких типов характерных только для этой группы (ромбических в сечении втульчатых, трехлопастных втульчатых, зажимных). В погребениях найдены высокохудожественные бронзовые изделия и предметы из золота.

В результате корреляции количества и типологического разнообразия наконечников стрел в одном колчанном наборе выявлена следующая зависимость. Увеличение общего количества наконечников стрел в погребении приводит к уменьшению количества наконечников с черешковой формой насада.

Черешковый насад бронзовых наконечников стрел характерен для восточных регионов Евразийских степей. Встречаясь в комплексах VIII—VI вв. до н. э., такой способ крепления видимо является реликтом, наследством культур эпохи бронзы.

В регионе Урало-Казахстанских степей черешковые наконечники представлены разными типами, которые имеют различное происхождение. Наиболее ранними являются двулопастные черешковые наконечники. Они распространены на широкой территории и своим происхождением связаны еще с эпохой бронзы. В погребениях VII в. до н. э. из Центрального Казахстана встречены два двулопастных наконечника с выделенным бойком, широким основанием лопастей и длинным черешком. Отличается от них двулопастной наконечник из погребения 2 кургана 1 могильника Николаевка II. Он имеет сводчатую головку, утяжеленный ромбический в се-

чении боек, который сближает его с четырехлопастными наконечниками. Сходные наконечники есть в тагарской культуре и в Приаралье³. Наконечники с четырехгранным бойком и узкими лопастями можно считать переходной моделью от двулопастных к четырехлопастным наконечникам стрел. Можно предположить, что двулопастные черешковые наконечники в Урало-Казахстанских степях появились под влиянием кочевников из Приаралья. Широкого распространения они не получили, и к VII в. до н. э. почти повсеместно выходят из употребления⁴.

По мнению О. А. Вишневецкой генетически связаны с двулопастными четырехлопастные черешковые наконечники⁵. Они датируются в Приаралье VI в. до н. э. и считаются пережиточной местной формой. В памятниках Южного Урала широкого распространения такой тип не получил. Такие наконечники представлены экземплярами из погребения могильника Варненский курган 1 погребение 1, и Целинный I курган 59 погребение 1. Датируются концом VII—VI в. до н. э. Изначально четырехлопастные черешковые наконечники с ромбическим бойком могли сформироваться на территории Южного Урала и лишь затем попасть в Приаралье. Дальнейшее накопление материала в Приаралье и на Урале позволит уточнить этот вывод. Появление четырехлопастных черешковых не всегда связано с утяжелением бойка как это отмечает О. А. Вишневецкая. В лесостепном Алтае встречен четырехлопастной наконечник, не имеющий ромбического в сечении бойка, датирован VIII—VII в. до н. э.⁶

К группе редких черешковых относятся наконечники трехгранные в сечении. Они представлены в нескольких погребениях из Зауралья и Центрального Казахстана. Все наконечники имеют сводчатую головку. По мнению ряда авторов к VI в. до н. э. по материалам Казахстана трехгранные черешковые наконечники вытесняют трехлопастные.⁷ Трехгранные наконечники являются продолжением внутренней эволюции черешковых трехлопастных. Аналогии находятся в Приаралье, но до сих пор затруднено определение территории формирования такого типа.

Основную массу черешковых наконечников составляют трехлопастные типы. Встречены в 14 погребениях, всего 72 экземпляра. Господствующая форма головки сводчатая с утяжеленным бойком, редко встречаются с треугольной и башневидной головкой. Возможно, треугольная форма пера является Приаральской, а сводчатая имеет восточно-казахстанское происхождение⁸. Говорить об этом стоит с определенной долей условности, так как треугольная может переходить в сводчатую в результате заточки, четкие формы встречаются редко и высока доля субъективизма исследователя.

Втульчатые наконечники стрел в сечении бывают двулопастными, ромбическими, трехлопастными. Основная масса это симметрично и асимметрично ромбические формы. Общий облик таких наконечников сближает их с лавролистными формами и очень часто тяжело их разграничить, поэтому ряд исследователей выделяют плавноромбические или овальноромбические формы⁹.

Самые ранние типы — это наконечники, втулка которых проходит через все перо листовидной фор-

мы. Они относятся к архаичным, широко распространенным типам, известным с эпохи бронзы¹⁰.

Лавролистные, овальноромбические, симметрично и ассиметрично-ромбические, с простым или утяжеленным бойком и выступающей втулкой, могут иметь шип на втулке. Широкое распространение таких форм говорит о том, что они имеют общее происхождение¹¹. По форме пера делятся на две группы: лавролистные и ромбические. Между ними существует некоторое количество смешанных групп, не имеющих однозначной формы пера.

Ромбические типы происхождения видимо, связаны с восточным регионом Евразийских степей, а их распространение с миграциями номадов на запад на заре раннего железного века¹². На материалах Причерноморья и Закавказья, ромбические наконечники более ранние и относятся к жаботинскому этапу, а лавролистные к келермесскому¹³. О. А. Вишневецкая и М. К. Хабдулина по данным Приаралья и Приишимья не склонны разделять эти наконечники хронологически и помещают их в одну группу¹⁴.

В отдельный тип выделяются наконечники, имеющие утяжеленный ромбический в сечении боек, переходящий в широкие лопасти, опущенные ниже втулки, которые представлены в могильнике Иртыш 14, курган 2, погребение 3¹⁵. Близок им наконечник из могильника Шатрово, курган 1, погребение 2, который имеет небольшую втулку¹⁶. Аналогии имеются на достаточно широкой территории, что позволяет нам отнести его к общераспространенным типам¹⁷.

Втульчатые ромбические в сечении представлены несколькими типами, целесообразнее рассматривать их вместе, учитывая малочисленность выборки. Такие наконечники встречаются на достаточно большой территории, но основная их масса происходит с территории Восточной Евразии. О. А. Вишневецкая центром производства считает территорию Приаралья¹⁸. Однако, следуя логике О. А. Вишневецкой, что центром производства является регион, где таких наконечников большинство правильнее связывать происхождение данного типа с памятниками Северного Казахстана¹⁹. Наиболее ранними формами видимо являются типы с гладкими гранями связанные происхождением с костяными наконечниками. Небольшое количество костяных прототипов затрудняет поиск изначального ареала. Возможный регион, где происходит становление этой формы Алтай. Костяные наконечники такой формы на территории Алтая датированы IX—VIII вв. до н. э.²⁰ Как правило эти наконечники представлены единичными находками в колчаных наборах VII—первой половины VI вв. до н. э. Для наконечников этого типа зафиксирована некоторая особенность в распространении. Они представлены не во всей выборке, а лишь в той которую мы определяем как «элитарную».

Круглые в сечении наконечники встречены в погребении могильника Алыпкаш курган 13 погребение 1. Относятся к редким типам, аналогии есть в Аржане и на Нижней Волге датированы VIII—VII вв. до н. э.²¹ Представлены круглые наконечники и в материалах Причерноморья и Кавказа²².

Происхождение их, видимо, связано с эпохой бронзы независимо от территории.

Зажимные наконечники из могильника Кичигино I курган 5 погребение 1 уникальны и точных аналогий не имеют. Такая форма насада необычна и наконечников подобного типа немного. Ареал их распространения степи Восточной Евразии²³. Самые ранние прототипы с двулопастной головкой и двумя зажимами появляются в западном Синьцзяне, в верховьях реки Или, датируются VII—VI вв. до н. э.²⁴

Ряд наконечников не имеет аналогий и представлен единичными экземплярами. К ним относятся четырехлопастные втульчатые наконечники встреченные в нескольких погребениях Южного Урала и Северного Казахстана. Возможно, они являются изделиями местных мастеров, но однозначно ответить на этот вопрос может только дальнейшее накопление материала²⁵.

Трехлопастные «скифские» типы наконечников стрел встречены в четырех погребениях. Первые наконечники «скифских» типов появляются в Урало-Казахстанских степях в начале VII в. до н. э. Они двух типов с лавролистной и сводчатой головкой с опущенными шипами. Интересно, что на ранних этапах они встречаются с трехлопастными черешковыми, т. е. сочетают две традиции «восточную» и «западную». Позднее на памятниках Приуралья такого сочетания не встречается. Наоборот, с конца VII в. до н. э. «скифские» типы встречаются не разрозненно, а целым комплексом. Это может говорить о нарастании «скифского» влияния в Приуралье.

В результате исследования были выделены некоторые особенности усвоения инноваций кочевниками в Урало-Казахстанских степях.

Можно выделить «традиционные» и «культурные» инновации. «Традиционные» инновации связаны с оптимизацией общераспространенных форм. Это отразилось в появлении четырехлопастных и трехгранных черешковых наконечников стрел. Такие инновации были усвоены «рядовым» населением, которому видимо проще принять модернизированную, но узнаваемую форму.

«Культурная инновация» связана с разработкой или заимствованием качественно новых форм, не имеющих местных аналогов. «Культурная» инновация усваивается, как правило, представителями «знати». Связано это с тем, что культура «донор» пользуется большим престижем чем «реципиент»²⁶. В данном случае речь идет о проникновении «скифских» форм, которые впоследствии становятся основой колчаных наборов.

Оценивая разнообразие типов наконечников стрел исследуемого региона можно сказать, что они находят многочисленные параллели в памятниках Приаралья. Видимо, эти регионы развивались в тесном взаимодействии. Контакты могли происходить в период зимовки и охватывали широкие слои населения. На современном этапе развития знаний затруднительно однозначно определить направление этих связей.

Можно говорить о нескольких культурных импульсах, которые нашли отражение в типологическом разнообразии наконечников стрел.

Прежде всего, следует отметить влияние, исходящее из региона Синьцзяна. С этими областями

связано происхождение дулопастных черешковых и зажимных наконечников стрел. И если первые в Урало-Казахстанские степи попали через Приуралье, то вторые, видимо, отражают существование прямых контактов между населением западного Китая и номадами Урало-Казахстанских степей. К сожалению, пока недостаточно данных чтобы уверенно говорить о некой миграции из Синьцзяна в степное Зауралье, где и были обнаружены данные наконечники.

Другое направление связей это контакты между кочевниками степного Приуралья и «скифского» мира. В результате в Урало-Казахстанских степях появилось большое количество «скифских» наконечников стрел. Можно предполагать, что с конца VII в. до н. э. мы фиксируем появление западного населения оставившего памятники типа Целинного, курган 59 и Покровка 2, курган 17²⁷.

Бронзовые наконечники стрел Урало-Казахстанских степей VII — первой половины VI в. до н. э. несут в себе различную информацию. Не во всех типах информация представлена в одинаковом объеме. Большая часть колчаных наборов состоит из общераспространенных типов характерных для всего ареала кочевников Евразии. Но некоторые типы имеют четкую привязку к конкретным регионам, что позволяет нам определить направление этнокультурных контактов. Количество наконечников в одном колчане на наш взгляд несет социальную информацию и может являться социальным маркером. Дальнейшая работа в этом направлении и накопление материала позволит уточнить выявленные закономерности и направления связей.

Примечания

1. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — М. : Наука, 1961. — 162 с.
2. Арутюнов С.А. Народы и культуры развитие и взаимодействие. — М. : Наука, 1989. — 247 с.

3. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. — М. : Наука, 1967. — 300 с.

4. Яблонский Л. Т. Саки Южного Приуралья. — М. : Наука, 1996. — 186 с.

5. Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — М. : Наука, 1973. — 295 с.

6. Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии — Новосибирск : Наука, 1987. — С. 6—27.

7. Яблонский Л. Т. Цит. соч. — С. 38.

8. Там же.

9. Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. — Алматы : Наука, 1994. — 170 с.

10. Там же.

11. Яблонский Л. Т. Цит. соч. — С. 40.

12. Там же. — С. 41.

13. Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. — М. : Новости, 2001. — 324 с.

14. Вишневская О. А. Цит. соч. — С.83; Хабдулина М. К. Цит. соч. — С. 25.

15. Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д. Иртыш — 14 погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи // Археология Южного Урала. Степь. — Челябинск, 2006. — С. 225—245.

16. Таиров А. Д. Ранние кочевники Урало-Казахстанских степей VII—II вв. до н. э. : дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2005. — 178 с.

17. Там же.

18. Вишневская О. А. Цит. соч. — С. 91.

19. Хабдулина М. К. Цит. соч. — С. 30.

20. Яблонский Л. Т. Цит. соч. — С. 30.

21. Там же. — С. 42.

22. Смирнов К. Ф. Цит. соч. — С. 61.

23. Иванов С. С. К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана — Бишкек, 2007. — С. 64—70.

24. Там же.

25. Хабдулина М. К. Цит. соч. — С. 38.

26. Арутюнов С.А. Цит. соч. — С. 187.

27. Гуцалов С.Ю. Цит. соч. — С. 65.

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

ИВАНОВ Александр Александрович, аспирант кафедры «Древняя история и этнология Евразии» ГОУ ВПО ЮУрГУ. Сфера научных интересов: археология, кочевники, вооружение. iv171280@yandex.ru

IVANOV Aleksandr Aleksandrovich is a post graduate student of the Ancient History and Eurasian Ethnology Department of South Ural State University. Research interests: archeology, nomads, armament. iv171280@yandex.ru

РОЖЕНИЦЫ УРАЛА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ СЕТИ РОДОВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

М. И. Мирошниченко

URAL PARTURIENT WOMEN IN INITIAL PERIOD OF ORGANIZATION OF THE OBSTETRICAL ESTABLISHMENTS SYSTEM

M. I. Miroshnichenko

Статья посвящена изучению состояния рожениц на Урале в 1920-е — первой половине 1930-х гг. в сравнении с последним дореволюционным периодом охарактеризованы возможности получения женщинами родильной помощи в условиях становления сети родовспомогательных учреждений.

Ключевые слова: женская история, история Урала, охрана материнства и младенчества, роженица.

The article deals with the research of the Ural parturient women state in 1920s and early 1930s in comparison with the last pre-revolutionary period. The author gives characteristics to the possibilities of receiving puerperal care in conditions of the organization of obstetrical establishments system

Keywords: women history, history of Ural, maternal and child welfare, parturient woman.

Роды представляют собой сложный физиологический процесс, который является закономерным завершением беременности. У первородящих рожениц роды продолжаются 16—18 часов, у повторнородящих — 10—12 часов. Практика показала, что в течение этого времени при роженице должен находиться человек, который может немедленно оказать ей какую-либо помощь. Актуальность избранной темы определена не только тем, что 1920-е — первая половина 1930-х гг. представляют собой «темное время» в женской истории Урала, но и стремлением возродить в России ценность материнства.

Историография проблемы крайне скудна. Ценную фрагментарную информацию содержат работы практических деятелей, организаторов сети медицинских учреждений и охраны материнства и младенчества 1920-х гг.¹ Хорошо изучены непосредственно связанные с родовым актом (родинами) обряды башкирского народа². Внимание к отдельным аспектам избранной темы историки проявляли в рамках освещения партийно-государственной политики по охране материнства и детства и развитию здравоохранения³, при исследовании проблем рождаемости, детской и материнской смертности⁴. Анализ историографии показывает, что наиболее исследованы законодательные акты, регулирующие правовое положение беременной и родильницы, проблемы создания родильных домов и женских консультаций в общей сети медицинских учреждений, башкирские родовые обряды. Цель статьи — изучить положение рожениц, возможности получения ими помощи при родах на Урале в 1920-е — первой половине 1930-х гг.

Если в XIX в. традиционным местом родов для горно-заводского населения Урала считалась баня, которую специально топили, или летом нежилая изба, то со временем роды, особенно тяжелые, стали

происходить в жилом помещении. Роды принимали обычно женщины, занимающиеся повивальным искусством. Роженицы верили, что такие «бабушки» («бабки») способны выгнать порчу, предотвращать призоры и уроки и всякие дурные последствия, ограждать роженицу от нечистой силы, способствовать скорому и правильному разрешению от беременности⁵. Считалось, что при родах помогают специальные молитвы, Феодоровская икона Божьей матери и известная также как «Помощница в родах» икона «Помогательница женам чады рождати». Первая возможность получить квалифицированную медицинскую помощь появилась у рожениц Екатеринбурга. Именно в Екатеринбурге в 1876 г. по инициативе врача-акушера Алексея Федоровича Петрова⁶ и под его руководством был открыт на частные пожертвования первый на Урале родильный приют. После ходатайств А. Ф. Петрова по решению городской думы родильный приют был принят на содержание города, стал называться родильным домом и с 29 марта 1877 г. (по старому стилю) «во всякое время дня и ночи, причем безвозмездно» мог принимать рожениц. Первым на Урале выполнил кесарево («кесарское») сечение доктор Василий Михайлович Онуфриев. Новое здание родильного дома располагалось на пересечении современных улиц им. Розы Люксембург и Декабристов⁷. Доктор медицинских наук В. М. Онуфриев заведовал Екатеринбургским родильным домом с 1879 г. по 1905 г. Он впервые на Урале внедрил методику асептического проведения нормальных родов и ухода за раной⁸. Екатеринбургский родильный дом вскоре превратился в клинику, а в 1916 г. под руководством профессора А. М. Новикова был преобразован в Повивально-гинекологический институт⁹. Родильный приют был создан в XIX в. и в Перми,

где он находился на Покровской улице¹⁰. В Челябинске первые койки для рожениц были выделены в городских больницах в 1905 г.¹¹.

С конца XIX в. в случаях трудных родов к роженицам Урала иногда стали приглашать докторов. Доктор заставлял роженицу уже в стенах дома, на кровати, на столе или на лавке. Лечебные учреждения — госпитали, больницы — также могли оказать акушерскую помощь беременным, но лишь в том случае, если женщины попадали туда в связи с каким-нибудь другим заболеванием. Однако это случалось крайне редко. Так в заводской больнице Богословского завода Пермской губернии в 1899 г. произошло всего 15 родовспоможений. В 1902 г. на VIII съезде врачей Пермской губернии сообщалось, что при заводских больницах губернии организовано всего 2 родильных покоя: в Добрянском заводе (на 2 кровати) и в Богословском заводе (на 5 кроватей). Съезд констатировал, что акушерки в строе заводской медицины являлись положительным исключением. Криминальные роды в конце XIX в. происходили в хлеву, в сарае, а чаще всего в голбце¹². Из числа лечившихся в больницах до октября 1917 г. на Южном Урале женщины составляли лишь 3 %¹³. Отпусков по беременности до Октябрьской революции работающие женщины не получали, поэтому роды на работе были нередким явлением¹⁴. К примеру, Ф. Балмашева, работница мельницы Макарова, трудившаяся, как и остальные женщины этого предприятия с 6 утра до 6 вечера за 40 копеек в день, родила в 1910 г. сына прямо во время работы на мельнице¹⁵. Роды на рабочем месте не только проходили в негигиеничных условиях, но и были унижительным явлением. Женщинам приходилось длительное время терпеть боль при родовых схватках, они не имели возможности нормально тужиться, занять вынужденное положение (то положение, при котором боль чувствуется меньше всего). Роды на рабочем месте проходили, по всей видимости, нередко в вертикальной позе. Поскольку не производилось очищение кишечника клизмированием, при потугах в процессе родов неизбежно выходили каловые массы, моча; при разрывах, при отделении последа выделялась кровь. Возможность занесения инфекции как матери, так и ребенку в таких условиях многократно возрастала. В Челябинском и Троицком уездах до октября 1917 г. женщины получали медицинскую помощь при родах только в 1,6% случаев, в Златоустовском уезде — в 4,1%, в Верхнеуральском — в 0,9%¹⁶.

Создание сети родовспомогательных учреждений на Урале происходило в 1920-е — первой половине 1930-х гг. При этом в 1920-х гг. сначала выделялись родильные койки, создавались родильные отделения, родильные избы, смешанные или детские консультации. Затем уже на этой базе с начала 1930-х гг. стала разворачиваться сеть родильных домов. В 1919 г. роженицы Челябинской (сейчас — г. Копейск) получили небольшую возможность поступать в открывшуюся больницу, в ней из 11 коек 3 были родильными¹⁷. В 1920 г. денежные пособия по родам по-прежнему выдавались местными отделами трудового социального обеспечения¹⁸. С 1920 г. на медицинском факультете Екатеринбургского госу-

дарственного университета на кафедре акушерства и гинекологии под руководством ее заведующего А. М. Новикова началось накопление материала о состоянии рожениц при сложных родах¹⁹. В 1921 г. работа по налаживанию родовспоможения со стороны партийных органов проводилась через отделы работниц. В Пермской губернии уже в феврале 1921 г. роженицам выдавались усиленные пайки и 5 аршин мануфактуры. Эти меры пропагандировались через общегородские собрания делегатов²⁰. В 1922 г. работа по организации родовспоможения велась учреждениями при губернских отделах здравоохранения подотделами материнства и младенчества²¹. Однако даже в Екатеринбургской губернии в ноябре 1922 г. в структуре лечебно-санитарных учреждений, обслуживаемых врачами и лекарскими помощниками, консультаций еще не было создано²², как не было и родильных домов в сельской местности²³.

В 1923 г. на медицинских участках на Урале в штат больниц (на 20, на 50 коек) и фельдшерских пунктов включался 1 акушер. Если фельдшерского пункта не было, то акушерку содержало население²⁴. В 1923/24 х. г. в Троицком округе рожениц обслуживало 4 родильных отделения, в 1924/25 х. г. — 5²⁵. Первоначально к идее рожать на родильной койке, которая пропагандировалась в первую очередь через общегородские собрания, роженицы относились с недоверием. Зачастую женщины, как делегатки так и недегатки, не понимали значения многих слышимых ими слов, в том числе медицинских терминов. Слово «гинекологическое» в начале 1920-х гг. нередко воспринималось как бессмысленное «генологическое»²⁶, «голологическое» или «гелологическое»²⁷. Со временем его значение стало понятным²⁸.

В 1924 г. в Челябинской городской больнице имелось уже 30 акушерских и 20 гинекологических коек. В составе медицинской службы города работало 2 врача акушера-гинеколога и 8 акушерок²⁹ (по другим данным акушерок было 4³⁰). Однако большинство родов в Челябинске в 1924 г. (две трети из немногим более двухсот родов в год) были домашними,³¹ лишь 31,6% родов проходило в медицинских учреждениях³². В марте 1926 г. родовую помощь часть рожениц Троицкого округа получали в 8 родовспомогательных учреждениях (шести родильных отделениях при районных больницах, одном — при больнице г. Троицка и в открытой в поселке Степном 8 марта 1926 г. родильной избе). В них были проведены роды у 691 роженицы³³. По данным 1925/26 х. г. в Коми-Пермяцком округе наряду с 4 больницами, 4 амбулаториями и 3 приемными покоями имелось 13 фельдшерских коек, 6 медицинских врачей и 10 акушерок³⁴. Несомненные достижения все же не могли удовлетворить потребность в квалифицированной медицинской помощи роженицам. Так, в 1925/26 х.г. число учтенных в записях актов гражданского состояния по Уральской области рождений было следующим: в Шадринском округе — 25 533, в Свердловском — 24 401, в Пермском — 32 803, в Курганском — 21 058, в Челябинском — 21 029, в Сарапульском — 19 396, в Ишимском — 17 496, в Тюменском 17 371, в Тагильском — 17 211, в Кунгурском — 14 116, в Троицком — 13 829, в Ирбит-

ском — 10755, в Златоустовском — 9503, в Верхнекамском — 6983, в Коми-Пермяцком — 5549, в Тобольском округе — 5537³⁵. Родильную помощь оказывали в большинстве бабки-повитухи³⁶.

Постепенно роды под медицинским контролем завоевывали авторитет в среде рожениц. «То недоверие и предубеждение против мероприятий по охране материнства и младенчества, какое было в 1924 г. и отчасти в 1925 г. среди крестьянок и казачек, сильно изменилось, многие уже поняли, что это им близкое, необходимое дело», — отмечала в 1927 г. одна из ведущих деятельниц советского пролетарского женского движения на Южном Урале Евдокия Лукьяновна Горшечникова в своем выступлении на IV окружном съезде медицинских работников и представителей районных исполнительных комитетов Советов Троицкого округа³⁷. Она предложила использовать на Урале опыт Украины и ввести институт хозяйек-заместительниц, создав фонд социальной помощи «Матери и ребенка». Одной из целей такого фонда называлось создание возможности для беднячки-одиночки быть в постели во время родового и после родового периода, в это время опытная, подготовленная хозяйка-заместительница из делегатов будет вести ее хозяйство³⁸.

В традиционном обыденном сознании роды воспринимались как естественная, природная функция женщины. Однако различные патологии могут осложнять родовой акт. К наиболее сложным и частым случаям подобного рода относилось предлежание плаценты (или предлежание последа). С учетом высокой частоты рождений у женщин исследуемого периода становится ясным, почему на I съезде хирургов, гинекологов, офтальмологов, оторалингологов и рентгенологов Уральской области и прилегающих губерний, который состоялся в Свердловске 20—23 января 1927 г., в секции «Акушерство и гинекология», проблемам предлежания плаценты и последа уделялось столь много внимания. Так, заведующий Пермским родильным домом К. П. Звягин сообщал, что при применении лечения предлежаний последа старыми способами смертность матерей составляла от 2,04 до 19 %, в среднем 10,5 %; в Свердловском родильном доме 17,7 %. Он привел также данные об успешном применении кесарева сечения в Пермском родильном доме 10 декабря 1925 г. больной М. А. В. (40 лет, беременность пятая, трое детей, роды — четвертые) и больной З. П. К-вой (25 лет, четверо детей, беременность пятая)³⁹. Л. Ф. Соболев рассказал о первом случае кесарева сечения в Аша-Балашевской больнице 28 ноября 1921 г. у первородящей больной М. М. (28 лет) и о малом кесаревом сечении, произведенном в этой больнице в 1926 г. больной З. П. (27 лет, пятеро детей, беременность восьмая)⁴⁰.

Вопросы родовспоможения обсуждались на часто созываемых в то время женских съездах. В 1927 г. в Москве состоялся Всесоюзный съезд работниц и крестьянок — членов Советов. Делегатка из Пермского округа Конгурова рассказала в своем выступлении на этом форуме, что в Уральской области еще в 1927 г. есть уголки, где на 70—80 верст нет никакой медицинской помощи, даже фельдшерской. «У нас очень мало в деревне больниц,

а о родильных домах крестьянки понятия не имеют. Женщина-крестьянка до последних дней родов без усталости работает и рождает в поле под копной, без врача, акушерки и даже сельской бабки»⁴¹.

С развертыванием индустриального строительства встала проблема обеспечения родовспоможения роженицам великих строек. Так, в 1932 г. для рожениц на строительстве Челябинского тракторного завода было открыто акушерско-гинекологическое отделение на 85 коек⁴². В колхозах Свердловской области в 1935 г. было 109 родильных домов⁴³.

В Тюменском роддоме уже в 1927 г. профессором В. Г. Божовским и И. И. Туревским для обезболивания родов был применен гипноз. Женщины вводились в состояние сна, у каждой сон был различной глубины и гипнотизер вел систематическую беседу, указывая, что весь предстоящий процесс пройдет без боли. Из 20 рожениц, родивших под гипнозом, у 18 (90 %) отмечались хорошие результаты, роды прошли без болей и у двух (10 %) не получилось никакого эффекта. Из 5 рожениц, подвергшихся гипнозу, но родивших по разным непредвиденным причинам без гипноза, у одной роды прошли совершенно без болей, у 4 — с болями. Таким образом, из 25 родов в 19 (или в 75,75 % случаев) имелись вполне хорошие результаты⁴⁴.

Инициатором массового обезболивания родов стал профессор А. Ю. Лурье, работавший в Свердловском акушерско-гинекологическом институте. К январю 1936 г. в Свердловской области насчитывалось свыше 8000 родов, прошедших без боли. В каждом районном центре применялась практика обезболивания родов⁴⁵.

Массовое вовлечение женщин в производство в годы первой и второй пятилеток привело к тому, что первая половина беременности у части будущих рожениц проходила в неблагоприятных условиях. К примеру, беременные работницы кирпичных заводов (садчицы, лафетчицы, выставщицы, транспортчицы, обжигальщицы), литейных цехов (крановщицы, отбивщицы, формовщицы), кондитерских фабрик и др. работали в таких условиях, в которых температура окружающей среды составляла от +30° до +70°. Гипертермия, как показали исследования течения родового акта, проведенные уже в 1950—1960-е гг., вызывала возрастание различных аномалий родовых сил. Такими аномалиями были слабость родовой деятельности и затяжные роды для забеременевших в холодный и переходный периоды года (со средней наружной температурой менее +10°) и быстрые роды для забеременевших в теплый период года со средней наружной температурой от +10° и более⁴⁶. У женщин, работавших в таких условиях, возрастали также частота недонашивания и аномалий развития плода⁴⁷. Однако эти отдаленные последствия не предусматривались при решении казавшихся исключительно приоритетными экономических задач на фоне социалистических преобразований.

Таким образом, по мере становления сети родовспомогательных учреждений на Урале в 1920-е — первой половине 1930-х гг. возможности получения квалифицированной медицинской помощи для рожениц расширялись, но из-за недостаточности

такой сети, из-за больших расстояний, инерции мышления, материальных соображений значительная часть рожениц делала выбор в пользу домашних родов, родов под контролем старшей женщины или бабок-повитух, в большинстве своем не имеющих достаточных знаний, инструментария для правильного ведения родов в случае сложных патологий.

Примечания

1. Белостоцкий И. С. Здравоотделы в Екатеринбургской губернии за время существования Советской власти // Медработник Урала. — 1922. — № 3. — С. 2; Лебедева В. П. Задачи и пути охраны материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. — 1926. — № 1. — С. 1; Перетц В. Г. Медицинский обзор 50-летней деятельности Свердловского акушерско-гинекологического института. — Свердловск: Облздравотдел, 1928; Серебренников В. С. Здравоохранение на Урале. Итоги и очередные задачи. — Свердловск: Облздравотдел, 1929.

2. Стина И. А. Башкирка. — М.: ОММ, 1928. — С. 20; Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. — Уфа: Китап, 2006. — С. 226—227; Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. Семейный быт башкир. XIX—XX вв. — М.: Наука, 1991. — С. 89—96.

3. Сердитова С. Н. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 — февр. 1917 гг.). — М.: Госполитиздат, 1959; Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917—1937 гг.). — М.: Мысль, 1978; Новикова Е. Ч. Забота партии о женщине-матери // Опыт КПСС в решении женского вопроса. — М.: Мысль, 1981; Waters E. The Modernization of Russian motherhood // Soviet Studies. — 1992. — Vol. 44. — № 1. — P. 123—135; Cronberg T. Russian Women in the Defence Industry and the Transformation of their Identities // European Journal of Women's Studies. — 1997. — Aug. — Vol. 4. — P. 263—268; Ransel D. Village Mothers: Three generations of change in Russia and Tataria. — Bloomington, IN: Indiana University Press, 2000; Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917—1930-е годы // Советская социальная политика 1920—1930-х годов: идеология и повседневность. — М.: Вариант, 2007. — С. 21—67; Журавлева В. А., Ковалева Л. А., Петряшова Е. В. Некоторые аспекты государственно-правового регулирования охраны материнства и детства в 20—30-е годы XX века // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2007: материалы IX международной научно-практической конференции 29—30 марта 2007 г. Челябинск: Цицеро, 2007. — Ч. 1. С. 116—118.

4. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. статей. Демографические исследования. — Вып. 14. — М.: МАКС ПРЕСС, 2008. — С. 33; Журавлева В. А. Состояние младенческой смертности в городах Урала в 1920—1930-е годы // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы IX Всероссийской научной конференции. — Т. 2. — Екатеринбург: Издательский Дом «Автограф», 2009. — С. 179—183.

5. Голикова С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII—XIX веков. Демографические процессы и традиции / отв. ред. Н. А. Миненко. — Екатеринбург: УрО РАН, 2001. — С. 71.

6. Бриль С. Доктор Новиков, человек и ученый // Урал. — 1983. — № 9. — С. 155—159; Черданцева А. Г. Родильный дом в Свердловске // book.uraic.ru/files/kalend/2007.htm.

7. Черных Н. В. Уральский научно-исследовательский институт материнства и младенчества. 125 лет со

дня основания. 13 апреля 1877 г. // <http://omm.ur.ru/conferehces.html>.

8. В 1894 г. В. М. Онуфриев был избран действительным членом Акушерско-гинекологического общества в Санкт-Петербурге и читал там курс лекций по женским болезням. Он работал в Повивально-гинекологическом институте в Свердловске до 1919 г., и с 1922 г. до своей смерти в 1939 г. — См.: Хайдуков, К. С. Онуфриев Василий Михайлович // Екатеринбург: энциклопедия / гл. ред. В. В. Маслаков. — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — С. 409.

9. Черных Н. В. Указ соч.

10. Ремезовская Т. Б. Исторические улицы Перми // Труды Государственного архива Пермской области. Вып. 2. — Т. 1. — Пермь: Изд-во ГАПО, 2002. — С. 200.

11. Слуднова Ф. Ф. Служба акушерско-гинекологическая // Челябинск: энциклопедия / сост. С. В. Боже, В. А. Черноземцев. Изд. испр. и доп. — Челябинск: Камениый пояс, 2001. — С. 780.

12. Голиков С. В. Указ соч. — С. 71.

13. Становление охраны здоровья народа на Южном Урале / Д. К. Соколов, Р. С. Алексеева, Г. Ф. Еремич, и др. — Челябинск: Юж-Урал кн. изд-во, 1970. — С. 10.

14. Коробейников Н. А. Труженица Урала на борьбу за новую жизнь. Свердловск — М.: Гос. изд-во. Уральское областное отделение, 1930. — С. 3.

15. Балмашева Ф. Мельница та же, но жизнь иная // Ударница Урала. — 1936. — № 1. — С. 22.

16. Штат фельдшеров в России был введен для обслуживания сельского населения в 1888 г. — Становление охраны здоровья народа на Южном Урале. — С. 59.

17. Пузыревский Б. Г. Развитие здравоохранения в Копейске: Материал в помощь лекторам и беседам. — Челябинск: Челябинское обл. управление культуры, 1958. — С. 5.

18. О передаче дела охраны материнства и младенчества в центре и на местах в ведение Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. Циркуляр Народных комиссариатов труда и социального обеспечения и здравоохранения от 16 апреля 1920 г. // Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917—1924 гг.: сборник документов и материалов / сост. В. И. Додонов, В. И. Завалищенко, А. А. Маслова и др. — М.: Медицина, 1966. — С. 239—240.

19. Черных Н. В. Указ соч.

20. ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 422. Л. 5.

21. Белостоцкий И. С. Указ соч. — С. 2.

22. К вопросу о закрытии фельдшерских школ (К предстоящему всероссийскому съезду здравоотделов) // Медработник Урала. — 1922. — № 3. — С. 5.

23. Великая забота о женщине-матери // Ударница Урала. — 1936. — № 1. — С. 27—28.

24. ОГАЧО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 37. Л. 49—49 об.

25. ОГАЧО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 22. Л. 20—21.

26. ОГАЧО. Ф. П-334. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

27. ОГАЧО. Ф. П-334. Оп. 1. Д. 19. Л. 35.

28. См.: Мирошниченко М. И. Общие женские собрания начала 1920-х годов как социальный ритуал: рациональное и иррациональное // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира: материалы Всероссийской научной конференции 21—22 октября 2008 г. — Новгород: НовГУ, 2008. — С. 213—216.

29. Слуднова Ф. Ф. Указ соч. — С. 780

30. Матовский И. М. Здравоохранение, история // Челябинск: энциклопедия. — С. 308.

31. Слуднова Ф. Ф. Указ соч. — С. 780.

32. Становление охраны здоровья народа на Южном Урале... — С. 63.

33. ОГАЧО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 22. Л. 130 об.

34. Гурьев Н. А. Национальные меньшинства Урала. — М. : Работник просвещения, 1930. — С. 13.
35. ОГАЧО. Ф. Р-429. Оп. 5. Д. 49. Л. 176—177 об.
36. Голубых М. Казачья деревня. М.; Л. : Госиздат, 1930. — С. 287; Чайко Г. И. Моя Бобровка. Село Елизаветинское Пригородного района Свердловской области. — Челябинск : Юж-Урал кн. изд-во, 2008. — С. 215.
37. ОГАЧО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 27. Л. 32.
38. Там же. — Л. 2.
39. Звягин К. П. Лечение предлежаний последа // 1-й съезд хирургов, гинекологов, офтальмологов, оториноларингологов и рентгенологов Уральской области и прилегающих губерний. — Свердловск : «Гранит» Уралполиграфтреста, 1927. — С. 140—144.
40. Соболев Л. Ф. К вопросу о классическом кесарском сечении при placenta praevia // 1-й съезд хирургов... — С. 145—147.
41. Конгурова [б. и. о.] Выступление на Всесоюзном съезде работниц и крестьянок, членов совета, по вопросам здоровья // Семашко Н. А., Лебедева В. П. Работница и крестьянка, береги здоровье. — М., Л. : ОММ. 1928. — С. 64—67.
42. Становление охраны здоровья народа на Южном Урале... — С. 64. Первый родильный дом в Челябинске на 100 коек был открыт в 1937 г. — См.: Слуднова Ф. Ф. Указ. соч. — С. 780.
43. Великая забота о женщине-матери // Ударница Урала. — 1936. — № 1. — С. 27—28. Вероятно, речь идет все же о родильных избах. — М. И.
44. Божовский В. Г., Туревский И. И. Гипноз при родах // 1-й съезд хирургов... — С. 164—168.
45. Ударница Урала. — 1936. — № 1. — С. 27.
46. Либертович А. П. Зависимость состояния внутриутробного плода и новорожденного от степени перегревания материнского организма в ранние сроки беременности // Труды Ленинградского педиатрического медицинского института. — Т. XLIX: Становление женской половой системы и вопросы перинатальной охраны плода : сб. научных трудов кафедры акушерства и гинекологии. — Л. : Медицина, 1968. — С. 98—101.
47. Либертович А. П. Указ. соч. — С. 105—106.

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

МИРОШНИЧЕНКО Мария Ильинична (1956 г. р.) в 1979 г. закончила исторический факультет Уральского государственного университета в г. Екатеринбурге, училась в аспирантуре при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южно-Уральского государственного университета. Научные интересы: история женщин, гендерная история, экономическая история, история культуры России, региональная история.

MIROSHNICHENKO Maria Ilyinichna was born in 1956, in 1979 graduated from the Faculty of History of Ural State University in the city of Ekaterinburg, she studied at the postgraduate school at Lomonosov Moscow State University; she is a Cand.Sc. (History), Associate Professor of the History Department of South Ural State University. Research interests: history of women, gender history, economic history, the history of Russian culture and regional history.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ ГОЛОЦЕНА¹

В. С. Мосин

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN URAL AT THE BEGINNING OF HOLOCENE

V. S. Mosin

Статья посвящена моделированию этнокультурных процессов, протекавших в заключительных фазах эпохи камня на обширной территории центра Северной Евразии от Волги до Оби. Неуклонное потепление климата в конце неоплейстоцена — начале голоцена привело к распаду огромной перигляциальной зоны позднеледниковья и формированию природно-ландшафтных зон, характерных для отдельных регионов Предуралья, Урала и Зауралья, Западной Сибири. Во многом обусловленные природными изменениями и соответствующими адекватными переменами в хозяйственной деятельности, социальные процессы были направлены на постепенную консолидацию отдельных коллективов охотников. Общая тенденция выражалась в постепенном сближении разрозненных общин и возникновению сообщинностей, отличавшихся занимаемым вмещающим ландшафтом, системой жизнеобеспечения и совокупностью «родовых» традиций. Оптимальная, для этого исторического отрезка, адаптация осуществлялась посредством комплексного присваивающего хозяйства, включавшего циклические сезонные передвижения отдельных коллективов в пределах «своего» вмещающего ландшафта.

Ключевые слова: этнокультурные процессы, ландшафт, мезолит, неолит, традиция, каменный инвентарь, керамика.

The article deals with simulation of the ethnocultural processes which took place in the late stages of the Stone Epoch on the vast North Eurasia territory center between the Volga River and Ob. The author grounds the point of view that the general tendency showed itself as gradual convergence of separate communities and emergence of communities distinguishing with the occupied territory, life sustenance system and complex of community traditions.

Keywords: Holocene, ethnocultural processes, occupied territory, community, complex of community traditions.

Для человеческих сообществ рангом выше общины одним из основных критериев самоидентификации является проявление этничности — осознание границ между «своими» и «чужими» социумами². В данном контексте понятие «этнокультурный» следует понимать как обозначение комплекса традиций, присущего конкретному социуму, на основании которого мы можем отграничить этот социум от другого. Анализ археологических, палеогеографических, остеологических данных и радиоуглеродное датирование позволяют предполагать наличие закономерных связей между природными и этнокультурными (с указанной точки зрения) процессами, происходившими в регионе Большого Урала в послеледниковый период.

На рубеже неоплейстоцена и голоцена, около 10300 лет назад на территории Северной Евразии происходит резкий природно-климатический перелом, связанный с потеплением и смягчением континентальности климата. Распадается перигляциальная зона, происходит перестройка структуры ландшаф-

тов от гиперзонального к зональному. На Урале большое распространение получают березовые леса на суглинистых почвах и сосновые — на песчаных³. В самых южных районах Урала в начале доминируют открытые пространства с березово-сосновыми перелесками, затем увеличиваются сосновые леса с елью и березой, в бореале преобладают лесостепи⁴. В Зауралье и междуречье Тобола и Ишима к концу бореала устанавливаются лесостепные ландшафты в южных районах, характеризующиеся обилием березовых, возможно, с осиной, часто с примесью ольхи лесов. В северных районах перелески березовые с примесью вяза или сосны⁵.

На юге Западной Сибири с начала голоцена начинается прогрессивное потепление и чередование теплых и относительно холодных периодов примерно каждые 500 лет. В теплые этапы растительность представлена березовыми и сосновыми перелесками с участием липы и вяза или степными сообществами, в холодные — степной растительностью или древесной с кустарничковой березкой⁶.

В Предуралье уже в самом конце позднеледниковья растительность становится ближе к ассоциациям Русской равнины, чем Урала и Зауралья. В Южном Предуралье отмечается значительное увеличение лесных массивов с преобладанием березы и, в меньшей мере, хвойных и широколиственных⁷. О наличии лесной растительности в Волго-Уральском регионе в периоды раннего голоцена свидетельствует факт наличия в мезолитическом слое стоянки Чекалино II на р. Сок остатков костей и зубов типично лесных животных: лося, благородного оленя и медведя, в настоящее время неизвестного на юге Среднего Поволжья⁸.

На фоне формирующихся ландшафтов пребореала и бореала в мезолите начинает проявляться вполне определенное территориальное своеобразие отдельных традиций. Основные черты комплекса каменных орудий, отражающих традиции населения Урала и Зауралья, осваивавшего лесостепную зону от восточных предгорий до междуречья Тобола и Ишима, мы фиксируем в коллекциях немногочисленных пока памятников региона: Янгелька, Якты-Куль, Андреевка III, Чебаркуль XVII, Выйка II, Серый Камень, Сухрино I, Ташково Па, IV, Евгеньевка I, Черная гора⁹, Катенька и некоторых других¹⁰.

Каменный инвентарь основан на микропластинчатой технике, количество пластинок шириной до 1 см достигает более 80 %, при использовании призматических, конических и торцовых нуклеусов. Для обработки пластинок наиболее характерна крутая ретушь со спинки и брюшка. Среди повсеместно встречающихся орудий: пластинки с краевой ретушью, угловые резцы, пластинки с выемкой, концевые скребки, скребки на отщепках. Наиболее выразительными типами изделий являются острия, обработанные крутой ретушью со спинки, реже с брюшка, отдельные геометрические микролиты, скошенные острия, пластинки с обработанным торцом, боковые ретушные резцы, отдельные шлифованные орудия. Перечисленные типы орудий встречаются на всех известных стоянках региона, но в разных сочетаниях.

К северо-востоку от зауральских стоянок, в зоне бореальной тайги наиболее известны стоянки и поселения мезолита бассейна р. Конда. При определенном сходстве с зауральскими на основе общей мезолитической «платформы», состоящей из базового производственного набора, который включал призматические и конические нуклеусы, пластинки и микропластинки без дополнительной обработки и с краевой ретушью, медиальные сечения, используемые как вкладыши, угловые резцы, концевые скребки на пластинах, острия, кондинские поселения выделяются сочетанием оригинальных признаков. Это: представительный и разнообразный комплекс орудий на мелких отщепках и расколотых гальках; наличие таких оригинальных орудий как шлифованные рубящие орудия с выступами — «ушками», долотовидные орудия, миниатюрные округлые скребки; своеобразные технические приемы — точечная обработка, сверление, оформление рукояти орудия резцовыми сколами¹¹.

На юге, в зоне формирующейся степи, выделяются североказахстанские группы стоянок,

расположенных в среднем и нижнем течении р. Чаглинка и в верховьях и среднем течении р. Ишим. Материальная культура населения этой территории имеет свои характерные традиции в использовании сырья, характере пластинчатых заготовок и орудий, отличающихся от зауральских пропорциями, способами и месторасположением ретуши, сочетаниями в наборе орудий¹². Здесь часто применялась крупная ретушь, далеко заходящая на вентральную поверхность пластинок, присутствуют срединные резцы как на пластинах, так и на отщепках, практически нет целых пластин, большинство сечений — медиальные, укороченных пропорций.

В зоне бореальных лесов северной части Предуралья обширную зону Прикамья и Камско-Вятского междуречья занимают памятники камского мезолита. При упомянутом нами стандартном мезолитическом наборе, основанном на пластинчатых и микропластинчатых заготовках, они выделяются отдельными крупными трапециями симметричной формы с вогнутыми краями и появлением крупных шлифованных рубящих орудий¹³.

В отдельную, небольшую по территории, но яркую по оригинальному набору орудий и технологическим признакам группу выделяются памятники усть-камского финального палеолита — мезолита. Из общего мезолитического фона эта технологическая традиция выделяется следующими признаками. Преобладающей заготовкой для весьма значительных серий резцов и скребков служили массивные пластины и длинные, часто фрагментированные сколы. Типичны поперечные ретушные резцы, выполненные на отщепках. Специфичны такие изделия как скребки-перевертыши и клювовидные орудия. Главной особенностью являются оригинальные трапеции, разнообразные по форме и пропорциям, но преимущественно имеющие ретушированные вогнутые боковые грани. Как неоднократно отмечалось исследователями, указанные признаки сближают усть-камскую мезолитическую традицию с памятниками финального палеолита и мезолита лесной зоны Европы — иеневской, аренбургской, федермессер¹⁴. Формируясь предположительно на основе местного позднего палеолита эта традиция не имеет значимых аналогий в более поздних индустриях региона и, возможно, не доживает до конца мезолита¹⁵.

Памятники мезолита юга Предуралья и Среднего Поволжья к настоящему времени немногочисленные и не имеют четко выраженного своеобразия традиций, поэтому включаются в обширный круг памятников пластинчатого технокомплекса Предуралья¹⁶. Тем не менее, ряд памятников Волго-Уралья, таких как Романовка II, Ильмурзино, Старо-Токская, Тап-Азибейская III и IV выделяются использованием в качестве заготовки крупной и средней пластины. Эта индустрия может быть расценена как среднепластинчатая, для которой нехарактерна вкладышевая техника изготовления орудий. В традиционных, в целом, наборах орудий встречаются резцы архаичных форм и скребки на широких пластинах или пластинчатых отщепках и сколах¹⁷.

Наблюдаемые нами территориальные отличия в комплексах изделий из камня — основы системы

жизнеобеспечения, позволяют сделать вывод о формирующихся традициях, которые характерны для человеческих коллективов мезолитического времени, осваивавших определенные формирующиеся и уже отличающиеся друг от друга природно-ландшафтные зоны Предуралья и Зауралья. Эти традиции, хотя порой и не очень четко выраженные в дошедших до нас артефактах, тем не менее позволяют очертить примерные границы проживания вполне идентифицируемых сообществ, состоящих из семей и общин, связанных между собой. Эти связи подтверждаются процессом передачи традиций на протяжении сотен лет в пределах мезолитического времени. Природу этих традиций мы, вероятно, можем рассматривать как традиции родов или линиджей, кланов, сибов и т. п.¹⁸

Продолжавшееся потепление в течение атлантического периода, начало которого разные исследователи относят ко времени около 8000—7500 лет назад, приводит, в середине периода, к климатическому оптимуму — наиболее благоприятному сочетанию тепла и влаги. Это время окончательной дифференциации природно-ландшафтных зон региона и установлению границ, близких современным. В зоне основных хребтов Урала это расцвет темнохвойных и широколиственных лесов. В Зауралье и Западной Сибири — стабилизация привычных нам ландшафтов с лесами в северной части и лесостепью в центральной.

Основными маркерами неолитического периода для территории Северной Евразии являются керамическая посуда, двусторонняя обработка орудий из кремня и расширение их ассортимента.

В Зауралье с началом неолита по археологической классификации связываются кошкинские и козловско-кокшаровско-юринские памятники, в Тоболо-Ишимье — боборькинские¹⁹.

Каменный инвентарь неолитических стоянок по своим характеристикам очень близок предшествующему мезолитическому комплексу. При использовании тех же типов нуклеусов микропластинчатость сокращается до 60%, однако, как основной набор пластинчатых орудий: пластинки с ретушью, угловые резцы, концевые скребки, скребки на отщепках так и характерные изделия, такие как острия с крутой ретушью, отдельные геометрические микролиты и скошенные острия сохраняются с небольшими изменениями. Появляются отдельные пластинчатые и двусторонне обработанные наконечники стрел, чаще встречаются шлифованные орудия. В целом, мезолитический и неолитический комплексы можно считать генетически связанными.

В начале неолита технико-технологические установки изготовления керамической посуды, такие как: ручная лепка лоскутным налепом круглодонных, остродонных и плоскодонных сосудов, орнаментация техникой прочерчивания и отступающего накола, приводят к формированию основных традиций керамического производства, которые мы фиксируем как кошкинскую, козловскую — кокшаровско-юринскую и, возможно, пока, правда, больше гипотетически — боборькинскую. При всех существующих различиях, козловская и кошкинская традиции имеют много общих черт: одинаковые

примеси в тесте; орнамент нанесен одними техническими приемами — гладким прочерчиванием, отступающими наколами без отрыва орнамента от поверхности, отдельными наколами. Важной общей чертой является использование т. н. «двузубого штампа». Среди орнаментальных мотивов общими являются самые простые: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными линиями, взаимопроникающие треугольники. При полевых исследованиях было зафиксировано и совместное залегание керамики выше названных традиций, например, определенно установленный факт совместного залегания кошкинской и кокшаровско-юринской (козловской) посуды в слое стоянки Варга 2 и основании Кокшаровского холма²⁰.

Близкие по хронологии и содержанию процессы неолитизации проходили в таежной зоне Западной Сибири. Комплексы керамики, включающие круглодонную и плоскодонную посуду, орнаментированную прочерченной, отступающе-накольчатой и зубчатой техникой исследованы на поселении Енья 12 в бассейне р. Конды, известные как керамика немнелского типа, на укрепленном поселении Амня I — керамика амнинского типа; стоянках Нижнее озеро III, Сумпанья III, IV, VI, расположенных от Урала до Сургутского Приобья — керамика сатыгинского типа. Круглодонная посуда с такими же принципами орнаментации известна в комплексах сумпаньинского, быстринского, кокуйского типа, а также на поселении Тух-Сигат IV в Васюганье и завьяловских памятниках Новосибирского Приобья. Несмотря на известную разнородность в радиоуглеродных датировках, можно констатировать, что к середине второй половине VI тыс. до н. э. (в калиброванных значениях) на различных территориях Урало-Сибирского региона сформировались очень интересные традиции изготовления и орнаментации керамической посуды²¹.

Лесное и, частично, лесостепное Предуралье в атлантическом периоде представлено памятниками камского неолита. Характеристики материальной культуры населения этого региона хорошо разработаны и позволяют достаточно уверенно определять его территорию²². Керамические комплексы представлены двумя традициями, одна из которых характеризуется сосудами полуяйцевидной формы с округлыми и приостренными днищами и орнаментацией оттисками гребенчатого штампа. Для другой традиции характерны как остродонные, так и плоскодонные сосуды, орнаментированные техникой отступающих наколов. На целом ряде памятников оба типа керамики зафиксированы в совместном залегании в культурном слое. Традиционно считалось, что гребенчатая керамика Прикамья — явление достаточно позднее в рамках неолита и хронологический приоритет отдавался накольчатой посуде, связываемой с южными влияниями или миграциями. Полученные в последнее время радиоуглеродные даты для слоя с камской гребенчатой керамикой со стоянки Пезмог IV — от 6820 ± 70 до 6730 ± 50 ²³ (Карманов, Зарецкая, 2009, с. 91—93) и накольчатой керамики от 6620 ± 90 со стоянки Щербетская II²⁴ позволяют предполагать сосуществование обеих

традиций в материальной культуре неолитического населения лесного Предуралья и синхронизировать процессы неолитизации Предуралья и Зауралья.

Установление привычных нам природно-ландшафтных зон на фоне наиболее благоприятного сочетания тепла и влажности в климатический оптимум атлантического периода способствует формированию систем жизнеобеспечения неолита. Зауральское население «кокшаровско-юринского (козловского) — «кошкинского» облика осваивает вмещающий ландшафт Урало-Тобольской лесостепи, южной кромки леса и восточного склона Уральских гор. Хозяйственная деятельность характеризуется циклическими сезонными передвижениями из одной природно-ландшафтной зоны в другую с соответствующим изменением промысловой направленности. В предгорьях это добыча лося, в меньшей степени северного оленя, медведя, бобра, соболя, а также, возможно, рыбная ловля и охота на водоплавающую дичь²⁵; в лесостепной зоне — это охота на копытных — лошадь, дикого быка — тура, козулю (Краснокаменка и др.).

В таежной зоне Северо-Западной Сибири «амнинско-сумпаньинско-быстринское» население осуществляло свой годовой хозяйственный цикл сезонным переключением в наиболее пригодные для ведения определенных промысла угодья, возможно, доходя до основных границ с лесостепью. Основным объектом охоты был северный олень, значительно меньше — лось, а также бобр, заяц. В водоемах вылавливали окуня, щуку, налима, язя и чебака²⁶.

Население камского неолита осваивало вмещающий ландшафт лесной зоны Предуралья и часть севера лесостепи бассейна нижнего течения р. Белой. Здесь также предполагается сезонное ведение хозяйства в рамках определенных территорий. Основным объектом промысла был лось, меньше — северный олень, а также козуля. О рыболовстве свидетельствуют находки рыболовных грузил²⁷.

Расположенное южнее соседствующее «елшанско-средневожжское» население Волго-Уралья и южного Предуралья вело хозяйственную деятельность в разных экономических нишах вмещающего ландшафта степи и южной лесостепи. Сезонный циклический ритм хозяйства отражен в составе промысловых животных, среди которых дикий тур, лошадь, сайга, благородный олень, бобр, куница, а также медведь, выдра и черепаха²⁸.

Функционирование систем жизнеобеспечения в различных вмещающих ландшафтах не могло не сказаться на состоянии социумов. Человеческие коллективы, объединенные в рамках семей и общин и, осуществляющие свою жизнедеятельность на вполне определенной природно-хозяйственной территории (вмещающий ландшафт), связанные брачно-семейными и экономическими отношениями постепенно консолидировались в социумы более высокого уровня, чем община — общинности. Границы таких социумов, т. е. их этничность определяется системой жизнеобеспечения в рамках вмещающих ландшафтов, своеобразной техникой и технологией, отраженной в специфических наборах орудий и сочетанием нескольких «родовых»

традиций, проявляющихся в системах орнаментации керамики²⁹. Социально-адаптационные системы неолита — энеолита, направленные на успешную адаптацию сообщинностей в «своих» вмещающих ландшафтах посредством комплексного сезонного охотничье-рыболовческого хозяйства, на интересующей нас территории существуют с небольшими изменениями, обусловленными процессами эволюции и изменчивости до конца эпохи камня, конечно, с учетом региональных особенностей исторического процесса.

Примечания

1. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 09-01-85112а/У.
2. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — 544 с.
3. Хотинский К. А., Немкова В. К., Сурова Т. Г. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования севера Евразии. — Свердловск: УрГУ, 1982. — С. 147—148.
4. Смирнов Н. Г., Кузьмина Е. А. Динамика экосистем Южного Зауралья в голоцене // Археология Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург, 2005. — С. 23—32.
5. Зах В. А., Рябогина, Н. Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2005. — № 4. — С. 88.
6. Зыкин В. С., Зыкина В. С., Орлова Л. А. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2000. — № 1. — С. 17.
7. Немкова В. К. Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Приуралья. — Уфа, 1978. — С. 9—11.
8. Ластовский А. А. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. — Самара, 2000. — С. 94.
9. Автор искренне благодарен С. Н. Шилову за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.
10. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. — М.: Наука, 1976. — 368 с.; Мосин В. С. Стоянки эпохи мезолита // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов» (коллективная монография) — Челябинск: Рифей, 2006. — С. 30—41; Мосин В. С. Основные этапы и проблемы культурогенеза // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов» (коллективная монография) — Челябинск: Рифей, 2006. — С. 72—84; Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. — Нижний Тагил: НГПИ, 2000. — 430 с.; Стоянов В. Е., Крижевская Л. Я., Старков В. Ф. Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. — С. 72—84; Крижевская Л. Я. Мезолитическое поселение Ташково IV и некоторые общие вопросы мезолита Урала // ВАУ. — Вып. 20. — 1991. — С. 30—45; Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // Советская археология. — 1981. — № 3. — С. 107—129; Зах В. А., Зимица О. Ю., Рябогина Н. Е. и др. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. — Новосибирск: Наука, 2008. — 212 с.

11. Беспрозванный Е. М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири. (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Вып. 1. — Екатеринбург : Екатеринбург, 1997. — С. 26—38.

12. Зайберт В. Ф., Потемкина, Т. М. Указ. соч. — С. 107—129; Коробкова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. — М. : Наука, 1989. — С. 149—173.

13. Бадер О. Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // У истоков древних культур (эпоха мезолита). — МИА. — № 126. — М.; Л. : Наука, 1966. — С. 194—205; Старков В. Ф. Мезолит Среднего Приуралья // Мезолит СССР. — М. : Наука, 1989. — С. 125—129; Гусенцова, Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. — Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1993. — 240 с.

14. Косменко М. Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. — Вып. 149. — 1977. — С. 94—100; Галимова М. Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. — М. : Янус-К, 2000. — 272 с.; Жилин М. Г., Кольцов Л. В. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). — М. : ИА РАН, 2008. — 313 с.

15. Галимова М. Ш. Указ. соч.

16. Ластовский А. А. Указ. соч. — С. 81—140.

17. Матюшин Г. Н. Указ. соч.; Моргунова Н. Л. Старотокская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. — Воронеж : Транспорт, 1983. — С. 3—18; Ластовский А. А. Указ. соч. — С. 100—112.

18. Мердок Дж. П. Социальная структура / пер. с англ. А. В. Коротаяева. — М. : ОГИ, 2003. — 608 с.; Тишков, В. А. Указ. соч. — С. 76.

19. Кернер В. Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. — Свердловск : УрО АН СССР, 1991. — С. 46—67; Ковалева, В. Т., Ивасько Л. В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала : сб. науч. трудов. — Свердловск : УрО АН СССР, 1991. — С. 112—131; Мосин В. С., Куприянов В. А. Стоянки эпохи неолита // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». — Челябинск : Рифей, 2006. — С. 43—53; Мосин В. С. Основные этапы и проблемы культурогенеза... — С. 72—84; Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала: Сб науч. тр. — Вып. 25. — Екатеринбург; Сургут : Магеллан, 2008. — С. 73—113; Шорин А. Ф. Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997—1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 162—169; Шорин А. Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 154—161; Шорин А. Ф. Хроностратиграфия неолитических комплексов Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. — СПб. : ИИМК РАН / МАЭ РАН, 2009. — С. 176—178; Зах В. А., Зимица О. Ю., Рябогина Н. Е. и др. Указ. соч.

20. Жилин М. Г., Антипина Т. Г., Зарецкая Н. Е. и др. Варга 2. Ранне-неолитическая стоянка в Среднем Зауралье

(опыт комплексного анализа). — Екатеринбург, 2007. — 98 с.; Шорин А. Ф., Виллисов Е. В. Объект 15 Кошкинской культуры Кокшаровского холма: версии использования // Вопросы археологии Урала : сб. науч. тр. — Вып. 25. — Екатеринбург; Сургут : Магеллан, 2008. — С. 128—136.

21. Стефанов В. И., Косинская Л. Л., Погодин А. А. и др. Поселение Енья 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита-энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга) : сб. науч. тр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 48—86; Морозов В. М., Стефанов В. И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. — Вып. 21. — 1993. — С. 143—179; Косинская Л. Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 61—71; Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. — Свердловск : Уральский рабочий, 1991. — С. 80—99; Киришин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. — 295 с.; Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. — Новосибирск : Наука, 1977. — 173 с.

22. Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. — М. : Наука. — МИА. — № 166. — 1970. — С. 157—171; Бадер О. Н. Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. — Л. : Наука. — МИА. — № 172. — 1973. — С. 99—106; Крижевская Л. Я. Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье // Археология. Неолит Северной Евразии. — М. : Наука, 1996. — С. 243—252; Выборнов А. А. Неолит Прикамья. — Самара : Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 1992. — 148 с.; Гусенцова Т. М. Указ. соч.

23. Карманов В. Н., Зарецкая Н. Е. Хронология неолита европейского северо-востока // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. — СПб. : ИИМК РАН / МАЭ РАН, 2009. — С. 91—93.

24. Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. — Самара : Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 2008. — 490 с.

25. Косинцев П. А. Промысловые животные Восточной Европы и Западной Сибири в финальном палеолите — мезолите // Свообразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене. — М. : ИА РАН, 2007. — С. 86—109.

26. Косарев М. Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология. Неолит Северной Евразии. — М. : Наука, 1996. — С. 253—267; Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Поселение Быстрый Кульган 66 и быстринская археологическая культура // Поселение Быстрый Кульган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. — Екатеринбург; Сургут : Уральское изд-во, 2006. — С. 57—67.

27. Гусенцова Т. М. Указ. соч. — С. 226.

28. Мамонов Е. А. Указ. соч. — С. 159.

29. Мосин В. С. Социально-адаптационная система Урало-Сибирской лесостепи в конце каменного века // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез: сб. науч. статей. — СПб. : ИИМК РАН; СПб. гос. ун-т, 2007. — С. 7—19; Мосин В. С. Центральный Урал в IV—III тыс. до н. э. // ВАУ. — Вып. 25. — Екатеринбург; Сургут : Магеллан, 2008. — С. 159—174.

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

МОСИН Вадим Сергеевич, археолог, доктор исторических наук, профессор кафедры «Древняя история и этнология Евразии» ЮУрГУ.

Mosin Vadim Sergeevich is Dr.Sc. (History), Professor of the Ancient History and Eurasian Ethnology Department of South Ural State University.

ПРОХОРОВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В МОГИЛЬНИКЕ АЙГЫР I

М. Л. Плешанов

PROKHOROVSKY BURIALS IN BURIAL GROUND AIGYR I

M. L. Pleshanov

Статья посвящена публикации материалов раннего железного века, полученных при проведении полевых исследований могильника Айгыр I. В работе дано описание погребального обряда и вещевого инвентаря. Приведена хронологическая и культурная характеристика полученных данных.

Ключевые слова: археология, кочевники, ранний железный век, погребения, прохоровская культура, сарматы.

The article deals with publication of the materials of the Early Iron Age received during carrying out field studies of the burial ground Aigyr I. The author gives description of the obsequies and its accessories as well as chronological and cultural characteristics of the obtained data.

Keywords: archeology, nomads, the Early Iron Age, burials, Prokhorovsky culture, the Sarmatians.

С конца VI в. до н. э. до рубежа н. э. территория степей Южного Урала стала ареалом обитания кочевников — носителей прохоровской археологической культуры. Следует заметить, что пространства к западу и востоку от Уральского хребта оказались неравномерно изученными — в силу сложившихся обстоятельств, гораздо лучше оказались изучены памятники Южного Приуралья. Данная работа посвящена публикации отдельных материалов погребений ранних кочевников, исследованных в могильнике Айгыр I в 2005 году².

Могильник Айгыр I находился в предгорной зоне северной лесостепи в 35 км к северо-востоку от г. Учалы в 0,85 км к юго-востоку от с. Выдрино в Уйском районе Челябинской области. Он располагался на береговом мысу второй надпойменной террасы правого берега р. Айгыр. Памятник расположен на относительно ровной площадке (рис. 1). Помимо кургана 1, являвшегося наиболее рельефной частью площадки, небольшое возвышение фиксировалось в западной части памятника, и сильно распаханная, местами полностью разрушенная «валовая» система в центральной части площадки. Вся площадь возвышенности, кроме наиболее каменистых частей (собственно каменных кладок), постоянно распахивалась в последней трети XX века. Впервые могильник был обследован в ходе разведки по верховьям реки Уй С. Г. Боталовым³.

Изучаемые погребения располагались в пределах позднесредневекового мавзолея Тубал-Оглы. Сам мавзолей (курган 1) представлял собой прямоугольную каменную ограду, ориентированную по линии ССЗ—ЮЮВ, диаметром около 8 м, высотой 0,5 м, сложенную из мелких камней и камней средних размеров (рис. 2). В северо-восточном секторе была обнаружена могильная яма эпохи раннего железа (могильная яма 1), что позволило с большей долей вероятности предполагать в близлежащей возвышенности сильно распаханную насыпь кургана. Диаметр

этой возвышенности превышал 15 м при высоте не более 5 см. При исследовании этой насыпи, были обнаружены еще две могильных ямы, относящихся к раннему железному веку (могильные ямы 4, 5).

Могильная яма 1 располагалась в северо-восточном секторе кургана 1 (см. рис. 2). При проведении исследований в данном секторе, была зафиксирована широкая «воронкообразная» подрезка материка, глубина которой не превышала 10 см. Могильная яма была обнаружена зачисткой по уровню материка, в центральной части подрезки материка, на глубине (–25) от условного нуля.

В плане яма имела эллипсовидные очертания. Размеры ямы составляли 2,2×1,17 м. Она была ориентирована по линии СЗ—ЮВ. В южной части ширина могильной ямы сужалась до 73 см. Глубина могильной ямы не превышала 25 см от верхнего уровня фиксации. В поперечном сечении яма представляла собой прямоугольник со слегка скругленными углами. В продольном сечении форма ямы — ковшевидная. В южной части ямы дно относительно ровное, глубина (–40); в северной части ямы дно плавно опускается до уровня (–46). В обрзовавшейся выемке был установлен сосуд.

На дне по центру ямы лежал вытянуто на спине скелет взрослого человека, головой на ЮЮВ. Череп слегка повернут вправо. Ноги, в целом, сохраняя ориентировку тела, слегка согнуты в коленях с отклонением вправо. Левая рука была вытянута, отведена в сторону от основного костяка, кисть находилась в естественном положении на уровне тазобедренного сустава. Правая рука была полусогнута в локте, кости кистевой части не сохранились. Первоначально кисть располагалась в районе таза погребенного (рис. 3, 1).

В ногах погребенного, слева, в северном окончании ямы был расчищен развал неорнаментированного сосуда 1. Диаметр венчика сосуда — 15 см. Реконструируемая высота не превышает

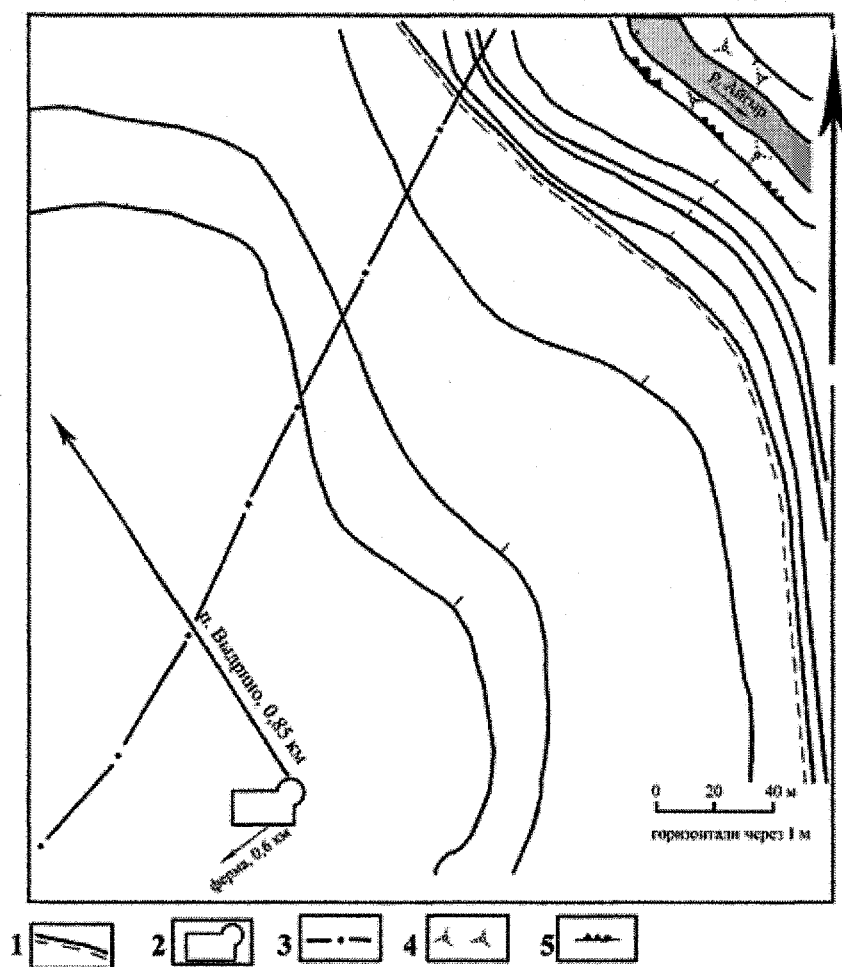

Рис. 1. Могильник Айгыр I. Топографический план.
1 — полевая дорога, 2 — раскоп 2005 года, 3 — ЛЭП, 4 — кустарник, 5 — обрыв

25 см. Дно сосуда слегка уплощено, тулово конически расширяется вверх. Диаметр сосуда по основанию плечиков 26 см. Верхняя часть сосуда плавно профилирована. Диаметр у основания шейки составляет 13,5 см. Венчик сосуда отогнут наружу, слегка уплощен (рис. 3, 2). В районе тазовой кости на глубине (-32) был обнаружен фрагмент железного ножа плохой сохранности, не поддающийся реконструкции. Другого сопровождающего инвентаря в могильной яме 1 не было.

Могильная яма 4 была расположена в 10 м к западу от мавзолея (см. рис. 2). В плане яма имеет трапециевидную форму, с сильно скругленными углами. Размеры ямы составляют 2,1×2 м, ориентирована сторонами по странам света. Ширина ямы слегка сужается (до 1,8 м) к востоку. Западная часть сильно разрушена норами животных. Глубина ямы составляет 24 см. В сечении она трапециевидная, с сильно скошенными стенками и слегка скругленными углами.

Погребение разграблено. В северо-западном углу на глубине (-17) были расчищены кости голени взрослого человека. В центральной части могильной ямы на уровне дна (-64) были обнаружены два бронзовых трехлопастных наконечника стрел со скрытыми втулками и сводчатыми головками.

Могильная яма № 5 выявлена в 2,5 м к западу от могилы 4 (см. рис. 2). В участках исследования, при-

легающих к могильной яме 5 была зафиксирована широкая, округлая в плане подрезка материка (диаметр ~ 15 м, глубина не превышала 30 см). Контуры могильной ямы 5 были зафиксированы в центральной части подрезки на уровне материка (-55).

Выше, в заполнении ямы на глубине (-16)—(-20) были найдены железные предметы — меч и железное звено от удил. Меч длиной 58 см был преднамеренно (?) сломан пополам в 8 см от основания рукояти. Он имеет уплощенное брусковидное навершие и узкое бабочковидное перекрестье рукояти. Рукоять, возможно, имела продольные желобки (рис. 4, 7). Длина звена от удил 8 см (Рис. 4, 8), верхняя часть загнута вкруговую, диаметр петли — 2,5 см. В сечении звено представляет собой квадрат с длиной стороны 4 мм.

Яма в плане представляла прямоугольник с сильно скругленными углами размерами 3,1×2,15 м, ориентированный в широтном направлении. В северной части ямы в плане фиксируется выступ трапециевидной формы размерами 1×0,4 м. Вдоль восточной, северной и западной стенок могильной ямы фиксировались ступени шириной от 0,2 до 0,4 м (уровень фиксации -62—67). Дно ровное, фиксируется на уровне (-85).

На дне ямы лежал на спине, головой на юг, скелет взрослого человека. Погребенный был ориентиро-

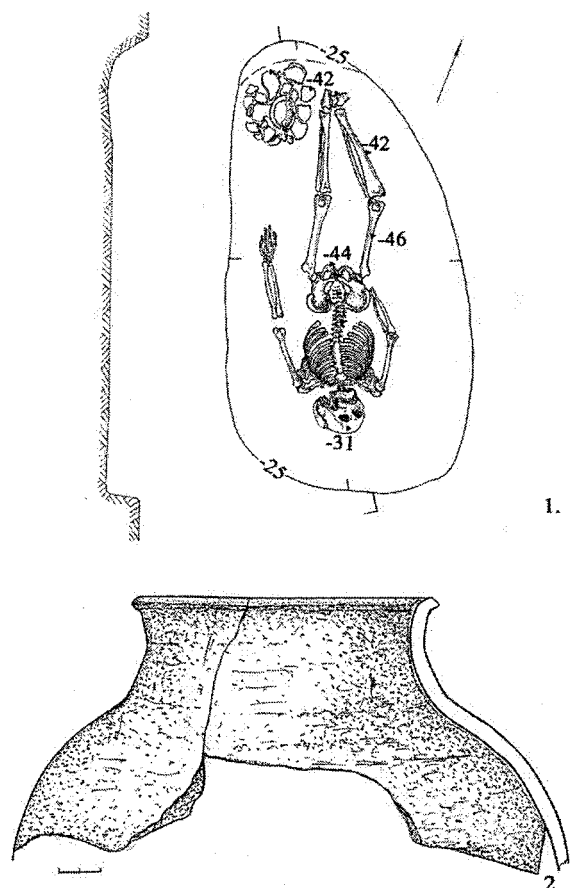

Рис. 3. Могильник Айгыр I. Могильная яма 1. 1 — план и продольное сечение могильной ямы; 2 — верхняя часть сосуда

лепного горшка с примесью шамота в тесте, скорее всего, свидетельствует в пользу V в. до н.э.

Таким образом, погребения в могильнике Айгыр I были совершены на протяжении конца V — первой половины IV вв. до н.э.

Примечания

1. Автор выражает благодарность С. Г. Боталову и Г. Х. Самигулову за любезно предоставленную возможность публикации материалов могильника Айгыр I.

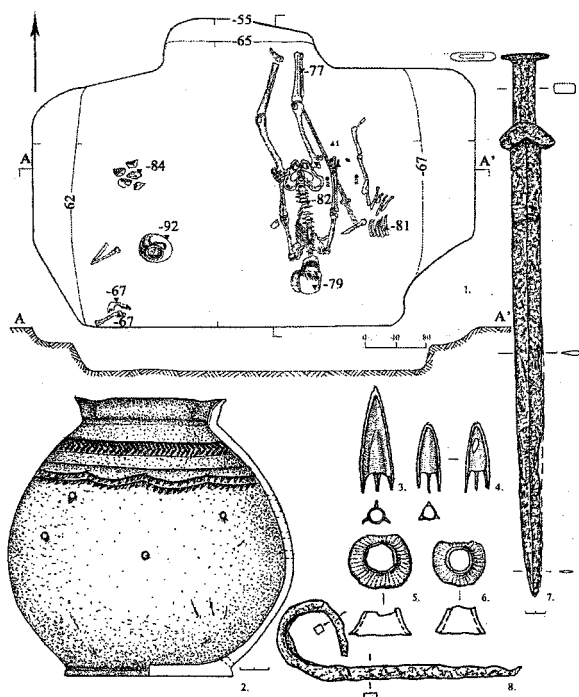

Рис. 4. Могильник Айгыр I. Могильная яма 5. 1 — план и разрез ямы, 2 — керамический сосуд; 3, 4 — бронзовые наконечники стрел; 5, 6 — бронзовые ворворки; 7 — железный меч; 8 — звено железных удиц.

2. Самигулов Г. Х. Отчет об аварийных археологических исследованиях могильника Айгыр I («могила Рамазана») в Уйском районе Челябинской области в 2005 году. — Челябинск, 2006.

3. Боталов С. Г. Отчет. Разведка по Уйскому району по р. Уй и его притокам от п. Уйского до п. Пичугинский в 2004 г. — Челябинск, 2005.

4. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. — № 101. — М.: Наука, 1961. Табл. III.

5. Копылов В. П. Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА, вып. 162. — М., 1980. — С. 24—27.

Поступила в редакцию 09 июня 2010 г.

ПЛЕШАНОВ Михаил Леонидович, лаборант кафедры «Древняя история и этнология Евразии» ГОУ ВПО «ЮУрГУ», аспирант Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: pleshanov74@yandex.ru

PLESHANOV Mikhail Leonidovich is a laboratory assistant of the Ancient History and Eurasian Ethnology Department of South Ural State University, post graduate student of Institute of History and Archeology of Ural branch of Russian Academy of Science. pleshanov74@yandex.ru

УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ И СЕМЬИ УЧАЩИХСЯ ЮЖНОГО УРАЛА (1900 — ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)

А. В. Суворова

SOUTH URAL PRIMARY-SCHOOL TEACHERS AND PUPILS' FAMILIES FROM 1900 TO FEBRUARY 1917

A. V. Suvorova

Статья посвящена проблеме взаимодействия учителей начальных школ с семьями учащихся в период с 1900 до февраля 1917 гг. Автор на основе большого фактического материала рассматривает межличностные отношения, складывающиеся в процессе обучения в начальной школе между учителем и администрацией школы, а также особое внимание уделяется установлению контакта педагога с учениками и семьями учащихся.

Ключевые слова: *учителя, внеклассные занятия, учащиеся, семья, повседневность, учебного процесса, начальная школа.*

The article deals with issues of primary-school teachers and pupils' families interaction in 1900—1917. Using evidences the author analyzes interpersonal relations which formed between a teacher and school administration during primary school academic process. She also pays attention to maintenance of contact between a teacher, his pupils and their families.

Keywords: *teachers, out-of-school activities, pupils, family, everyday life, academic process, primary school.*

Учительство играло особую роль в жизни общества начала XX в. Изучая развитие начального образования невозможно не затронуть такой аспект, как взаимоотношения педагога и семьи. Данный элемент учебного и внеучебного процесса играет значительную роль в формировании личности учащегося, его отношении к обучению, а также влияет на авторитет учителя. Значительную часть своего времени учитель взаимодействует с учащимися и их родителями, что отражается на формировании его образа среди коллег, местных жителей и администрации.

Русская школа начала XX века систематически выслушивала многочисленные обвинения со стороны общества. Семейные устои рассматриваемого периода играли существенную роль в усилении асоциальных настроений школьников. Педагоги довольно часто говорили об отсутствии единства между школой и семьей, о безразличном отношении родителей к задачам воспитания, отмечали враждебное отношение семьи к учебно-воспитательному строю образовательных учреждений. Вследствие этого у части учеников бессознательно вырабатывался узкопрактический, даже меркантильный взгляд на школу, где не было места для радостного ощущения высоких духовных плодов образования и для самостоятельного поиска¹.

Учителю очень часто приходилось навещать настоящих и будущих учеников, чтобы объяснить им, а в первую очередь, родителям необходимость получения начального образования. Чернявский Николай Михайлович в своих мемуарах представил «Краткие миссионерские записки учителя Алек-

сандровской миссионерской русско-киргизской школы — Василия Анисимова». В «Записках...» описывается деятельность учителя и его взаимодействие с местным населением. Учитель встречается с родителями и призывает их отдать детей в школу, родители «некому будет за скотиной ходить»². Учитель стал стыдить родителей, и те обещали подумать. Однако не каждый учитель мог позволить себе посещать дома учеников, чтобы родители не подумали, что он ищет угощения³. Педагог, отслеживая домашнюю обстановку, приглашал учеников к себе в квартиру, и за выполнением домашнего задания задавал наводящие вопросы, изучая детскую психологию.

Недостатком многих учебных заведений было отсутствие удовлетворительных ученических квартир, и благоприятной духовной среды у квартиросодержателей. Подбором квартир занимался Педагогический Совет, однако и он часто ошибался в выборе добропорядочных хозяев квартир. Граждане, сдававшие квартиры, были озабочены лишь материальной стороной вопроса, не задумываясь об улучшении условий проживания. Сдавали квартиры по 10 рублей в месяц, по мнению квартиросодержателей, эта сумма была слишком мала, чтобы содержать квартиру и духовную составляющую. Содержатели неохотно подчинялись контролю со стороны Педагогических Советов⁴. Кроме того, хозяева заставляли квартирантов помогать им по хозяйству, в связи с чем, у ребенка не оставалось времени выполнять домашнее задание⁵. В городах для «гостей» строились гостиницы и постоялые дворы, например, только

в Златоусте было четыре гостиницы и постоянные дворы для приезжих⁶.

В рассматриваемый период существовал институт классных наставников, через которых в основном осуществлялась воспитательная деятельность. Классный наставник посещает квартиры, в которых проживают учащиеся, делал заключение, что все квартиры находятся в удовлетворительном состоянии, уроки ученики исправно выполняют. Посещение квартир заставляло учителя по-новому взглянуть на своих учеников⁷.

Основанием деятельности и конечной целью классных наставников было искоренение в учащихся дурных привычек, наклонностей, и пробуждение религиозного чувства. В связи с этим Педагогическими Советами было предписано совместное посещение учащимися и педагогами церковных богослужений в воскресные и праздничные дни⁸. Однако вскоре это было признано неудобным. Церемонии длились 3—4 часа, учащиеся быстро утомлялись и с трудом могли выдержать весь процесс. Для укрепления религиозного чувства использовалась ежедневная общая молитва перед началом занятий. Классные наставники старались действовать путем добрых советов, внушений и увещаний, однако иногда приходилось прибегать к карательным мерам.

Взаимоотношения учителя и местного общества складывались не просто. Вновь прибывшему преподавателю требовалось завоевать доверие населения. К новичку приглядывались и, убедившись, что ему можно доверять, отпускали детей в школу. И впоследствии учитель находился под пристальным вниманием. Из-за частой смены мест службы ему неоднократно приходилось завоевывать авторитет. Педагог нередко испытывал неуважительное, а то и грубое к себе отношение со стороны и школьного сторожа, и хозяйки квартиры, и сельского старосты. У сельчан были свои представления о том, каким должен быть учитель. В зависимости от того, насколько учитель им соответствовал, он был в глазах населения «хорошим» или «плохим». «Хороший» должен был быть не только добрым, нравственным человеком, любить детей, но и уметь найти общий язык с местным населением, не отказывать в безвозмездной помощи и советах, например при составлении бумаг по житейским делам, или при оказании медицинской помощи⁹. «Хороший» учитель был уважаем и любим, если он обучал школьников пению, проводил народные чтения и беседы, организовывал школьные спектакли, концерты и прочие «разумные развлечения» — словом, вел активную культурно-просветительскую и общественную работу, выходящую за рамки его непосредственных обязанностей. Сохранилось немало свидетельств того, что население хорошо относилось к учителю, называя его второй матерью (или отцом) своих детей. Это особенно характерно для тех селений, где еще в дореформенное время была школа, и где сельчане понимали, какую пользу приносит учитель. Учителя, не считаясь со своим личным временем, отдавали много и энергии школе. И часто у них просто не было иного выбора.

Особые симпатии сельчан вызывал учитель, обучавший учеников какому-либо ремеслу или руко-

делию, садоводству, огородничеству, пчеловодству и другим навыкам, овладение которыми приносило дополнительный доход семье школьника. Положительная сторона сельскохозяйственных занятий очевидна — это распространение сельскохозяйственных знаний. В обязанности заведующих начальными школами вменялась обработка школьного земельного участка. Внедрялась практика, когда все полученные плоды с участка отдавались в собственность тем учителям, которые работали на школьном земельном участке. Съезд директоров и инспекторов народных училищ признали желательным устройство временных сельскохозяйственных курсов при начальных училищах¹¹. И. Н. Мещерский предлагал воспользоваться введением всеобщего начального обучения и наделить все школы земельными участками. Согласно его точке зрения, школьные сады служат примером для местных жителей и источником распространения дешевого посадочного и посевного материала¹².

Объединяла учителя и учеников совместная деятельность, например, подготовка новогодних представлений. С. М. Константинов в мемуарах описывает совместный поход с учениками в лес за елкой, для которой сторож школы сделал подставку. На праздник были приглашены семья попечителя, семья батюшки, старосты сельских обществ¹³. В Рождество рано утром ребятишки ходили славить Христа. Входя в дом, говорили «разрешите Христа прославить» и пели духовную песню «Рождество твое» за что получали от копеечки и больше¹⁴. Огромное значение имеют такие мероприятия, они сближают крестьян со школой и являются народным развлечением.

Уральские газеты начала XX в. перед Рождеством пестрили объявлениями о продаже елочных игрушек. Но большую часть игрушек изготавливали сами, посвящая этому последнюю предпраздничную неделю. И для взрослых, и для детей это тоже было своеобразным развлечением. Для детей между Рождеством и Новым годом с конца XIX столетия проводились специальные праздники — «елки». «Появление специального зимнего детского праздника, — справедливо заключает О. Н. Яхно, — свидетельствовало о переоценке отношения к детству, признании его самоценности»¹⁵.

И. С. Карпов вспоминает, что по субботам и в праздники в школе служили всенощную, приезжал учитель-скрипач и пел «жиденьким» басом. Сам автор пел в Соловецком хоре, и его всегда приглашали к служению всенощной. Семьи учеников положительно относились к дополнительным знаниям и навыкам, которые дети получали в школе. Учащиеся обучали пению, садоводству, рукоделию, пчеловодству, пению и гимнастике¹⁶. Отдел народного образования по Златоустовскому уезду в 1910 г. сообщает, что необязательные предметы (пение, гимнастика и т. д.) введены в 35 школах, в двух из них обучают преподаватели школы, в остальных специально нанятые учителя. Дополнительные занятия учителям оплачивало земство, в размере 10—15 рублей в год¹⁷. К ним же относились и занятия гимнастикой. В газете Голос Приуралья велась рубрика «Школьные заметки», в которой

отмечались достоинства и недостатки начального образования. Так, например, в номере от 10 апреля 1908 г. сообщается, что в школе должны заниматься физическим развитием учащихся, но гимнастика должна быть педагогической в форме игр, различных видов спорта, а не военной. Однако гимнастика плохо приживается в школе, гораздо чаще используется катание на лодках, плавание, бег, ползание по деревьям и разучивание танцев¹⁸.

Обучение в глазах учеников иногда получало характер отбывания тяжелой повинности ради получения аттестата. В обширной области образовательного пространства, охватывающей физическое развитие, гигиенические навыки, дисциплину, семейные влияния нередко носили прямо отрицательный характер. Изнеженность, леность, нервозность, склонность к чувственным удовольствиям, распушенность, и вообще склонность к жестокости. Борьба с ними в школе затруднительна не только потому, что они уже глубоко пустили корни в душе ребенка, но и потому, что непрерывно поддерживаются семьей. Особенно сложное положение складывалось в отдаленных уездных городах. Во многих случаях семья не только не поддерживала благотворное влияние школы, но скорее действовала разрушительно. Многие из родителей были далеки от знания элементарных правил гигиены, не могли понять этих требований школы¹⁹.

Причиной трудно складывающихся отношений между школой и семьей может являться невысокий культурный уровень русского общества и, в частности, в слабости развития педагогического просвещения. Вследствие указанных обстоятельств школа и семья по-разному смотрели на цель образования. Первая истолковывала ее преимущественно в идеалистическом направлении, очень отвлеченно, вторая понимала эту цель, главным образом, утилитарно, с точки зрения материальных прав и преимуществ. Не отличаясь высотой педагогического понимания и не имея в своем распоряжении достаточного количества материальных, образовательных и педагогических средств, русская семья, постоянно стремилась переложить ответственность воспитания детей на школу и совершенно забывала, что эта задача как непосильна только для школы, так и недостижима и для единоличных усилий семьи.

Как и во всех школах, в том числе, и начальных, при обучении каждому предмету курса преследуются воспитательные цели. Правильное обучение само по себе приучает учащихся к порядку, прилежанию, благонравию, укрепляет волю, «образует» характер. Школы выполняют не только воспитательную функцию, но и развивают в детях религиозное чувство. Порядок и чистота в школах сами по себе должны благотворно влиять на учащихся. Педагогам постоянно приходится бороться с неопрятностью и нечистоплотностью учащихся, как следствием их домашней обстановки и невниманием родителей к делу воспитания их детей. В большинстве случаев причина такого отношения к детям кроется в бедности семей, в которых они воспитываются. В некоторых школах девочек приходилось мыть в бане и отдавать их платья в стирку, при этом нередко случаи заболевания чесоткой и другими кожными

болезнями. В каждой школе к услугам учащихся всегда есть умывальник, мыло и полотенце. В целях воспитания в школах во время перемен учащиеся осуществляют дежурство. В обязанности дежурных входит надзор за учащимися, предупреждение nepазволительных шалостей, грубости и дикости, организация игр, пения. В хорошую погоду школьники играли во дворе, в ненастную — в рекреационном зале²⁰. Существовало ограничение по температурному режиму, занятия на улице не проводились, если воздух не прогрелся до пятнадцати градусов²¹.

В купеческих семьях с раннего детства внушалась мысль о том, что образование главное в жизни. Мальчикам давали образование в учебных заведениях, а девочкам — домашнее, подготавливая их к замужеству. Пройдя дома начальное обучение, дети выдерживали экзамены в престижные городские школы. Религия определяла распорядок жизни. Периоды в жизни купеческой семьи в течение года определялись церковными праздниками²². С религиозным чувством были напрямую связаны филантропические поступки. Обязательность пожертвований провозглашалась христианством, а для богатых эта обязательность усугублялась по причине греховности богатства, что не раз подчеркнуто в Библии. Проводились вечерние занятия с взрослым населением, аудитория вечерних классов всегда полна, пожилые люди, забыв ложный стыд, учатся грамоте. Задачи подобных занятий не только обучить грамоте, но и пробудить интерес к самообразованию. Для преподавания приглашаются временные и постоянные педагоги. Занятия сопровождаются местными экскурсиями, демонстрацией наглядных пособий и дополнены практическими заданиями. Занятия ведутся под руководством отдела внешкольного образования²³.

В своих записках «Жизненные потребности наших учащихся и к вопросу о русской школе» Е. О. Шрекник отмечал, что учитель — это душа начальной школы, и лишь от него зависит, будет ли ученик развиваться, или останется неразвитым, будет ли материал интересным, или так и останется сухим²⁴. Автор делает акцент на том, что если человек не чувствует в себе силы быть учителем, то он должен отказаться от педагогической деятельности.

Таким образом, взаимоотношения учителей и семей учеников на практике значительно отличались от теоретических представлений о их содержании. Фигура педагога при обучении, и внешкольном общении учителя с учащимися была ключевой и играла решающую роль в их гармонизации. Процесс усиления педагогического влияния на повседневность учеников и их семей был длительным и противоречивым.

Примечания

1. Беленцов С.Б. Взаимоотношения школы и семьи на рубеже XIX—XX веков: взаимодействие или взаимные претензии? // Народное образование. — 2005. — № 2. — С. 186.

2. ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 2. Д. 39. Л. 2.

3. Воспоминания народного учителя. — СПб., — 1911. — С. 47.

4. IV очередная сессия Оренбургского Губернского Земского Собрания. — Оренбург, 1917. — С. 56.
5. Воспоминания народного учителя... — С. 53.
6. Златоустовский Архивный Отдел (ЗАО). — Ф. Р-474. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф-73. Оп. 1. Д. 206. Л. 13.
8. Отчет Комиссии по начальным училищам г. Челябинска о состоянии училищ за 1904—1905 уч. год. — Челябинск : Русская тип. А. Н. Карпинского. — 1906. — С. 26.
9. Железнякова Ю. А. Препад 100 лет назад // Родина. — 2004. — № 6. — С. 94.
10. Журнал заседаний съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в г. Уфе 11—16 июня 1912 г. в извлечении. — Уфа., 1914. — С. 231.
11. Мещерский И. Н. Народная школа и сельское хозяйство : сб. статей. Третье издание переработанное и дополненное. — СПб. — 1912. — С. 78.
12. Константинов С. М. Два года в земской школе // Записки очевидца: воспоминания, дневники. — М. : Просвещение, 1991. — С. 460.
13. ЗАО. Ф. Р-474. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.
14. Яхно О. Н. Любимый зимний праздник горожан // Третьи татишевские чтения : тезисы докладов и сообщений. — Екатеринбург, 2000. — С. 410.
15. Карпов И. С. По волнам житейского моря. Воспоминания // Новый мир. — 1992. — № 1. — С. 23.
16. Отдел народного образования по Златоустовскому уезду. — Златоуст, 1910. — С. 35
17. Голос Приуралья. — 1908. — 10 апреля. — С. 2.
18. Беленцов С. Б. Указ. соч. — С. 186.
19. Отчет Комиссии по начальным училищам г. Челябинска о состоянии училищ за 1904—1905 уч. год... — С. 25.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733 Оп. 199. Д. 7. Л. 47.
21. Быковин В. И., Гаврилин М. Л., Епифанова Л. М. и др. История предпринимательства в России. — Кн. 2 — М. : Российская политическая энциклопедия, 1999. — С. 450.
22. IV очередная сессия Оренбургского Губернского Земского Собрания... — С. 84.
23. РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 45. Л. 8.

Поступила в редакцию 09 июня 2010 г.

СУВОРОВА Анна Викторовна в 2004 г. окончила исторический факультет ЧГПУ, с 2005 г. работает на кафедре социально-правовых и гуманитарных наук Златоустовского филиала ЮУрГУ. Научные интересы: история образования Южного Урала. Соискатель кафедры «История» Южно-Уральского государственного университета, E-mail: Annsu2006@ya.ru

SUVOROVA Anna Viktorovna graduated from Historical Faculty of Chelyabinsk State Pedagogical University in 2004. Now she works at the Social-Legal and Humanities Department of South Ural State University, Zlatoust branch. Research interests: history of the South Ural formation. Suvorova is a candidate for a degree at the History Department of South Ural State University, E-mail: Annsu2006@ya.ru

КИНОИНДУСТРИЯ «БОЛЬШОГО УРАЛА» В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Д. Н. Ряпусова

“BIG URALS” FILM INDUSTRY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR PERIOD

D. N. Ryapusova

В статье раскрываются особенности развития киноиндустрии Уральского региона в период Великой Отечественной войны. Предпринимается попытка показать роль «важнейшего из искусств» в процессе формирования и поддержания высокого духовного потенциала воюющего социума. На примере трех уральских областей (Свердловской, Молотовской и Челябинской) показаны основные направления, формы и методы развития системы кинофикации и ее использования в деле достижения Великой Победы.

Ключевые слова: война, киноиндустрия, кинофикация, кинохроника, художественный фильм, идейно-воспитательная работа, партийно-государственные органы, подготовка кадров, кинофестиваль, агиткинобригада.

The article reveals the peculiarities of the film industry development in the Ural region during the Great Patriotic War period. The author made an attempt to display the role of “the main art” in the process of formation and support of high level of spiritual potential of the people carrying war. Taken three Ural regions as an example (Sverdlovsk, Molotovsk and Chelyabinsk regions) the author shows the main directions, forms and methods of the cinemafication system and its usage for achieving the Victory.

Keywords: war, film industry, cinemafication, newsreel, feature film, ideological and educational work, party and state authorities, personnel training, film festival, film propaganda brigade.

Каждый век имеет свое лицо, свои неповторимые черты и памятные даты. Одним из наиболее трагических событий XX столетия, определившим многие тенденции последующего общественного развития стала Великая Отечественная война. Это была самая тяжелая и кровопролитная из всех войн, когда-либо пережитых нашим народом. Однако она была не только драматичным, но и героическим периодом в нашей истории. Летопись войны хранит множество примеров мужества и героизма советских людей, самоотверженно защищавших Отечество. И чем дальше мы уходим от того тревожного и героического времени, тем величественнее кажутся нам их подвиги и тем выше значимость совершенного ими.

Любая война — это трагедия, несущая неисчислимые бедствия и страдания народам. Ее исход во многом зависит от морально-нравственных качеств социума, вступившего в вооруженное противоборство. Роль духовного потенциала советского общества в период Великой Отечественной войны невозможно переоценить, поскольку именно он явился фундаментом, «становым хребтом», на котором базировались мужество, стойкость и героизм нашего народа¹.

Формирование духовного облика общества в значительной мере определяется идейно-политической линией государственной власти. В условиях повсеместной реализации лозунга «Все для фронта,

все для победы» шел целенаправленный процесс перестройки сознания людей. С первых дней войны работа по идейно-политическому воспитанию была выстроена в соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., явившейся программой трансформации всей жизни страны, программой борьбы русского народа против фашизма².

На основе с этой установки были приняты меры по активизации всех средств идеологического воздействия: устной пропаганды и агитации, печати, радио, кино, литературы и искусства. СНК и ЦК ВКП(б) призвали все государственные и общественные структуры к стойкости и организованности, выдержке и дисциплине, к политической бдительности и мобилизации всех народных сил для разгрома врага. Особое внимание в дни войны уделялось воспитанию советских людей в духе патриотизма, ненависти к фашистским захватчикам, к разоблачению их агрессивных планов. Первоочередной задачей называлась пропаганда справедливого, освободительного характера Отечественной войны со стороны Советского Союза. Это способствовало поддержанию высокого морального духа воинов и тружеников тыла³.

Среди прочих действенных средств, консолидирующих воюющий социум, властными структурами особенно выделялось кино. Оценивая его с точки зрения колоссального влияния на сознание народа,

И. В. Сталин писал: «Кино обладает исключительными возможностями воздействия на массы, оно мобилизует советских людей, рабочих, крестьян, интеллигенцию на еще более эффективную помощь фронту в борьбе с фашистскими варварами. Полностью и до конца использовать эту огромную силу — кино, в интересах нашего дела — завоевания победы над врагом — вот задача, которую должны разрешить работники кинофикации и проката⁴. Взяв во внимание и тот факт, что кино имеет наибольшую доступность широким массам населения, партийно-государственные органы направляли деятельность кинематографистов в необходимое политическому режиму идеологическое русло.

Руководство кинематографом в годы войны осуществлялось на основании постановлений и приказов центральных органов власти, которые дублировались и принимались к исполнению местными управленческими структурами. Это позволило четко и всемерно поддерживать жесткую государственную линию в деятельности органов кинофикации. Данная линия вполне отвечала требованиям времени и трансформировалась в зависимости от целей и задач каждого этапа войны. Так, в условиях сокращения киносети 25 ноября 1941 г. вышел приказ Комитета по делам кинематографии при СНК СССР «О работе органов кинофикации и проката в условиях военного времени» за номером 112/463. Приказ, в частности, предусматривал организацию новых специальных маршрутов и графиков для демонстрации фильмов, содержание которых отвечало сложившейся политической ситуации. В подобные маршруты входили фильмы хроникального, оборонного и военно-инструктивного содержания⁵.

В ходе улучшения обстановки на фронтах летом 1943 г. было проведено специальное совещание в ЦК ВКП(б) по вопросам кино, на котором обсуждались задачи его развития в изменившихся условиях. 12 августа 1943 г. Комитет по делам кинематографии издал приказ о расширении выпуска широкоплечной и передвижной аппаратуры, что способствовало расширению материальной базы киносети. 9 сентября 1943 г. СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по восстановлению киносети в городах и районах, освобожденных от немецкой оккупации»⁶. Для освобожденных территорий создавался резерв, в который передавалась киноаппаратура из регионов, не пострадавших от оккупации, в том числе и с Урала.

С 1943 г. в городах и селах увеличивается число киносеансов, вводятся дополнительные ночные сеансы. В 1944 г. СНК СССР принимает решение «О мероприятиях по улучшению кинообслуживания населения». В постановлении указывалось на необходимость всемерно расширять сеть киноустановок, освобождать помещения кинотеатров, занятые под военные нужды, вводить в эксплуатацию часть бездействующей киноаппаратуры, готовить дополнительный штат киномехаников звукового и немого кино в замен ушедшим в армию⁷.

В годы войны указанные процессы отчетливо проявились и в развитии киноиндустрии Урала. В строгом соответствии с центральными приказами и постановлениями, на всех уровнях руководства

уральского региона (от исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся до областных партийных комитетов) поднимались вопросы использования киноискусства в целях мобилизации масс, решались задачи изменения структуры, штата, управленческого аппарата киносети, утверждения кинорепертуара и т. п. В частности, партийным руководством Южного Урала в разное время были рассмотрены вопросы «Об улучшении работы сельской киносети в Челябинской области», «О восстановлении и ремонте киноаппаратуры, имеющейся в районах области», «О мероприятиях по улучшению кинообслуживания населения Челябинской области». Партийными властями Западного Урала подробно анализировались вопросы «О состоянии кинофикации в Молотовской области», «О мерах по реализации постановления ЦК ВКП(б) о ремонте киноаппаратуры для сельской местности по Молотовской области». Областная партийная организация Среднего Урала за период войны приняла решения «Об улучшении кинообслуживания населения промышленных центров Свердловской области», «О расширении киносети в промышленных центрах области и об организации производства запасных частей к киноаппаратуре»⁸. Отделы пропаганды и агитации при областных комитетах ВКП(б) контролировали деятельность всех предприятий и организаций области, занятых в сфере производства и распространения продукции кино. Сюда стекались документы о количественных и качественных показателях работы киносети, проводимых ею мероприятиях и формах работы с аудиторией, существующих проблемах с комплектованием материальной базы и кадров, о состоянии фильмофонда и т. п.

В условиях растущего военного противостояния первоочередные меры были направлены на предотвращение резкого сокращения киносети и сохранение ее материально-технической базы. В предвоенные годы шел процесс быстрого развития киноиндустрии. К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе насчитывалось более 28 тыс. киноустановок, из них 19 тыс. находилось в сельской местности, включая 4 тыс. колхозных стационаров⁹. Развивалась и уральская киносеть. К началу войны в Свердловской области насчитывалось 899 различного рода киноустановок, 410 из них находились в сельской местности. По данным на 1 июля 1941 г. в государственной сети области действовало 214, а в профсоюзной и ведомственной (ДК, клубы, учебные заведения, санатории и т. п.) — 340 киноустановок. Молотовская область в предвоенный год имела 543 установки, в том числе 277 государственные и 266 ведомственные¹⁰.

В начале войны во всех областях и республиках региона, как и в целом по стране, наблюдалось снижение интенсивности работы киносети. Многие помещения стационарных кинотеатров в городах и районных центрах были заняты под военные нужды. В них развертывались госпитали, цеха эвакуированных предприятий, эвакуопункты, мобилизационные центры и т. п. Значительно уменьшилось и число кинопередвижек, так как большинство автомашин, используемых для перемещения аппаратуры и механиков по рабочим маршрутам, было от-

правлено в действующую армию. Так, Молотовская область передала в армию 59 автомашин. По этой причине в течение пяти военных лет в области не было ни одной автозвуковой передвижки, что значительно сказалось на качественном и количественном обслуживании населения. Перевод автопередвижек на гужепередвижки шел крайне медленно, так как сопровождался значительными денежными затратами. В частности, по плану развития киносети Молотовской области в 1943 г. предусматривалось приобретение гужевого транспорта на сумму 250 тыс. рублей, что вызывало серьезные трудности в финансировании¹¹.

Одной из мер по сохранению должного кинообслуживания населения стал приказ Комитета по делам кинематографии «Об улучшении работы ведомственной киносети» за № 142, который предусматривал аренду профсоюзных и клубных установок, ранее не занятых в обслуживании широких зрительских масс. Выполнение приказа тормозилось тем, что государственные органы кинофикации не имели непосредственного контроля над ведомственными киноустановками¹². К началу 1943 г. общая численность киноустановок на Урале в сравнении с довоенным периодом уменьшилась с 1750 до 1300, т. е. на 25,6 %¹³.

Помимо прямого сокращения количества киноустановок, возникло множество факторов, затрудняющих деятельность имеющейся сети. В некоторых районных центрах кинотеатры не работали из-за недостатка топлива и электроэнергии, которая предназначалась, прежде всего, промышленным предприятиям. Киноустановки, вступившие в строй в довоенный период, в ходе длительной эксплуатации приходили в негодность. Большая часть парка киноаппаратуры постоянно простаивала, ожидая поступления запасных частей. Управления кинофикации, стремясь сохранить и увеличить материальную базу сети, старались не прекращать использование старых киноаппаратов, что нередко вело к порче фильмокопий и срывам показов.

Возникла явная угроза уничтожения внушительной части фильмофонда. Вместо установленной нормы амортизации в один процент фильмокопии за 6 сеансов, подобный износ происходил за 4—4,5, а в отдельных случаях за 1,5—2 показа. С целью остановить «хищническую эксплуатацию кинокартин», 30 июня 1942 г. Комитет по делам кинематографии издал приказ «Об усилении борьбы за сохранность фильмофонда». Со стороны управлений кинофикации максимально возрос технический надзор за ремонтом кинопроекторной и усилительной аппаратуры. Приказ Комитета от 16 июля 1942 г. «О мероприятиях по сохранению и учету киноаппаратуры и кинооборудования» обязал начальников управлений во всех случаях раскомплектования, порчи, утери киноимущества производить расследование и материалы передавать органам прокуратуры для привлечения к суду ответственных лиц.

Действие данных приказов распространялось на начальников отделов кинофикации и руководителей киноустановок, но прежде всего на киномехаников. Так, летом 1942 г. к уголовной ответственности за халатное отношение к своим обязанностям были

привлечены киномеханик Кочергин, работавший в одном из клубов г. Первоуральска, киномеханик Ильина, демонстрировавшая фильмы в клубе «Металлург» Михайловского завода¹⁴. Решительные действия властей, несмотря на жесткость, способствовали выполнению задач сурового времени, и прежде всего — сохранения материально-технической базы киноиндустрии.

По мере стабилизации обстановки на фронтах постепенно удалось переломить тенденцию к сокращению киносети. В конце войны численность киноустановок на Урале составляла 94,2 % от довоенного уровня. Наиболее успешно этот процесс шел в Свердловской области, где число киноустановок к 1945 г. даже превысило показатели 1941 г. В Молотовской области удалось восстановить 85 %, а в Челябинской — 59,9 % киносети¹⁵.

Во второй половине Великой Отечественной войны при решении задач кинообслуживания населения Урала резко обозначилась проблема нехватки квалифицированных кадров киномехаников. Потребность в пополнении их численности существовала и ранее. В довоенный период требовалась подготовка определенного числа специалистов для вновь вводимых в строй киноустановок, при сохранении уже имеющегося контингента и с учетом текучести кадров по обычным причинам (смена места работы, уход на пенсию, увольнение по различным причинам и т. п.). С июня 1941 г. ситуация резко изменилась. Началась мобилизация военнообязанных в ряды Красной Армии, что привело к значительному сокращению количества киномехаников. В начале войны только в Свердловской области на фронт было отправлено 132 специалиста¹⁶. Большие кадровые потери в имелись в Челябинской и Молотовской областях.

Несмотря на трудности военного времени, центральное руководство предъявляло жесткие требования к кадрам киномехаников и обязало управления кинофикации «организовать неослабное наблюдение за тем, чтобы к работе ... не допускались лица, не проверенные квалификационной комиссией, а равно не допускались к самостоятельному демонстрированию картин ученики киноаппаратных камер»¹⁷.

Поэтому, естественно, что для начавшегося с 1943 г. процесса восстановления киносети требовалась подготовка новых кадров работников кино. В связи с этим партийно-государственные органы управления уральских областей наметили и осуществили ряд мер. В постановлении Свердловского ОК ВКП(б) «Об улучшении кинообслуживания населения промышленных центров Свердловской области» содержалось прямое требование «наладить работу курсов киномехаников, увеличить контингент учащихся, главным образом, за счет активного привлечения к обучению девушек и инвалидов войны»¹⁸.

Централизованные курсы в г. Свердловске были организованы еще в 1935 г. и к началу Великой Отечественной войны имели контингент учащихся в 300 чел. По технической оснащенности, укомплектованности квалифицированными кадрами и постановке обучения, курсы принадлежали к числу лучших в стране. В условиях военной мобилиза-

ции численность учащихся снизилась в 2, а затем в 3 раза. Изменился и контингент слушателей. На обучение стали направляться, главным образом, женщины и не достигшие совершеннолетия юноши. Недостаток педагогического состава, исправной аппаратуры и оборудования, учебных и подсобных помещений, их разбросанность, неустроенность жилищно-бытовых условий, — все это негативно сказывалось на успеваемости слушателей и обуславливало их большой отсев. Например, Свердловское областное управление кинофикации в 1943 г. направило на обучение 116 чел., 55 из которых были впоследствии отчислены¹⁹.

Однако постепенно ситуация стабилизировалась и к началу 1945 г. курсы киномехаников были открыты еще в ряде населенных пунктов Среднего Урала: Алапаевске, Ирбите, Туринске, Ревде, Манчаже, Бутке. В результате Свердловская область превратилась в крупный центр подготовки киномехаников. Выпускники свердловских курсов направлялись на работу не только в населенные пункты Среднего, но и Южного и Западного Урала.

Впрочем учебные заведения этого профиля создавались и в других областях уральского региона. Так, для удовлетворения нужд Челябинской области в областном центре были организованы две группы по подготовке киномехаников с общим количеством 55 человек²⁰.

Если в Свердловской области значительный контингент киномехаников готовился через курсы, то в Молотовской наибольшее распространение получило бригадное обучение. Так, для покрытия потребности в кадрах киномехаников на 1943 год планировалось подготовить 236 работников государственной и 70 работников ведомственной киносети. При этом планом предусматривалось обучить 90 чел. через курсы и 216 — путем бригадного обучения. Распределение учеников по киноустановкам находилось в зависимости от квалификации работников киноаппаратной. В среднем на каждый кинотеатр планировалось по два, а на передвижку по одному ученику киномеханика²¹. Суть данного способа обучения состояла в том, что к опытному киномеханику прикреплялся ученик или группа учеников, и в процессе практической работы они постигали азы своей будущей профессиональной деятельности. После того как ученик овладел основными навыками, решением специальной аттестационной комиссии ему присваивалась квалификация помощника киномеханика.

Несмотря на достаточно широкую популярность и востребованность ученичества, этот путь восполнения кадрового состава киносети имел существенный недостаток. Он позволял в довольно короткий срок увеличить численность киномехаников, но по качеству обучения значительно уступал централизованным курсам, где квалифицированные специалисты давали курсанту более полные теоретические и практические знания и умения. В начале 1944 г. метод подготовки кадров киномехаников через производственное ученичество был запрещен приказом Комитета по делам кинематографии²².

Важнейшим направлением деятельности киноиндустрии Уральского региона было создание

и показ населению документальных фильмов. Сама жизнь выдвинула кинохронику на первое место. Участники войны и ее свидетели средствами кино превращали героические события в исторические документы, в летопись. Люди хотели знать и видеть своими глазами то главное, чем жила страна. Кинооператоры-документалисты осознавали большую ответственность и проявляли исключительную активность, творческий и производственный энтузиазм, преданность делу. Однако в отличие от операторов и режиссеров центральных студий кинохроники, работавших, главным образом, над фронтовыми сюжетами, уральские документалисты были сориентированы на отражение проблематики тыла. Единственная на Урале студия кинохроники, расположенная в Свердловске, была призвана запечатлеть трудовую жизнь региона, превратившегося в опорный край обороны страны⁶, его лучших людей, которые героическим трудом на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, на транспорте, и на учебе ковали в дни великих испытаний успех Красной Армии. Уже 25 июня 1941 г. на экраны был выпущен номер киножурнала «Сталинский Урал», в котором каждый кадр дышал войной. Деятельность студии кинохроники, отображавшей, прежде всего, проблематику тыла в годы войны, часто тесно увязывалась с темой помощи фронту и даже с конкретной обстановкой на полях сражений. Так, в тревожные дни 1941 г., когда Красная Армия отступала, а колонны немецких танков мощными ударами прорывали нашу оборону, Свердловская студия кинохроники получила от Комитета по делам кинематографии заказ на съемку для всесоюзного и местного киножурналов различных сюжетов оборонного содержания. В первую очередь были запрошены сюжеты о производстве советских танков на Урале. Решение производить съемки на оборонных предприятиях Свердловской области не встретило возражений ни в органах НКВД, ни в областном комитете партии²³.

Сюжеты, созданные киностудией, включали самые разнообразные темы: транспорт, промышленность, наука и искусство, спорт. К примеру, в № 24 «Сталинского Урала» в одном сюжете зрителю продемонстрировали работу мастеров скоростных плавок Уралмашзавода Ибрагима Валеева и Дмитрия Сидоровского. Другой был посвящен производству самолетов. Третий показывал деятельность тружеников сельхозартели имени XXIV годовщины Октября Нижне-Мулуллинского района по сбору урожая. Еще один сюжет показал танкостроителей, получающих знамя Государственного Комитета Обороны за первое место во всесоюзном социалистическом соревновании и клянувшихся Сталину произвести столько машин, сколько потребует фронт²⁵.

Кино служило и оборонно-массовой работе. Студия начала выпускать фильмы, помогающие овладеть военными знаниями. Целью съемок, производимых в частях уральского военного округа, было отражение в киножурналах «Сталинский Урал» напряженной учебы боевых резервов, показ героев Отечественной войны, передающих бойцам и командирам свой личный боевой опыт²⁶.

Кроме того, за время войны было создано несколько короткометражных документальных филь-

ма: «Город Н» — очерк об одном уральском городе, дававшем фронту различные виды вооружения, «Шестидесятая параллель» — фильм о городе Серове, которому исполнилось полвека, «Урал—ЗИС» — очерк об автомобильном заводе построенном на Урале, «За здоровье бойца», «Свердловск — столица Урала» и ряд других²⁷. Вместе с Куйбышевской киностудией удалось создать фильм «Урал кует победу», обошедший с большим успехом все экраны Советского Союза. В 1943 г. Свердловская студия документальных фильмов заняла второе место во Всесоюзном социалистическом соревновании. Позднее ей было присуждено первое место и переходящее знамя ВЦСПС и Комитета по делам кинематографии. Этот успех был обеспечен напряженной работой всего коллектива, в том числе кинооператоров З. М. Бабасова, И. М. Косинина, режиссера В. Н. Бойкова и других²⁸.

Огромная работа была проделана уральскими мастерами документального кино и по съемке материалов для союзного киножурнала. За период войны уральцы предоставили ему 136 сюжетов на тему «Урал — фронту». Все эти фильмы, отражающее трудовой энтузиазм уральцев во имя достижения победы, должны были оказать огромное мобилизующее воздействие не только на мирное население, но и на военнослужащих, которым наглядно демонстрировалась мощь и несокрушимость тыла, его непоколебимая уверенность в победе. Многие фильмы уральских кинематографистов с этой целью отправлялись в распоряжение действующей армии, показывались бойцам на самой передовой линии фронта. В частности большой успех у фронтовиков имел киножурнал-письмо, рассказывающий о героях тыла, а также направленный специально для показа бойцам Уральского добровольческого танкового корпуса фильм «Столица Урала», повествующий о трудовых буднях Свердловска. Всего за годы войны уральскими кинодокументалистами было отснято 1 484 400 метров пленки, было выпущено на экран 242 киножурнала, включавших в себя 552 сюжета²⁹.

Значительную роль в мобилизации населения на отпор врагу играло художественное кино. Еще до Великой Отечественной войны фильмы определенной властными структурами тематики выпускались огромными тиражами. «Чапаев» был размножен в 1019, «Ленин в 1918 году» — в 1149, «Щорс» — в 1184, «Человек с ружьем» — в 1006 звуковых копий. Таких тиражей не знала ни одна страна в мире³⁰. Однако в начале войны кинематография страны понесла большие потери. Оккупанты разрушили киностудии в Киеве, Одессе, Ялте, кинопленочную фабрику в Шостке, заводы киноаппаратуры. В эвакуацию были отправлены Московская и Ленинградская студии, Союзмультфильм и др. В результате этого производство художественной кинопродукции было существенно затруднено. В ходе развернувшегося восстановления на повестку дня настоятельно выдвинулся вопрос о создании студии игрового кино в уральском регионе — крупнейшем культурном центре страны. Необходимо было на месте изучить материальные возможности открытия предприятия. С этой целью

в декабре 1942 г. в Свердловск приехал председатель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И. Г. Большаков. С представителями советских и партийных органов были рассмотрены все вопросы, касающиеся материальной, организационной, технической и кадровой стороны. 9 февраля 1943 г. И. Г. Большаков подписал Приказ № 59 об организации Свердловской киностудии художественных фильмов³¹.

Работники кинематографии совместно с городскими властями приложили большие усилия для создания технической базы, обеспечивающей выпуск кинокартин. Одним из важных факторов успешного начала производственной деятельности студии было прибытие на Урал киноспециалистов, эвакуированных из западных районов. Деятельность самой молодой в стране и единственной на Урале студии художественных фильмов на начальном этапе протекала в тяжелейших условиях организационного формирования, производственного, технического и кадрового оснащения. Параллельно осуществлялись и строительные работы. В сжатые сроки был закончен монтаж основных цехов, освоено сложное оборудование, подготовлены квалифицированные рабочие по всем основным специальностям производственно-технического процесса, что в основном решило кадровую проблему. В 1944 г. при Свердловской киностудии художественных фильмов возникла школа киноактера, призванная обеспечить студию актерскими кадрами³².

С огромным трудом коллектив справлялся со своими основными задачами в условиях военного времени. По воспоминаниям кинорежиссера Я. Лапшина, во время работы над первой художественной картиной «Сильва» киностудию окружала «... суровая мрачная жизнь». Кругом были голодные очереди бедно одетых людей, молодые инвалиды-фронтовики, ждущие милостыни на углах темных улиц с грохочущими трамваями. Поэтому «... дамы и кавалеры в роскошных туалетах, мундиры с позументами, ляг шпор, непрерывные танцы и пьянящая музыка...» выглядели на этом фоне неестественно³³.

И все же коллектив студии, сняв сложную постановочную картину «Сильва» (1944 г.), добился определенного творческого успеха. Прежде, чем картина появилась на экранах кинотеатров Урала, ее посмотрели советские солдаты, участвовавшие в освобождении Европы от фашизма. В широкий прокат фильм вышел уже после войны. Он с большим успехом был показан советскому и зарубежному зрителю и получил широкое общественное признание³⁴.

Ежедневный непомерный труд по сохранению и преумножению материальной базы и кадрового состава киносети, организации кинопроизводства, в конечном итоге был направлен на достижение главной цели, поставленной партийно-государственными органами перед работниками кинофикации. Необходимо было максимально охватить зрительскую аудиторию кинообслуживанием, чтобы в полной мере использовать кино в мобилизации населения на отпор врагу и достижение победы. Коллективный акт восприятия фильма необычайно усиливал эффективность пропагандируемых с экрана идей, объ-

единял и создавал единый эмоциональный порыв. Поэтому репертуар демонстрируемых уральскому зрителю фильмов был четко определен властями в соответствии с общесоюзным планом кинообслуживания. Естественно и закономерно происходило обращение к историко-революционным и историческим темам. Особой популярностью пользовались фильмы, посвященные героической борьбе нашего народа с иноземными захватчиками, фильмы, посвященные Октябрьской революции и Гражданской войне, а также антифашистские фильмы. Безмерна была впечатляющая сила этих картин. Они будили чувства патриотизма, ненависти к врагу, звали к мести, мобилизовали волю наступающей армии и воюющего тыла³⁵.

В деле привлечения зрителя большую роль играла реклама. В Уральском регионе, как и в целом по стране, рекламированию фильмов уделялось особое внимание. В промежутках между военными сводками по радио передавались короткие сообщения о демонстрируемых картинах. На страницах местных газет регулярно печатался анонс кинофильмов. Например, в «Уральском рабочем» за 9 октября 1941 г. даны следующие сведения: «МЮД» — «Шел солдат с фронта»; «Октябрь» — «Небо и ад», «Свинопас», «Союзкиножурнал 91 — Героическая оборона Одессы»; «Рот Фронт» — «Чапаев»; «Сталь» — «Борьба продолжается»³⁶. На фасадах кинотеатров, в местах большого скопления народа развешивалась шрифтовая и литографическая реклама³⁷.

Партийно-государственные органы Урала стремились теснее увязать показ кинофильма с другими формами агитационно-пропагандистской работы. Последняя предполагала как повседневную деятельность, так и единовременные кампании. Перед сеансами устраивались политинформации по вопросам внешней и внутренней политики. В фойе кинотеатров оборудовались выставки агитплакатов, фотодокументов, отражающих события проходившей войны. В сельской местности, наряду с военно-патриотическими мероприятиями, перед демонстрацией кинофильмов проводились лекции и беседы на агротехнические и санитарные темы.

Регулярно осуществлялась устная агитация в челябинском кинотеатре имени А. С. Пушкина. Перед сеансами здесь только за 1942 г. было проведено более 100 лекций и бесед³⁸. В свердловском кинотеатре «Темп» ежедневно организовывались консультации по различным вопросам, выступления врачей по профилактике инфекционных заболеваний. В кинотеатре «Октябрь» в 1941 г. городским комитетом партии был организован агитпункт. Каждый вечер в фойе кинотеатра проходили политинформации, беседы, лекции на различные темы — о великих русских полководцах, донорстве, тактике в современной войне. Была вывешена огромная карта, на которой отмечался ход военных действий на всех фронтах Великой Отечественной войны. В фойе проводились художественные выставки о героическом прошлом русского народа. Одна из них была посвящена Отечественной войне 1812 г. Здесь демонстрировались картины изображающие эпизоды этой войны, портреты полководцев. Другие выставки отображали героические эпизоды из

истории русского народа: поход князя Игоря на половцев, армию при Петре I, Семилетнюю войну и вступление русских войск в Берлин. Здесь же размещалась и галерея портретов Героев Советского Союза. В верхнем фойе была развернута выставка по истории Гражданской войны³⁹.

В период войны во всех уральских областях мероприятиями значительного масштаба являлись кинофестивали. Они длились от 2—3-х недель до нескольких месяцев, и были особенно востребованы в сельской местности. Часто кинофестивали приурочивались к предстоящей посевной либо уборочной кампании. Так, в Свердловской области с 5 января по 5 апреля 1942 г. проводилось «массовое политическое мероприятие, мобилизующее колхозников на успешную подготовку и проведение весенней кампании». В постановлении Свердловского обкома ВКП(б) от 7 января 1942 г. указывался перечень фильмов, которые должны быть продемонстрированы на кинофестивале: «Александр Невский», «В тылу врага», «Фронтовые подруги», «Всадники», «Суворов», «Минин и Пожарский», «Большая жизнь», «Чапаев», «Профессор Мамлок», «Депутат Балтики», а также короткометражные военно-инструктивные фильмы. Для привлечения внимания населения все кинопередвижки снабжались художественной рекламой, листовками с подробным описанием содержания демонстрируемых кинофильмов. Редакция областных и районных газет, облрадиокомитету и радио местного вещания предписывалось «обеспечить освещение задач кинофестиваля и пропаганду кинофильмов на страницах печати и радио»⁴⁰.

Были организованы агиткинобригады, включавшие пропагандистов райкома партии. Перед сеансом зачитывался доклад, лектор отвечал на вопросы. Агиткинобригады оснащались наглядным материалом: фотовыставками, плакатами, лозунгами, политическими картами, популярной оборонной литературой. Задачи обороны страны увязывались в докладах с вопросами укрепления тыла. Во время фестиваля помимо художественных фильмов демонстрировались и документальные киноленты: «Победа будет за нами», «За полный разгром немецких захватчиков», «Разгром немецких войск под Москвой», учебные ленты: «Как бороться с зажигательными бомбами», «Борьба за высокий урожай». За время фестиваля в 18 районах области состоялось более 1300 сеансов, собравших около 190 тыс. зрителей⁴¹.

Очень популярными на Урале были оборонные рейды. В отличие от кинофестивалей они проходили 5—7 дней и демонстрировали зрителям не более одного—двух фильмов. Однако их преимущество заключалось в том, что они проводились чаще фестивалей и оперативнее доводили до зрительской аудитории новый киноматериал. Примером таких мероприятий может служить рейд, организованный в Челябинской области в декабре 1942 г. Специально созданная кинобригада с фильмами «Фронтовые подруги» и «В тылу врага» работала в 6 районах Южного Урала. О популярности этого рейда свидетельствует тот факт, что план посещаемости был перевыполнен в 4 раза⁴². Эффективными формами

массово-политической работы, повышающими действенность кинопоказа были также фронтовые месячники и кинолектории⁴³.

Энергичные меры по осуществлению руководства и развития системы кинофикации на Урале, предпринимаемые партийно-государственными структурами и учреждениями киноискусства в годы войны дали серьезный позитивный результат. Так, если в 1940 г. по Свердловской области системой кинопроката было охвачено 13 млн 405 тыс. зрителей, то к концу 1942 г. эта цифра достигла уже 20 млн чел. Рост посещаемости наблюдался также в Челябинской, Молотовской областях. Хорошая посещаемость уральцами кинотеатров обусловила и рост валового сбора от продажи билетов. В среднем за годы войны по Свердловской области он увеличился в 3, а по Челябинской и Молотовской — в 2,5 раза⁴⁴.

В целом, подводя итоги вышеизложенного, можно отметить, что в развитии сферы киноискусства «Большого Урала» в годы войны имели место две основные тенденции, связанные с трудностями военного времени. Первая выразилась в усилении нагрузки на киносеть региона при одновременном сокращении числа действующих киноустановок и кадров киномехаников. Другая проявилась в увеличении масштабов воспитательной и агитационно-пропагандистской работы среди широких масс населения. Обе тенденции способствовали трансформации киноиндустрии Урала, обусловили прогрессивную поступательность ее развития в экстремальных условиях войны.

Примечания

1. Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). — Екатеринбург : УрО РАН, 1996. — С. 5—6.
2. Максакова Л.В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. — М. : Наука, 1977. — С. 17.
3. Савельев В. М., Саввин В. П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. — М. : Мысль, 1971. — С. 207, 208.
4. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза (доклады, речи, выступления и приказы). — М. : Госполитиздат, 1953. — С. 63.
5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 168. Л. 74.
6. История советского кино : в 4 т. — Т. 3. 1941—1952 гг. — М. : Искусство, 1975. — С. 5; Сперанский А. В. Указ. соч. — С. 234.
7. Максакова Л. В. Указ. соч. — С. 21.
8. Сперанский А. В. Указ. соч. — С. 235, 236.
9. Кабанов П. И. История культурной революции в

СССР. Краткий очерк. — М. : Высшая школа, 1971. — С. 140.

10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 182. Л. 101; ГАПО. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
11. ГАПО. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 7. Л. 5, об.; Максакова Л. В. В рядах воюющего народа (Из истории советской культуры в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). — М. : Мысль, 1965. — С. 228.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 168. Л. 74.
13. Сперанский А. В. Указ. соч. — С. 239.
14. ГАСО. Ф. Р-2103. Оп. 1. Д. 39. Л. 4,7,9.
15. Сперанский А.В. Указ. соч. — С. 239—240.
16. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 237. Л. 46.
17. ГАСО. Ф. Р-2103. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.
18. Сперанский А. В. Указ. соч. — С. 40.
19. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 182. Л. 109; Оп. 38. Д. 168. Л. 108; Оп. 39. Д. 178. Л. 94,95; ГАСО. Ф. Р-2103. Оп. 1. Д. 46. Л. 16.
20. Сперанский А. В. Указ. соч. — С. 240, 241.
21. ГАПО. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 7. Л. 4, 34.
22. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 178. Л. 11, 14, 38.
23. Сперанский А.В. Указ. соч. — С. 237.
24. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 182. Л. 10; Оп. 38. Д. 168. Л. 123; Оп. 39. Д. 110. Л. 9, 10.
25. Уральский рабочий. — 1942. — 1 июля.
26. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 168. Л. 83.
27. Живая летопись // Свердловск. — Свердловск : Свердлов. обл. госуд. изд-во, 1946. — С. 333.
28. Урал — фронту. — М. : Экономика, 1975. — С. 274—275.
29. Сперанский А.В. Указ. соч. — С. 237, 238.
30. ЦДООСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.
31. Вечерний Свердловск. — 1976. — 10 июля; Уральский рабочий. — 2001. — 13 февр.
32. ГАСО. Ф. Р-2258. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—3; Д. 3. Л. 6.
33. Кириллова Н. Б. Феномен уральского кино. — Екатеринбург : Уральский рабочий, 2003. — С. 21.
34. Бирюков Е. Визитные карточки Свердловского кино // Рабочее слово. — 1993. — 5—11 апр.; Кириллова Н. Б. Указ. соч. — С. 26.
35. Максакова Л. В. Указ. соч. — С. 232.
36. Уральский рабочий. — 1941. — 9 окт.
37. ГАПО. Р-1317. Оп. 1. Д. 2. Л. 30; ЦДООСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 15. Л. 47.
38. Сперанский А. В. Указ. соч. — С. 242—243.
39. Уральский рабочий. — 1941. — 8 окт.
40. Культурное строительство на Среднем Урале : сб. док. — Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1987. — С. 117.
41. Развитие культуры уральской советской деревни. 1917—1987 гг. — Свердловск : УрО АН СССР, 1990. — С. 72.
42. Сперанский А.В. Указ. соч. — С. 245.
43. Уральский рабочий. — 1941. — 3 окт.
44. Сперанский А.В. Указ. соч. — С. 236—237, 246, 247.

Поступила в редакцию 17 июня 2010 г.

РЯПУСОВА Дарья Николаевна, в 2008 году с отличием окончила исторический факультет Уральского государственного педагогического университета. В настоящий момент является аспиранткой третьего года очного обучения Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург).

RYAPUSOVA Daria Nikolaevna graduated with honors from the History Faculty of Ural State Pedagogical University. Now she is a third year post graduate full time student at Institute of History and Archeology, Ural branch of Russian Academy of Science (Ekaterinburg).

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

И. В. Сибиряков

HISTORY OF POLITICAL TERROR IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20 CENTURY IN RUSSIAN POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

I. V. Sibiriyakov

В статье проанализированы ключевые проблемы, связанные с историей политического террора в России в начале XX в., которые оказались в центре внимания отечественной исторической науки после распада СССР. Выявлены те основные подходы к изучению истории «русского террора», которые доминировали в отечественной историографии на рубеже веков. Определены наиболее перспективные направления дальнейшего исследования истории политического терроризма в России.

Ключевые слова: *терроризм, история, интеллигенция, политическая мораль.*

The key issues connected with the history of political terror in Russia at the beginning of the 20 century which were in the center of interest of the Russian historical science after breakup of the Soviet Union were analyzed. The author reveals those main approaches to the study of the history of "Russian Terror" which prevailed in Russian historiography at the turn of the century. The author defines the most perspective directions for further history of political terrorism in Russia research.

Keywords: *terror, history, intelligentsia, political morality.*

В конце XX в. история политического террора в России вновь вернулась в разряд актуальных и злободневных тем. Во многом это было связано с резким обострением политической ситуации в целом ряде регионов земного шара, в том числе и в нашей стране. Потребность в глубоком серьезном анализе тех процессов, что способствуют росту террористической активности части населения, вызвала к научной жизни несколько интересных исследовательских проектов².

Кроме того, после распада Советского Союза в отечественной исторической науке постепенно стали формироваться качественно новые подходы к анализу многих уже «разработанных ранее» проблем. Так в России появилась возможность исследовать сложные сюжеты истории «русского террора» вне жестких политических установок правящей элиты, в рамках принципиально новых научно-исследовательских стратегий, с учетом серьезных достижений зарубежной исторической науки.

Важным шагом на пути создания новой исторической концепции «русского террора» стали работы О. В. Будницкого³. Именно он одним из первых обратил внимание на очень странную ситуацию, которая сложилась в отечественной исторической науке к концу XX в. «Парадокс историографической ситуации, — писал О. В. Будницкий, — заключается в том что, с одной стороны, отечественными исследователями опубликованы сотни, если не ты-

сячи работ, посвященных тем или иным аспектам революционного движения в России, в которых в той или иной степени затрагивалась и проблема революционного терроризма, с другой, история революционного терроризма, как самостоятельная исследовательская проблема стала рассматриваться в отечественной историографии совсем недавно, в середине 1990-х годов»³. В своих исследованиях О. В. Будницкий сосредоточился на изучении широкого круга проблем, связанных с особой философией, этикой, психологией «русского террора» начала XX века. Большой интерес, как у профессиональных историков, так и у непрофессионалов, вызвал сборник «История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях», составленный О. В. Будницким и опубликованный в 1997 г. В нем он поместил собственную теоретическую статью «Кровь по совести»: терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в), материалы следствия и суда по делу Д. В. Каракозова, фрагменты работ П. А. Кропоткина, прокламаций, воспоминаний лидеров политических организаций, идеологов и практиков террора. О. В. Будницкий подчеркивал, что ставил перед собой задачу «показать развитие террористических идей в России во всем их разнообразии — от первых «проговоров» в прокламациях начала 1860-х годов до «научного» обоснования в программных документах эсеров». Он стремился к тому, что бы представленные в сборнике документы

и материалы отражали разные версии терроризма — народофильскую, эсеровскую, анархистскую, большевистскую и др.⁴. И в целом ему это удалось.

Вместе с тем в постсоветской историографии истории политического террора в России можно найти много произведений, авторы которых продолжали работать в рамках исследовательских подходов и оценок, сложившихся еще 70—80-х гг. XIX в. Так Б. С. Итенберг в своей книге «Российская интеллигенция и Запад. Век XIX» попытался показать, как борьба народников с самодержавным деспотизмом отразилась в публицистике Западной Европы, какую роль в этом сыграла российская политическая эмиграция. Один из очерков этой книги был посвящен Л. А. Тихомирову, чей поступок вызвал очень бурную дискуссию в оппозиционных кругах России в конце XIX в.⁵ Примечательно, что, описывая обстоятельства и суть этой дискуссии, свои собственные оценки и суждения Б.С. Итенберг афишировать, не стал.

Подробное описание самых крупных террористических актов в России начала XX века было включено в текст работы П. А. Кошеля «История наказаний в России. История российского терроризма». Документально обоснованный рассказ о подготовке и проведении терактов сопровождался немногочисленными эмоциональными и резкими выводами. Один из них гласил: «У русского народа на протяжении всей его истории отчетливо просматриваются две тенденции: государственно-строительная с верой в монархию и справедливого царя и государственно-разрушительная с неосознанной жадностью анархии, разбоя. Слетаясь как мухи на мед на разрушающую приманку, либеральная интеллигенция от Бакунина и Толстова до Слетова и Керенского брызгала, если можно так выразиться, этим сладким ядом на все общество. «Внешние враги» не только помогли действию замедленной отравы, но хирургическим образом пытались ускорить гибель русского организма»⁶.

Отражение революционного терроризма в художественной литературе и, с другой стороны, влияние литературы на деятелей революционного подполья рассматривала в своей книге М. Могильнер⁷. Об особом образе террориста в русской культуре рубежа XIX—XX вв. много и интересно писал А. С. Баранов⁸.

Особое внимание изучению роли национальных политических партий и организаций в подготовке и проведении террористических актов в начале XX в. уделили Н. Д. Литвинов и А. Н. Литвинова⁹; специальную монографию, посвященную роли партии эсеров-максималистов в первой российской революции, написал Д. Б. Павлов¹⁰, много и плодотворно работали над различными сюжетами, связанными с историей партии эсеров М. И. Леонов, К. Н. Морозов, Р. А. Городницкий¹¹.

Показательно, что на рубеже XX—XXI вв. к изучению проблем политического терроризма в России активно «подключились» политологи, культурологи, социологи и другие специалисты в области гуманитарного знания¹². Благодаря их усилиям, был существенно расширен круг причин, объясняющих распространение терроризма в рос-

сийском обществе. К числу наиболее важных таких причин исследователи относили: «...укоренившийся и поддерживаемый среди населения, особенно среди интеллигенции, нигилистический взгляд на Россию, ее социально-политический строй, исторические традиции, культуру, экономику и т. д.», влияние революционных событий в ряде стран Европы, традиции отечественной истории, особенности российского государства, ослабление влияния нравственных норм православия и др.¹³.

Продуктивной оказалась, предпринятая в последние годы, рядом ученых, попытка выявить некоторые социальные особенности русского революционного движения начала XX века, создать социологический портрет террориста этого времени. «Характерной особенностью терроризма в России, — писал А. И. Суворов, — является большой удельный вес среди его участников женщин, — следствие их правовой дискриминации и своеобразное проявление феминизма»¹⁴. Другими его особенностями принято считать многонациональный состав и высокий организационный уровень. Необходимо подчеркнуть, что А. И. Суворов сумел выявить определенную эволюцию состава террористических организаций и идеологических установок, доминировавших в среде террористов, в начале XX века.

Монография А. И. Суворова «Борьба с терроризмом в России в XIX — начале XX века (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России), которая вышла в свет в 2002 г.¹⁵, стала важным этапом становления постсоветской историографии истории политического террора в России. В ней на основе внимательного анализа различных исторических источников были изучены: развитие нормативно-правовой базы и организационной структуры субъектов антитеррора, основные средства розыскной работы, роль жандармской дознавательно-следственной деятельности в системе карательных мер противостояния терроризму. А. И. Суворов сделал аргументированный вывод о том, что «мощная волна политического террора возникла и развивалась в обстановке сравнительно лояльного отношения к нему со стороны значительной части общества» и «что борьбу с этим видом государственной преступности необходимо начинать с самого зарождения террористической идеи, с обезвреживания ее идеологов, носителей и пропагандистов, с раскрытия и пресечения зарождающихся террористических организаций»¹⁶.

На рубеже веков в России были опубликованы произведения некоторых западных исследователей, которые в разное время в той или иной степени занимались проблемами политического терроризма начала XX века¹⁷. Эти работы строились на широкой источниковой базе и были выполнены в рамках тех методологических конструкций, что еще не получили широкого распространения в отечественной исторической науке. Вместе с тем мощная политическая составляющая многих таких работ так же была очевидна.

В 1997 г. в России была издана книга А. Гейфман «Революционный террор в России. 1894—1917 гг.». Проанализировав террористическую деятельность

в России за два последних десятилетия существования российского самодержавия, А. Гейфман сделала вывод, что в начале XX в. «на российской политической арене появилось совершенно новое поколение радикалов и что эти террористы нового типа, несмотря на свои национальные и местные черты, являлись предтечами современного политического экстремизма...»¹⁸.

Л. Г. Прайсман в книге «Террористы и революционеры, охранники и провокаторы», которая была опубликована в России в 2001 г., проанализировал историю создания и деятельности боевой организации партии социалистов-революционеров, противостояния правительства и террористов, сложные неоднозначные отношения, сложившиеся между ними в начале XX в. Особое внимание Л. Г. Прайсман уделил истории Е. Ф. Азефа, многие сюжеты которой были восстановлены им на основе детального изучения широкого круга архивных документов. Целая глава книги посвящена отношению русского общества к убийству В. К. Плеве. В ней Л. Г. Прайсман констатировал: «Вообще к политическому террору в это время настолько привыкли, что он как-то вошел в обычай, в привычку. Даже такие политические силы, как, например, либералы, которые более других должны были осуждать политические убийства, этого не делали. Террор превратился в обычный метод политической борьбы...»¹⁹.

В последние годы в нашей стране был защищен целый ряд диссертаций, авторы которых исследовали широкий круг проблем, связанных с историей российского терроризма²⁰. Так А. С. Баранов в рамках своего диссертационного исследования показал эволюцию русской культуры второй половины XIX в. от противостояния терроризму к началу «террористического диалога». Он так же выявил особенности формирования и универсализации террористического пантеона в рамках русской культуры 1901—1905 гг. Ему удалось нарушить старую методологическую традицию исследовать как самостоятельные исторические явления «теорию» и «практику» терроризма. А. С. Баранов попытался и в целом эту попытку можно признать удачной, исследовать «внутреннюю» и «внешнюю» стороны деятельности террористических организаций, доказав их неразрывную взаимосвязь. А. А. Рыбкин на материалах Костромской, Тверской и Ярославской губерний выявил каналы и формы идейной пропаганды терроризма в провинции в 1905—1907 гг.²¹. А. В. Куканов исследовал содержание, основные направления и характерные особенности деятельности государственных органов и политического розыска МВД по борьбе с политическим терроризмом социалистов-революционеров, а так же раскрыл роль «внутреннего наблюдения» как основного метода борьбы органов политического розыска с терроризмом партии социалистов-революционеров²². В. Б. Петухов проанализировал «формы и способы репрезентации терроризма как социально-значимого явления в пространстве культуры»²³.

Много лет посвятил работе над историографическим сюжетом истории российского революционного терроризма А. А. Бакаев. В своей диссертации он сумел показать основные особенности изучения

российского революционного терроризма в исторических исследованиях и мемуарной литературе 1920 — первой половине 1930-х годов. А так же выявил основные направления эволюции советской и постсоветской историографии революционного терроризма²⁴. Работы А. А. Бакаева²⁵ стали заметным рубежом в изучении отечественной историографии политического терроризма в российской империи начала XX в. и определили некоторые возможные направления дальнейшего развития этого сегмента отечественной исторической науки.

Важным этапом становления постсоветской отечественной историографии истории политического терроризма в России были научные конференции, которые в 90-е гг. XX в. активно проводились под эгидой различных общественных организаций и объединений. Материалы некоторых из них были опубликованы и вызвали большой интерес в научных кругах²⁶. Размышляя о содержании некоторых материалов сборника «Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в.», изданного по итогам работы одной из таких конференций, О. В. Будницкий совершенно справедливо заметил: «Материалы сборника отчасти отражают еще один аспект историографической ситуации — крайнюю политизированность, поспешную переоценку ценностей, осуществляемую, прежде всего публицистами от истории или людьми, мало разбирающимися в предмете»²⁷.

В 90-х гг. XX в. тема террора действительно нашла широкое отражение в литературно-публицистических изданиях самого разного профиля²⁸. В обсуждении этой темы принимали участие журналисты, писатели, музыканты, которые не проводили самостоятельные исследования, но опирались на уже опубликованные материалы, так или иначе связанные с историей террора. Научная составляющая таких обсуждений была незначительной, а вот итоговые оценки и суждения, порой носили откровенно эмоциональный характер. Практика таких публикаций сохранилась и в дальнейшем²⁹.

На рубеже XX—XXI вв. в нашей стране был подготовлен к печати целый ряд сборников документов, так или иначе связанных с историей политического терроризма в России. Некоторые из них стали настоящей библиографической редкостью и существенно расширили поле для научной дискуссии, посвященной «русскому террору» начала XX века³⁰.

Так составители сборника «Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.)» сумели опубликовать целый ряд предписаний и циркуляров Департамента Полиции, посвященных борьбе с террористами, фрагменты предписаний, писем и справок об усилении наблюдения за наиболее подозрительными обывателями и политическими деятелями, протоколы допросов членов различных террористических групп. Анализ этих документов (более 90 % которых опубликовано впервые) убедительно свидетельствует о том, что чиновники, работавшие в центральных государственных структурах империи, прекрасно понимали опасность новой волны «террористического насилия» и активно искали адекватные меры для ее отражения. Однако сделать это оказалось не

просто. «Особенно щекотливые вопросы приходилось решать, — пишут составители сборника, — в связи с политическими убийствами, жертвами которых становились члены либеральных партий, не изблеченные в государственных преступлениях, но признаваемые черносотенцами злейшими врагами «царя и веры»»³¹.

В это же время в стране возобновилась практика издания писем и воспоминаний непосредственных участников террористических актов, которая была приостановлена в 30—40-е гг. В 1991 г. в издательстве «Мысль» была издана книга Б. В. Савинкова «Воспоминания террориста»³². Примечательно, что в книге не было предисловия или заключения, а присутствовал только авторский текст. В том же году свет увидело репринтное воспроизведение издания 1930 г. книги А. Спиридовича «Записки жандарма»³³. Один из сюжетов этой книге был посвящен моральным аспектам противостояния сторонников и противников революции. А. Спиридович писал: «Честный фанатик, революционер Бурцев столкнулся с не менее честным фанатиком — сотрудником Жученко. И моральная победа в этом столкновении правительства с революцией осталась всецело на стороне правительства — на стороне Жученко»³⁴. В 1994 г. издательство «Тerra» опубликовало сборник «Письма Азефа»³⁵. Его составителями были Д. Б. Павлов и З. И. Перегудова. Попытки публикации переписки Азефа предпринимались в прошлом неоднократно. Но, как писал Д. Б. Павлов, «эти публикации, однако никогда не были полными, поскольку их составители руководствовались главным образом целями разоблачительства»³⁶. Из всего корпуса писем Азефа составители данного сборника отобрали лишь те, которые представляли особый исследовательский интерес, характеризуя взгляды, образ жизни, методы революционной, «охранной» деятельности их автора. В 2001 г. в Москве была опубликована книга «Это я виноват...: Эволюция и исповедь террориста: Письма Егора Созонова с комментариями», составителем которой была А. Ф. Савина. Книга позволила восстановить основные этапы формирования личности Е. Созонова, увидеть эволюцию его политических и философских взглядов, понять специфику нравственных суждений и оценок. В одном из своих писем Е. Созонов писал: «Вы часто меня упрекали, что я, вкусивши науки, позабыл о Боге. Дорогие мои! Земной мой поклон вам и мое вечное спасибо за то, что вы, научили меня свято относиться к вопросам совести. Ведь потому-то я совершил дело, что я чувствовал, что моя совесть, моя религия, мое Евангелие, мой Бог — требовали этого от меня. Мог ли я послушаться? ...»³⁷.

Примечательно, что в 90-е гг. XX в. в целом ряде вузов Российской Федерации преподаватели подготовили и прочитали специальные курсы, связанные с историей политического терроризма. Так в Саратовском государственном университете в 1996 г. было опубликовано методическое пособие «История политического терроризма в России. Вторая половина XIX — начало XX века». Его автор Т. Б. Исаева обратила особое внимание на противоречие между теорией и практикой партии социалистов-революционеров. «Расчетливая жестокость терро-

ристов, — писала Т. Б. Исаева, — наносит двойной удар: правительство страны, должностные лица государства угнетаются страхом перед физическим уничтожением, а со стороны российского обывателя растет недовольство руководством, тем же правительством страны, которое не может обеспечить порядок в государстве и охрану своих граждан. Так борьба за народное счастье уже собирала свою кровавую жатву с самого народа»³⁸. В 1997 г. М. П. Одесский и Д. М. Фельдман выпустили пособие по спецкурсу, которое получило название «Поэтика террора и новая административная ментальность»³⁹. В нем с учетом достижений современной филологии, социологии и культурологии была проанализирована т. н. «поэтика террора», т. е. средства языкового выражения тех идеологических конструкций, которые были призваны оправдать террор. При этом авторы пособия воспринимали террор, как в первую очередь «способ управления социумом, посредством превентивного устрашения»⁴⁰. Учитывая специфику конкретного аппарата управления, они выделили три основных формы превентивного устрашения: «индивидуальный террор», «террор толпы», «государственный террор». Показательно, что М. П. Одесский и Д. М. Фельдман максимально жестко связали две идеологемы «террор» и «революция», доказав, что с точки зрения «поэтики террора» социологические процессы «манифестируются историей базовых мифологем и всей системы тезауруса «террористической традиции»⁴¹.

Трудно не согласиться с выводом, к которому пришли, проделав глубокий и детальный анализ историографии истории революционного терроризма в России В. Э. Багдасарян и А. А. Бакаев. Они констатировали: «в целом, отечественная историография истории революционного терроризма в 1990—2000-е гг. оказалась на пороге качественных изменений, но пока этот порог еще не был преодолен...»⁴². Возможно, это произойдет уже в ближайшее время. Особое внимание к изучению феномена террора со стороны самых разных представителей гуманитарного знания дает надежду на то, что исследователи смогут вырваться из «замкнутого круга» ограниченного числа исторических источников, подходов и оценок, утвердившихся в отечественной исторической науке. Симптомами грядущего прорыва стала серия публикаций, посвященных различным аспектам феномена политического терроризма, появившаяся в российских научных журналах в 2008—2010 гг.⁴³ На наш взгляд, она представляет собой самостоятельное историографическое явление и требует отдельного глубокого исследования.

Другим фактором, оказывающим самое серьезное воздействие на проведение исторических исследований, посвященных политическому террору XX века, является стремительное развитие интернет-технологий. Первые публикации, посвященные истории и практике российского терроризма, стали появляться в русскоязычном сегменте Интернета еще в конце XX в. В начале XXI в. поток таких публикаций стал стремительно нарастать. Так на страницах электронного журнала «Полемика» были опубликованы статьи О. В. Будницкого, посвященные своеобразной этике терроризма⁴⁵, в некоммерческом

электронном издательстве «Академическая мысль» была опубликована статья Ю. В. Варфоломеева «“Русский способ”». Феномен революционного терроризма в России в начале XX в.»⁴⁶, в электронном литературно-философском журнале «Топос» была опубликована статья Г. Грузмана «Природа террора и террор природы»⁴⁷, в журнале «Самиздат» была помещена статья О. М. Хлобутова «Большевики и политический терроризм в России»⁴⁸ и т. д.

На сегодняшний день вопросы истории террора в той или иной степени освещаются, как на специализированных сайтах, таких как сайт «Террору — нет»⁴⁹, сайт «Мемориал»⁵⁰, сайт «Наука и образование против террора»⁵¹ и др.⁵², так и в рамках общественно-политических и исторических дискуссий, которые периодически происходят на самых разных Интернет-площадках. В центре этих дискуссий в разное время были самые разные вопросы, связанные с историей политического терроризма в России, например, вопрос об отношении к политическому террору лидера большевиков В. И. Ленина, вопрос об источниках финансирования террористической деятельности, вопрос о взаимоотношениях русских террористов с иностранными спецслужбами и т. д.⁵³

В большом количестве в интернете представлены курсовые работы и рефераты, посвященные проблемам политического терроризма в России в XX в.⁵⁴ Постепенно в русскоязычном секторе Интернета формируется достаточно большой объем полнотекстовых материалов, так или иначе связанных с историей «русского террора». Часть публикаций, посвященных истории террора и осуществленных ранее в традиционной форме в последние годы активно переводятся в формат электронных текстов и появляются на самых разных ресурсах⁵⁵.

Но круг авторов серьезно и последовательно работающих над данной проблемой в рамках российского Интернет-сообщества очень напоминает круг авторов, публикующих свои материалы по истории политического террора в традиционных научных изданиях. Узость этого круга составляет одну из самых серьезных проблем для развития отечественной историографии истории политического терроризма в России в ближайшие годы.

Анализ исторических исследований, посвященных истории политического террора в России в начале XX в., и опубликованных на русском языке за последние 15—20 лет, позволяет сделать ряд выводов. Проблема политического терроризма в России в начале XXI в., к сожалению, сохраняет свою актуальность, что придает исследованиям, посвященным истории терроризма особое значение. С учетом политической, психологической, социальной, исторической составляющей этой проблемы, можно предположить, что исследования феномена «русского террора» будут продолжаться еще долго. Среди наиболее перспективных направлений этих исследований с учетом ограниченности источниковой базы и неизбежной политизации любого научного проекта такого рода, на наш взгляд, можно выделить такие направления, как историко-культурологический анализ моделей поведения различных групп населения страны, в той или иной степени причастных к под-

готовке или проведения террористических актов; более глубокое исследование дискурсивных практик сторонников и противников террористических методов ведения политической борьбы в России в начале XX в., изучение особенностей восприятия политического терроризма различными группами населения в различных регионах страны. Мы разделяем точку зрения В. Э. Багдасаряна и А. А. Бакаева утверждавших, что «весьма перспективной представляется разработка лишь сформулированной в западной историографии проблемы религиозных истоков русского революционного терроризма»⁵⁶.

Реализация любого из этих проектов потребует объединения усилий представителей самых разных областей гуманитарного знания, выработки особых методологических схем, широкого диалога с представителями отечественной и зарубежной науки, спецслужб, средств массовой информации. Стремительные темпы развития современных информационных технологий позволяют успешно реализовать такие проекты уже в обозримой исторической перспективе.

Примечания

1. Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009—2010 гг.). Мероприятие 1».
2. Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социологические исследования. — 2001. — № 5. — С. 3—11; Ольшанский Д. В. Психология террора. — Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический проект. ОППЛ, 2002; Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. — 2002. — № 4. — С. 113—124; Кива А. В., Федоров В. А. Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. — 2003. — № 1. — С. 130—142.
3. Будницкий О. В. «Кровь по совести»: терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX века) // Отечественная история. — 1994. — № 6. — С. 203—208; История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / авт.-сост. О. В. Будницкий. — Ростов/Д.: Феникс, 1996; Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX — начало XX в. — М.: РОССПЭН, 2000 и др.
4. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении... — С. 15.
5. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях... — С. 21.
6. Итенберг Б. С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX. — М.: Наука, 1999. — С. 209—214.
7. Кошель П. А. История наказаний в России. — М.: Голос, 1995. — С. 297.
8. Могильнер М. Мифология подпольного человека. — М.: НЛЮ, 1999.
9. Баранов А. С. Образ террориста в русской культуре конца XIX — начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // Общественные науки и современность. — 1998. — № 2. — С. 181—191.
10. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/11/litvin.html
11. Павлов Д. Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. — М.: Изд-во ВЗПИ, 1989.
12. Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. — М.: РОССПЭН, 1997; Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров 1907—1914 гг. — М.: РОССПЭН, 1998; Городницкий Р. А. Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста // Отечественная история. — 1995. — № 5.

13. Страда В. Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // Вопросы философии. — 1996. — № 9. — С. 90—119; Сазонов И. А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления // Вестник Московского университета. — Сер. 12. Политические науки. — 2000. — № 2. — С. 107—116; Суворов А. И. Политический терроризм в России XIX — начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Вопросы социологии. — 2002. — № 7. — С. 54—61; Пиджаков А. Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: Проблемы изучения // Правоведение. — 2003. — № 3 (248). — С. 234—244; Наумов А. Проблема революционного экстремизма и терроризма в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Законность. — 2006. — № 5. — С. 46—50 и др.
14. Суворов А. И. Указ. соч. С. 54—55.
15. Там же. — С. 58.
16. Суворов А. И. Борьба с терроризмом в России в XIX — начале XX века. (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
17. Там же. — С. 66, 270.
18. Лонге Ж., Зильберг Г. Террористы и охранка. — М. : Советская Россия, 1991; Хейфиц А. Революционный террор в России. 1894—1917 гг. — М. : КРОН-ПРЕСС, 1997 и др.
19. Хейфиц А. Революционный террор в России... — С. 344.
20. Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. — М. : РОССПЭН, 2001. — С. 84.
21. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: Идеология, этика, психология: вторая половина XIX — начало XX в.: дис. ... докт. ист. наук. — М., 1998; Баранов А. С. Революционный терроризм как феномен русской культуры конца XIX — начала XX века : дис. ... канд. культ. наук. — М., 2000; Трошин Н. В. Административно-полицийские органы царской России в борьбе с экстремизмом и террором во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. — Владимир, 2000 и др.
22. Рыбкин А. А. Политический терроризм в провинции в 1905—1907 гг. (на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний) : дис. ... канд. ист. наук. — Кострома, 2007.
23. Куканов А. В. Государственная власть и политический терроризм партии социалистов-революционеров (1900—1905гг.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
24. http://dibase.ru/article/06042009_petukhovvb/1
25. Бакаев А. А. Историография российского революционного терроризма конца XIX — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2005.
26. Багдасарян В. А., Бакаев А. А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. — М.: ВНИИ МВД России, 2004; Бакаев А. А. Отечественная историография политического терроризма в российской империи начала XX в. — М. : ВНИИ МВД России, 2005.
27. Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в. — М. : Мемориал, 1996.
28. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология... — С. 16.
29. http://magazines.russ.ru/nov_yun/1999/6/anamnez-pr.html и др.
30. <http://myrt.ru/news/history/204-eshhe-raz-o-delezalich-i-liberalnom.html>; http://magazines.russ.ru/nov_yun/2005/12/ia11.html <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2005&n=10&id=5> и др.
31. См.: Политическая полиция и политический терроризм в России. (Вторая половина XIX — начало XX веков) : сб документов. — М. : АИРО - XX, 2001 и др.
32. Политическая полиция и политический терроризм в России. (Вторая половина XIX — начало XX веков)... — С. 20.
33. Савинков Б. В. Воспоминания террориста. — М. : Мысль, 1991.
34. Спиридович А. Записки жандарма. — М. : Худож. лит., 1991.
35. Там же. — С.47.
36. Письма Азефа: 1893—1917 / сост. Д. Б. Павлов, З. И. Перегудова. — М. : Терра, 1994.
37. Там же. — С. 9.
38. «Это я виноват...» : эволюция и исповедь террориста: Письма Егора Созонова с комментариями / сост. и коммент. А. Ф. Савина. — М. Языки славянской культуры, 2001. — С. 15.
39. Исаева Т. Б. История политического терроризма в России. Вторая половина XIX — начало XX в. : метод. пособие. — Саратов : Изд-во СГУ. — С. 9.
40. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. — М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997.
41. Там же. — С. 8.
42. Там же. С. 184.
43. Багдасарян В. Э., Бакаев А. А. Указ. соч. — С. 158.
44. Журавлев Д. А. СМИ и терроризм // Общественные науки и современность. — 2009. — № 5. — С. 71—80; Пастухов В. Б. Терроризм в информационно-семиотическом и мифологическом контексте // Общественные науки и современность. — 2008. — № 3. — С. 92—101; Толмач А. Д. Феномен терроризма в массовом сознании // Социологические исследования. — 2009. — № 4. — С. 82—88; Чудинов С. И. Феномен аберрационной совести в народническом терроризме // Вестник Чел. гос. ун-та. — 2010. — № 1 (182). — С. 120—124 и др.
45. <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/11/budnitzkii/>
46. <http://klio.3dn.ru/publ/37-1-0-116>
47. <http://topos.ru/article/6329>
48. http://zhurnal.lib.ru/h/hlobustow_o_m/bolshev.shtml
49. <http://www.terrorunet.ru/history/>
50. <http://www.memo.ru/>
51. <http://www.scienceport.ru/content/istoriya-terrorizm-rossii>
52. <http://terroristica.info/forum> и др.
53. http://zhurnal.lib.ru/h/hlobustow_o_m/bolshev.shtml; <http://www.rusnation.org/stat/pub037.shtml>; <http://bibliia-v.narod.ru/K/175.html>; http://www.ko.ru/document_for_print.php?id=3059; http://zhurnal.lib.ru/h/hlobustow_o_m/bolshev.shtml; <http://www.contrtv.ru/common/2707/>; http://clubs.ya.ru/4611686018427402148/replies.xml?item_no=67801&ncrnd=5493 и др.
54. http://revolution.allbest.ru/history/00034669_0.html; <http://www.bankareferatov.ru/ru/referat/?id=76223> и др.
55. <http://logic.ru/ru/node/406>; <http://www.agentura.ru/culture007/history/bt1920/>; <http://www.archipelag.ru/geopolitics/piryadok/terror/ter/>; <http://psyfactor.org/lib/terror11.htm> и др.
56. Багдасарян В. Э., Бакаев А. А. Указ. соч. — С. 117.

Поступила в редакцию 17 июня 2010 г.

СИБИРЯКОВ Игорь Вячеславович, д. и. н., профессор, зав. кафедрой истории России ЮУрГУ. E-mail: sibirjkovig@mail.ru

SIBIRYAKOV Igor Vyasheslsvovich PhD in History, professor. Since 1999 is the Head of the History of Russia department of SUSU. E-mail: sibirjkovig@mail.ru

Искусствоведение и культурология

УДК 37(09)
ББК 63.3(2)72

ПРАВОСЛАВНАЯ ИКОНА В РЕЛИГИОЗНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУХОВЕНСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX СТОЛЕТИЙ

Ю. С. Андреева

ORTHODOX ICON IN RELIGION ENLIGHTEN ACTIVITY OF ORENBURG CLERGY EPARCHY AT THE TURN OF THE 19—20 CENTURIES

Y. S. Andreeva

В статье рассматриваются некоторые особенности православного иконопочитания, анализируется использование икон в процессе религиозно-нравственного воспитания прихожан Оренбургской епархии в конце XIX и начале XX вв.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Оренбургская епархия, православная икона, религиозно-нравственное воспитание.

The article deals with some peculiarities of the Orthodox icon worship, the author analyses the use of icons during religion enlighten activity process of Orenburg eparchy parish at the end of 19 and beginning of the 20 century.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orenburg eparchy, Orthodox icon, religion enlighten upbringing.

Икона в православии обладает большим воспитательным значением, становясь одним из средств дисциплины личности и укрепления человека в вере. Искусство с его колоссальными возможностями формировать ценностные ориентиры издавна использовалось христианскими церквями в деятельности по духовно-нравственному воспитанию паствы. По этой причине религиозное искусство всегда представляло важнейшую сферу церковной жизни. Однако в русском православии икона в первую очередь являет собой Божественный лик, и лишь затем воспринимается как произведение искусства. Перед «лицом Бога» и его святых человек несет большую ответственность за свои помыслы и дела, следовательно, во много раз повышается воспитательная роль иконы. «Иконы святые, святых сущее изображения, на святое житие нас подвизают, — поучал св. Димитрий Ростовский. — Икона Пречистыя Девы, егда на ню взираем, приводит нам в воспоминание пречистое и пресвятое ея житие»¹. Поэтому не случайно православная икона как искусство, приоткрывающее «другой план бытия», в первую очередь обращена к сознанию и воле человека².

Приходская богослужебная жизнь немыслима без икон, однако и в повседневной обрядности русских крестьян икона играла главную культовую роль — без нее не обходились ни свадьбы, ни похороны, ни полевые работы, ни коммерческие предприятия. В домашнем обиходе сельского населения Урала особенно были распространены иконы Николая Чудотворца, Власия, Модеста и

Флора, что указывает на стремление верующих получить практическую помощь в своих нуждах (в излечении членов семьи, скота, ведении успешного хозяйства)³. Для характеристики религиозных представлений уральских крестьян в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» в 1886 г. отмечалось: «Святая икона для простеца ближе, роднее и дороже многих других священных предметов; икона — руководитель и охранитель от бед и напастей»⁴. Заступничество от иконы (ее «оборонительные» функции) становились особенно актуальными в периоды стихийных бедствий, голода и войн. Например, в ратных подвигах русских солдат в Крымской и Русско-японской войнах (в том числе уральских и оренбургских казаков, участвовавших в боевых операциях) большое значение имели православные иконы как средства поддержания боевого духа⁵.

Тем не менее, на рубеже XIX—XX столетий, в связи с новым витком российской модернизации и преобладанием секулярных тенденций в культуре, иконопочитание все более воспринималось в качестве анахронизма (особенно в городской среде)⁶. О деструктивных изменениях в духовном состоянии русского общества в данный период свидетельствуют многочисленные отклики духовенства на явления современной им общественной и культурной жизни. Одни из представителей духовенства сожалели по поводу недоброго соседства эротических сюжетов в искусстве с культовыми изображениями, когда на художественных выставках «религиозные картины соседствуют с изображением обнаженных

женщин», когда «на кладбищах, среди памятников с крестами и иконами, встречаются памятники с фигурами полуобнаженных женщин»⁷. Другие отмечали неустойчивость веры: «Народ начинает метаться. Что было предосудительным, то становится позволительным»⁸. О распространении атеизма в Оренбургской епархии, о том, что к делам приходской жизни стали иметь отношение неверующие люди, свидетельствуют докладные записки участников Всероссийского церковного поместного собора 1917—1918 гг. В одном из докладов отмечалось: «Новый строй обновленной церковно-приходской жизни с его выборным началом во многих местах уже использован сектантами и безбожниками в целях пропаганды и натиска на православие. Так, руководителем одного из приходских собраний в Оренбургской епархии был избран совершенно неверующий человек, изгнанный своим домохозяйником из квартиры за то, что выбросил его иконы из нанятой квартиры в помойную яму»⁹. В этих условиях православное духовенство Южного Урала стремилось поднять значение икон в сознании верующих, активно использовать воспитательные возможности православной иконы в деле религиозно-нравственного развития населения.

Одной из крупных духовно-нравственных и социальных проблем периода была проблема усиления пьянства и связанных с ним негативных социальных последствий. Духовенство Оренбургской епархии по инициативе высших органов власти империи, а также при содействии местных властей, инициировало масштабную пропаганду трезвого образа жизни¹⁰. В проповеди трезвого образа жизни огромное значение имели приходские общества трезвости, состоявшие из мирян под руководством священника. Крупнейшим таким обществом являлось «Серафимовское общество трезвости при церкви Преподобного Серафима в Форштадте г. Оренбурга», устав которого стал образцом для других обществ епархии. В уставе в качестве первого и главного средства для достижения цели духовного оздоровления лиц, злоупотребляющих спиртным, называлась усиленная молитва, подразумевающая поклонение иконе¹¹. Условием вступления в члены любого общества трезвости являлось безусловное воздержание от употребления «всяких охмеляющих напитков»: каждый член, записавшись в общество, давал священный обет трезвости перед иконами в присутствии священника¹². Икона святого, в честь которого назывались общества трезвости, при этом становилась главным объектом поклонения страждущих. Среди членов обществ практиковался добровольный сбор средств на возжигаемые перед иконами свечи, причем деятельность обществ в отдельных случаях могла привлекать даже нехристиан. Например, в XI благочинном округе на призыв к трезвости откликнулись мусульмане, проживавшие в пределах округа: «Умилительное зрелище наблюдалось в храме поселка Адрианопольского в ноябре месяце минувшего года, — гласит отчет за 1912 г., — несколько мусульман-башкир здесь давали обет трезвости в присутствии многих православных лиц, при этом некоторые из башкир пожертвовали лепту на свечу перед иконой небесного

покровителя Общества Преподобного Серафима Саровского»¹³.

Огромное значение в религиозно-просветительской и проповеднической деятельности местного духовенства имели крестные ходы с наиболее почитаемыми иконами. Положительным результатам данной работы способствовали многочисленные случаи помощи верующим и заступничества со стороны чудотворной иконы Табынской Божьей Матери — главной святыни Урала XIX — начала XX вв.¹⁴ Духовенство совершало неоднократные крестные ходы с Табынской иконой, во время которых «совершались чудесные исцеления». Крестные ходы привлекали массу людей, заказывавших службы, молебны, выразивших подобающую святыне честь, просивших посетить их дома с чудотворной иконой¹⁵. Например, в 1871 г. участниками крестного хода с Табынской иконой из Оренбурга в Уральск стали не только представители синодальной церкви, но и старообрядцы. Причт, сопровождавший икону, рапортовал правящему архиерею о той атмосфере благочестия и святости, которая царила среди участников хода. При этом отмечалось, что «крестный ход этот действительно имеет весьма благотворное влияние, возвышая религиозное чувство до самой сильной степени, он не только способствует возбуждению веры, благочестия и страха Божия, но имеет еще и миссионерское значение, т.к. по меньшей мере уничтожает вековую рознь между старообрядцами и православными»¹⁶. В 1893 г., во время крестного хода через хутор Петропавловский Покровской волости, крестьянин Федор Ермолаев сын Фомин получил исцеление от иконы, что в дальнейшем было подтверждено следствием¹⁷. Фомин с апреля 1893 г. был поражен параличом левой руки и, по словам очевидцев, «не мог даже и препоясать чресла своего без посторонней помощи»¹⁸. Исцеление Фомина произошло на глазах массы верующих. Также во время пребывания иконы Табынской Божьей Матери в хуторе Петропавловском произошло еще одно чудо — излечение от язвы старообрядца¹⁹. По мнению архиерея, эти события должны были «послужить к славе Божией и укреплению и утверждению истинной веры»²⁰. Духовенством было отмечено: «несомненно, что крестный ход с иконой должен служить одним из сильных средств к воспитанию в нас веры, благочестия и страха Божия»²¹. В 1903 г. от благочинного XIII округа Шишкова поступило сообщение о том, что лик Божией матери на иконе, хранящейся в Орском Покровском женском монастыре, был «светел и живой, как тело человека»²².

В целом, исследователи отмечают, что в рассматриваемый период крестные ходы зримо и убедительно выражали массовость православного сознания²³. Относительно паствы Оренбургской епархии можно констатировать следующий факт: почитание икон, благодаря духовно-просветительской работе духовенства епархии, по-прежнему оставалось характерной чертой религиозности сельского населения Южного Урала. Ситуацию с народным благочестием типично охарактеризовал благочинный I округа Челябинского уезда Петр Холмогорцев в 1916 г.: «Упадка религиозного не замечается. В воскресные и праздничные дни церковь Божия по-

сещается большим числом молящихся, а в великие христианские праздники храмы переполнены прямо до тесноты. Посты блюдутся строго простым народом, про интеллигентный же класс этого сказать, к сожалению, нельзя. Но, в общем, и интеллигенция особой антирелигиозности ни в чем не проявляет. Почти все с усердием принимают святые иконы в дома для служения молебнов»²⁴.

Примечания

1. Димитрий Ростовский, митр. Розыск о раскольнической брынской вере. — М.: Синодальная типография, 1855. — С. 185.
2. Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках // Избранные произведения. — Ростов н/Д.: Феникс, 1998. — С. 339.
3. См.: Бальжанова Е. С. Иконы в представлении русских крестьян Урала (вторая половина XIX — начало XX в.) // Исторические чтения: материалы научных конференций Центра историко-культурного наследия г. Челябинска. — Челябинск: Центр историко-культурного наследия, 2004. — Вып. 7—8. — С. 133.
4. Там же. — С. 133.
5. См., напр.: Стромов П. А. «Да вознесет Вас Господь в свое время...» (о значении православных икон в Крымской, русско-японской войнах и возрождении православия на Южном Урале) // Православие на Урале: исторический аспект, актуальность развития и укрепления письменности и культуры: материалы симпозиума с международным участием. — Челябинск: ЧГАКИ, 2007. — Ч. 1. — С. 224—229.
6. См.: Фирсов С. Л. Православная церковь и государство в последние десятилетия существования самодержавия в России. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1996. — С. 89—90.
7. Православно-русское слово. Издание общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. — 1902. — № 17. — С. 481—482.
8. Каменев Н. К вопросу о просвещении народа // Православно-русское слово. Издание общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. — 1902. — № 17. — С. 496.
9. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 340. Л. 32.
10. Подробнее см.: Андреева, Ю. С. Деятельность православного духовенства по воспитанию трезвого

образа жизни среди населения Оренбургской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. / науч. ред. Н. П. Парфентьев. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. — Вып. 4. — С. 66—73; Судоргина Т. В. Заботясь о народной трезвости // Южный Урал: историко-культурные проблемы: сб. научных трудов. — Оренбург: Димур, 1995. — С. 24—36.

11. Устав Серафимовского общества трезвости при церкви Серафима в Форштадте г. Оренбурга. — Оренбург: Б. и., 1913. — С. 3.
12. Оренбургские епархиальные ведомости. — 1914. — № 10. — С. 220.
13. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9427. Л. 102.
14. См.: Благодатная помощь от Табынской иконы Божьей Матери // Оренбургские епархиальные ведомости. — 1889. — № 23. — С. 631—634; Случай чудесного исцеления от Табынской иконы Божьей Матери // Там же. — 1894. — № 6. — С. 197; Случай Божией помощи и заступление Божией Матери // Там же. — 1882. — № 22. — С. 841—843.
15. См. о крестных ходах из г. Илецка в г. Уральск, из Табынского в Оренбург: Табынская икона Божьей Матери и крестный ход из села Табынского в город Оренбург и другие места Оренбургской епархии (историко-археологический очерк) / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. — Оренбург, 1914. — Вып. 31. — С. 45, 47.
16. Там же. — С. 47.
17. ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4975. Л. 6—7.
18. Там же. Л. 7.
19. Там же. Л. 7.
20. Там же. Л. 6.
21. Табынская икона Божьей Матери и крестный ход из села Табынского в город Оренбург и другие места Оренбургской епархии (историко-археологический очерк) // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. — Оренбург, 1914. — Вып. 31. — С. 44.
22. ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5926. Л. 3.
23. Громыко М. М. Службы вне храма // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX вв.: итоги этнографических исследований. — М.: Наука, 2001. — С. 115; Поплавская Х. В. Паломничество, странноприимство и почитание святых (по материалам Рязанского края) // Там же. — С. 251—255.
24. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10582. Л. 15.

Поступила в редакцию 23 июня 2010 г.

АНДРЕЕВА Юлия Сергеевна, родилась в 1980 г., окончила Челябинский государственный педагогический университет (2002 г.), кандидат исторических наук (2006 г.), с 2004 г. — аспирант, с 2006 г. — старший преподаватель кафедры искусствоведения и культурологии Южно-Уральского государственного университета. Сфера научных интересов: история Русской православной церкви, история духовной культуры России, история православного служения на Южном Урале.

ANDREEVA Yulia Sergeevna was born in 1980, graduated from Chelyabinsk State Pedagogical University in 2002, Cand.Sc. (History) from 2006, post graduate student from 2004, senior lecturer from 2006 at the Art History and Culture Studies Department of South Ural State University. Research interests: history of Russian Orthodox Church, history of spiritual culture in Russia, history of Orthodox allegiance in the South Ural.

ТВОРЧЕСТВО А. П. КУДРЯВЦЕВА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЕРАМИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВВ.

О. М. Коробейникова

CREATIVE WORK OF A. P. KUDRYAVTSEV IN THE SCOPE OF THE MAIN DEVELOPMENT TRENDS OF THE RUSSIAN CERAMICS OF THE SECOND HALF OF THE 20 AND BEGINNING OF THE 21 CENTURIES

О. М. Korobeynikova

Рассматривая творчество челябинского скульптора А. П. Кудрявцева в контексте основных тенденций развития отечественной керамики и искусства второй половины XX — начала XXI в., автор делает вывод о невозможности признать его произведения полностью постмодернистскими. Высказывается мнение, что уместно рассматривать постмодернизм как наиболее созвучный времени подход к творчеству, позволяющий скульптору раскрыть свой художественный замысел.

Ключевые слова: искусство Южного Урала, постмодернизм, скульптура, декоративно-прикладное искусство, керамика, скульптор А. П. Кудрявцев.

The author describes creative work of Chelyabinsk sculptor A.P. Kudryavtsev in the scope of the main development trends of the Russian ceramics and art in the second part of the 20 and beginning of the 19 century and makes conclusion that Kudryavtsev's works cannot be referred to as post-modern ones. The opinion saying that post-modern can be considered the closest time-related approach to creative work which allows the sculptor expose his artistic concept is given.

Keywords: South Ural art, post-modern, sculpture, arts and crafts, ceramics, sculptor A. P. Kudryavtsev.

Александр Петрович Кудрявцев родился 6 июня 1938 г. в г. Челябинске. Интерес к керамике он почувствовал во время обучения в Свердловском художественном училище, когда в этом материале выполнял свою дипломную работу — скульптурный рельеф. Учителями Кудрявцева были известные на Урале художники Г. С. Мосин, М. Ш. Брусиловский.

Отправной точкой своей биографии скульптора А. П. Кудрявцев указывает 1965 г. Это было время «апофеоза материала». В керамических произведениях подчеркивалась пластичность и фактурность глиняной массы, сохранялись следы обжига, использовались глазури. Изломы и трещины демонстрировали внутреннюю структуру керамики. Наряду с традиционной гончарной стала использоваться «грубая керамика» — крупнозернистая каменная масса и шамот¹. В керамике соединяется формо-творческое и изобразительное начала, она становится синтетическим искусством, оперирующим как архитектурно-тектоническими, так и пластическими средствами, живописными и графическими. Появляются понятия «керамопластика» и «кераможивопись». Условность декоративного языка позволяет керамистам открывать новые аспекты реальности, углубиться в интеллектуальные и эмоциональные сферы человеческой личности. Таким образом, художественная керамика стала экспериментальной лабораторией для поисков художественных средств

декоративного искусства, выражения новаторских тенденций².

Вернувшись в 1965 г. после учебы в Челябинск, А. П. Кудрявцев попал в мастерскую к Е. И. Макарову, который очень много дал ему как начинающему скульптору. Применяя на практике теоретические знания, полученные в художественном училище, и перенимая опыт у талантливого и готового экспериментировать художника, он вырабатывал свой индивидуальный почерк. С тех самых пор керамика стала основным материалом, с которым работает А. П. Кудрявцев. Несмотря на трудоемкость процесса, все этапы изготовления произведений он осуществляет лично.

С 1967 г. начинающий автор становится участником различных выставок. Но активно он включился в художественную жизнь Челябинска с начала 70-х гг. А это время патетика 60-х гг., образ социально-активного человека, творца, идущего во внешний мир и преобразующего его, остались позади. Художники стали открывать мир внутри себя. Тогда же наряду с традиционными фарфоровыми и стеклянными произведениями в профессиональном творчестве утвердились изделия из керамики, которая переросла в вид самостоятельных ценностей искусства наравне со скульптурой и живописью³. Примером, иллюстрирующим творческую и техническую свободу, является портрет дочери (1974 г.,

рис. 1). Это небольшое, но удивительно лиричное произведение из шамота с применением солей и кобальта. Нежность моделировки детского лица возникла как бы сама собой, без участия автора, как награда за смелость и любовь к экспериментам.

Рис. 1. Портрет дочери (1974 г.)

Уже в работах первого периода творчества видны преемственные связи А. П. Кудрявцева в вопросах отношения к материалу с большими керамическими школами. Так, не вызывает сомнения тот факт, что декоративная керамика Прибалтики с ее декоративно-орнаментальными и тематическими композициями, оказала влияние на керамические рельефы и панно скульптора. Она же стала и источником вдохновения для создания столь разнообразных композиционных форм, как тематические композиции из отдельных барельефных фигур («Солнце, воздух и вода»); панно из отдельных блоков со сферическими углублениями, в которых помещены барельефные изображения («Знаки зодиака»); панно из блоков, расположенных в свободной композиции, с глубокими профилированными рамами («Городские и сельские мотивы»); панно из отдельных частей низкого рельефа, составляющие единую тематическую композицию с фигурами людей («Народный напев», «Ликбез», «Пикник») и даже керамические «полотна», заключенные в подобие картинной рамы («Поэт»). Несмотря на близость пластических поисков А. Кудрявцева и ленинградских скульпторов, изобразительный язык его керамики противопоставлен концепциям ленинградских керамистов, основанным на выражении первородства керамики как «сосудовательного материала». С московскими традициями декоративной керамики его работы объединяет жанровая близость: фигурные группы, тематические рельефы, портреты и натюрморты.

Одна из первых работ художника — «Мастера» (рис. 2). Скульптор изображает мастеров, доставших из раскаленной печи только что обожженное произведение. Трепетное отношение к получившемуся сосуду читается во внимательных взглядах двух мастеров. Работа 1975 г. «Автопортрет с автопортретом» решена как рельефная жанровая картина. Художник помещает себя в картинную раму и в то же время ставит свою фигуру на фоне рамки. Автопортреты различаются эмоционально. И это созвучно общим тенденциям декоративной пластики 70-х гг., когда сложился определенный тип рельефа, в котором мотив окна или театральной рампы использовался в качестве способа общения со средой.

Рис. 2. Мастера (1975 г.)

Работа «Натюрморт с маузером» (рис. 3), созданная в 1977 г., произвела фурор на всесоюзной выставке в Москве — настолько художнику удалось виртуозно выполнить свою задачу. Зрители подходили и пытались определить, настоящий ли маузер использован в произведении. Все предметы выполнены из шамота, но создается ощущение, что они взяты художником из обычной обстановки тех времен. Автор в полной мере использует выразительную фактурность материала, который, сам диктует дальнейшее продвижение в исполнении работы.

В этой работе обращение А. Кудрявцева к мистификации, иллюзионности, не случайно. Конец 70-х гг. — время бурного осмысления процессов, происходящих в искусстве, выявление основных черт эпохи постмодернизма, одной из которых и является мистификация вещи, создание иллюзии предмета. Если раньше искусство создавало вторую реальность, оперируя художественными образами, то в эпоху постмодернизма искусство начинает генерировать третью реальность, вводя в худо-

Рис. 3. Натюрморт с маузером (1977 г.)

жественную практику симулякры, копии копий. Дальнейший творческий путь художника приведет его к игре с узнаваемыми образами различных эпох, а также к цитированию самого себя, к созданию симулякров собственных работ. Он создает знак знака, обращаясь к ирреальной сущности всякого произведения искусства, как воплощения художественного образа.

Еще одна работа скульптора этого периода — панно «Городские и сельские мотивы». Оно сочетает в себе как черты монументально-декоративного искусства, так и малой пластики. Автор дает обобщенную картину жизни человека, природы, животных, вещей. Архитектура старого города, красота уральской природы — все выглядит убедительно и весомо благодаря своей пластической конкретности. Тема городского пейзажа звучит довольно романтично: портик здания с коринфскими колоннами, маленький фонтанчик, изящные фонари, заросший пруд. За счет очень компактно размещенных модулей композиция панно обретает свое пространство и законченность.

В 80-е гг. интерес к декоративной керамике, как со стороны художников, так и зрителей не спадает. Оказалось, что произведения искусства из обожженной глины могут быть монументальными не только по размерам, но и по глубокому идейному пафосу, в них заложенному. Появление более развернутого сюжета в скульптуре повлекло за собой не только смешение жанровых границ, но и обновление пластического языка. Наряду с рельефом и круглой скульптурой появилась этапная для творчества А. Кудрявцева работа — композиция «Мой город»

(1985). Концепция произведения заключается в том, чтобы раскрыть средствами единого модуля-куба архитектурный силуэт Челябинска. Дополнением к этой основе служит мелкая декоративная пластика, фотокерамика, несущая в себе содержательный аспект произведения. Город жив своим прошлым, настоящим и будущим. Биография Челябинска начинается с маленьких деревянных домов и церковей и продолжается в зданиях театров, цирка, Дворца спорта. Художник изучал историю города по сохранившимся архитектурным памятникам, фотографиям, архивным документам.

В 1990-е гг. в его творчестве все больше начинает властвовать историческое прошлое, в котором он находит категории прекрасного и гармоничного в противовес неопределенности и отсутствию возвышенного в окружающей действительности. Обращаясь к эпохам Древней Греции, Возрождения, Древней Руси, русского классицизма, художник как бы восстанавливает в памяти то, что безвозвратно ушло. Искусство прошлого превратилось в исходный материал, натуру, которую он отражает.

Работы А. Кудрявцева 1990-х гг. дают нам возможность вновь отметить, что в них присутствуют ключевые составляющие эпохи постмодерна. Одна из них — композиция «Северная Русь» (1990 г., рис. 4), в которой художник воплощает интересную скульптурно-пластическую идею, раскрывающую содержание произведения. Хаотично, на первый взгляд, расставленные поленья с эффектами древесной коры и годовыми кольцами — целые, разрубленные пополам и на четыре части, несут на своих срезах изображения древнерусских образов: Богоматери, Спаса, архангелов Михаила и Гавриила и символа Северной Руси — двадцатидвухглавого Преображенного собора в Кижах. Перед центральной частью

Рис. 4. Фрагмент композиции «Северная Русь» (1990 г.)

композиции на плоскости расположен рельефный семиконечный крест с изображением распятого Христа. Интересная деталь — для крупных предметов, которых пять, автор избирает свою излюбленную фактуру, то есть исполняет керамику под материал дерева, а семь мелких деталей выполнены в виде яблок, четыре из которых разрезаны и на срезе также имеют изображения древнерусских храмов.

Увлечение художника Древней Русью не закончилось одной работой, оно послужило основой и для произведения «По былинам нашего времени» (1992 г.). На этот раз А. Кудрявцев за основу композиционного решения берет модуль книги. Мастер выходит за рамки «чистой» скульптуры и раскрывает содержание «Слова о полку Игореве» живописными средствами. Совмещение разновременных сюжетов характерно для древнерусской иконописи, к которой нас и отсылает художник с помощью приема и живописного языка пластического модуля работы.

Когда заканчивается большая и трудная для скульптора работа, могут возникнуть фрагменты шуточной композиции, которую можно сделать быстро и весело. Такова, например, композиция «Маленькие радости жизни» (1991 г., рис. 5). Ключом к раскрытию замысла автора являются три греческих сосуда, расписанных сценами эротического содержания, на горлышках которых восседают влюбленные с бокалами вина, и на одном из них фигура одинокого влюбленного перед большим блюдом с фруктами. Дух веселья и иронии поддерживается динамичностью скульптурного и живописного языка.

Рис. 5. Маленькие радости жизни (1991 г.)

Поэтика постмодернизма не исключает и игру посмертных масок. Все персонажи в постмодернизме легко управляемы. И это мы можем обнаружить и в произведениях А. Кудрявцева, представляющих нам обломки великой культуры античности, воспроизведенные автором в его излюбленном материале — керамике. Здесь и женские бюсты, вазы, обломки расписанных колонн с различными волютами. Возникает иллюзия их аутентичности подлинным античным артефактам. Содержание прошлого и нынешнего в постмодернизме не просто перемешано, оно подается с максимальной долей иронии. И эта ирония явственно проступает в данных произведениях.

Еще одно очень характерное произведение А. Кудрявцева — «Соотечественник» (1990 г., рис. 6). Это скульптура стоящего на коленях мужчины, тело которого полностью покрыто татуировками. Это удивительная игра со знаками и ассоциациями советского и постсоветского культурного пространства, в котором легко уживаются и истовая религиозность (татуировки с «золотыми куполами» на груди) и жизнь по криминальным законам и «понятиям», вера в доброго царя, гнездящаяся в глубинах русского сознания (изображения Сталина и других советских вождей) и беззащитность перед государством (мишень на колене сидящего мужчины). Конечно, он забавен — этот странный персонаж, обнаженный и коленапреклоненный. Но в этой забавности много и серьезности, которая заставляет нас всматриваться, вдумываться и размышлять над работой.

Самоирония, эксперимент и переосмысление наследия прошлого найдет свое воплощение и в поздних работах Александра Кудрявцева, окончательно оформившись в пластические образы работ 2000-х гг. В творчестве художника мы находим основные аспекты искусства эпохи постмодерна. Впитывая в себя опыт предшествующих поколений, все культурное наследие человечества, художник обретает уникальную возможность творить свою Вселенную, общаться напрямую с художниками прошлого и их произведениями. Эта особенность, которой обладают по-настоящему талантливые художники, проявляется порой в разных формах: в прямом ли цитировании или в обращении к перво-

Рис. 6. Соотечественник (1990 г.)

источнику, в тесном душевном контакте с художниками или произведениями из других эпох.

Керамический фриз А. Кудрявцева «Века проходят мимо» был представлен на выставке в Зале искусств ЮУрГУ и экспонировался как одно произведение в январе-феврале 2005 г. Все вошедшие в произведение композиции отбирались художником тщательно, с интуитивным чувствованием, чтобы не ошибиться, не солгать зрителю, не покривить душой перед самим собой и теми, с кем он может общаться, преодолевая физические и временные расстояния — с художниками прошлого. С одной стороны, мы видим достаточно строгую пластическую структуру керамического панно, с другой — внутри нее элементы сосуществуют друг с другом в смещении и тесном взаимодействии.

Фриз разбит на семь композиций, каждая из которых имеет свое имя и отсылает нас к конкретной культурно-исторической эпохе. Композиция «Зодчий Хесира», символизирует начало длинного пути человеческой культуры и наполнена фрагментами древнеегипетских монументальных росписей и рельефов. Вторым блоком композиции являются «Силены, выжимающие виноградный сок под звуки авлоса». Он включает в себя знакомые мотивы крито-микенской и античной культуры. Блок «Спас» представляет собой зрительный ряд цитат древнерусского искусства. Здесь и частично сохранившийся фрагмент звенигородского «Спаса» кисти Андрея Рублева, и великолепная иконопись московской школы в небольших клеймах, и выразительные детали владими́ро-суздальской храмовой резьбы. Следующая часть рельефа «нарушает» хронологическую последовательность фриза, так как блок «Я помню этот мир» — это автопортрет самого автора в окружении знаковых «атрибутов» многовековой истории искусства. Отношение к себе с юмором, представление себя в достаточно свободной позе, помогает художнику естественным образом вписать себя в историю искусства, не преуменьшая своего значения, но и не завывая своих заслуг. «Старый раб» — следующий композиционный блок — лаконичен. Напоминаются шедевры итальянского Возрождения: женский профильный портрет неизвестного автора, «Бородатый раб» Микеланджело Буонарроти и др. Удивительно просто, но емко художник выразил все наследие западноевропейского искусства эпохи Возрождения в нескольких цитатах, в очередной раз доказав виртуозное владение материалом и наличие собственного художественного видения. «Тени северного сада» — упоительное воспоминание-путешествие по любимым и дорогим сердцу артефактам Золотого века русской культуры, среди которых: портрет А. С. Пушкина кисти Кипренского; мраморные статуи нимфы Летнего сада, аллегорической фигуры и др. Фриз заканчивается композицией «В то время я гостила на земле», в центре которой портрет А. А. Ахматовой в окружении реплик живописных полотен художников XX в.: Пикассо, Модильяни, Филонова, Малевича, Леже (рис. 7). Именно А. А. Ахматова, как камертон, определяет настоящее и отбрасывает мишуру, заставляя нас быть более ответственными за свой выбор, за свои взгляды и мнения, не позволяя разбрасываться словами впустую.

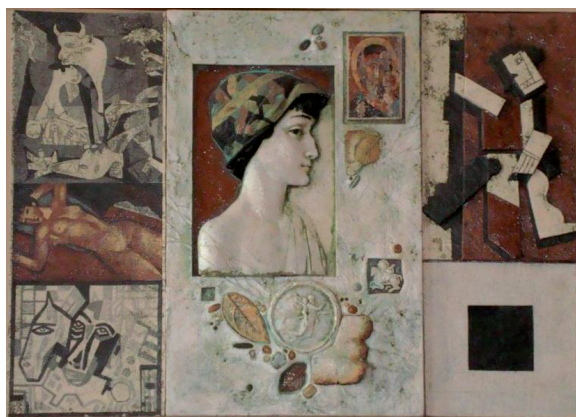

Рис. 7. Блок «В то время я гостила на земле» из фриза «Века проходят мимо...» (2004 г.)

Несмотря на обилие цитат, реплик и образительных мотивов, пересозданных художником на основе известных образцов, рельеф не представляет собой нечто эклектичное. Ему присуща собственная органичная стилистика и образность, с помощью которой автору удалось в рамках столь масштабного произведения «соединить несоединимое», добиться единства там, где он имел дело с разновременным и разностилевым художественным материалом, и представить нам цельное и насыщенное смыслами и символами произведение.

Новый керамический рельеф А. П. Кудрявцева «Невский проспект» (2009 г., рис. 8), посвященный Н. В. Гоголю, состоит из пяти частей.

Рис. 8. Невский проспект (2009 г., фрагмент)

В крайних частях рельефа мы видим профильные портреты Н. В. Гоголя, обращенные друг на друга через весь город. Вновь мы сталкиваемся с иллюзией, с мистификацией предметов, с симулякрами, в роли которых выступают изображения узнаваемых петербургских зданий, жителей и произведений искусства. Александр Петрович Кудрявцев использует данные постмодернистские приемы для достижения определенного авторского замысла — показать Петербург в его сложном ассоциативном ключе, раскрыть сложность взаимоотношений не только Н. В. Гоголя с этим городом, символом которого выступает Невский проспект, но и всей России, которая, по меткому выражению, приписываемому Ф. М. Достоевскому, «вся вышла из гоголевской шинели».

Итак, мы можем сказать, что начало творческого пути А. П. Кудрявцева пришлось на время, когда формировалась общая постмодернистская направленность культуры и искусства, отчетливо проявившаяся с конца 1960-х гг. В отношении к стилям прошлого постмодернизм занимает особую позицию — она принципиально полистилистическая или исторически-многомерная: архаическая древность и современность сосуществуют здесь непре-

нужденно. Но цитатность работ А. П. Кудрявцева объясняется не только тенденцией эпохи. Это еще и желание восстановить свою связь с утерянным прошлым, вернуть себе ощущение причастности к наследию мирового искусства. Таким образом, мы можем говорить об использовании А. П. Кудрявцевым постмодернистских приемов для достижения определенной художественной задачи, наличие которой не дает права признать произведения художника чисто постмодернистскими. С этой точки зрения, постмодернизм в работах челябинского скульптора предстает не просто как элитарное интеллектуально-эстетическое направление, а как наиболее созвучный времени подход к творчеству.

Примечания

1. Макаров К. Пластический язык керамики // Декоративное искусство СССР. — 1962. — № 10. — С. 31—33.
2. Андреева Л. Тенденции и принципы советской керамики // Декоративное искусство СССР. — 1976. — № 3. — С. 16—19.
3. Крамаренко Л. Декоративность современной керамики // Декоративное искусство СССР. — 1962. — № 10. — С. 23.

Поступила в редакцию 22 июня 2010 г.

КОРОБЕЙНИКОВА Ольга Михайловна, студентка 5-го курса специальности «Искусствоведение» исторического факультета ЮУрГУ, участвует в исследовательской работе по грантам, выполняемым кафедрой искусствоведения и культурологи, область интересов — творчество южноуральских скульпторов-керамистов. E-mail: blv@susu.ac.ru

KOROBAYNIKOVA Olga Mikhailovna is a 5 year student, major is Art History of the History Faculty of South Ural State University, takes part in a grant research work on the basis of Art History and Culture Studies department. Research interest: creative work of the Ural sculptor-ceramists. E-mail: blv@susu.ac.ru

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

И. В. Милицина

ISSUES OF IDENTIFICATION IN HISTORICOPHILISOPHICAL COMPREHENSION

I. V. Militsina

В статье на основе представленных в гуманитарных науках подходах к изучению феномена идентификации выявляются его теоретические основания и определяется сущность, а также прослеживается история формирования концепции идентификации.

Ключевые термины: *история философии, личность, индивидуальное «Я», идентификация, идентифицирующее начало, самопознание, тождество.*

The theoretical bases of identification phenomenon research are revealed in the article on the basis of the approaches given in Humanities. The essence is determined and the history of formation of the concept of identification is observed.

Keywords: *history, personality, empirical ego, identification, self-knowledge, identity.*

Проблема идентификации и самоидентификации — одна из ключевых в понимании процесса самопознания, самоопределения человека в мире. От ее решения, от методологии подхода к этому решению зависит концептуальный угол зрения на весь строй внутреннего, душевно-духовного бытия человека, в каком бы направлении при этом ни двигалась мысль исследователя. Ясно, что идентифицирующей процедуре подлежит отношение человека (уникама) к миру (универсуму), что движение идентификации осуществляется в обе стороны в виде встречного взаимодействия взаимно идентифицирующих сторон. Ясно также, что операция отождествления (идентификации) предполагает установление единства в многообразии и многообразия в единстве.

Полюс индивидуального человека имеет в себе некоторый нередуцируемый к многообразию предметности мира момент. Именно этот момент и позволяет индивидуальному человеку выходить за любую предметность и объединять (идентифицировать) качественно специфические предметности в единство мира. В истории философии это переживаемое человеком единство универсума, служащее «концептуальной машиной» идентификации, представало в разных категориальных обликах таких, как «субстрат», «апейрон», «Логос», «единица», «бытие», «стихии», «любовь и ненависть», «атомы и пустота», «добродетель», «идея», «благо», «форма форм», «Единое», «Бог», «материя», «субстанция», «чувство», «разум», «Я», «абсолютное тождество», «абсолютная идея», «воля к жизни», «воля к мощи (власти)», «жизнь», «экзистенция», «дух» и т. д.

По существу все перечисленные категории явились названиями для результирующих объединяющих интуиций того или иного философа, предстали как бы вершиной горы, взобравшись на которую,

мыслитель может окинуть единым взором весь мир, отнестись к нему в целом. Целое — это «все во всем», исходная нераздельность, нерасчлененность, говоря в логической терминологии, — «средний термин», который смыкает (идентифицирует) крайние термины, стороны отношения «человек — мир».

Вся история философии, таким образом, может быть представлена как подстановка в уравнение «универсум — Я ( )» в скобки той категории, которая берется мыслителем как сугубо своя, которую мыслитель идентифицирует с самим собой. Избранная мыслителем категория тут предстает как заместитель его собственного «Я» и, соответственно, качество данной категории становится качеством самого философа, сличается (идентифицируется) с его «Я». Именно этим объясняется та крайняя пристрастность мыслителей к своим категориям, они просто иные названия для их «Я», объединяющих в себе переживание всей актуальной полноты их жизни.

На протяжении всей истории философского развития мысли движение к «чистому сознанию» постоянно имело место. Выдающуюся роль тут сыграли элеаты (Ксенофан, Парменид, Зенон Элейский, Мелисс), Платон, Аристотель, неоплатоники (Аммоний Саккас, Плотин, Ямвлих, Порфирий, Прокл), христианская философия (патристика, схоластика, номиналисты и реалисты), философы эпохи Возрождения (Платоновская академия во Флоренции, Н. Кузанский).

Новое время придало особенную методологическую остроту проблеме очищения сознания для идентифицирующего движения мысли человека в мире. Ф. Бэкон боролся против «идолов», которые, по его мнению, искажают познающее мир сознание человека. Особый интерес для методологического решения проблемы идентификации имеет вклад

Р. Декарта. Он совершает очищение сознания человека путем методического сомнения, до известной степени воспроизводя логику А. Августина (Августина Блаженного).

Подвергнув все стороны (сферы) человеческого бытия сомнению (т. е., методически обратив их в ничто), Декарт, как и Августин, приходит к выводу, что усомниться нельзя только в самом факте сомнения. Но сомнение осуществляется в акте мышления, следовательно, несомненным предельно обосновывающим фактом выступает само мышление, «мысль» человека. Декарт путем очищающего сомнения вышел на предельную интуицию, которую назвал «естественным светом разума». Естественный свет разума улавливается как отсутствие любой определенности, как чистое связующее (идентифицирующее) начало, как «средний термин», как точка предельного согласия всего со всем, момент абсолютной целостности.

«Познающее “Я”, по Декарту, есть душа, и он возражает против его отождествления с какими-либо телесными свойствами; это “мыслящая вещь”, то есть «вещь, которая сомневается, понимает, утверждает, отрицает, желает, не желает, представляет и чувствует». Доказательством существования рационального «Я» является акт мышления: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Эта формула Р. Декарта сыграла выдающуюся роль как в его собственном философском, математическом и естественнонаучном творчестве, так и в творчестве многих философов Нового времени и современности. Без выхода в точку предельной интеллектуальной интуиции, в точку естественного света разума, в место абсолютной идентификации всего со всем, человек не обретает необходимой свободы для идентифицирующей самореализации в частности бытия, при которой не утрачивается его целостность.

Концепция мыслящего «Я» влечет за собой попытку решения новых вопросов. Уже потому, что мышление подразумевает наличие субъекта, оно может и должно служить логическим доказательством существования «Я». Но исторически и логически это существование предшествует мышлению: чтобы мыслить, надо сначала жить. Кроме того, осознание эмпирического факта своего бытия еще не открывает человеку его сущности, не дает ответа на вопрос, кто он и каков он. И вообще, непременно ли существование «Я» связано с мышлением? Реальность «Я» может быть детерминирована и чувственным опытом, и наличием у человека самоощущений: «Я чувствую, следовательно, я существую». Этот путь рассуждений предлагает английский сенсуализм, который впервые поставил вопрос о происхождении «идеи Я». Для Декарта этого вопроса нет: он просто объявляет «идею Я» врожденной. Локк же, имевший дело не с абстрактным гносеологическим субъектом, а с конкретным индивидом из плоти и крови, такой ответ уже не удовлетворял. Ядром материалистической философии Джона Локка является сенсуалистическая гносеология, выдвинутая в «Опыте о человеческом разуме». По мнению философа, все идеи приходят от ощущения или рефлексии. Локк согласен, что человек

познает свое существование интуитивно, ибо нет ничего достовернее собственного существования. Но в основе этой интуиции все-таки лежит сходное с ощущениями «внутреннее чувство», которое, чтобы стать фактом сознания, само должно быть как-то осмыслено, рефлексировано.

Методологическое обретение рационализмом Нового времени (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц) предельного идентифицирующего начала позволило начать систематическую разработку проблемы синтеза чувственно-предметной и рационально-предметной сторон бытия и познания человека.

Отклонив трактовку «Я» как особой субстанции, «души», английский эмпиризм ищет источники «идеи Я» в индивидуальных самоощущениях и связанных с ними мысленных ассоциациях.

Давид Юм выдвинул агностическую трактовку локковского сенсуализма. Юм учил, что люди принципиально не способны иметь знание о том, чем вызваны их первоначальные восприятия (впечатления) и что находится за пределами последних.

Эта концепция, безусловно, логична, но сводится она к тому, что проблема единства личности оказывается неразрешимой. Нужен был такой новый теоретический подход, который смог бы выявить универсальные моменты индивидуального «Я». Такой подход был предложен немецкой классической философией, прежде всего Кантом, который добавляет к двум ранее сформулированным аспектам «Я» — логическому и психологическому — третье: ценностно-личностное измерение.

Кантовские априорные формы чувственности, рассудка и разума структурируют бытие и познание человека, выступая по существу объективными мыслительными формами. Кант изначально при изложении «Критики чистого разума» стоит в точке разума, держит “в прицеле” целостную интуицию, модифицирующуюся в зависимости от априорных средств отношения человека к миру. Именно разум выступает у него предельной всеохватывающей, универсально идентифицирующей матрицей, позволяющей рассматривать мир как целостный, пронизанный логикой восходящего движения мысли.

Кант разделяет логическое и психологическое понятия «Я», подчеркивает, что они не являются структурными компонентами личности: «хотя Я человека двояко по форме (по способу представления), но не двояко по материи (по содержанию)» Разделение сознания и самосознания — не слабость, а важнейшее преимущество человека перед животным. Самосознание, по Канту, — необходимая предпосылка нравственности и моральной ответственности. Но «внутренний суд», чинимый над человеком его совестью, предполагает присутствие в его сознании, наряду с образом своего «эмпирического Я», также образа какого-то другого лица. Проблема «Я» перерастает, таким образом, рамки гносеологического соотношения сознания и самосознания и приобретает ценностный, социально-нравственный аспект. Кантовская постановка вопроса означает, что даже в своем личном самосознании индивид не может не выходить за границы своей единичности; вольно или невольно он должен соотносить свое поведение

с мнением других и с абсолютным, лежащим вне его, нравственным законом.

И. Г. Фихте совершает типичный для многих субъективистски ориентированных философов шаг: он растворяет интуицию всего (универсума) в интуиции «Я». Поэтому идеинтификация с миром у него предстает как саморазвертывание «Я», субъекта. Несомненный шаг к объективному идеализму, поскольку «Я» скорее предстает как «Я» Бога.

У И. Г. Фихте «Я» выступает как универсальный субъект деятельности, который не только познает, но и полагает, творит из себя весь окружающий мир, отрицательно определяемый как «не-Я». Этот подход подчеркивал значение субъектного начала деятельности, высвечивая такие стороны проблемы (активность, творческая роль «Я», сущностная универсальность индивида), которых не замечал или которые недооценивал слишком приземленный и прагматический материализм XVIII в., видевший в человеке преимущественно продукт среды и воспитания.

Через философию тождества Ф. Шеллинга, в которой делается попытка восстановить в правах кантовскую «вещь в себе», объективно идеалистическая интерпретация идентификации находит свое высшее развитие в панлогизме Г. Гегеля. Его абсолютная идея как предельная абстракция от всего в то же время содержит это «все» мира в себе и порождающим образом развивает мир из самой себя как абсолютного субъекта. Гегель отвергает фихтеанское определение «Я» как первичной, непосредственно данной реальности. Концепция «всемогушего Я», считает Гегель, превращает весь внешний мир в голую видимость. Вместе с тем Гегель возражает эмпирикам, пытавшимся свести проблему «Я» к познанию индивидом своей собственной единичности. «Всеобщее самосознание» выступает у Гегеля в метафизической форме абсолютной идеи, которая независима не только от воли отдельно взятого индивида, но и от совместной деятельности индивидов.

В философии А. Шопенгауэра центральной категорией становится «воля к жизни», борясь с которой он призывает устранить предметную привязанность к миру (по типу буддийской нирваны), то есть по существу прибегнуть к абсолютной идентификации всего предметного разнообразия влекущих человека вещей мира с ничто.

Соответственно такая идентификация устраняет различия, многоцветие мира, отрывает его целостное переживание от его частных. Иначе говоря, Шопенгауэр, борясь с Гегелем (известно, что он упорно ставил свои лекции на то же время, когда свои лекции читал мэтр) пришел к тому же результату — противопоставлению целого (универсума как воли) частям (представлениям) в ущерб, конечно, частям. Развитие этой логики идентификации было продолжено во фрейдизме, где на первый план вышла энергия бессознательного, а сознание в значительной степени предстало как эпифеномен энергии бессознательных сил.

Очень показательно, что на фоне достижений гегелевской мысли и шопенгауэровского развития темы мировой воли появляется философия Ф. Ниц-

ше с его темой сверхчеловека, то есть человека, выходящего за предметный мир и опирающегося при этом на предельную предметную мысль и предельную энергичность воли к мощи (власти). Ницше выходит на идею «сверхчеловек — мера всех вещей», сверхчеловек — мера универсума (мира). Сверхчеловек у него оказывается «средним термином», смыкающим (идентифицирующим) все вещи мира основанием.

У Ф. Ницше программа развития философии, намеченная еще И. Кантом, начинает свое завершение. Не случайно так внимательно опыт жизни и философствования Ницше изучал М. Хайдеггер. К концу XX века все отчетливее обнаруживается вся полнота предельного основания идентификации и самоидентификации человека, о котором вот уже как минимум два последние века говорят выдающиеся философы России (Н. Я. Чаадаев, славянофилы, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин и др.). Не случайно именно в русской философии считают, что Ф. Ницше «самый русский из немцев», не случайно тема сверхчеловека нашла такую мощную разработку как в философии, так и в литературе России.

Роль идентификации в развитии индивида определялась Фрейдом с позиций психоаналитической теории. По З. Фрейду, посредством идентификации формируется «суперэго»; идентификация является группообразующим фактором и помогает выйти за пределы собственного «я», почувствовать переживания другого. В теории З. Фрейда содержанием идентификации как механизма развития личности является бессознательное отождествление субъекта с объектом, мотивом которого называются страх потери любви (развивающая или аналитическая идентификация) и страх перед наказанием за присутствующие субъекту сексуальные и агрессивные влечения (защитная идентификация).

Дальнейшее развитие проблематика идентификации получает в русле неофрейдизма с общей тенденцией к социокультурному переосмыслению классического психоанализа, смягчению биологической детерминанты развития личности.

Эрих Фромм, отвергая или исправляя антропологические концепции философии Л. Фейербаха, К. Маркса, З. Фрейда, разрабатывает собственное учение о человеке как мыслящем, чувствующем и страдающем существе. Главные задачи философа — исследование сущности и социальной обусловленности личности, поиски путей обновления, самовыявления и самореализации человека.

В социологии и культурологии проблемы идентификации и самоидентификации решаются в рамках теорий взаимодействия, описывающих и объясняющих поведение человека через его взаимодействие с социальной реальностью и другими людьми.

Символический интеракционизм как теоретико-методическое направление в социологии и социальной культурологии, сформировавшиеся в 20—30 гг. XX в. сосредоточивается на анализе символических аспектов социальных взаимодействий и фиксирует самоидентификационные проблемы в рамках социальных процессов, которые трактуются как выработ-

ка и изменение социальных значений определение личностью своего социокультурного «Я».

Примечательным, характерным явлением современности исследователи называют кризис идентичности: в развитых странах люди не стремятся идентифицировать себя с государством и его институтами, рушатся устоявшиеся авторитеты, традиционные социальные структуры дезорганизируются, растет культурная фрагментарность.

Иррационалистическое направление развития современной философской и психологической мысли предложило в качестве предельно идентифи-

цирующего начала «волю к жизни», «волю к мощи», бессознательное («оно»), архетип коллективного бессознательного, поток сознания, «чистое сознание», ничто, бытие.

В итоге этого длительного и весьма плодотворного процесса развития мысли к концу XX века сложилось достаточно отчетливое понимание того обстоятельства, что предельно идентифицирующее основание нельзя предметно определять, ибо любая предметность в силу своей ограниченности, частичности искажает универсум как предельно идентифицирующее основание.

Поступила в редакцию 22 июня 2010 г.

МИЛИЦИНА Ирина Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ. Родилась в 1962 году. В 1987 окончила филологический факультет Челябинского государственного университета. В 2000 г. Защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Теория культуры». Область научных интересов — вопросы динамики социокультурных идентификаций, проблемы изучения современного студенчества.

MILITSINA Irina Vladimirovna is Cand.Sc. (Culture Studying), associate professor of the Art History and Culture Studying Department of South Ural State University. She was born in 1962, in 1987 she graduated from the Philological Faculty of Chelyabinsk State University, in 2000 Militsina presented a candidate's thesis "Cultural Theory". Research interests: issues of sociocultural identifications dynamics, problems of modern student community research.

О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ОРНАМЕНТИКИ КИРИЛЛИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ ПОЗДНЕЙ ТРАДИЦИИ ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАУРАЛЬЯ XVIII — НАЧАЛА XX ВВ.

Н. В. Мухина

ON SYSTEM APPROACH IN RESEARCH OF ORNAMENTATION OF THE CYRILLIC MANUSCRIPTS IN LATE TRADITION OF URAL AND TRANS-URALS IN THE 18 AND BEGINNING OF THE 20 CENTURY

N. V. Mukhina

С позиций системного подхода в статье обозначается место рукописного орнаментального искусства в системе культуры и искусства Южного Урала и Зауралья XVIII — начала XX в. Просматривается аналогия в развитии орнаментального, иконописного и музыкального канонического средневекового искусства. Обосновывается применение введенного автором метода структурно-семантического анализа мотивов рукописного орнамента.

Ключевые слова: *орнамент рукописных книг древнерусской традиции, авторский стиль, метод структурно-семантического анализа.*

From the point of view of the system approach the author identifies the place of the ornament art in the system of culture and art of Ural and trans-Urals in 18 and beginning of the 20 century. The author shows the analogy in development of ornamental, icon painting and musical canon medieval art. The author grounds the usage of the structural semantic analysis of the motives of the curve ornament introduced by the author.

Keywords: *ornament of the manuscripts of the Old Russian tradition, author style, method of structural semantic analysis.*

Необходимость применения комплексного и системного подходов в области гуманитарных наук, в частности, для изучения древнерусского искусства, с целью преодоления одностороннего взгляда на исследуемый материал, была осмыслена в научной литературе уже со второй половины XX в. С помощью данных методологических установок учеными решались конкретные проблемы развития отдельных видов искусства, например, древнерусской живописи и архитектуры¹. С этих позиций открываются интересные перспективы для исследования и искусства книжно-рукописного орнамента и творческого самосознания анонимных писцов-орнаменталистов, работавших в рамках традиции.

Исторически сложилось, что в России рукописный орнамент первоначально попал в поле зрения филологов, рассматривавших древние рукописи с точки зрения археографии как историко-филологической дисциплины². В дальнейшем орнаменты рукописных книг изучались в соответствующих разделах палеографии — вспомогательной исторической дисциплины, ставящей своей целью пристальное изучение датирующихся признаков памятников письменности. Выдающихся

результатов в этой области добился в начале XX в. В. Н. Щепкин, предложивший более или менее научно-обоснованную периодизацию рукописных орнаментальных стилей в хронологическом порядке³. Ученый выделил основные типы орнаментов (геометрический, растительный и плетеный) и установил характерные мотивы для византийского, тератологического, балканского, нововизантийского, старопечатного и поморского рукописных стилей. Его последователями «движение стилей» изучалось методом сопоставления мотивов, когда отмечались «новшества внутри или наряду со старой орнаментальной схемой». В результате была даже уточнена традиционная периодизация⁴. Этим же путем пошла Т. В. Ильина, исследовавшая эволюцию тератологического стиля⁵. Раскрытие истоков происхождения и развития старопечатного стиля также протекало путем сравнения орнаментальных мотивов с гравированными листами И. Мекенема⁶ и старопечатными изданиями⁷. С помощью сравнительно-исторического метода в области изучения рукописных орнаментальных стилей ученым удалось сделать множество важнейших открытий.

Однако целостный взгляд на историю развития книжной орнаментики на сегодняшний день все еще не выработан. Это объясняется тем, что искусство орнаментации рукописей поздней кириллической традиции в России прежде не рассматривалось в качестве предмета самостоятельного искусствоведческого исследования. До сих пор ученые могут судить о стилистических изменениях рукописной орнаментики лишь по единичным первоклассным экземплярам. Огромная масса орнаментированных памятников «второго плана» с XI по XX в., которая могла бы продемонстрировать общий художественный фон, просто не введена в научный оборот. К тому же, рукописные орнаменты изучались в отрыве от общей теории и истории русского орнаментального искусства, без понимания специфики его художественной образности. Справедливости ради стоит отметить, что и в обобщающих искусствоведческих исследованиях орнаментов особенности орнаментального искусства книги не были детально отражены⁸. В свое время был поставлен вопрос о связи орнаментики древнейших рукописей с народным искусством и фольклором⁹, но последующей разработки в литературе он не получил. Исследователи декоративно-прикладного искусства также установили наличие теснейшей связи между ним и орнаментикой поздних рукописей в творчестве народных мастеров¹⁰. Но дальше констатации этого факта дело не пошло, и связи не были проанализированы. Наличие «белых пятен» в истории русского средневекового искусства рукописной орнаментики не лучшим образом сказалось на развитии археологии и общей методики описания книжного декора¹¹.

Непонимание сущности древнерусского рукописного орнаментального искусства порой приводит к парадоксальным выводам. Например, когда на материале иллюминированных Апокалипсисов с позиций светского классического искусства прослеживается, «как с первой половины XVIII в. зарождается одно из художественных направлений» — «ранний русский романтизм»¹².

Между тем в результате длительного отсутствия на Руси развитой живописи, существовавшие формы вынуждены были восполнять эту лауну собой. В частности, рукописная орнаментика на ранних этапах своего развития, наряду с книжной миниатюрой и иконописанием, в силу неизбежного синкретизма древнерусского искусства, оказалась способной решать всю совокупность пространственных задач, стоящих перед живописью. Соответственно, орнамент имел больший охват в решении художественных задач, и, следовательно, большую значимость в древнерусской культуре. Данное утверждение можно обосновать, рассматривая орнамент как «базисное явление художественной культуры», утверждающее «фундаментальные ценности всех эпох, всего человечества, объединяющие прошлое с настоящим»¹³, а не просто как узор или украшение, состоящее из ритмически упорядоченных элементов и предназначенное для нанесения на предметы или архитектурные сооружения. Такая точка зрения на природу искусства орнамента все более распространяется в научной литературе¹⁴.

Для изучения рукописного орнамента на поздних этапах развития эта методологическая установка, сформулированная с позиций системного подхода, позволяет привлекать для понимания его сущности широкий культурный контекст в эстетических, содержательных и религиозных связях. Кроме того, применение системного подхода для исследования контекста бытования рукописной орнаментики помогает выявить различные уровни его структуры. Отметим наиболее значимые из них.

Важнейшим контекстом существования рукописной орнаментики являлись собственно тексты служебных и четких книг, прочно вошедших в повседневный круг чтения старообрядцев Южного Урала и Зауралья¹⁵. Согласно традиции книжного искусства¹⁶ наиболее украшенными из них были богослужебные литургические и певческие книги: Псалтырь, Часовник, Канонник, Октоих, Ирмологий, Службник, Триодь. Из «четких» и уставных книг орнаментами украшались Устав о христианском житии и рукописи выговского письма «Поморские ответы» и «Виноград Российский».

В качестве особого контекста выступала форма бытования украшенной орнаментами книги, которая напрямую зависела от ситуации чтения. Выделим основные из них:

- 1) публичное чтение вслух;
- 2) индивидуальное чтение про себя;
- 3) совместное чтение в процессе обучения грамоте и воспитания.

В первом случае орнаментика рукописей может рассматриваться как «единая система, в которой существуют определенная взаимосвязь и соподчиненность»¹⁷. В этом плане наиболее показателен пример иерархического расположения больших, средних и малых инициалов древнейших литургических книг, отразивший исполнительский и читательский опыт писцов-декораторов рукописей или их же опыт восприятия на слух, читаемых в церкви текстов¹⁸. Как правило, такие книги богато и красочно оформлялись.

Книга как неотъемлемая часть православного культа понималась читателями как хранилище сокровенного Знания. Снаружи тисненый орнамент выявлял фактуру выделанной кожи, обтягивающей тяжелые доски переплета, скрепленного застежками. По внешнему оформлению кириллической книги (исключением можно считать оклады настольных Евангелий) сложно определить содержание и технику ее исполнения — печатная это книга или рукописная. Подчеркнутая предметность Книги как особой Вещи, помещенной в пространственную среду храма, моленного дома или крестьянской домашней библиотеки, наделялась в рамках традиционной культуры сакральной функцией утверждать незыблемость Слова. Соблюдение негласных требований к оформлению книги, особенно литургической, санкционировало истинность переписанного от руки текста.

Массовое бытование небрежно оформленных рукописей свидетельствуют о том, что писцы уже в момент переписывания книги, заранее предполагали ситуацию индивидуального чтения. В таких случаях нередкими являются многочисленные

(иногда не очень серьезные) записи-комментарии к текстам на полях. Подобные рукописи менее ценны в художественном и эстетическом отношении, но могут широко привлекаться для исследований народной (низовой) книжно-рукописной культуры на поздних этапах ее развития.

Азбуки, являвшиеся начальной ступенью обучения грамоте, также никак не украшались и представляли из себя невзрачные тетрадки, сшитые из нескольких грубо разрезанных листов. По составу они также сугубо практичны, так как содержат славянский алфавит и разнообразные комбинации слогов. Если рассматривать бытование этих тетрадок с позиций дидактики, базирующейся на том, что обучение проходит более успешно, если сведения подкреплены визуалью, оно кажется бесполезным. Однако если предположить, что в процессе совершенствования навыков чтения у учащегося появлялась возможность не только понимать смысл текста и логику его членения на главы, но и рассматривать декор рукописей, то положение аскетичных азбук станет более понятным в последовательности учебной литературы. В таком случае возможность быть допущенным к заучиванию отдельных частей богослужебных текстов Псалтыри и Часовника, начало которых, как правило, оформлялось заставками или инициалами, могло расцениваться как моральное поощрение за успехи в учебе.

Кроме того, учеными были выявлены необычные иллюстрированные и ярко украшенные рукописи поздней традиции. Небольшие, чаще всего в 8-ю долю листа, выполненные в форме гармошки, сложенной в 10 и более сгибов, они были созданы специально для совместного ученика с учителем чтения и рассматривания миниатюр¹⁹.

Таким образом, в процессе воспитания и обучения грамоте происходило приобщение к фундаментальным ценностям средневековой культуры, основанной на категориях панэстетизма, в которой понятия «истина» и «красота» существовали неразрывно.

В качестве важнейшего контекста для процессов формирования орнаментальных мотивов можно считать среду бытования рукописей. Основным источником для подобных исследований служит анализ владельческих записей. В частности на материале уральских певческих книг было установлено, что музыкальные рукописи получили распространение не только у крестьян, казаков и работных людей, приемлющих «старую» веру, но и в светских кругах представителей администрации городов-заводов. Знатоками знаменного пения могли являться и «церковнослужители низшего чина — певчие и псаломщики». Более того, это могли быть не только владельцы, но и сами писцы рукописей²⁰.

Особый контекст бытования рукописной орнаментики, свойственный для уральского региона, составляет социо-культурное пространство уральских городов-заводов, сказавшееся определяющим образом на мировоззрении его жителей²¹. Условно под «городом-заводом» принято понимать особый тип поселения, сложившийся в непосредственной близости с заводом. Жители, с одной стороны, являлись рабочими и служащими завода, а с другой — имели возможность заниматься сезонными сельскохозяй-

ственными работами. В результате синтеза черт городской и сельской культур, как отмечает М. В. Капкан, в культуре города-завода самоопределение личности становилось проблематичным²². На Урале в целой череде противоречий, закрепленных в ряде антиномий, «запечатлился общероссийский опыт драматического перехода от традиционного образа жизни к современному, от доиндустриального к индустриальному обществу»²³.

Здесь были обозначены лишь некоторые уровни контекста бытования рукописной орнаментики на Южном Урале и Зауралье, которые, тем не менее, демонстрируют всю сложность работы с кириллическими памятниками письменности поздней традиции. На рукописи одновременно оказывали влияние традиционная средневековая и только зарождавшаяся индустриальная культуры, хотя и при очевидном преобладании первой.

Для лучшего понимания специфики средневековой культуры как системы и древнерусского искусства как его подсистемы Г. К. Вагнер прибегнул к термину «диффузность», имея в виду их развитость, как по горизонтали, так и по вертикали. «Диффузность» по горизонтали выражается «в чрезвычайно органической слитности архитектуры, живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства». «Диффузность» по вертикали предполагает взаимовлияние, проницаемость различных уровней культуры. В частности, ученый говорил о влиянии уровней культуры снизу — вверх, отмечая характерную «пронизанность всего «ученого» (городского, профессионального) искусства эстетическими «нормами» искусства народного...»²⁴. Между тем, история развития рукописного искусства демонстрирует и противоположное движение сверху — вниз. Например, исходным импульсом к появлению старообрядческих (по сути народных) поморского и гуслицкого стилей и их разнообразных имитаций послужил старопечатный стиль, принадлежащий к официальному «ученому» искусству. Иными словами, доказательством качества системности средневековой культуры выступают ее элементы, объединенные связями высшего порядка и поэтому, выступающие во взаимодействии друг с другом.

Вместе с тем, согласно Г. К. Вагнеру, «диффузность» не исключала самостоятельного развития отдельных видов искусств, как, например, это происходило в различных областях древнерусского орнамента. «Архитектурный орнамент, орнаментика рукописных книг и декоративно-орнаментальные схемы на произведениях прикладного искусства представляли далеко не совпадающие линии развития ни в синхронном, ни в диахронном разрезе»²⁵. В ходе рассуждений ученый призывает учитывать при системном анализе орнаментов факт «существования более глубоких закономерностей, входящих, однако, в общую систему культуры»²⁶. Эти закономерности непосредственно коренятся в видовом и жанровом многообразии искусства как «сложной системы взаимообусловленных подсистем, находящихся в диалектическом взаимодействии между собой, с одной стороны, и с различными общественными системами — с другой»²⁷.

Таким образом, представляется логичным при изучении искусства рукописной орнаментики учитывать системные аспекты, в частности, генетический и исторический. Соответственно, необходимо применять комплекс методов, с одной стороны, направленных на изучение внутренней структуры орнаментального искусства книги и его внешних связей (методы палеографического, функционального, культурологического и текстологического анализа). С другой, — собственно искусствоведческие методы (стилистический, иконографический, иконологический и др.).

Для лучшего понимания места, которое занимает искусство рукописной орнаментики в системе культуры и искусства, представим влияния всех уровней в порядке убывания от общего к частному.

В данном случае культура России выступает в качестве мегасистемы, включающей в себя макросистему — культуру Южного Урала и Зауралья. Искусство как суперсистема является неотъемлемой частью общероссийской и региональной культуры, его можно также рассматривать как «способ осмысления человеком окружающей действительности во всей ее полноте и способ фиксации и трансляции результатов (образов-смыслов) осмысления»²⁸. Искусство как суперсистема также способно включать в себя целые системы и их подсистемы. В частности искусство книги как отдельный вид архитектонического творчества, развивающееся параллельно с искусством орнаментации и прикладным искусством (по М. С. Кагану), является подсистемой декоративного искусства. Внутри искусства книги была выработана собственная традиция расположения орнаментики на страницах, отразившаяся в названиях ее элементов: «заставка», «концовка», «буквица». Таким образом, оказывается, что самая малая часть всей системы — рукописная орнаментика, является в тоже время наиболее подверженной историко-культурным и художественным влияниям в пределах отдельно взятой территории.

Рассмотрев аспекты объективной действительности, обратимся к субъективным аспектам, которые могут быть рассмотрены в качестве самостоятельного фактора, оказывающего влияние на всю подсистему искусства книги.

В ходе исследования рукописного орнаментального искусства Южного Урала и Зауралья XVIII — начала XX вв.²⁹ были подмечены некоторые его характерные особенности, которые между тем соотносились с данными о рукописном орнаментальном искусстве Латгальского, Причудского, Северодвинского собраний Древлехранилища Пушкинского Дома и коллекции рижанина И. Н. Заволоко³⁰. В пределах рассматриваемой нами территории было обнаружено бытование одних и тех же орнаментальных мотивов растительного³¹, растительно-геометрического и геометрического³² типа, отличавшихся лишь мастерством исполнения или способностью писцов к композиции.

Этот факт был взят нами за основу при разработке понятия «авторский» стиль³³. Орнаментальное наполнение (тип орнамента, отдельные мотивы, колорит, композиция элементов орнаментики (заставок, инициалов, концовок), игра текстом) находилось

в постоянном движении от начала к концу книги. Иногда творческие поиски писца протекали в рамках традиционного стилистического направления, но не редкими были случаи, когда художник, выполняя свободные вариации на тему известных стилей, вырабатывал собственную орнаментальную манеру, авторский стиль. При этом удачные композиции он мог повторять на страницах других рукописей практически без изменений или со следами творческого поиска большей выразительности³⁴.

Первым шагом к изучению всего многообразия выявленных рукописных орнаментов как системы стало упорядочивание и классификация признаков. В результате было установлено, что основным принципом структурной организации книжно-рукописных орнаментов является их тип (растительный, геометрический, растительно-геометрический или плетеный). Именно тип несет в себе «систему выражения понятий, при которой они отождествляются с определенными системами знаков»³⁵. В более общем смысле тип — это «способ представления информации, в форме, пригодной для передачи по некоторому каналу», «признак, описывающий знак»³⁶. Таким образом, выявление типа преобладающих мотивов позволило наиболее точно характеризовать рукописные орнаменты с позиций палеографии, искусствоведения и семантики. Поскольку мотив является в данном случае семей, то выработанный нами для этих целей метод получил рабочее название «структурно-семантический».

С помощью данного метода был уточнен характер взаимосвязей между орнаментальными стилями, ранее предложенный В. П. Бударягиным и Г. В. Маркеловым²⁷, также разрабатываемый Н. В. Ануфриевой³⁸. Учеными были высказаны предположения о влиянии на местную рукописную традицию орнаментальных стилей авторитетных старообрядческих центров и старопечатного стиля. Ими были выделены в отдельные группы поморский орнамент, созданный непосредственно на территории Выголексинского общежития, и гуслицкий, территориально принадлежащий Богородицкому уезду. Ученые разграничили меру искусности местных переписчиков, обозначив два вида подражаний. Первый вид — «имитация», когда «тщательная отделка и искусный рисунок» в большей степени соответствуют формам оригинального декора. Второй — «псевдопоморская», «псевдогуслицкая» или «псевдостаропечатный тип» — орнаментика, которая отличается «неряшливым рисунком и грубой раскраской», существенным отходом от традиционного колорита, нарушением рисунка, и тщательностью разделки при сохранении общей конфигурации³⁹. Происхождение рукописной орнаментики «нетрадиционного индивидуального рисунка» соавторы связали с народно-прикладным искусством⁴⁰.

Обобщая данные наблюдения о соотношении стилей рукописной орнаментики, можно выстроить следующую логическую последовательность: традиционный стиль — имитация — «авторский» стиль. Интересные результаты в этом плане дает сопоставление результатов структурно-семантического анализа орнаментальных мотивов и поформульного

анализа авторских распевов того или иного песнопения в древнерусской музыкально-письменной традиции. Так, разработанный Н. П. Парфентьевым и Н. В. Парфентьевой метод структурно-формульного анализа позволил им выявить характер генетической связи архетипов, прототипов, производных и авторских интерпретаций того или иного песнопения⁴¹. Используя исходные установки данного метода мы пришли к следующим выводам.

Старопечатный стиль книжно-рукописного орнаментального искусства XVII в. можно определить как архетип, поскольку, именно он был взят старообрядцами за основу для создания собственных стилей. На протяжении XVIII — начала XX в. старопечатный стиль «дореформенных» печатных изданий XVII в., орнаментика старообрядческих печатных книг, а также оригинальные орнаментированные поморские и гуслицкие списки служили основой, т.е. прототипом для появления авторских интерпретаций. На основе прототипа возникали его производные — новые орнаментальные мотивы в региональной традиции, как правило, закрепленные в творчестве мастеров местных скрипториев. Авторский стиль рукописной орнаментики, что подтверждается в ходе его структурно-семантического анализа, возникает не сам по себе, а, как и в древнерусском музыкальном искусстве, на основе исторического развития производного.

Таким образом, динамика творческого процесса писца-орнаменталиста, обнаружившая сходство с творчеством мастеров-распевщиков, обуславливается, по-видимому, фактом существования единых принципов творчества в рамках канонического искусства и требует дальнейшего детального исследования. Для средневековой культуры, отличавшейся своей ориентацией на освященную веками традицию, было характерно создание устойчивых конструкций, таких как иконописный канон, литературные формулы и топосы⁴², формульность песнопений или тип орнамента. Соответственно в плане творческого самосознания мастеров различных видов древнерусского искусства преобладала «субъективная установка на мастерскую изысканность, а не на оригинальность»⁴³.

В заключении имеет смысл коснуться проблемы связи содержания текста книги с его орнаментальным сопровождением с позиций семиотики для того, чтобы ответить на вопрос: «можно ли в орнаменте видеть какие-то символы или вкладывать в него какой-то логический смысл». В современной науке существуют две противоположные точки зрения на этот счет. Согласно первой — некоторые советские ученые давали однозначный отрицательный ответ⁴⁴. Сторонники второй точки зрения, напротив, увидели возможность семантического изучения рукописных орнаментов⁴⁵. По-видимому, ответ на этот вопрос коренится в сложном взаимодействии между частью и целым. Орнамент всегда символичен, однако всегда требуется уточнение, какой именно смысл он выражает.

Дальнейшая разработка и усовершенствование метода структурно-семантического анализа рукописной орнаментики открывают новые возможности для использования системных подходов

для обнаружения и истолкования содержательных связей между текстами и их орнаментальным сопровождением.

Подводя итоги, можно отметить, что масштабное применение системного подхода к изучению искусства рукописной орнаментики начинается только в последнее время и с большим опозданием от отдельных областей изучения русского средневекового искусства и культуры. Предлагаемый метод структурно-семантического анализа открывает дополнительные возможности для сравнительных исследований разнообразных творческих процессов в условиях канонического искусства и способствует их более глубокому пониманию.

Примечания

1. См.: Подобедова, О. И. Состояние и задачи науки о древнерусской живописи // Состояние и задачи изучения древнерусского искусства : тезисы докл. науч. конф. 12 ноября 1968 г. — М., 1968. — С. 9; Вагнер, Г. К. О системном подходе к изучению русской художественной культуры // Материалы и исследования. Проблемы русской средневековой художественной культуры. — Вып. VII — М.: Искусство, 1990. — С. 5.
2. См.: Востоков, А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. — СПб.: В тип. Императ. Академии наук., 1842. — III, 899, 3 с.; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. — М., 1855—1917. 3 Отд.: Отд. 1. Священное Писание. — М., 1855; Отд. 2. Писания святых отцов. — М., 1857—1862. — 3. Т.; Отд. 3. Книги богослужебные. — М., 1862—1917. — 2. Т. и др.
3. Щепкин В. Н. Русская палеография : факсимильное изд. — М.: Наука, 1967. — 224 с.
4. См.: Орнаментика русских рукописей XI—XII вв. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. — Ч. 2. — М., 1974. — С. 198—335.
5. Ильина Т. В. Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII—XV вв. — Л., 1978.
6. Зацепина Е. В. О происхождении старопечатного стиля // У истоков русского книгопечатания. — М., 1959. — С. 102—154; Киселев Н. П. Происхождение московского старопечатного орнамента // Книга. Исследования и материалы. — Вып. 11. — М., 1965. — С. 167—198.
7. Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. — М., 1947; Она же. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII вв. / под ред. А. А. Сидорова. — М., 1952. — 28 с.; Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. — М., 1951. — 396 с.; Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. — М., 1964. — 404 с.
8. Иванова И. Ю. Образ в искусстве орнамента : автореф. дис. ... канд. искусств. — М., 2004. — 293 с.; Фокина Л. В. Орнамент : уч. пособие. — М.: Феникс, 2000. — 176 с.; Школа рисования: стили в искусстве. Орнаменты и декоративные мотивы. — М., 2006. — 318 с.;
9. Подобедова О. И. Предисловие // Орнаментика русских рукописей XI—XII вв.: древнерусское искусство. Рукописная книга. — Ч. 2. — М., 1974. — С. 204.
10. Тарановская, Н. В. Мастера народных росписей по дереву на Печоре // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1975 г. — М., 1976. — С. 349; Она же. Росписи на Мезени и Печоре (о формировании местных художественных стилей) // Русское народное искусство Севера : сб. ст. — Л., 1968. — С. 55—56; Арбат Ю. Путешествие за красотой. — М., 1966; Он же. Русская народная роспись по дереву. Новые находки. Систематизация. Современное состояние. — М., 1970 и др.

11. См. об этом: Щенникова (Мухина) Н. В. Типология декора: систематизация и уточнение понятийного аппарата (в порядке обсуждения) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. — Вып. 6. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. — С. 173—190.
12. Кожин Н.А. Искусство рукописной книги XVIII — XIX века // Проблемы рукописной и печатной книги. — М.: Наука, 1976. — С. 192.
13. Некрасова М. Н. Предисловие // Л. М. Буткевич История орнамента. — М.: Владос, 2005. — С. 6.
14. Герчук Ю. Я. Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа. — М.: Галарт, 1998. — С. 31; Иванова И. Ю. Образ в искусстве орнамента... — С. 25.
15. Мангилев П. И. Старообрядчество и крестьянская книжность Южного Урала и Зауралья в XVIII — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2008. — С. 103—109.
16. Розов Н. Н. Об особенностях художественного оформления литургических и певческих рукописных книг // ТОДРЛ: взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства / отв. ред. Д. С. Лихачев. — Т. 38. — Л.: Наука, 1985. — С. 424.
17. Подобедова О. И. О некоторых возможных аспектах описания иллюминированных рукописей (в порядке обсуждения) // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции / под ред. М. В. Кукушкиной, О. С. Шмидта. — Л., 1981. — С. 92.
18. Розов Н. Н. Указ. соч. — С. 424—433.
19. Братчинова Е. К. Стилистические особенности рукописей поздней традиции из Библиотеки Российской академии наук // Межрегиональная научно-практическая конференция «Книжные собрания Русского Севера: изучение, сохранение и использование». — Архангельск, 2008. — http://www.aonb.ru/jubilei/progr_konf.html
20. Парфентьев Н. П. Традиции и памятники древнерусской музыкально-письменной культуры на Урале (XVI—XX вв.). Описание крюковых рукописей выполнено при участии М. Г. Казанцевой. — Челябинск, 1994. — С. 28—62.
21. См.: Лотарева Р. М. Города-заводы России, XVIII— первая половина XIX в. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Урал. архит.-худож. ин-т. — 216 с., 1993; Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. — Екатеринбург, 2003. — 205 с.; Неклюдов Е. Г. Типы заводских поселений на Урале (на примере Нижнетагильского округа Демидовых XVIII — первой половины XIX в.) // Третьи Татищевские чтения: тез. докл. и сообщ. — Екатеринбург, 2002; Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: моногр. сб. / ред.-сост. Т. Нефедова, П. Полян, А. Тревиш. — М., 2001. — 560 с. и др.
22. Капкан М. В. Уральские города-заводы: мифологические конструкты // Известия Уральского государственного университета. — 2006. — №47. — Вып. 12. — С. 36—45. — [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0047\(01_12-2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a04&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0047(01_12-2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a04&doc=../content.jsp)
23. Алеврас Н. Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Новая локальная история. Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской научной Интернет-конференции. Ставрополь, 23 мая 2003 г. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. — 30—46. — <http://www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=nlhvy1=30=46>
24. Вагнер Г. К. О системном подходе к изучению русской художественной культуры // Материалы и исследования. Проблемы русской средневековой художественной культуры. — Вып. VII — М.: Искусство, 1990. — С. 6.
25. Там же. — С. 6—7.
26. Там же. — С. 7.
27. Таранов Н. Н. Некоторые аспекты методологии современного искусствознания // Сборник научных трудов / под ред. д-ра пед. наук, проф. Н.К. Сергеева (гл. ред.); канд. филос. наук, доц. А. П. Горячева. — Волгоград: Перемена, 1998. — 238 с.
28. Сулова Г. П. Искусство: метод. пособие. — Челябинск, 2010. — С. 6.
29. См.: Кириллические рукописные книги XVI—XX вв. в собраниях Челябинской области. Каталог / сост. Н. В. Мухина, Ю. С. Яхнина. — Челябинск, 2006. — <http://unilib.chel.su:6005/root2/kp/cyrillic/index.html>
30. Бударрагин В. П., Маркелов Г. В. Орнаментика крестьянской рукописной книги XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. — Т. 38. — Л., 1985. — С. 476—502.
31. Мухина Н.В. Интерпретация старопечатного стиля орнаментики в крестьянском книжно-рукописном искусстве Урала XVIII — нач. XX вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». — № 6 (106) 2008. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. — Вып. 10. — С. 35—42.
32. Мухина Н. В. Орнаментика геометрического типа в крестьянском книжно-рукописном искусстве Южного Урала и Зауралья XVIII — нач. XX вв. // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. и науч.-популярн. ст. / науч. ред. С. С. Загребин. — Челябинск, 2008. — Вып. 5. — Ч. 1. — С. 376—384.
33. См.: Щенникова (Мухина) Н. В. Типология декора: систематизация и уточнение понятийного аппарата (в порядке обсуждения)... — С. 184—185; Мухина Н. В. Типологическая характеристика орнаментики кириллических книг поздней рукописной традиции (По материалам каталога «Кириллические рукописные книги XVI — XX вв. в собраниях Челябинской области») // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. / науч. ред. Н. П. Парфентьев. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. — Вып. 5. — С. 142—151; Она же. Орнаментика геометрического типа...
34. Мухина Н. В. Авторский стиль орнаментики в памятниках книжно-рукописного искусства старообрядцев-поморцев Южного Урала // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. — Вып. 12. — С. 49—56.
35. В условиях современного нормированного описания декора на вещественных памятниках архаических и традиционных обществ понятию «тип», принятому в палеографии и археографии, соответствует термин код. См.: Кокорина Ю. Г, Лихтер Ю. А. Морфология декора. — М.: КомКнига, 2007. — С. 167.
36. Там же. — С. 168.
37. Бударрагин В. П., Маркелов Г. В. Орнаментика крестьянской рукописной книги XVIII—XIX вв... — С. 476—502.
38. Ануфриева Н. В. Иллюминированные рукописи Древлехранилища ЛАИ УрГУ (К вопросу о классификации) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. — Вып. 6. — Екатеринбург, 2005. — С. 6.
39. Бударрагин В. П., Маркелов Г. В. Указ соч. — С. 477—479, 481.
40. Там же. — С. 476—477.
41. Парфентьев Н. П. О совершенствовании метода исследования произведений мастеров древнерусского музыкально-письменного искусства // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: сб. мат. II Ю.-Уральской межвузовской науч.-практич. конф. / науч. ред. Н. П. Парфентьев. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. — С. 6—7.

42. Конявская Е.Л. К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого // Древняя Русь — 2000. — № 1. — <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187852&s=260000470>

43. Конявская Е. Л. К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого...

44. Щепкина М. В. Орнаментика русских рукописей XI—XII вв.. Терапологиический орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. — Ч. 2. — М., 1974. — С. 239; Ильина Т. В. Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII—XV вв. — Л., 1978. — 175 с.

45. Стасов В. В. Картины и композиции, скрытые в заглавных буквах древнерусских рукописей // Памятники

древней письменности и искусства: чтение в обществе любителей древней письменности 2 марта 1884 года. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. — 28 с.; Ухова Т. Б. К вопросу о сущности и генезисе славянской книжной терапологии (чудовищного стиля) Средневековая Русь. — М., 1976. — С. 244—253; Голейзовский Н. К. Семантика новгородского терапологиического орнамента // Древний Новгород: История. Искусство. Археология. Новые исследования : сб. ст. / сост. С. В. Ямщиков. — М. : Изобраз. искусство, 1983. — С. 197—247; Буткевич Л. М. История орнамента... — С. 198—199.

Поступила в редакцию 22 июня 2010 г.

МУХИНА Наталья Владимировна, преподаватель кафедры искусствоведения и культурологи ЮУрГУ. Закончила факультет искусствоведения и культурологии УрГУ и аспирантуру ЮУрГУ. Научные интересы: искусство древнерусской книжно-рукописной традиции.

MUKHINA Natalia Vladimirovna is a lecturer of the Art History and Culture Studies Department of South Ural State University. She graduated from the Faculty of History and Culture Studies of Ural State University and from post graduate school of South Ural State University. Research interests: art of Old Russian manuscript tradition.

АВТОРСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ МАСТЕРОВ ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КНИЖНО-РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ УРАЛА

Н. В. Парфентьева

AUTHOR WORKS OF OLD RUSSIAN MASTERS OF CHURCH SINGING ART IN THE URAL OLD BELIEVER MANUSCRIPT TRADITION

N. V. Parfentieva

Книжно-рукописные памятники старообрядцев Урала сохранили большое число распевов, представляющих собой настоящую сокровищницу древнерусского певческого искусства. В статье на примере конкретного произведения предпринято исследование проблемы, по какому принципу отбирались древние авторские произведения в певческие сборники староверов, и какой из распевов одного и того же песнопения древнерусского периода включался в исполнительскую традицию старообрядческих мастеров церковного пения.

Ключевые слова: *древнерусское певческое искусство, репертуар авторских певческих произведений древнерусских мастеров, старообрядческие традиции церковного пения.*

Manuscript monuments of the Ural Old Believers kept many chants which is a treasure of Old Russian singing art. In the article the author researches issues to which criterion the old author works were chosen for the collected singing of old believers, and which of the chants of the same carol of the old Russian period was included into performance tradition of the Old Believer church singing masters.

Keywords: *Old Russian singing art, repertoire of the author sing works of Old Russian masters, Old Believer's traditions in church singing.*

Научное значение сохранившихся в старообрядчестве живых традиций древнерусского музыкально-письменного искусства (знаменного, или крюкового, пения), важность их серьезного и немедленного исследования подчеркивалась учеными еще на рубеже XIX—XX вв.¹ Однако непосредственное и основательное изучение старообрядческих традиций древнерусского церковно-певческого искусства началось, пожалуй, только в 70—80-е гг. прошлого столетия, чему способствовало проведение археографических экспедиций, сбор и обобщение полученных ими материалов. Обнаружилось, что староверы не только сохраняли древние певческо-исполнительские традиции, но и развивали творчество, основы которого были выработаны древнерусскими мастерами².

Одним из проявлений древних певческих традиций является наличие в старообрядческих певческих книгах различных вариантов распевов. Известно, что в русском профессионально-певческом искусстве XVI—XVII вв. бытовало большое количество всевозможных напевов к одним и тем же текстам. Это — безымянные произведения, обозначавшиеся в книгах ремарками «Ин распев», «Ин перевод»,

«Ино знамя» и т. п., а также распевы, получившие свои названия от местностей зарождения, монастырей, реке — от имен авторов: Новгородский, Усольский, Кирилловский, Соловецкий, Крестьянинов, Лукошков и др. Старообрядцы, преследуемые официальной церковью и государством, вынуждены были не только упростить обряды и перенести их совершение главным образом в домашние условия, но и резко сократить продолжительность служб. Варианты распевов в основном предназначались для того, чтобы скрасить однообразие повторяющихся песнопений. Однако, где это было возможно, старообрядцы эти повторения вообще исключали. Тем не менее, они сохранили достаточно большое число распевов, выходящих за пределы общетрадиционных (или гласовых) напевов и представляющих собой настоящую сокровищницу древнерусского певческого искусства.

Прежде всего, вызывает интерес, по какому принципу отбирались авторские произведения в певческие сборники староверов. Для этого необходимо проанализировать распевы одного и того же песнопения древнерусского периода, определить, какой из них вошел в исполнительскую

традицию старообрядческих мастеров певческого искусства.

Основным принципом структурной организации древнерусских песнопений является формульность. Изучение авторских произведений показывает, что распевы в большинстве случаев записаны в виде разводов формульных начертаний. Но только по начертаниям (которые часто отсутствуют) можно определить, что эти разводы являются попевочными, лицевыми или фитными формулами. В ходе исследования нами выработаны приемы изучения списков распевов, в которых записи содержат и разводы, и начертания формул (иногда рукописи дополняют друг друга), а также соотнесения разводов в соответствующих авторских разводных списках с выявленными начертаниями. Чтобы выяснить степень авторства самих разводов, они сравниваются с соответствующими разводами иных мастеров, а также с бытовавшими в то же время анонимными произведениями. Проявление своеобразия разводов формул или сложных знамен в авторских распевах с большой степенью вероятности позволяет считать их результатом индивидуального творчества того мастера, чьим именем обозначены произведения³.

Итак, для проведения наиболее точного анализа и расшифровки произведений требуется выявление формульной структуры распевов. В ряде случаев необходима реконструкция недостающих начертаний или разводов формул, без чего нельзя провести синхронного поформульного сопоставления разных распевов песнопения. Последнее производится с учетом того, что одна и та же формула в древних рукописях могла фиксироваться различными способами: либо тайнозамкнутыми, «свернутыми», начертаниями, либо — более простыми, «дробными», знаками-знаменами, образующих развод, по которому только и можно судить о мелодическом содержании формулы. Особая сложность формульного анализа состоит еще и в том, что песнопения различаются по стилевой принадлежности (Малый, Большой, Путевой, Демественный), что также необходимо учитывать, т. к. в распевах разных стилей на один текст использовались разные формулы.

Поформульное сопоставление, помимо четкого выявления структуры распевов, позволяет в ряде случаев уточнить их атрибуцию, выявить характер генетической связи архетипов, прототипов, производных и авторских интерпретаций, дать определенные представления о степени общности и различия рассматриваемых произведений⁴.

Как составная часть текстологического метода поформульный анализ авторских распевов того или иного песнопения проводится на всем протяжении эволюции музыкального текста по множеству выявленных списков. Древнейший из всех существующих списков, положивший начало музыкальному развитию произведения, определяется как архетип (для большинства песнопений это списки XII—XV вв.). Список, имеющий основополагающее значение для появления авторских распевов, можно определить как прототип (рубеж XV—XVI в.). На основе прототипа в последней четверти XVI в. возникают его производные — новые музыкальные тексты в региональной традиции, как правило,

закрепленные в соответствующих скрипториях. В архетипе, прототипе и производном мелодические формулы в основном фиксируются тайнозамкнутно, без развода «дробным знаменем». Авторский распев песнопения, как показывает его поформульное сопоставление, возникает не сам по себе, а на основе исторического развития производного. Авторские произведения (первые из них обозначаются в источниках рубежа XVI—XVII вв. и затем бытуют на протяжении всего XVII в.) изобилуют разводами тайнозамкнутных начертаний. Выявление общности и различий между всеми выстроенными в хронологическом порядке типизированными списками песнопения показывает, что, как правило, авторские распевы — конечный результат поэтапной целенаправленной работы нескольких поколений древнерусских распевщиков, сочетающей в себе черты традиций и новаторства.

Применение поформульного анализа к авторским распевам делает также возможным выявление динамики творческого процесса, выраженной в единых принципах творчества древнерусских распевщиков: во внутриформульной вариантности, а также во внешних формульно-преобразующей и формульно-обновляющей вариантностях⁵.

Определение своеобразия преломления этих единых творческих принципов в разных авторских распевах, осуществляется при обращении к образно-мелодическому строю произведения. Чтобы определить, как решены художественные задачи в творчестве мастеров, необходимо выполнить интонационно-формульный анализ применительно к музыкально-поэтическому содержанию песнопения. Для этого, прежде всего, следует произвести расшифровку распевов — перевод на современную нотацию — по возможно большему числу списков, путем сопоставления формульного состава песнопений в хронологическом порядке от самых ранних авторских до поздних пометных. Выявляется не только формульная организация, но и строчная структура музыкально-гимнографического текста, объединенная в крупные разделы. Формульно-интонационное исследование авторских циклов, а также отдельных произведений выдающихся мастеров древнерусского певческого искусства позволяет выявить ряд приемов, применявшихся ими для отражения образно-смысловых связей текста и напева⁶.

Наконец, предлагаемый подход дает возможность формирования информационно-теоретической основы для изучения творческих процессов в древнерусской музыке. Основное внимание уделяется проведению сравнительного анализа древних музыкально-теоретических руководств и трактатов (азбук, кокизников, фитников), исследованию авторских произведений с точки зрения их информативности по теории древнерусского музыкально-письменного искусства. В результате поформульного анализа всех списков авторского произведения выявляется картина теоретических достижений и приоритетов того или иного видного мастера. Такая работа позволяет определить состав и количество сложных знамен и формул в авторском произведении, которые затем выделяются и

систематизируются по интонационно-мелодическим параметрам (гласам) и по видам (сложные знамена, попеvky, лица, фиты). Для каждой формулы определяются варианты разводов (анонимные или принадлежащие иному автору). В результате сопоставления распевов формул с этими вариантами, а также с материалом, привлеченным из древних музыкально-теоретических руководств и трактатов, можно воссоздать индивидуальные особенности формульных разводов, восходящие к творчеству определенного мастера. Как отмечалось, выявление формул, отражающих теорию авторского творчества, позволяет создать авторские музыкально-интонационные азбуки в виде таблиц, включающих обозначение гласовой принадлежности той или иной формулы, ее тайнозамкненное начертание, развод и, там, где это возможно, — расшифровку, перевод на современную нотацию. Полученные материалы и таблицы создадут информационную основу для расшифровки древних памятников письменности, изучения теории древнерусского музыкального искусства и развития его основных творческих направлений.

Из всего сказанного явствует, что дополнение общетекстологического метода приемами поформульного анализа, выработанными непосредственно при изучении памятников древнерусской музыки, значительно усовершенствует уже широко используемый метод. Таким образом, структурно-формульный метод исследования предполагает: 1) выявление формульной структуры распева; 2) реконструкцию недостающих начертаний или разводов формул по письменным источникам изучаемого периода; 3) поформульное синхронное сопоставление распевов разных списков и авторов с учетом того, что одна и та же формула может быть записана различными способами: либо «тайнозамкненными» начертаниями, либо в виде простых знамен, образующих разводы, проясняющие мелодическое содержание формул; 4) расшифровку и анализ формульно-интонационного содержания песнопения, выявление на этой основе образно-смысловых связей гимнографического текста и распева.

В качестве примера применения метода структурно-формульного анализа к изучению произведений древнерусского музыкально-письменного искусства, сохранявшихся старообрядческими мастерами церковного пения, можно продемонстрировать исследование одного из древнейших песнопений — славника «Во вертепо воселился еси». Это песнопение взято из старообрядческой рукописи XIX в. Как славник оно завершает один из циклов стихир в честь праздника Рождества Христова⁷.

Внимание исследователей привлекло то, что ранее, в XVI—XVII вв., это произведение бытовало в распевах строгановских и московских мастеров. Оно встречается в составе Стихиряря месячного и, являясь славником, завершает последование стихир «на стиховне» празднику Рождества Христова. В рукописях второй четверти XVII в. находим уникальную подборку распевов славника: первый, краткий вариант, в других списках именуется как «меньшой». Затем следует «ин перевод усольской» и «ин перевод Християнинов московской». В рам-

ках нашего исследования особый интерес представляют два последних варианта рождественского песнопения — усольский, то есть относящийся к творчеству строгановских мастеров и Християнинов, атрибутируемый московскому мастеру Федору Крестьянину (Христианину). Естественно, что встает вопрос, какая из традиций исполнения славника — строгановская (усольская) или московская сохранилась в среде уральского старообрядчества. Гипотеза о сохранении в данном случае на Урале традиций Строгановской (усольской) школы мастеров требовала подтверждения, которое можно получить только опираясь на структурно-формульный текстологический метод анализа.

Первоначальный этап анализа — это выявление древнейшей фиксации произведения, которая стала исходной для всего дальнейшего движения текста. В данном случае такая древнейшая певческая запись славника «Во вертепо» встретила нам в более чем десяти рукописях древнерусской певческой книги Стихиряря, в списках XV — середины XVII в.⁸ Во второй половине XVI в. на основе записи единого древнего распева возникли две различные между собой музыкальные трактовки. Оба распева широко вошли в сборники из строгановской книгописной мастерской⁹. Как правило, первым в рукописях помещался распев, близкий строгановской, вторым — московской традициям.

За пределами центров возникновения школ оба окончательно сложившихся «перевода» получили распространение в первой половине XVII в. В рукописях распевы приведены без обозначения авторства. Они стали общепризнанными, влились в общерусскую певческую традицию. Как и прежде, строгановский распев помещался перед московским. Таким образом, наиболее раннюю нотированную запись славника XV — середины XVI в., отражающую его древнейший напев, можно считать архетипом, на основе которого формировались последующие музыкальные варианты песнопения. Списки последней четверти XVI в. содержат производные от архетипа распевы, выполненные в строгановской и московской традициях. В записи этих производных распевов преобладают «тайнозамкненные» начертания попевочных, лицевых и фитных формул. Первая половина XVII в. — время появления и бытования собственно авторских строгановского и московского (Крестьянинова) «переводов». В их основу были положены соответствующие производные. Главное отличие авторских произведений в том, что в них тайнозамкненные формулы в большинстве своем разведены, то есть представлены в простых, «дробными» знаменами-крюками.

В результате поформульного сопоставления производных с архетипом определилась большая зависимость от него производного строгановской традиции, что выражается в сохранении количества знаков нотации во всех строках славника, в неизменности общего числа лицевых и лицевых формульных начертаний и идентичном начертании некоторых из них, в неизменности принципов построчного членения и музыкально-текстовых связей внутри строк.

Вместе с тем производное строгановской традиции имеет новое музыкально-графическое

оформление пяти строк. Небольшие различия в начертаниях отдельных знаков и формул встречаются в большинстве строк. Всего из 14 формул неизменными сохранены 4, в двух из них преобразован только подвод. Число формул, соотносящихся на уровне преобразующей вариантности — 7; полностью обновленных — 2. Следовательно, работа строгановских мастеров заключалась в изменении графики знамен, лиц, фит, а в отдельных случаях и целых строк при сохранении общего количества знаков нотации. Эти графические изменения, несомненно, затронули интонационно-ритмический строй древнейшего песнопения, а именно — состав мелодических формул, который подвергся переработке. Музыкальная же организация, включающая гласовую принадлежность, последовательность формул и связи частей произведения друг с другом, сохранена.

Сопоставление певческих текстов архетипа и производного московской традиции показало черты их сходства в характере изложения, основанного на лицевых и фитных формулах, в сохранении 7 попевок, 2 лицевых и 3 фитных начертаний над одними и теми же словами, но с изменением графики этих формул. Однако различия между архетипом и производным московской традиции преобладают над чертами сходства. В московском варианте увеличено общее число формул — 22, изменены начертания всех фит, три фиты заменены лицами, и еще три — попеvkами. Введены 2 новые фиты и одно лицо. В производном московской традиции заметно преобладание мелизматика, оно приобрело стилистику Большого распева. В нем интенсивной переработке подверглись и интонационное, и структурное содержание. С появлением новых фитных и лицевых формул изменилась строчная организация производного, количество строк увеличилось до 15. Творчество московских мастеров, таким образом, проявилось в отказе от заданных в архетипе структурных рамок. Этот прием, отличающийся от предыдущих большей степенью свободы, определим как композиционно-обновляющую вариантность, которая предполагает выведения распева за структурные грани архетипа, чем достигается его качественное преобразование в Большой распев.

Итак, во второй половине XVI в. в бытовании славника «Во вертепо» складываются две традиции — более каноническая строгановская и в значительной мере самостоятельная московская. В рукописях они представлены в качестве производных от наиболее древнего варианта — архетипа.

Списки авторских строгановского и московского (Крестьянинова) произведений первой половины XVII в. отражают новый способ записи славника, где формульные начертания даны в разводах простым знаменем. Расшифровка строгановского и московского вариантов по рукописным источникам второй половины XVII в. дала возможность ответить на вопрос о своеобразии преломления выявленных приемов творчества в каждом из авторских распевов. В целом московский распев Федора Крестьянина более богат, изыскан по приемам мелодического развития. Он выполнен в стиле Большого распева с использованием широкого диапазона звучания.

Столь сложное песнопение предназначалось, вероятно, для исполнения высокопрофессиональным хором придворных государевых певчих дьяков, при котором трудился мастер Федор Крестьянин (Христианин)¹⁰.

Строгановское (усольское) произведение отличается благородная ясность, стройность, пропорциональность композиции, подчинение деталей единому структурному замыслу. Меньшая распевность, тяготение к древнему архетипу, а значит и большая каноничность, делали усольский «перевод» доступным для широкого круга исполнителей. Возможно, в этом причина столь долгого бытования данного произведения. Именно строгановский вариант, без обозначения ремарки, сохранился во второй половине XVII в. В таком виде он впоследствии и вошел в певческие книги староверов и встречается в рукописях XIX в. Старообрядцы, исполняя данный вариант, не подозревали, что он тесно связан с именем Строгановых и возник в их владениях на основе древних архетипа и производного еще в начале XVII в. Для них песнопение «Во вертепо» — это канонический, освященный традицией распев, пришедший из рукописных источников второй половины XVII в.

Как видим, при помощи разработанного нами метода структурно-формульного анализа возможно исследование не только древнерусских, но и старообрядческих песнопений, которые несут не себе отпечаток распевов более ранних веков. Данный метод позволяет установить, что старообрядцы сохранили в своей среде древнейшее национально-музыкальное наследие.

Примечания

1. См.: Вознесенский И. О современных нам нуждах и задачах русского церковного пения. — Рига, 1891. — С. 13, 22; Смоленский С. В. О древнерусских певческих нотациях. — СПб., 1901. — С. 41, а также С. 32—33.

2. См.: Парфентьев Н. П. Традиции и памятники древнерусской музыкально-письменной культуры на Урале (XVI—XX вв.). Описание крюковых рукописей выполнено при участии М. Г. Казанцевой. — Челябинск, 1994.

3. Парфентьева Н. В. Славник «О колико блага» как пример творчества мастеров Усольской (Строгановской) школы XVI—XVII вв. // Археография и изучение духовной культуры : мат-лы междунар. науч. конф. — Свердловск, 1987. — С. 16—17; Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI—XVII вв. — Челябинск, 1993. — Гл. 6 и др.

4. См.: Парфентьева Н. В. Славник «О колико блага»... — С. 16—17; Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. Русский распевщик и музыкальный теоретик XVII в. Фаддей Никитин Суботин и его новооткрытые произведения // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1987 г. — М. : Наука, 1988. — С. 138—149; Парфентьева Н. В. Славник «Во вертепо воселился» в Усольском и Московском «переводах» // Древнерусская певческая культура и книжность : сб. науч. тр. / ЛГИТ-Мик. — Вып. 4. — Л., 1990. — С. 81—99.

5. См.: Парфентьева Н. В. Развитие теории знаменного пения усольскими (строгановскими) распевщиками XVI—XVII вв. // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа : мат-лы науч. конф. — Сыктывкар, 1990. — С. 67—70; Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. Усольская (Строгановская) школа в русской

музыке XVI—XVII вв.; Парфентьева Н. В. Творчество мастеров древнерусского певческого искусства XVI—XVII вв. — Челябинск, 1997.

6. См.: Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI—XVII вв.; Парфентьева Н. В. Творчество мастеров древнерусского певческого искусства XVI—XVII вв.

7. Госархив Свердловской области (ГАСО). Ф. 75. № 20. Л. 73 об. — 74.

8. РГБ. Ф. 304. № 409. Л. 84—84 об.; № 410. Л. 167; Ф. 113. № 257. Л. 21; № 262. Л. 85 об.; РНБ. К. Б. № 629/886. Л. 21 об.; и др.

9. ГИМ. Единов. № 37. Л. 501; БРАН, Строг. № 44. Л. 310; и др.

10. О нем, напр., см.: Парфентьев Н. П. Выдающийся московский распевщик XVI — начала XVII в. Федор Крестьянин и его произведения // Н. П. Парфентьев Выдающиеся русские музыканты XVI—XVII столетий: Избр. науч. ст. / сост. и вступ. ст. Н. В. Парфентьевой. — Челябинск : ЮУрГУ, 2005. — С. 43—66; Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. Хроника творческой деятельности Федора Крестьянина в 1598—1607 гг. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях : сб. науч. тр. — Вып. 4 — Челябинск : ЮУрГУ, 2006. — С. 100—129.

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

ПАРФЕНТЬЕВА Наталья Владимировна, декан исторического факультета ЮУрГУ, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Автор более 60 трудов, в том числе 3 монографий, в области истории и теории древнерусского искусства. E-mail: panv@susu.ac.ru

PARFENTIEVA Natalya Vladimirovna is Dean of the Faculty of History of South Ural State University, Dr.Sc. (Art History), Professor, an honored arts worker of the Russian Federation. She is author of more than 60 works including 3 monographs in the sphere of the Old Russian art history and theory. E-mail: panv@susu.ac.ru

ИКОНОГРАФИЯ ОБРАЗА «СПАС ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ» НА ПРИМЕРЕ ИКОНЫ ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОГО МУЗЕЯ ИСКУССТВ

Я. А. Русанов, В. Н. Мужева

ICONOGRAPHY OF "PANTOCRATOR" WITH ICON FROM CHELYABINSK MUSEUM OF ART TAKEN AS AN EXAMPLE

Y. A. Rusanov, V. N. Muzheva

Традиции иконописания в России уходят корнями в далекое прошлое: перенятый византийский канон после принятия Русью христианства в 988 г. не оставался неизменным, а продолжал свое развитие уже на русской почве. Старообрядческая традиция иконописи, ориентирующаяся на древние, «дониконовские», образцы, тщательно их сохраняя и копируя, тем не менее, также не была закостеневшей. Иконописцы, пользуясь древними образцами, подходили к ним избирательно, в соответствии с особенностями своего мировоззрения, своими представлениями о богослужебном культе, благодати и иерархии.

Ключевые слова: древнерусское искусство иконописи, старообрядческая иконография, Невьянская икона, уральская икона, византийская иконопись, иконопись нового времени.

Russian icon painting traditions are root in ancient time: the accepted Byzantine canon was changing and developing in Russian territory after Russia accepted Christianity in 988. Old Believers' icon painting tradition was oriented towards ancient "pre-icon" images; it preserved and copied them, though it was not still either. The icon painters used ancient samples selectively in accordance with peculiarities of their own world outlook, liturgic cult, grace and hierarchy.

Keywords: Old Russian icon painting art, Old Believer's iconography, Nevyansk icon, Ural icon, Byzantine icon painting, new time icon painting.

Икона «Вседержитель со святыми на полях», выбранная нами для исследования, согласно атрибуции, проведенной сотрудниками Челябинского областного государственного музея, была создана в первой половине XIX в.¹ Традиции иконописания в России уходят корнями в прошлое: перенятый византийский канон после принятия Русью христианства в 988 г. не остался неизменным, а продолжил свое развитие уже на русской почве. Поэтому наш интерес и желание узнать истоки того или иного иконографического типа, проследить его развитие вполне естественны. Для этого первоначально будет использован иконографический метод исследования, благодаря которому мы можем узнать и восстановить хотя бы частично историю становления и развития указанного образа. Необходимо добавить, что данная икона причислена к невянскому, а следовательно и старообрядческому кругу произведений иконописи. Этот факт порождает дополнительные вопросы и сложности, для разрешения которых нам понадобится прибегнуть к другим методам, прежде всего иконологическому и стилистическому, что составит предмет отдельного исследования и не входит в рамки данной публикации.

Образ Спаса Вседержителя (Пантократора) в своей многовековой канонической традиции предстает в нескольких основных иконографических типах: Спас на троне, Спас в Силах и Спас Вседержитель. Последний предполагает несколько вариантов изображения: оплечный, поясной и во весь рост.

Одно из ранних поясных изображений Христа Пантократора — энкаустическая икона VII в., дошедшая до нас почти в полной сохранности. Она происходит из монастыря святой Екатерины на Синае² и представляет собой фронтальное изображение Иисуса в расцвете лет, красивого и величественного, с недлинной окладистой бородой и ниспадающими на плечи волосами, держащего в левой руке закрытое Евангелие, пальцы правой руки сложены в благословляющем жесте.

В этом образе иконографически подчеркнуты идеи царства и священства. Он показан в пурпурном хитоне и гимантии, цвет которых в Византии однозначно ассоциировался с императорской властью. Голова Христа, окруженная крестчатым нимбом, предстает на фоне неба с золотыми звездами — прозрачным символом вечности и космоса. На

заднем плане, за плечами Иисуса, показана богато украшенная архитектурная постройка с окнами, напоминающая одновременно дворец, портал и церковную апсиду. Возможно сопоставимая с образом Горнего Иерусалима — Царства небесного, которым и правит Иисус Христос.

Каноническим стал благословляющий жест правой руки Вседержителя, наполненный глубоким догматическим смыслом: три соединенных пальца символизировали Святую Троицу, два поднятых и переплетенных пальца, расположенных один под другим, означали соединение во Христе божественной и человеческой плоти. Книга в левой руке воплощает образ Учения, Священного писания, «Слова Божьего», и через изображенный на ней крест напоминает об Искупительной жертве.

Эпоха, к которой принадлежит эта икона, явилась временем формирования иконописного канона. И если многие богословско-догматические аспекты вполне отвечают требованиям христианского канона, то общий характер написания хранит в себе множество черт еще эллинистического наследия. Сама техника энкаустики диктовала ту манеру написания реалистичности, объемности, той пронзительности, психологизма взгляда, расположения фигуры (лицо в анфас плечи слегка в три четверти) которую мы, безусловно, наблюдаем еще в раннем портрете. В результате, этот памятник, своего рода, переходный мост между античной греческой и христианской византийской традиции. В русском иконописном каноне подобных явлений практически не встречается, так как Русь наследует вполне сложившийся христианский догмат следующей эпохи — Македонского ренессанса.

В это время складывается образ Иисуса Христа, восседающего на престоле, занимающее особое место в обширной иконографии Спасителя. Это квинтэссенция вечного и априорного содержания христианской культуры: вочеловечившийся ради спасения всего человечества, распятый и воскресший Богочеловек Иисус Христос, искупивший все грехи людского рода, вознесшийся и утвердившийся на престоле Царствия небесного, предстает новым властителем мира.

Классическим и наиболее ранним примером служит мозаика в лонете перед входом в храм святой Софии в Константинополе, датируемая 887—912 гг.³ На ней изображен в строго фронтальной позе Христос, восседающий на троне с высокой спинкой. Черты лика соответствуют традиции изображения Христа в зрелом возрасте. Вокруг головы — крестчатый нимб. Пальцы правой руки сложены для благословения, левой поддерживает раскрытое Евангелие, которое стоит у него на колене. Он одет в хитон с клавом и гимантий, у ног его коленопреклоненный император Лев VI. В подобных изображениях ноги Иисуса поставлены на подножку, а на листах открытого Евангелия начертаны слова: «Аз есмь свет всему миру» — из Евангелия от Иоанна, где сказано: «Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет больше ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8, 12).

Исследования посвященные этой мозаике весьма многочисленны, более того, уже выполнены

их историографические обзоры⁴. Главный вывод иконографической интерпретации — соответствие троекратному поклонению (проскинесис) Василевса перед царскими вратами, о чем и свидетельствует расположение мозаики, являющейся наглядным представлением церемоний византийского двора. Важным элементом извода предстает сам трон, повторяющий облик императорского трона Византии.

Иконопись Киевской Руси во многом влетается в общее русло развития Византийского искусства, наряду некоторыми нарождающимися местными особенностями, общие тенденции вторят главным — константинопольским. Вопрос этот очень обширен, дискуссии о нем открыты и поныне, но в данном случае для нас важен факт появления образа «Спаса на престоле» в русской традиции.

Одна из древнейших русских икон «Спаса на престоле» была создана в Новгороде в XIII в.⁵ Спаситель представлен на ярко-красном киноарном фоне, характерном для новгородских памятников XIII—XV вв. Правой рукой Он благословляет, левой — придерживает раскрытое Евангелие с текстом от Иоанна (VIII, 12). Изображение Спаса обрамлено фигурами святых, особо чтимых в Новгородской земле, помещенных на полях. В верхнем поле в центре изображена «тимасия» — уготованный престол с ризой и Евангелием, по сторонам — полуфигуры архангелов Михаила и Гавриила, на боковых полях — великомученик Георгий и Дмитрий Солунский, Климент папа римский и святитель Ипатий Гангрский, пророк Илья и святитель Николай, на нижнем поле — оплечные изображения мучеников Флора и Лавра, а между ними святитель Власий Севастийский.

Изводом, повторяющем образ Спаса на троне, является икона «Деисус»⁶, происходящая из церкви Николы от Кож, ныне хранящейся в Государственном русском музее. Икона датирована XIII в., принадлежит к кругу Псковской школы. Существует еще ряд примеров престольных изображений, приписываемым именно русским мастерам. Более того, псковская икона прямо указывает на местоположение данного образа в храме — деисус над алтарной преградой; в последствие, при развитии русского иконостаса — в центре деисусного чина.

Христос, восседающий на престоле, воспринимается как судья и вершитель судеб мира. В связи с ожиданиями второго пришествия Христа и Страшного суда образ Спаса на престоле приобретает более сложную семантику.

В течение XV века, в ходе процесса замещения фрески иконой и окончательного оформления иконостаса на Русь приходит образ «Спаса в Силах». Л. А. Ефремова говорит о внедрении этой иконографической схемы Феофаном Греком к концу XIV в. (иконостас Благовещенского собора Московского Кремля)⁷. За время изучения деисусного чина Благовещенского собора высказывались самые разнообразные мнения по его атрибуции. В данной статье нет возможности уделить внимание проблемам авторства и датировки иконы «Спаса в силах» Благовещенского иконостаса, тем более что в рамках исследования иконографического типа важен сам факт появления нового типа.

Доподлинно известно о работе трех мастеров Феофана Грека, Прохора с Городца и Андрея Рублева в 1405 г. над иконостасом Благовещенского собора. Приписываемая Феофану Греку ныне икона⁸ иконографически близка к образу Андрея Рублева из деисусного чина Успенского собора во Владимире⁹, созданного практически следом в 1408 г. Все это позволяет именовать икону в соответствии с изначальной атрибуцией.

«Спас в силах» становится центральной иконой деисусного чина иконостаса Благовещенского собора. В центре фигура Христа, облаченная в белоснежные одежды, прежде сверкавшие золотом, символизирующем небесное сияние. Он восседает на престоле, контур которого едва обозначен. Фигура Иисуса вписана в налагающийся друг на друга огненный ромб Божественной славы, изумрудно-синие миндалевидные небесные сферы, обитель шестикрылых серафимов, и красный тетраморф, в углах которого помещены символы евангелистов — лев, ангел, бык и телец. Евангелие поставлено на колено и открыто на словах: «Рече Господь: Аз есмь свет миру, ходяй по Мне не имать ходити во тме» (Ин. 8:12).

Русские мастера, в частности Андрей Рублев, воспринимают данный тип и достигают в его исполнении небывалых высот. Для анализа взят образ, созданный в 1410 г.¹⁰, вследствие лучшей его сохранности. Это небольшая по размеру икона (18×16 см), она могла быть частью домашнего иконостаса. По словам В. В. Бычкова: «Спас Рублева — это тот идеал Богочеловека, снимающего противоположность неба и земли, духа и плоти, о котором страстно мечтал весь христианский мир...»¹¹ Сложная семантика иконы многозначна. Мир небесный и земной соединены метафорически в цветовых геометрических формах, которые перекрыты главенствующей в композиции фигурой Спасителя. Огненный ромб и идущие от Спаса лучи означают божественную славу Христа. Престол у Рублева полностью теряет свою материальную тяжеловесность, а лишь прорисован золотыми линиями, предстает символическим престолом Божьей Славы. Подножие трона поддерживают престолы — ангельский чин, изображенный в виде крылатых огненных колес. Царствующий над миром Христос предстает как любящий и всепрощающий Спаситель человечества.

Замечательна икона «Спаса в силах», получившая по месту ее открытия в небольшом селе Чернокулове название «Чернокуловского Спаса»¹². Образ был создан как центр Деисуса в конце XV в. мастером из ростовских земель. На иконе, следуя изводу, все изображение вписано в алый прямоугольник с вогнутыми гранями, в углах которого тонкой темной линией изображены ангел, лев, телец и орел — символы четырех евангелистов. Внутри этого прямоугольника голубой, прозрачный овал, обозначающий Вселенную. И в центре престол с восседающим Судией. Вокруг Иисуса Христа подвластные и служащие ему «ангельские чины»: овал Вселенной заполнен крылатыми серафимами, а у подножия престола в виде алых колес с крыльями и глазами представлены «небесные силы». Саму фигуру Христа окружает алый ромб — знак мощной творящей энергии. Эта энергия наполняет весь облик Вседержителя.

В раскрытом Евангелии мы читаем такие слова: «Не на лице судите, сынови человеческие, кою мерою вы мерите, тою мерою и Я вам отмерю». Во взгляде узких, очерченных резкой багряной окантовкой глаз с огромными черными зрачками и яркими бликами белков заключена вся глубина божественного всезнания. Решимость окончательно и бесповоротно разделить добро и зло, отражена в каждой черте лица Судии, но в тоже время ожидания установления Царства Божия после страшного Суда раскрывают в облике Вседержителя и создающую силу.

Следующий извод Христа восседающего на престоле может именоваться по-разному: «Царь Царей», «Предста Царица» или «Спас Великий Архирей», что связано с историей его развития. Первым, дошедшим до нас примером данного типа на территории России может служить фреска северной стены церкви Спаса Преображения Ковалева монастыря, где одна из частей росписи и посвящена этому сюжету. Датированная 1380 г. «Предста Царица» Ковалева монастыря является чрезвычайно редким для столь раннего времени примером этого иконографического типа на Руси. В статье «Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV в.»¹³ В. Н. Лазарев подробно освещает всю историю становления и эволюции данного образа и делает очень важные выводы о связи ковалевской росписи с памятниками южнославянских мастеров.

Перед восседающим на троне Христом, облаченным в крестчатый саккос с омофором, стоит Богородица. На ней царские одежды, на ее голове — корона. На голове Христа — митра, которая уже с XI в. рассматривалась как подобие императорской короны и получила символическое значение: напоминая о терновом венце распятого, эта архиерейская митра, воспринималась в виде символа Царя Царей, то есть Христа. Фигурирующая в Ковалевской церкви композиция, дополненная изображением Иоанна Предтечи, получила широкое распространение в русской иконописи XVI—XVII вв. под вышеперечисленными названиями.

В притворе афонской обители Дохиара имеется исполненная около 1558 г. фреска, на которой изображен Спас — «Великий Архирей»¹⁴. Он представлен в епископском облачении, благословляющим, с евангелием в руках. Ему предстает Иоанн Креститель. Над Христом надпись: «Царь царствующих» (Первое послание к Тимофею, VI, 15) и «Великий Архирей»; а на евангелии слова: «Царство мое не от мира сего» (Иоанн, XVIII, 36). Хотя на этой фреске отсутствует фигура Богоматери, тем не менее, она крайне важна в одном отношении: она ясно говорит о том, что образ «великого архиерея» воспринимался к XVI в. как равнозначный образу «царя царствующих». Следовательно, Христос мог изображаться и в царском облачении, сущность образа от этого не менялась. И в таком случае истоки этого образа следует искать в той светской «императорской» иконографии, корни которой восходят к античной традиции. Это вывод очень важен, мы обратимся к нему еще раз немного позднее.

Сербские короли во всем старались следовать воспринятому из Византии придворному церемониалу. И весьма вероятно, что художники создавали облачение для Христа и Марии, следуя традициям придворных церемоний.

Самыми ранними примерами данного типа на сербской почве являются: фреска 1361 г. в Зауме около Охрида¹⁵, миниатюра сербской Псалтыри (Государственная библиотека в Мюнхене, л. 58 об.)¹⁶, фреска церкви св. Дмитрия в Марковом монастыре (ок. 1370 г.) и роспись 1384 г. в Касторья¹⁷. Композиция строится во всех случаях по принципу «Деисуса». На миниатюре представлен восседающий на троне Христос, на котором надето царское облачение. На голове его корона. Около трона стоят два ангела и Мария (слева от зрителя) и Давид (справа). На Богородице царское одеяние, на голове ее царская корона. Слегка склонившись к Христу, она вытянула по направлению к нему руки. Над фигурами расположены сербские надписи — «Иисус Христос Царь Царем», «Божья Матерь Царица всему миру» и «Пророк Давид Царь». Миниатюра эта иллюстрирует стихи 10 и 11 псалма 44 («Дщери царей в чести твоей: Предста Царица одесную тебе, в ризах позлащенных одеяна...») и «Слыши дщи и виждь, и приклони ухо твое и забуди люди твоя и дом отца твоего»).

На сильно поврежденной фреске Маркова монастыря, вся правая часть которого утрачена, Христос восседает в царском облачении на троне, с короной на голове. Слева от него стоит Мария, как на миниатюре представленная в образе царицы. Около нее мы видим фигуры ветхозаветных царей Соломона, Ровоама и Давида, а также короля Вукашина, который приносит Христу в дар каменную церковь св. Дмитрия. Ветхозаветные цари изображены здесь как наследники Царя Царей, которым он дал право владеть земными царствами, а король Вукашин — как получивший королевство непосредственно от Христа, поставившего его господином Сербской земли.

Лазарев говорит о серьезных основаниях предположения о том, что именно в Сербии в композиции «Предста Царица» Христа в образе царя стали впервые заменять Христом в образе архиерея.

Истоки этого нового иконографического типа восходят к искусству XI—XII вв. В мозаиках Софии Киевской¹⁸ и в росписях Нередицы¹⁹ и Бертубани²⁰ фигурируют изображения Христа-священника. На голове Христа пострижено гуменце, обязательное для всех священнослужителей диаконского, иерейского и епископского санов. Чаще всего образ Христа-священника помещается на горнем месте, где позднее стали изображать и Великого Архиерея. Тем самым доказывается преемственная связь обоих этих образов, один из которых является усложнением другого.

Из Сербии этот тип был перенесен в Новгород, где мы его впервые находим в росписи Ковалевской церкви, а позднее, в XV в., — на иконе Государственной Третьяковской галереи²¹. В Ковалевской росписи отсутствует фигура Иоанна Крестителя, так что здесь дается неполный «Деисус». Уже Д. В. Айналов отметил, что в композиции «Второго пришествия»

Ерминия требует изображать слева от Христа только одну Богородицу и опускает Иоанна Крестителя. Такие неполные «Деисусы» встречаются в мозаиках Кахрие — Джами, из чего следует, что они были известны уже в Византии.

Составив представление об основных интересующих нас иконографических типах Спаса Вседержителя, мы можем увидеть процесс усложнения символики, переплетения и изменения канонов в соответствии с различной интерпретацией византийского наследия и повышенного интереса к священным христианским текстам. Эти источники вдохновляли многих богословов и мастеров-иконописцев.

Икона, ставшая предметом нашей исследовательской работы, относится к кругу невянских икон и тем самым входит в орбиту влияния старообрядческих представлений об иконных образах.

Существует прорись иконы подобного плана, датируемая XVI в.²², что говорит о возникновении данного извода еще до раскола церкви. Но образцов самих икон, выполненных по этой прориси, мы не находим. И это косвенно свидетельствует о непопулярности этого образа и несоответствии его идеям выражения сущности небесной власти Христа непосредственно через земные атрибуты власти монарха, такие как трон или царское облачение.

Перевод и прорись, близкие нашему иконному образу, происходят из собрания Пушкинского дома²³ и датируются третьей четвертью XVIII в. и началом XX в. соответственно. Но, к сожалению, прорисей невянских икон данного плана мы не имеем. Поэтому и тип лика, и пропорциональные соотношения не совпадают, объединяющим остается только сам иконографический тип.

В иконографическом типе, мы также можем усмотреть связь с образом Пантократора, традиционно изображаемым в куполе. Это, безусловно, находит свои иконографические подтверждения. Но есть небольшие несоответствия. Первое — размер иконы (110×92 см). Подобный размер, а также характерное исполнение, свидетельствует об иконостасном назначении иконы. Несоответствие здесь в том, что она не вписывается в привычную систему декорации храма. Вполне возможно, что это было связано с трансформацией иконостаса старообрядческих часовен²⁴. Также, по разрозненным памятникам, дошедшим до наших дней, можно полагать, что полуфигурный деисусный чин встречался в деревянных церквях Новгорода рубежа XIV—XV вв. Тем не менее, это лишь указывает на формирование иконостаса в русской традиции, в последствие же полуфигурный, именно деисусный чин, встречался редко.

Косвенным несоответствием является и то, что в старообрядческой традиции уральской иконы извод престольного Спаса, а особенно «Царь Царем», практически не встречается. Здесь необходимо коснуться очень важной для данного исследования особенности старообрядческого мировоззрения. Это мысль о том, что императорская Россия является царством Антихриста²⁵. Из этого вытекали далеко идущие последствия, как для иконографии Спаса, так и отношения староверов к власти в целом. Идея «не моления за царя» была одной из определяющих для старообрядцев.

В связи с этим возможно выдвинуть гипотезу о том, что извод «Царь Царем», подразумевающий аналогии между властью Христа на небе и властью царя на земле, стал неприемлем. Понятие царственности, царства целиком переносится на образ Господа Вседержителя, на его Небесное царство в противовес земному «безблагодатному миру» с правящим царем-антихристом. И возможно именно этим объясняется распространение образа Спаса Вседержителя, изображенного поколенно и без намека на трон. К этому типу относится и выбранная нами икона. Изображения трона в старообрядческой иконописи встречаются лишь в качестве небесного престола (этимасии), который отражает апокалиптическую идею конца времен. Традиционное понимание этого образа сохраняло свою силу и значение.

Итак, проследив поэтапно формирование иконографического канона в различных его типах, можно сделать следующие выводы. Иконописные изводы Спаса Вседержителя, унаследованные от византийского искусства, в русской традиции получили свое дальнейшее развитие. Более того, старообрядческая традиция иконописания, ориентирующаяся на дониконовские образцы, тщательно их сохраняя и копируя, тем не менее, не была закостеневшей. Иконописцы, пользуясь древними образцами, подходили к ним избирательно, в соответствии с особенностями своего мировоззрения, представлениями о богослужбном культе, благодати и иерархии.

Примечания

1. ЧОГМ. Ж-2182.
2. Лидов А. М. Византийские иконы Синая — М., 1999. — С. 36.
3. Бобров Ю. Г. Основы иконографии древнерусской живописи — М., 1991. — С. 197.
4. См. В. Н. Лазарев. История византийской живописи. — М., 1986.
5. Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи — М., 1993. — С. 25—26.
6. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург. Инв. 2779.
7. См. Ефремова Л. А. Русская иконопись — М., 2007.
8. Благовещенский собор Московского Кремля, Москва. Инв. 3232 соб/ж — 1385.
9. Государственная Третьяковская галерея, Москва. Инв. 22961.
10. Государственная Третьяковская галерея, Москва. Инв. 22124.
11. Бычков В. В. Эстетическое сознание древней Руси. — М., 1988. — С. 43.
12. Музей древнерусского искусства им. А. Рублева. — Л., 1981 — С. 86—88.
13. Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись — М., 1970. — С. 249—270.
14. Кондаков Н. П. Иконография господа нашего и Спаса Иисуса Христа. — СПб., 1905. — С. 54.
15. Millet G. Buzance et non l'Orient. — «Revue Archéologique» — v. XI. — Paris, 1908. — p. 180—181.
16. Strzygowski J. — Op. cit. — Taf. XIV.
17. Millet G. Buzance et non l'Orient. — p. 180—181.
18. См. Д. Айналов. Новый иконографический образ Христа. — «Seminarium Kondakovianum» — v. II. — Paris, 1928. — С. 19—23.
19. «Фрески Спаса Нередицы» / предисл. Н. Сычева и В. Мясоедова — Л., 1925. — табл. XXXV.
20. См. Amiranachvili. Quelques remarques sur l'origine des procedes dans les fresques de Neredici. — «Recueil dedie a la memoire de Th. Uspenski». — V. 2. Paris, 1932. — p. 113.
21. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древней русской живописи XI — начала XVIII веков. — Т. 1. — М., 1963. — С. 135—136.
22. Маркелов Г. В. Книга иконных образцов : в 2 т. — Т. 1 — СПб., 2001. — С. 512, № 61.
23. Прориси и переводы с русских икон из собрания пушкинского дома — СПб., 1999. — № 7, № 9.
24. Захарова С. О. Некоторые особенности богослужбной культуры старообрядцев Выга и их отражение в памятниках иконописи // История культуры в памятниках и исследованиях. — Челябинск. 1991. — С. 14—35
25. См.: Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: очерки иконного дела в императорской России. — М., 1995. — 496 с.

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

РУСАНОВ Ярослав Алексеевич, преподаватель кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ. В 2005 г. окончил Южно-Уральский государственный университет по специальности «Искусствоведение», в 2008 г. — аспирантуру того же вуза. Область научных интересов — история традиций древнерусской иконописи на Урале.

RUSANOV Yaroslav Alekseevich is a professor of the Art History and Culture Studies Department of South Ural State University. In 2005 he graduated from South Ural State University, major was Art History. In 2008 he finished the postgraduate school. Research interests: history of the Old Russian icon painting traditions in Ural.

МУЖЕВА Вера Николаевна, студентка кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ. Область научных интересов — древнерусское искусство, методология исследования памятников иконописи.

MUZHEVA Vera Nikolaevna is a student of the Art History and Culture Studies Department of South Ural State University. Research interests: Old Russian art, methodology of icon painting monument research.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ И ПРИНЦИПАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ДУХОВНОГО В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЮЖНОГО УРАЛА XX В.

Г. С. Трифонова

ON METHODOLOGICAL APPROACHES AND RESEARCH PRINCIPLES OF SPIRITUAL IN URAL FINE ART OF THE 20 CENTURY

G. S. Trifonova

Раскрывается значение метода как критерия научности в историко-искусствоведческих исследованиях. Сам предмет исследования (изобразительное искусство, духовное в искусстве) уже в начальной стадии задает и определяет научно-методологические подходы его изучения. Представлен также взгляд на историографию изобразительного искусства Южного Урала и источники его исследования сквозь призму методологии искусствознания, определяется специфическая комплексная система, для обозначения которой вводится новое понятие «методология почвенности».

Ключевые слова: методология искусствознания, духовное в изобразительном искусстве, историография искусствоведения Южного Урала, методология почвенности.

The author reveals the meaning of method as a criterion of scientific character in historic and art researches. The subject of study (fine arts, spiritual in art) on its initial stage sets and determines the scientific and methodological approaches of its research. The author also gives the point of view on historiography of the fine arts of the South Ural and sources of its research in the light of methodology of art studies, she also determines the specific complex system.

Keywords: methodology of art studies, spiritual in fine art, historiography of the art history of the South Ural.

Методология искусствознания и его раздела истории искусства ставит целью систематизацию основных исследовательских методов и подходов, выработанных искусствознанием на протяжении его развития как научной дисциплины и имеющихся в арсенале этой науки на сегодняшний день.

Каждый методологический подход складывается и оформляется исторически, имеет теоретические предпосылки и установки: философские, идейные, культурные и т.д., что создает пересечения с теорией искусства, эстетикой и другими родственными по предмету, целям и задачам науками искусствоведческого цикла.

Исследование проблемы духовного в искусстве Южного Урала в теоретическом и историко-искусствоведческом аспектах предполагает сознательное и целенаправленное использование того или иного подхода применительно к конкретной научной ситуации, что позволит избежать любых форм идеологического и концептуального догматизма.

К особенностям методологических подходов в современных исследованиях всеобщей истории

искусства и ее региональных разделов можно отнести междисциплинарный характер, как всякой гуманитарной методологии, базирующейся на взаимодействии со смежными дисциплинами: историей, психологией, социологией, лингвистикой, литературоведением, религиоведением и др.

Важен также аспект понимания методологии не как чисто теоретической, но и как практической дисциплины. Историк искусства и художественный критик должен проявить методологическую оснащенность и умение применять те или иные теоретические установки в конкретном исследовательском контексте. Таким образом, методология выступает не только в качестве общетеоретического и практического инструмента исследования, но и как критерий научности, то есть через методологию искусствознания обнаруживается способность науки к теоретической рефлексии и самоверификации¹.

Творческая природа искусства предполагает богатство способов высвобождения духовного начала как из реальности, так и из человеческой сущности художника-творца. Духовное есть предпосылка

и всеобщий закон творчества. Духовное как понятие философское, определяющее дух, бытие духа, духовное бытие, духовный мир, рассматривается через проявление в сфере творчества, в творческой деятельности в пространственных искусствах — в жизни и творчестве живописцев, графиков, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного и других видов искусства.

Этой проблеме и ее анализу, различным ее аспектам и ракурсам в течение двух последних столетий посвящено достаточно внимания и создано огромное число текстов различного характера и объема.

Искусствоведческая наука, занимаясь теорией, историей искусства и текущими художественными процессами, изучением направлений, течений, творчества отдельных мастеров и их произведений, начиная с периода формирования и образования науки в конце XIX в. и все последующее столетие описывала и анализировала проблемы искусства и творчества, имея в виду духовное, как сердцевину самого феномена искусства. В этой связи выскажем мысль, крайне абсолютизирующую данную проблему: *без духовного искусство перестает быть искусством и не может существовать ни в каком виде* (вспомним знаменитую формулу М. Дворжачка «Kunstgeschichte als Geistesgeschichte»), в чем убеждает современная пост-постмодернистская ситуация. Даже в тех видах искусства, в которых художественно-творческий аспект глубоко свернут, спрятан за внешней подчеркнутой утилитарностью (производственный, промышленный дизайн), где рука человека практически не касается производимого предмета, а стандарт, строго и без каких-либо нюансов и разночтений предписан как закон, и там мы отчетливо видим творческую мысль проектировщика, оснащенную технологическими законами, которые, моделируя форму воплощения, к совершенству этой формы как к технологическому совершенству стремимся, по сути, выражают некий идеал, который заложен в самой деятельности и ее цели.

Этот пример, пусть в отвлеченно-обобщенном изложении, символичен для обоснования исследования нашей темы — духовного в искусстве Южного Урала. К сегодняшнему дню в региональной науке стало очевидным, что основу и толчок развитию пластических искусств в XX веке составило искусство промышленного Урала в переплетении с более древними незатухающими традициями кочевой и оседлой русской традиционной крестьянской культуры.

Поэтому сам предмет исследования задает и определяет методологию его, даже в начальном состоянии формирования научно-методологических подходов.

Историография изобразительного искусства на Южном Урале XVIII—XX вв. хронологически преимущественно относится к XX веку. Опубликованные исследования и труды, посвященные искусству Южного Урала, могут быть по своему содержанию объединены в несколько групп. В основе выделения групп могут быть положены следующие принципы классификации:

I. Общие труды историко-культурного содержания, рассматривающие художественное творчество

на Южном Урале в едином контексте историко-культурного развития.

II. Собственно искусствоведческие публикации, различающиеся по степени полноты научного осмысления:

а) публикации обобщающего характера, охватывающие весь период истории развития изобразительного искусства на Южном Урале в названных хронологических границах;

в) искусствоведческие публикации, отражающие исторические этапы развития искусства на Южном Урале, развитие видов искусства, присутствие художественных направлений и течений в искусстве края;

г) публикации, посвященные истории развития отдельных видов изобразительного искусства Южного Урала;

д) тексты различного жанра и объема, освещающие современный творческий процесс и творчество отдельных художников;

е) монографические исследования о творчестве отдельных мастеров изобразительного искусства на Южном Урале, об отдельных исторических периодах истории регионального искусства и художественной культуры;

ж) рецензии и статьи о выставках и об отдельных произведениях².

Сама возможность осуществления классификации трудов по заданной теме позволяет говорить о присутствии искусствоведческих исследований в XX веке на Южном Урале, и, несмотря на молодость науки искусствознания и удаление от европейских и отечественных столичных центров, где она складывалась, бурно развивалась и продолжает концентрироваться — все это позволяет констатировать наличие начальных этапов развития искусствознания на Южном Урале в XX веке и дальнейшее ее продвижение в новом XXI столетии.

Началом проявления исследовательских методологических подходов в работах, посвященных искусству на Южном Урале, стала первая половина XX века. Это совпало с начальным периодом собирания источников и их осмысления в региональных аспектах анализа, в рамках складывающейся теоретико-методологической традиции советского искусствознания, рассматривающего сам процесс творчества, его историю и оценивающий его качество с точки зрения неизменной принадлежности народной традиции (или отпадения от нее), с позиции соответствия законов и характера творчества духу народной традиции. При всей нормативности идеологии «классовость, партийность, народность» в 1930-е гг., а также прибавленного в нее уточняющего, более обобщающего принципа идейности, отметим, что в данном аспекте воздействие партийной идеологии на методологические подходы в исследовании искусства сложным образом, во многом неожиданно, вопреки заложенным жестким идеологическим критериям подавления инакомыслия, сыграло важнейшую охранительную роль в жизни искусства и в науке об искусстве: нормативно утверждаемая народность открыла не запрещаемые советской цензурой пути искусства и науки, на которых сохранялись, реконструировались и могли развиваться подлинные

связи с предшествующими историческими этапами. Возможность диалога и осмысления прошлого в духовной сфере, на уровне сознания, чувств, творческой практики происходили непрерывно и находили себе выход, хотя бы в границах дозволенного.

На Южном Урале таким спасительным вектором развития искусства и науки стали исследования уральских художественных промыслов, развивавшихся на основе уральской металлургической и горнодобывающей промышленности, имевшей в предшествующие исторические эпохи свои первоисточники развития на уровне кустарных форм. И пусть неизменно расставлялись оценки и делались сравнения не в пользу «отсталого прошлого», тем не менее, нить творческого, духовного начала, живущая в народе, независимо от меняющихся векторов власти и изменений идеологии самой власти, в процессе осмысления исследуемого материала отчетливо проявлялась. Отсюда возникали отправные точки и основания для реальных научных исследований. В такой атмосфере, несмотря на нажим и неустанную бдительность партийных идеологов, в науке постепенно, изнутри формировались независимые методологические подходы, определявшиеся параллельно с процессами в самом искусстве и в непосредственном соприкосновении с исследуемым материалом.

Так в первой половине XX века на Южном Урале складываются комплексные начала методологии исследования. Это взгляд на искусство края как неразрывный компонент природного и социального, общественного и личного творческого начала человека, который, живя посреди уральской природы в тяжелом труде, не мог не создать свое неповторимое искусство. Этот сплав в описании и обобщении можно было бы назвать *методологией почвенничества*. Пространство природы, жизни и творчества человека, откликающегося на происходящее в мире, в том числе, и на остро современные факторы, сочетающие в себе распад, риск, раскол с прежним развитием и мучительные тенденции кардинальной перемены сущностных природных и социально-психологических аспектов человеческой личности с попытками эволюционного новообразования — все это сложное, подчас нерасторжимое целое определило и продолжает определять своеобразие и специфическое преломление методологических подходов и принципов в исследовании искусства Южного Урала.

К разряду принципов *методологии почвенничества* могут быть отнесены единые гуманитарные методы, без которых невозможно ни одно направление исследований, связанных с человеком и его деятельностью: *культурно-исторический метод* — комплексный метод, интегрирующий природные, ментально-народоведческие, производственно-экономические, социально-культурные факторы развития. Тесно связан с предыдущим *регионоведческий комплексный метод*, способствующий раскрытию специфических условий и особенностей бытия природы, человека, социума, культуры и искусства в данном южноуральском регионе. Выясняя начальную стадию формирования исследуемого материала, методология почвенничества вклю-

чает в себя *археологические подходы*, что вполне оправдано для изучения ранних этапов искусства; тесные связи археологии и истории искусства здесь очевидны.

Названные методы и их применение готовят фундамент для собственно искусствоведческих исследований, в которых, по мере их углубления, преломляется и все более расширяется палитра исследований — веер проблем и смыслов порождает веер методов.

Названные методы могут быть рассмотрены как аспекты в составе методологии почвенничества. Они позволяют исследовать в целом духовное в искусстве Южного Урала, то есть объект исследования в границах древнего мира, средневековья, нового и новейшего времени и дать развернутую характеристику художественных явлений на Южном Урале.

В этой связи уместно от общих принципов методологии искусствоведческих исследований южноуральского искусства перейти к источникам исследований, в рассмотрении которых методология почвенничества также остается актуальной.

Источники исследования мы можем делить на две большие группы.

К первой группе отнесем текстовые источники, которые собственно, являют собой первоначальную фиксацию на уровне сознания в описательной, статистической, мемориальной и аналитической форме бытие искусства в данном регионе, — историческое и современное в различных его формах. В изучении источников уместны методы текстологического анализа, критики привлеченных к исследованию текстовых источников, в которой последовательно присутствует познавательный (гносеологический) подход, сменяющийся интерпретацией (герменевтический подход). Необходимо произвести оценку документа с точки зрения значимости в исследовании и с точки зрения раскрытия процесса развития искусства на Южном Урале (т. е. ценностный, аксиологический подход).

В число текстовых документов по типологии мы отнесем архивные подлинники, газетные публикации, каталоги, дневники, воспоминания и другие материалы, которые являются свидетельствами о материале и предмете области исследования³.

Ко второй группе источников мы отнесем собственно подлинники — произведения искусства, в которых всецело сосредоточена сущность исследования. Собранные в коллекции и собрания, находящиеся в мастерских художников, произведения искусства Южного Урала должны быть подвержены сложнейшему по своей структуре исследованию в указанной проблемной области — духовного в искусстве. Предстоит классификация всего корпуса памятников искусства и экспертиза их, которая позволит четче очертить круг исследуемого материала. Классификация осуществляется в опоре на целый ряд методов, таких как морфологический, атрибуционный, сравнительный, количественный методы, позволяющие оценить качественные сдвиги; использование знаточеских навыков и приемов (осязательные, тактильные, косвенного анализа неоспоримых свидетельств, чувство стиля и т. д.).

Рассматривая корпус источников, необходимо держать в памяти и в поле исследования сам источник происхождения источника — автора-художника. Монографические исследование творчества отдельных выдающихся мастеров с использованием биографического описания и анализа становления художника, постепенного раскрытия его творческой индивидуальности, прослеживая этапы творчества, и, наконец, оценка его в контексте времени и художественного процесса — эту методологию комплексного монографического исследования оказалось возможным применить к искусству Южного Урала лишь начиная со второй половины XX в. Эти принципы применены в монографических исследованиях творчества М. И. Ткачева Н. Н. Головановым; В. А. Неясова Г. С. Трифионовой; В. Н. Дьякова, Н. А. Русакова Г. С. Трифионовой, опубликованных в сборниках, в монографиях и альбомах⁴.

Перечисленные подходы составляют первоначальный этап изучения корпуса произведений искусства и творчества художников Южного Урала, за которым следуют более сложный структурный анализ и интерпретация содержания произведений и творчества мастеров в расширенном смысловом поле.

Эта тенденция к углубленному искусствоведческому осмыслению произведений и творчества художников начинает проявляться в художественной среде и формирующемся художественном сознании Южного Урала и находит отражение в искусствоведческих публикациях — рецензиях, вступительных статьях к каталогам выставок, начиная с 1960-х гг. Это происходило на фоне всеобщего раскрепощения сознания советских людей, освобождения от духовного и властного гнета в период культа личности. 1960-е годы — апогей духовного самостояния народа в советский период истории, незамедлительно вызвавший подъем творческих сил во всех областях деятельности. Это время появления талантливых мастеров — героев своего времени. Творческая энергия мастеров изобразительного искусства в этот период вылилась в очевидные для всех результаты — создание выдающихся произведений. Бурная выставочная деятельность отразила динамику и напряжение творческой энергии, жажду реализации в общественно и художественно значимых произведениях. Все чаще звучали в этот период голоса о необходимости на Южном Урале профессиональной критики⁵. Художественная критика нового типа — страстная, граждански честная, не идущая на компромиссы, острая, подчеркнута авторская, опирающаяся на передовые взгляды и творчество художников, открывающая для себя теоретическое искусствоведение с его проблемами формы, структуры, анализа условности языка пространственных искусств растворяла шлюзы к запрещенным ранее историческим пластам в искусстве, понятиям, образам, к новому видению.

1970-е годы стали началом времени восстановления связей с достижениями искусствоведения европейских школ, углубленного изучения наследия отечественной искусствоведческой науки, ее теории. Отечественное искусствоведение получило трибуну для публикации исследований в области теории,

истории и современной практики отечественного и мирового искусства. Ею стали не только журналы «Творчество», «Декоративное искусство СССР», «Искусство», «Художник», но и ежегодники «Советское искусствоведение» с 1973 г., в годы перестройки получивший название «Вопросы искусствоведения», затем и сегодня «Искусствознание». Выходили ежегодники по видам искусства: советская живопись, скульптура, графика, монументальное искусство, декоративно-прикладное искусство, художники театра и кино, книжная графика и др. Издавались многотомные истории русского искусства под редакцией И. Э. Грабаря, «Всеобщая история искусств» под редакцией Б. Веймарна, История советского искусства, монографические труды по историческим периодам, школам и персоналиям художников. Активная выставочная деятельность вовлекала в искусство самые широкие слои населения. Многомиллионная зрительская аудитория жаждала правды, истины, подлинно духовных откровений и шла за этим в искусство. Логика художественного процесса и участвовавшего в ней художественного сознания уже не довольствовались правдоподобием и социалистическим реализмом. Критический характер мышления 1960—70-х гг. обозначил вектор движения в сторону аналитического постижения природы искусства, строения произведения искусства, анализа выразительных средств искусства, закономерностей его развития, стилевого многообразия и т. д. Волнообразное движение в художественном сознании докатывалось до периферии очень скоро благодаря общению художников на творческих дачах Союза художников СССР и РСФСР, республиканским и всесоюзным выставкам, на которых искусство страны, его столичные и провинциальные мастера вставали в ряд, и можно было оценить творческий уровень тех и других и увидеть искусство если не во всех, то в значительных его масштабных и качественных проявлениях.

В 1970-е годы впервые в отечественном искусствоведении ставится проблема синтеза искусствоведческих методов, органического сочетания их элементов и возможностей в анализе явлений. Эту позицию сформулировал один из фундаментальных историков всеобщей истории искусств В. Н. Лазарев в ответе на анкету американского журнала «The American Art Journal» 1971, № 1 наряду с Э. Гомбрихом, Я. Бялостоцким, М. В. Алматовым. В русском переводе статья была впервые опубликована в ежегоднике «Советское искусствоведение» в 1977 г.⁶, затем, не потерявшая актуальности, повторена в 1986 в сборнике «Критерии и суждения в искусствоведении»⁷. Называя методы, которые стали к тому времени уже привычным и не переменным инструментарием исследований в европейском и отечественном искусствоведении, Виктор Никитич Лазарев предупреждает об ограниченности каждого из методов, им перечисленных: иконография, иконология, формалистический метод, знаточество, социология, имея в виду и атрибутивный, и семантико-символический (семиотический) анализ⁸. Говоря о необходимости рассматривать произведения и творчество художника с различных точек зрения, Лазарев с живой критической интонацией

предупреждал против схоластики и эпигонства. Таким исследователям он дает «один очень простой, но вразумительный совет — будьте поближе к искусству, не забывая о его пластическом языке, о его специфических средствах выражения, об удивительной неповторимости этих средств, об их конкретности и наглядности. И тогда иконология встанет на свое место, превратившись в одну из компонент художественного образа»⁹.

На современном этапе В отечественном искусствознании 1970-1990-х гг. и далее в 2000-е гг. явно проявились сдвиги в сторону развития теории искусства, углубления исследований и их авторских интерпретаций, посвященных отдаленным историческим эпохам. Реабилитация многообразия научных подходов в понимании и изучении искусства началась с изучения и осмысления трудов венской школы искусствознания — переводов и публикации трудов Макса Дворжака, Отто Бенеша, затем трудов основателя формально-стилистической школы Генриха Вельфлина.

Именно в трудах Вельфлина мы находим обоснование методологической специфики искусствознания как отдельной дисциплины в системе гуманитарного знания.

Немецкие ученые проявили свою национальную склонность к теории, создав не только формально-стилистический метод анализа произведения и художественных процессов в истории искусств, но и связали историю искусств с объективацией состояния человеческой души (В. Пиндер), коррелирующей имманентную динамику художественных форм той или иной эпохи. Этот же ученый ввел такие понятия, как «пространство эпохи», одновременности одновременного в истории искусства и многомерной полифонии, что, благодаря методологии, дало возможность преодолеть упрощенные модели стилистического развития истории искусств, столь формально насаждавшиеся в искусствознательской науке, в том числе и в отечественной.

В названный период в отечественном искусствознании широкое применение получил структуралистский подход. Проблема содержания и формы столетиями занимала умы в России, она остро маркировала различные позиции в искусстве в советское время. В связи с углублением теоретической составляющей искусствознательских трудов в последние десятилетия XX века эта проблема также получила подкрепление своему развитию, благодаря интересу, проявленному к этой области теории.

Пути анализа произведений, творчества отдельных художников, структурных составляющих истории искусства — направлений, течений, школ, отдельных эпох и стилей вывели на активное использование семантического подхода, разрабатываемого в Европе и США, и также в России: речь идет об иконографии, далее иконологии, примененной А. Варбургом и развитой Э. Панофским, продолженной Э. Гомбрихом. и Г. Зедльмайром. Семантические методы (и не только они) выводят искусствознание в дешифровке содержания на смежные области научного знания — в историю, литературу и литературоведение, в области музы-

коведения и культурной антропологии, богословия и религиоведения.

В последние десятилетия в искусстве и его анализе в границах искусствознательской науки понимание его языка и истолкования его, выраженного в форме текстового, словесного перевода, приобретает важное проблемное значение. Поскольку в искусстве периодически происходит обновление языка, то новый язык вносит помехи во взаимопонимание. Они устраняются в процессе коммуникации (в этом заключается идеальная цель всякой коммуникации). Условием такого взаимопонимания является постижение человеческой экзистенции в тот или иной период, мира чувств, переживаний, идей, в котором живет человек. В этой связи можно говорить о специфических экзистенциальных возможностях исследования искусства, его явлений, произведений и творчества художников, ибо явно познавательных возможностей — традиционной логики науки — здесь мало. И далее — какие же это методы? В них обозначается сплав деятельности художественной, осмысление ее конкретных задач, а уж потом обобщение на уровне теории или истории. Речь идет о специфической позиции исследователя — человека одновременно принадлежащего и науке, и искусству¹⁰.

Привлечение философов (особенно немецких) в исследование искусства на рассматриваемом этапе — не только дань традиции, но и естественное движение искусствознания. Г. Г. Гадамер, ученик Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, внес неоценимый вклад в сближении гуманитарных наук с искусством и обосновал специфический метод, тяготеющий к универсальности — метод герменевтики, основанный на понимании языка и обогащении новым глубинным неформальным знанием. Понимание, интерпретация, уточняемая в диалоге инакомыслящих — душа герменевтики. В изучении знаково-символической природы искусства его интерпретация приобретает на современном этапе первенствующее значение. Как оперативный инструмент осмысления текущих процессов, она заняла сегодня одно из ключевых мест в современной художественной критике, анализирующей постмодернистские явления, где концепция замысла преобладает над всей остальной формально-содержательной структурой.

В изучении искусства Южного Урала и его истории весь богатый спектр методологических подходов только начал определяться и развиваться с 1970-х гг. Период прошедшего столетия отмечен в искусствознании Южного Урала нарастанием движения вширь: расширение исторических рамок, проблематики изучения искусства. Исследования носят преимущественно характер исторического анализа больших периодов художественной культуры и отдельных художественных явлений (видов искусства или промыслов). Достаточно быстро набирают обороты монографические исследования, посвященные творчеству отдельных мастеров искусства.

Закономерно, что на Южном Урале в теории и методологии искусствознательских исследований области пластических искусств, изобразительного искусства, по сути дела, на сегодняшний день практически нет ни одного внятного исследования. При

этом потребность в методологическом оснащении исследований ощутимо велика. Не будем забывать также и того, что проблематика исследования духовной культуры в изобразительном искусстве Южного Урала подводит нас к определению методологических подходов в процессе самой практики исследовательской работы.

Итак, на современном этапе анализа теоретической и методологической базы исследования художественных процессов в духовной культуре Южного Урала и круга произведений искусства, в которых отражены основные тенденции духовной жизни и исканий времени, в дополнение к рассмотренному выше, отчетливо проявляется необходимость проследить проявление духовного в двух главенствующих аспектах его бытия: в сопряжениях духовного и творческого, а именно в срезе социальном и в сфере собственно творческой — в структуре произведений искусства, создаваемых на протяжении XX века. Связующим звеном в этих процессах, и как исследовательская проблема духовного в искусстве, является личность и творчество художника и художественного критика.

XX век бурно разразился в искусстве, его диапазон и смысл достижений теоретическая мысль не успевала охватить и углубиться. Искусство переходной поры в сравнении с искусством XX века предстает значительно тусклее. То есть наступило время теории.

Очевидно, что XXI век — время осмысления духовного и художественного с учетом иных реалий бытия. В контекст анализа вводятся как опубликованные, ставшие хрестоматийными, художественные явления, так и ранее неизвестные события, явления, факты и источники, что, безусловно, меняет общую картину предмета исследования.

Начавшийся XXI век в области теоретического искусствознания в отечественной науке может быть определен как время расширения горизонтов науки за счет включения в ареал исследования всех исторических этапов ушедшего столетия, столь насыщенного проблемами духовного состояния; обновления, углубления и уточнения принципов исследования и расширения поля исследования за счет не тронутых советским искусствознанием критически по идеологическим причинам проблемам социалистического реализма, а также освещаемом только критически без понимания сущностей проявлений модернизма в отечественном искусстве. Снятие veto позволяет науке избежать двусмысленных трактовок, недоговоренностей, уклончивости и вступить на честный путь исследования сложнейшего и противоречивого материала, требующего от исследователя мобилизации нравственных и духовных сил, отказа от стереотипов, бесстрашного освоения и анализа социальной истории и истории искусства, судеб художников и их произведений ради неотступного стремления к истине.

На этом пути исследователь имеет возможность опереться на базисную основу отечественной методологии искусствознания, рассматривающую историю искусств в связи теснейшим образом с этапами развития общества, парадигмой, карти-

ной мира и мировоззрением той или иной эпохи. Такой историко-культурологический, философско-эстетический анализ эпохи, предшествующий рассмотрению конкретного материала, объясняющий внутренние токи настроений, переживаний, устремлений нашего народа, его различных слоев, общества в целом, всегда был сильной методологической и содержательной составляющей отечественной гуманитарной науки, выделяющейся благодаря этим характеристикам среди мировых научных школ. Данный взгляд на проблему и подход к ее изучению обнаруживает ментальные характеристики российского сознания, несмотря на все коллизии истории, сохранившего тяготение к целостному видению существа проблем, связанных с духовной жизнью человека и общества. Во времена подъема духа в отечественной истории эта типология целостного видения картины мира и человека реализована наглядно и вдохновляюще убедительно.

Хотелось бы продолжить эту традицию, изучая духовное в художественной культуре Южного Урала, определив актуальные методологические позиции в исследовании искусства региона.

В анализе духовного состояния в искусстве XX века в аспекте региональной локализации можно выделить важнейшую проблему сопряжений искусства и государственной политики, из которой вытекает целый ряд вопросов, связанных как с теоретическим анализом, так и с выработкой точки зрения на художественную практику.

Таким образом, определим круг тем, по которым мы намерены провести дальнейшее исследование в области теории искусства и методологии в связи с проблематикой исследования профессиональных пластических искусств Южного Урала XX века:

1. Теория стиля и ее разделы, привлеченные для исследования двух крупнейших и важнейших периодов в истории и искусстве в стране и на Южном Урале феноменов истории искусства: социалистического реализма как этапной историко-культурной, художественно-коммуникативной системы 1930—50-х гг. и, соответственно, стилевой системы искусства 1960-х гг.

2. Теория психоисторизма, привлекаемая многими отечественными учеными, в рассмотрении проблемных этапов отечественного искусства: 1930—50; 1960-х; 1970—80-х; 1990-х. «Методология психоисторизма позволяет увидеть единство процессов в истории сознания, языка и изобразительного искусства»¹¹.

В этой части исследования мы намерены проследить тонкие, невыявленные материально, глубинные настроения, переживания, вкусовые предпочтения, мотивации в повседневной жизни и в искусстве, которые, складываясь в некие модели, влияли на рождение общей картины и функционировании искусства.

3. Самостоятельной проблемой выдвигается исследование модернистских и постмодернистских тенденций в искусстве Южного Урала. Теория стиля здесь может быть применена лишь отчасти, ибо процесс принимает характер многовекторного движения. Сложности исследования данного периода и материала во многом поможет разрешить

обращение к опыту искусствознания на Западе в XX столетии.

4. Методология искусствоведческого анализа произведений искусства Южного Урала в данном исследовании обогащается сознательным применением иконологического метода в его вариантах, разработанных немецкими искусствоведами XX века А. Варбургом, Э. Панофским, Э. Гомбрихом, и метода герменевтики — интерпретации смыслов и образов (связь языка и семантики понятий) философа Г. Гадамера. Известно, что наработки этих ученых применяются в элементах анализа многими отечественными искусствоведами¹².

5. Исследования ведутся с учетом наработок теории психологии восприятия. Особое внимание обращается на соотнесение опыта и структуры визуального восприятия внешнего мира и трансформации зримых образов в творческом сознании художника, перекодировке готовых художественных образов в процессе восприятия и интерпретации произведения искусства в сознании зрителя.

6. В методологии анализа духовной составляющей произведений искусства необходимо проанализировать их структуру. Анализ структуры произведения искусства тесно связан с законами восприятия и формирования творческой модели под воздействием концентрации в сознании художника и зрителя. Изучение структуры произведений искусства южноуральских художников и выявление их смыслового наполнения является логическим завершением исследования духовного в произведениях искусства.

7. Важнейшим предметом проблемного исследования являются монографические исследования творчества выдающихся южноуральских художников. Богатство методологических подходов находит неповторимое сцепление личности и исторического времени, в котором развевывалось творчество того или иного художника — живописца, скульптора, графика, художника в области станкового, монументально-декоративного, театрально-декорационного, декоративно-прикладного искусств. Единство общего и индивидуального целого и уникального, многоликости единого духовного начала убедительно предстает в монографическом анализе персонального творчества художника.

Таким образом, методология искусствоведческого исследования в аспекте духовного в искусстве Южного Урала позволяет выстроить логику и проблематику исследования в соответствии с темой и определить подходы и методы исследования искусства Южного Урала, объединенные в комплекс под наименованием «методология почвенности» с учетом достижений современного отечественного и зарубежного искусствознания.

В заключении уместно напомнить завет выдающегося ученого, искусствоведа-методолога В. Н. Лазарева о том, что технологическая и информационная оснащенность искусствознания, как и всей науки, растет, но «все это не решает вопроса о методе. Наша наука слишком расплылась, слишком распалась на отдельные, часто взаимоисключающие течения, ей недостает синтетичности,

иначе говоря, способности органически объединить различные элементы в единое целое»¹³.

Эти мысли, высказанные почти сорок лет назад, сегодня, когда искусствоведение значительно расширило со времен Лазарева арсенал своей методологии, проблема совершенствования различных методов и синтетического обобщения их применения становится по-новому актуальной.

Примечания

1. Данные теоретические положения сформулированы на основе программы «Методология истории искусства» Министерства Образования Российской Федерации по специальности 020900 «искусствоведение», рекомендованной Советом по истории и искусствоведению УМО по классическому университетскому образованию, Москва, 2002. Автор-составитель С. С. Ваняев [Электронный ресурс].

2. Анализ и оценка историографии искусства Южного Урала рассмотрена в рукописи автора «Пространственные искусства и духовная культура Южного Урала в XVIII—XX вв. Историография» (объем 1 п. л.) в рамках гранта Федерального агентства по науке и инновациям.

3. Например, дневники 1934—1964 гг. И. Л. Вандышева, хранящиеся в ЧОКМ, опубликованные нами в каталоге выставки к 100-летию художника в 1991; воспоминания А. П. Сабурова «Страницы памяти» (архив ЧМИ), опубликованные нами в сб. «Челябинск неизвестный». — Вып. 4. — Челябинск, 2008. — С. 499—560; автобиографическая проза К. Дьяковой «За седьмой горой» о художнике В. Н. Дьякове. — Челябинск: АТОКСО, 2004, 468 с.; объемный фонд писем и рукописей художника-педагога, экспериментатора и теоретика В. Н. Челинцова, готовящийся нами к печати, и др.

4. Трифонова Г. С. Персональная выставка как опыт монографического исследования творчества южноуральского художника В. Н. Дьякова: культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. / под ред. Н. П. Парфеньева. — Вып. 5 — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. — С. 164—177. Она же. Опыт монографического исследования творчества живописца Н. А. Русакова (1888—1941): традиции и новации в отечественной духовной культуре: сб. мат. пятой южноуральской межвузовской науч.-практ. конференции / под ред. Н. П. Парфеньева. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. — С. 52—66.

5. См. отчеты о региональных художественных выставках «Урал социалистический» 1964, 1967, 1969 гг. ОГАЧО. Ф Р-802, Оп. 2, Ед. хр. 27—31.

6. Лазарев В. Н. О методологии современного искусствознания: советское искусствознание 77. — Вып. 2. — М.: Советский художник, 1978. — С. 311—316

7. Лазарев В. Н. О методологии современного искусствознания // Критерии и суждения в искусствознании. — М.: Советский художник, 1986. — С. 91—95.

8. Там же. — С. 91.

9. Там же. — С. 94—95.

10. Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Г.-Г. Гадамер Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991. — С. 49.

11. Вдовин Г. «Заслужить лиц». Этюды о русской живописи XVIII в. / Исствознание. — М., 2010. — С. 190—242.

12. См.: Анализ и интерпретация произведения искусства: уч. пособие / Н. А. Яковлева, Е. Б. Мозговая, Т. П. Чаговец и др.; под ред. Н. Я. Яковлевой. — М.: Высшая школа, 2005. — 551 с.: илл.; Лиманская Л. Ю. Теория

Искусствоведение и культурология

искусства в аспекте культурно-исторического опыта. Исследование по теории и методологии искусствознания. — М. : РГГУ, 2004. — 223 с.: ил.

13. Лазарев В. Н. О методологии современного искусствознания // Критерии и суждения в искусствознании. — М. : Советский художник 1986. — С. 95.

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

ТРИФОНОВА Галина Семеновна, доцент кафедры искусствоведения и культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Челябинского областного государственного музея искусств, член Союза художников России. Область научных интересов — отечественное искусство, художественная культура и творчество художников Южного Урала, музееведение. Автор монографий, каталогов, альбомов, научных статей по указанной проблематике. E-mail: blv@susu.ac.ru

TRIFONOVA Galina Semyonovna is Associate Professor of the Art History and Culture Studies Department, Cand.Sc (History), a senior scientist of Chelyabinsk Regional State Museum of Arts, a member of the Russian Artists Union. Research interests: Russian art, artistic culture and the creative works of the South Ural artists, museum studies. She is author of monographs, catalogues, albums, and scientific articles concerning the above mentioned issues. E-mail: blv@susu.ac.ru

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ И ТРАДИЦИЙ ИКОНОПИСИ УРАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. В. Трофимова

METHODS OF RESEARCH OF MONUMENTS AND TRADITIONS OF URAL OLD BELIEVERS IN ICON PAINTING IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

N. V. Trofimova

В статье проведен анализ методов, применяемых при изучении памятников и традиций иконописи уральских старообрядцев, в отечественной историографии с середины 70-х г. XX в. Автор приходит к выводу о том, что теоретические и методологические основы исследования древнерусских иконописных памятников и традиций Урала должны быть построены на принципах междисциплинарного подхода, сочетающего как искусствоведческие, так и исторические методы исследования.

Ключевые слова: *памятники древнерусской иконописи, методология искусствоведческого и исторического исследования иконописи, историография.*

The analysis of the methods used during research of monuments and traditions of Ural Old Believers in icon painting in Russian historiography starting from 70s of the 20 century is given in the article. The author concludes that theoretical and methodological bases of research of Old Russian icon paintings monuments and traditions of Ural should be built on the interdisciplinary approach combining both art and historic analysis.

Keywords: *Old Russian icon painting monuments, methodology of art and historic research of icon painting, historiography.*

Специальная работа по выявлению памятников древнерусской иконописной традиции на Урале началось в середине 1970-х гг., в ходе регулярно проводившихся историко-бытовых экспедиций, организованных Екатеринбургским краеведческим музеем, а также Уральским государственным университетом, на территории Свердловской области: Талицкого, Кушвинского, Красноуфимского, Шалинского, Нижнетагильского, Невьянского и ряда других районов. Используя полевые методы работы, исследователи обнаружили целый пласт икон, созданных на Урале и выполненных в традициях Древней Руси. Этот фонд значительно пополнил существующие музейные собрания.

Первыми в середине 80-х гг. к исследованию памятников иконописи Урала древнерусской традиции обратились искусствоведы. Изучение культурного слоя бытования памятников, атрибуция найденных икон посредством *метода историко-культурного анализа* — стали начальным шагом в разработке этой области научного знания. Искусствоведами было определено, что появление икон древнерусской традиции на Урале связано с притоком в здешние места старообрядцев после церковного раскола в середине XVII в.¹

С конца 80-х гг. для исследования всего обнаруженного комплекса памятников уральской старообрядческой иконописи искусствоведы взяли

за основу *формально-стилистический метод*, в рамках которого был осуществлен колористический, композиционный анализ икон, выявлены технологические приемы их создания. Г. В. Голынец, проведя стилистический анализ иконописных работ, собранных в ходе экспедиций, хранящихся в уральских музеях — Свердловском государственном историко-революционном музее (СГОИРМ) и Свердловском музее изобразительных искусств (СМИИ), а также имеющихся в частных собраниях и культовых учреждениях, сформулировала концепцию «невьянской школы иконописи»². Данный метод также позволил Г. В. Голынец проследить последовательную смену черт барокко, классицизма и романтизма в невянской иконе³.

На данном этапе исследователи начали применять и исторические методы исследования. О. П. Губкин на основе документоведческого анализа архивных материалов начал реконструкцию биографий невянских иконописцев династии Богатыревых⁴.

С 1990-х г. документоведческий анализ, ставший основой биографического метода исследования в области изучения древнерусских традиций иконописи Урала получил наибольшее развитие. Исследователи открыли для науки ранее неопубликованные документальные источники, соотнесли их с уже известными, выяснив достоверность информации, т. к. она,

как правило, отрывочна, и часто — противоречива. В. И. Байдин, введя в научный оборот документальный материал архивов Пермской, Свердловской, Тюменской областей, сосредоточился на восстановлении имен первых иконописцев-старообрядцев. Проведенная реконструкция их жизненного пути позволила В. И. Байдину не согласиться с Г. В. Голынец и заключить, что «невьянская школа иконописи» была скорее нижнетагильской. Автор предложил использовать понятие «уральская горнозаводская старообрядческая иконописная школа»⁵. Также автором были впервые опубликованы фрагменты архивных документов исторических и литературных произведений, которые дают «дополнительные возможности для анализа дошедших до нас собственно изобразительных источников по истории старообрядческого иконописания на уральских заводах»⁶. Ценность данной работы заключается не только в ее новизне, но и в указании автором неточностей, искажений и ошибок, допущенных в источниках.

О. П. Губкин, наряду с реконструкцией биографий Богатыревых, начал исследование жизненного и творческого пути иконописцев династии Чернобровиных⁷. Изучение позднего уральского иконописания с применением источниковедческого и биографического методов стало основой исследовательской работы Ю. В. Ключиной, Н. С. Корепанова, В. А. Трусова, С. А. Белобородова, О. А. Коробко, Г. А. Ченской⁸.

В конце 1990-х гг. Г. В. Голынец, применив совокупность таких методов как формально-стилистический и иконографический к иконописным памятникам мастерской династии иконописцев Богатыревых, выявила особый невянский тип личного письма и определила его как «миловидный», установив и второй тип, «экспрессивный», чаще всего встречающийся в однофигурных иконах⁹. Исследования Г. В. Голынец были использованы и продолжены в работах Н. А. Гончаровой, О. П. Губкиной, Т. А. Руневой, В. И. Колосничина¹⁰.

В 2000-х гг. метод формально-стилистического анализа был применен в исследованиях Я. А. Русанова. Автор провел стилистический анализ южно-уральских икон древнерусской традиции из коллекции О. Г. Калнина и Челябинского модельного дома старообрядцев-поморцев¹¹. Однако, в данный период искусствоведы от общего анализа выявленного комплекса переходят к изучению отдельных иконописных памятников древнерусской иконописной традиции. Начинает активно применяться иконографический анализ.

Методологический принцип *иконографического метода* заключается в установлении иконографических типов, эволюционирующих в искусстве, но восходящих к определенной конкретной реальности¹². Как известно, иконы дониконовского письма, вывезенные старообрядцами из древних храмов и тщательно оберегавшиеся ими, как знамение старой веры и обряда, сохранили дореформенные традиционные иконографические схемы, насыщенные сложными символическими аллегорическими построениями. Это находит дальнейшее развитие в старообрядческой иконе.

Г. В. Голынец и О.Е. Крылова попытались на основе параллелей между невянской старооб-

рядческой иконой и позднесредневековой отечественной традицией XVII в. показать самобытность местных иконографических решений на примере образа Софии Премудрости Божией. Для решения поставленной задачи был рассмотрен комплекс произведений, хранящихся в музеях Екатеринбурга, Государственном Эрмитаже, а также в частных собраниях. Авторы выявили особенности невянской иконографии Софии Премудрости Божией и заключили, что она «демонстрирует не только верность ее создателей классической традиции, но и возможность развития и обогащения канона, обнаруживает его жизнеспособность в отражении мироощущения старообрядческой диаспоры Урала XVIII—XIX вв.»¹³.

Ю. Л. Алферова, используя иконографический метод, восстановила генеалогию самой ранней датированной уральской иконы «Богоматерь Египетская» (1734 г.). Автор проводит сравнительный иконографический анализ икон: «Богоматерь Египетская» из музея «Невянская икона» в Екатеринбурге, «Madre della Consolazione» из собрания Челябинской областной картинной галереи и «Богоматерь Палестинская», хранящейся в Музее им. Андрея Рублева. Было определено, что икона итало-критской школы — «Madre della Consolazione» стала образцом для создания творческой копии «Богоматерь Палестинская», написанной по заказу Строгановых. Она же, в свою очередь, является образцом для написания уральской старообрядческой иконы «Богоматерь Египетская»¹⁴.

В. Г. Пуцко рассмотрел развитие иконографии Воздвижения креста в русском искусстве, в контексте которой определил иконографическую специфику уральской иконы «Воздвижение креста Господня», датируемой первой половиной — серединой XIX в. и хранящейся в музее «Невянская икона». Были выделены основные этапы развития иконографии уральской иконы и обозначены их композиционные особенности. Автор отметил, что включение в композицию рассматриваемой иконы тех или иных сюжетных мотивов, «присутствие которых не регламентировано сюжетом и не обусловлено художественной традицией», требует комментариев источниковеда¹⁵.

М. П. Боровик и Е. В. Ройзман, на основе повторяющихся деталей в иконах XVIII в., выделили четыре направления развития «добогатыревской» иконы: «овальное письмо», «рельефное письмо», «белоликие иконы», «красноуфимская икона»¹⁶.

Накопленный документальный и фактологический материал позволил историкам перейти к использованию методов широких обобщений, таких как ретроспективного, историко-генетического, историко-системного.

Суть *ретроспективного метода*, по мнению Н. И. Смоленского, заключается «в опоре на более высокую ступень развития с целью понимания и оценки предыдущей»¹⁷. На основе данного метода И. В. Байдин восстановил ранний этап старообрядческого иконописания на Урале, доведя его до 1717 г., а также предположил время сложения местной иконописной школы¹⁸. О. П. Губкин, опираясь на метод ретроспекции, выделил периоды творческих

подъемов династий Чернобровиных и Богатыревых¹⁹. Применение ретроспекции для изучения неравномерного процесса развития уральского старообрядческого иконописания целесообразно, т.к. «каждый предыдущий этап можно понять не только благодаря его связи с другими этапами, но и в свете последующей и более высокой стадии развития в целом»²⁰.

Не смотря на то, что *историко-генетический метод* тяготеет к описательности и эмпиризму, он позволяет «показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их непосредственности, а исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности»²¹. В работах исследователей последовательно раскрываются изменения изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволило в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению объективной истории местного старообрядческого иконописания. Использование данного метода отчетливо прослеживается в работах В. И. Байдина и О. П. Губкина. Исследователи последовательно идут от единичного к особенному, а затем — к общему и всеобщему, что является сутью метода. Так, авторы, восстановив биографии отдельных иконописцев, выстраивают общую картину развития всего уральского старообрядческого иконописания от зарождения до затухания.

Закономерным стало применение в данном вопросе *историко-системного метода* исследования, объективной основой для которого «является единство в общественно-историческом развитии (и вообще в объективной реальности) единичного (индивидуального), особенного и общего»²². И. Д. Ковальченко утверждал: «Системный характер общественно-исторического развития означает, что все исторические события, ситуации и процессы этого развития не только казуально обусловлены и имеют причинно-следственную связь, но также функционально связаны»²³. Преимущество данного метода в том, что «изучаемая система рассматривается не со стороны ее отдельных аспектов и свойств, а как целостная качественная определенность с комплексным учетом как ее собственных основных черт, так и ее места и роли в иерархии систем»²⁴. Опираясь на данный метод, В. И. Байдин выявил историко-культурные причины возникновения старообрядческой иконописной школы именно на Урале и ее последующего распространения на территории Западной Сибири²⁵.

На основе изложенного материала можно заключить, что использование разнообразного спектра исторических и искусствоведческих методов исследования позволяет ученым в наибольшей мере приблизиться к истинной картине изучаемого явления. Однако применение формально-стилистического и иконографического анализа при изучении древнерусских традиций и памятников в иконописи Урал не достаточно для полного раскрытия их духовной сущности. Как отмечал И. Попов: «Огромные практические трудности, связанные с синтезом иконографического и стилистического анализа, придают исследованиям, по мнению некоторых авторов, слишком односторонний и обедненный характер,

вводя «бесценностный» подход в сферу, где как раз проблема ценности играет первостепенную роль»²⁶.

В данном случае, как нам кажется, на помощь искусствоведам должен придти *иконологический метод* исследования иконописного художественного поля, который, по мнению М. Я. Либмана, «в отличие от формально-стилистического анализа рассматривает произведения искусства в неразрывной связи с культурой времени»²⁷. Суть методологического принципа иконологического метода заключается в «постижении культурных симптомов или символов: постижении характерной для той или иной эпохи манеры выражения основополагающих тенденций человеческого мышления с помощью определенных тем и концепций»²⁸. Г. К. Вагнер полагал, что «только на иконологическом уровне вскрывается такая основополагающая черта восточнохристианской эстетики, как снятие философско-религиозного антиномизма именно в художественном образе»²⁹. В. Хекшер также писал: «Иконология интерпретирует и анализирует художественное произведение с генетической точки зрения. Иконология изучает формы как носители определенного значения. Иконологический метод может дать самые лучшие результаты, когда он применен к таким периодам в истории искусства, в которых художник чувствовал себя обязанным подчиниться авторитету прошлого. В этом случае иконология может базироваться на формах выражения, может систематизировать смысловые особенности и другие характерные признаки, укрепленные в истории цивилизации»³⁰. Синтез формально-стилистического и иконографического метода исследования древнерусских традиций в иконописи Урала является прочной основой для дальнейшего успешного применения иконологического метода. Такая взаимозависимость методов отмечалась родоначальником иконологического подхода И. Панофским: «Только тогда лишь можно сказать, что интерпретация достигла своей цели, когда она охватила и показала совокупность воздействующих моментов (т. е. не только предметные и иконографические, но чисто «формальные» факторы разделения света и тени, объема и плоскости и даже движения кисти)... как «выражения» сущности единого мировоззрения»³¹.

Очевидна необходимость и *семиотического анализа* памятников древнерусской иконописной традиции Урала, «ведь когда мы встречаемся с произведением искусства, мы вступаем в область знака и означивания»³². Методологический принцип семиотического метода заключается в том, что любое произведение искусства трактуется как знаковая система, а художественное произведение как «языковое» выражение. Б. А. Успенский отмечал, что «семиотический подход отнюдь не является навязанным извне (методами исследования) — но *внутренне* присущим иконописному произведению, в существенно большей степени, чем это можно сказать вообще о живописном произведении. Семиотическая, т. е. языковая, сущность иконы отчетливо осознавалась и даже специально прокламировалась отцами Церкви. Особенно характерны в этой связи идущие от глубокой древности — едва ли не с эпохи

рождения иконы — сопоставления иконописи с языком, а иконописного изображения — с письменным или устным текстом»³³. Сложность иконописного текста детерминирована его религиозной сущностью, насыщенной культуровой символикой, загружающей процесс восприятия. Это, в свою очередь, подчеркивает важность применения семиотического анализа, который «нацелен не столько на интерпретацию, сколько на то, чтобы установить, как произведения искусства понимаются теми, кто на них смотрит, описать, как зритель извлекает смысл из того, что он видит»³⁴, т. е. установить связь между знаком содержания и знаком выражения.

Понимая недостаточность используемых методов для решения всех научных проблем в области древнерусских памятников и традиций иконописи Урала, ученые предлагают новые исследовательские стратегии. Так, Г. В. Голынец указала один из возможных путей дальнейшего изучения уральской старообрядческой иконописи: «Сопоставление невянянского лицевого подлинника — с сохранившимися произведениями, а сохранившиеся неподписные и не датированные — с подписными; иконы — со старообрядческой книжной миниатюрой, иконописи уральского региона — и других территорий России». Как известно, после церковного раскола старообрядческие центры образовались не только на Урале, но и в Сибири, Вятке, Поморье. Сравнительное изучение развития их иконописания позволит «вскрыть сущность изучаемых явлений и по сходству и по различию присущих им свойств», определить точное время сложения уральской иконописной школы и конкретизировать ее стилистические истоки»³⁵. Однако использование данного метода пока не может быть применено в полную силу, т. к. слабо изучена иконопись самих этих центров. Отмеченное обстоятельство делает весьма значимой работу уральских исследователей по выявлению имен местных иконописцев. Применение в дальнейшем историко-сравнительного метода позволит «выйти за пределы изучаемых явлений и на основе аналогий придти к широким историческим обобщениям и параллелям»³⁶.

Также Г. В. Голынец отметила, что «опыт стилистического и иконографического анализа накопленный отечественной наукой, должен органично слиться с богословской мыслью»³⁷. Такое направление исследований действительно позволит вскрыть глубокие сущностные основы старообрядческого мировоззрения.

Обозначенная исследовательская ситуация показывает, что в изучении рассматриваемой проблемы необходим комплексный подход, так как художественная природа уральской старообрядческой иконописи предполагает необходимость ее искусствоведческого анализа, а для восстановления всего процесса развития старообрядческой иконописания необходимы исторические методы исследования. Как выразился И. Г. Салега: «Разнообразие методологических принципов и подходов к производству изобразительного искусства отражает реальную многогранность связей художественного произведения и с жизнью, и с традициями искусства, и с воспринимающим произведение человеком.

Поэтому так важно понимать строгую приверженность отдельных методик к определенным, как бы своим, граням существования изобразительного произведения и видеть их плодотворность лишь в пределах действия их собственных задач»³⁸. Можно добавить, что взаимодействие методик и синтез их результатов может дать истинную и объективную картину изучаемой реальности во всех ее проявлениях. Поэтому теоретические и методологические основы исследования древнерусских иконописных традиций Урала должны быть построены на принципах междисциплинарного подхода, сочетающего как методы, уже широко применяемые в искусствоведении (формально-стилистический, иконографический, иконологический, семиотический), так и методы исторического исследования (биографический, ретроспективный, историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный). Попытки комплексного изучения уже намечены в работах В. И. Байдина, О. П. Губкина и др.

Примечания

1. Результаты исследований частично были изложены Г. В. Голынец в докладе «К проблеме невянянской иконописной школы» (подготовленной совместно с О. П. Губкиным) на конференции «Проблемы комплектования, изучения и пропаганды древнерусского искусства в музейных коллекциях (Пермская художественная галерея, 1985 г.) и в докладе «Стилистические особенности невянянской иконописной школы» на конференции, посвященной 25-летию кафедры истории искусств Уральского университета, а затем в статье «К истории уральской иконописи XVIII—XIX вв.: Невьянская школа» / Г. В. Голынец // Искусство. — 1987. — № 12. — С. 61—68.
2. Голынец Г. В. Невьянская иконописная школа второй половины XVIII—XIX вв. и ее стилистические особенности // Из истории художественной культуры Урала. — Свердловск, 1988. — С. 31—44.
3. Голынец Г. В. Невьянская икона: традиции древней Руси и контекст Нового времени // Невьянская икона. — Екатеринбург, 1997. — С. 208—215; Она же. Горнее и дальнее. Невьянская школа иконописи // Образ Урала в изобразительном искусстве. — Екатеринбург, 2008. — С. 68—84.
4. Губкин О. П. Богатыревы — династия невянянских художников-иконописцев // Из истории художественной культуры Урала. — Свердловск, 1988. — С. 128—137.
5. Байдин В. И. К вопросу о старообрядческом иконописании на горнозаводском Урале в XVIII—XIX вв. // Древнерусская традиция в культуре Урала: материалы науч.-практ. конференции (28—30.04.1992 г.). — Челябинск, 1992. — С. 18—41.
6. Байдин, В. И. Повествовательные и документальные источники по истории старообрядческого иконописания на горных заводах Урала XVIII — начале XX в. // Невьянская икона. Альбом. — Екатеринбург, 1997. — С. 233—244.
7. Губкин О. П. Династии невянянских иконописцев Богатыревых и Чернобровиных // Невьянская икона. Альбом. — Екатеринбург, 1997. — С. 227—231.
8. Ключкина, Ю. В. «...Проживая в молельне занимается изготовлением и распространением контрреволюционной литературы» (данные к биографии старообрядческого «изугрофа» XX в. Е. П. Губкина по материалам судебно-следственного дела) // Вестник музея «Невянянская икона». — Вып. 1. — Екатеринбург, 2002. — С. 107—122; Корепанов Н. С. Инок Исаак — иконописец и иконоторговец // Там же. — С. 123—130; Трусов В.

- А. Родословная невянских иконописцев Коскиных // Вестник музея «Невянская икона». — Вып. 2. — Екатеринбург, 2006. — С. 160—167; Белобородов, С. А. «Найди ящеричу живую желтую и положи ее внутрь...»: сб. рецептов для художественных работ из собрания лаборатории археографических исследований УрГУ // Там же — С. 57—77; Коробко О. А., Ченская Г. А. Иконописцы Богатыревы — представители старообрядческой культуры Урала // Вещь в контексте культуры: мат.-лы конф. ГМИР. — СПб., 1994; Там же. Династия старообрядцев иконописцев // Фонд изучения и сохранения истории и культурного наследия «Лики России». — Вып. 1. — СПб., 1995.
9. Гольнец Г. В. Невьянская икона: традиции древней Руси и контекст Нового времени... — С. 210; См. также: Гольнец Г. В. Горнее и дольнее. Невьянская школа иконописи // Образ Урала в изобразительном искусстве. — Екатеринбург, 2008. — С. 68—84.
10. Гончарова, Н. А., Губкин, О. П., Рулева, Т. А. Иконописное наследие Урала: истоки и пути развития // Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII — нач. XX вв. — Екатеринбург, 1998. — С. 7—12; Рулева, Т. А., Колосницин, В. И. Невьянская школа иконописи // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 2000. — С. 361.
11. Русанов Я. А. Памятники старообрядческой иконописи на Южном Урале. Собрание молебельного дома Челябинской поморской общины // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 12. — № 9. — Челябинск, 2009. — С. 74—77; Он же. Южно-Уральские памятники старообрядческой иконописи XIX — нач. XX вв. (по материалам частного собрания О. Г. Калнина) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — Вып. 10. — № 6. — Челябинск, 2008. — С. 79—84.
12. См.: Вагнер Г. К. Методологические предпосылки изучения стиля древнерусского искусства // Советское искусствознание 77. — Вып. 2. — 1978. — С. 266—290.
13. Гольнец Г. В., Крылова О. Е. исследованию иконографии группы невянских икон Софии Премудрости Божией // Известия Уральского государственного университета. — 2005. — № 35. — С. 82—89.
14. Алферова Ю. Л. Генеология Богоматери Египетской в контексте вопроса о «западных» источниках старообрядческого иконописания // Вестник музея «Невянская икона». — Вып. 2. — Екатеринбург, 2006. — С. 42—56.
15. Пуцко В. Г. Невьянская икона «Воздвижение креста Господня»: сакральный образ и исторические реалии // Вестник музея «Невянская икона». — Вып. 2. — Екатеринбург, 2006. — С. 143—154.
16. Ройзман Е. В. Как это было // Вестник музея «Невянская икона». — Вып. 1. — Екатеринбург, — 2002. — С. 19.
17. Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М., 2007. — С. 237.
18. Байдин В.И. Заметки об иконописцах на горных заводах первая половина — середина XVIII в.: новые имена и новое об известных мастерах (к вопросу об источниках и времени складывания невянской иконописной школы) // Вестник музея «Невянская икона». — Вып. 1. — Екатеринбург, — 2002. — С. 58—81.
19. Губкин О. П. Династии невянских иконописцев Богатыревых и Чернобровиных... — С. 227—231; Он же. Династии иконописцев Богатыревых и Чернобровиных // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники. Документы. — Екатеринбург, 2001. — С. 207—224.
20. Смоленский Н. И. Теория и методология истории... — С. 237.
21. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М., 2003. — С. 184.
22. Там же. — С. 197—198
23. Там же. — С. 198.
24. Там же. — С. 199.
25. Байдин В.И. Заметки об иконописцах на горных заводах первая половина — середина XVIII в.: новые имена и новое об известных мастерах (к вопросу об источниках и времени складывания невянской иконописной школы) // Вестник музея «Невянская икона». — Вып. 1. — Екатеринбург, 2002. — С. 79—81
26. Попов И. Эстетические проблемы иконологии // Советское искусствознание. — 1989. — Вып. 25. — С. 263. См. также: Кантор А. М. О стиле и стилистическом анализе // Советское искусствознание, 77. — Вып. 1. 1978. — С. 248—255.
27. Либман М. Я. Иконология // Современное искусствознание за рубежом. — М., 1964. — С. 71.
28. Арсланов В. Г. Западное искусствознание XX века. — М., 2005. — С. 448.
29. Вагнер Г. К. Методологические предпосылки изучения стиля древнерусского искусства // Советское искусствознание 77. — Вып. 2. — 1978. — С. 270.
30. Цит. по: Попов И. Эстетические проблемы иконологии. — С.263.
31. Там же.
32. Бел М., Брайсен Н. Семиотика и искусствознание // Вопросы искусствознания. — Вып. 2. — 1996. — С. 521—559.
33. Успенский Б. А. Семиотика искусства. — М., 1995. — http://nesusvet.narod.ru/ico/books/b_ouspensky/b_ouspensky_1.htm
34. Бел М., Брайсен, Н. Указ. соч. — С. 521—559.
35. Об этом см.: Трофимова Н. В. Проблема стилистических истоков старообрядческой иконописи на горнозаводском Урале в отечественной историографии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 13. — № 32 (165). — 2009. — С. 78—83.
36. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 187—188.
37. Гольнец Г. В. Горнее и дольнее... — С. 84.
38. Сапего И. Г. Некоторые аспекты анализа произведения изобразительного искусства // Советское искусствознание 77. — Вып. 1. — 1978. — С. 256—271.

Поступила в редакцию 11 июня 2010 г.

ТРОФИМОВА Наталья Васильевна, аспирант кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ. В 2008 г. окончила Челябинский педагогический университет по специальности «История и культурология». Область научных интересов — историография древнерусского искусства и его традиций на Урале.

TROFIMOVA Natalia Vasilievna is a postgraduate student of the Art History and Culture Studies Department of South Ural State University. In 2008 she graduated from Chelyabinsk State Pedagogical University, major was History and Culture Studies. Research interests: historiography of the Old Russian art and its traditions in Ural.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ НАРОДНОГО ГОНЧАРСТВА И ИЗРАЦОВОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Н. М. Шабалина

TRADITIONAL CENTERS OF FOLK POTTERY AND TILED MANUFACTURE IN SOUTH URAL

N. M. Shabalina

Статья освещает вопрос истории развития народного гончарства — области не только ремесленного производства, широко распространенного в России и на Урале в том числе, но и своеобразной области художественного творчества. В определении центров развития гончарства и изразцового производства XIX — середины XX в. на Южном Урале и их стилистических особенностей автор опирается на архивные материалы, экспонаты музейных коллекций, сообщения информаторов, полученные во время экспедиций.

Ключевые слова: *традиционные центры художественного творчества, народное гончарство, изразцовое производство Южного Урала.*

The article covers issue of the history of development of the folk pottery which was not only sphere of the handicraft industry spread in Russia and Ural but an original area of art creation as well. Identifying the centers of the pottery and tile development in the 19 and in the middle of the 20 centuries in the South Ural and their style features the author takes archive materials, displays of the museum collections and information obtained during expeditions.

Keywords: *traditional centers of art creation, folk pottery, tile manufacture in South Ural.*

Гончарное ремесло издревле бытовало на Южном Урале, богатом залежами первосортных глин, но вопросы изучения истории формирования и развития керамических центров, определение их особенностей, остаются на сегодняшний день мало освещенными и нераскрытыми. Наиболее изучены памятники археологической керамики — древний материал систематизирован и классифицирован в трудах многих ученых и исследователей, начиная с конца XIX — начала XX в. (Ф. А. Теплоухов, О. Е. Клер, Н. К. Минко, С. Н. Дурылин)¹. Искусство древних племен Южного Урала высоко оценивалось многими историками: «Челябинская керамика по мастерству своей технике, по разнообразию форм, по сложности и изяществу орнамента должна быть названа очень богатой» — приходил к заключению в своих исследованиях начала XX века Сергей Николаевич Дурылин².

В последующие десятилетия в научный оборот поступали данные все новых и новых археологических находок (Д. Н. Эдинг, К. В. Сальников, Н. П. Кипарисова, Н. Н. Гурина, Л. Я. Крижевская, В. И. Мошинская и др.)³.

Уральские глиняные месторождения один из первых описывает в XVIII в. Петр Иванович Рычков в «Топографии Оренбургской» (1762). В числе лучших месторождений П. И. Рычков называет чебаркульскую белую глину, добываемую около озера Большой Мисяш и отсылаемую на Императорский фарфоровый завод в Санкт-Петербург, а также черную Кундравинскую и Увельскую, белую

Кизильскую и Орскую Губерлинскую. По результатам обследования глин ученым было замечено, что «в других Оренбургской губернии местах такие глины находятся, которым внутри России в доброту подобные едва сыщутся ль»⁴.

Отдельную главу посвящает глине в ученых записках путешествий по России XVIII века академик И. П. Фальк⁵. Ученым описаны промывальни глин, их устройство, указано количество получаемой глины в год, прослежена география расположения глиняных месторождений от Урала до Сибири. В ученых записках академиков П. С. Паласса⁶ и И. И. Лепехина⁷, почти одновременно путешествовавших по Уралу (1770), также отмечено высокое качество белой южно-уральской фарфоровой глины (Паласс 1786. Ч. 2. Кн. 2; Лепехин 1822. Т. 4). «...Между Уральским хребтом и селом Кундравою, на самой наружной поверхности видна белая, весьма вязкая и тонкочатистая глина, ни в чем Чебаркульской глине, употребляемой на дело фарфоровой посуды, не уступающая...» — было замечено И. И. Лепехиным⁸.

Обширностью исторических фактов и глубоким содержанием отличается работа основоположника исследований кустарной промышленности Пермской губернии А. Н. Зырянова о промыслах Шадринского уезда⁹. Автор указывает на географию распространения кустарных производств, в том числе и гончарного, объясняет качество материалов и технологию производства, определяет разнообразность выпускаемых изделий, оборотоемкость товара

и его рынки сбыта. В дальнейшем тему развития кустарных промыслов на Урале разовьет в своих изысканиях В. П. Бирюков.

Тема народного гончарства в литературе XIX в. ограничивалась материалами этнографического или статистического характера и рассматривалась в ряду других кустарных производств. Одним из основных источников, фиксирующих существование керамических мастерских и заводов, являются уральские справочные издания XIX — начала XX вв., по которым можно проследить количественный состав гончарных мастерских и уровни развития керамического производства¹⁰.

Участие уральских гончаров на Всероссийских промышленных выставках (Москва, 1882, Петербург, 1902, Казань, 1909), а также крупномасштабной Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке Уральского Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ) в 1887 г. в Екатеринбурге, свидетельствует о достойном уровне художественных изделий¹¹. Кустарно-ремесленные или научно-промышленные выставки устраивались при участии и активном содействии уездных земств с целью «упрочнения и правильного развития у нас кустарных промыслов», а также с целью музейной — составить коллекцию кустарных изделий (по образцу результата Московской выставки 1882 г., после которой был открыт Кустарный музей). Для выполнения поставленных задач была создана комиссия и рекомендованы программы, «обнимающие техническую сторону и экономическую статистику каждого кустарного промысла и ремесла»¹². В Челябинске подобная миссия была осуществлена чуть позже, в 1910-х годах, когда по инициативе Приуральского общества изучения местного края (председателя общества Д. В. Мошкова, секретаря И. Г. Горюхова, хранителя музея В. М. Крашенинниковой) была разработана в числе других, программа по собиранию предметов историко-этнографического раздела. Одной из первых была коллекция глины и образцов продукции керамического завода Всеволода Васильевича Лоренсова. Коллекции были призваны раскрыть историю развития многих местных производств: гончарного, ткацкого, кожевенного, металлообрабатывающего¹³.

Собирание предметов гончарства началось в период основания в городе музея местного края (областного краеведческого) в рамках его археологической и этнографической коллекций. Формированием коллекций занимался Сергей Николаевич Дурылин — крупный русский ученый, филолог, археолог, этнограф, искусствовед, — прибывший в Челябинск в январе 1922 года, и около двух лет, проработавший в музее в должности заведующего отделом археологии, истории и этнографии. В своей статье «Собирайте памятники быта» Сергей Николаевич писал: «Особенно интересно было бы собрать памятники народного искусства — резьбы по дереву, кости, камню, шитье, ткачество, плетение (кружево), вышивки и т. д. — всего, что вытесняется фабричными изделиями»¹⁴. Многие памятники историко-этнографического собрания, безусловно, имеют художественное значение, и привлекается нами в плане изучения местного народного искусства.

Таким образом, в 1920-е гг. в областных центрах уже осознавалась необходимость организации музеев по изучению истории местного края в самых различных аспектах. В рамках этнографического отдела краеведческого музея планировался и осуществлялся сбор всех материалов по народному творчеству и фольклору. В эти же годы экспедиционное обследование Южного Урала проводилось Государственным Историческим музеем (ГИМ, Москва). С 1925 по 1927 гг. ведущими историками и искусствоведами В. С. Вороновым, Н. Б. Баклановым, Г. А. Новицким, А. Н. Топорниным были организованы Уральская, а в 1929 г. — Южно-Уральская историко-бытовые экспедиции по теме «Труд и быт рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII—XIX вв.». В числе обследованных районов: Верхне-Уфалейский, Кыштымский, Каслинский, Нязепетровский и др. В маршрут Южно-уральской экспедиции 1929 г. входили населенные пункты: Златоуст, Миасс, Сатка, Бакал, Бердяш. Исследователями были собраны бытовые предметы с резьбой и росписью на металле, дереве, бересте, гончарные изделия, представленные на отчетной одноименной выставке в ГИМ¹⁵. Василий Сергеевич Воронов в своих отчетах отмечал, что уральские экспедиции являли собой первый опыт организованной историко-бытовой собирательской деятельности музея. В результате уральских экспедиций в Государственный Исторический музей поступило 606 экспонатов¹⁶.

Во второй половине 1930-х годов материал по теме художественных промыслов Урала собирают местные краеведы: В. Д. Бобылев и В. П. Бирюков, чьи работы остались не опубликованными. Известный уральский краевед и фольклорист Владимир Павлович Бирюков (1888—1971) в своей рукописной работе «Художественные промыслы Урала»¹⁷ (датирована 1935 г.) впервые рассмотрел уральский гончарный промысел в ряду художественных. В. П. Бирюков обращал внимание на отделку глиняной посуды, но его характеристики предельно кратки и в основном ограничиваются сведениями о территориальном распространении промысла в пределах Среднего Урала и указанием некоторых имен гончаров, принимавших участие на Всероссийских кустарных выставках.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов над историко-этнографическим, фольклорным, диалектологическим краеведением Южного Урала работали известные российские ученые В. Е. Гусев и А. Г. Турбин, чьи материалы и отчеты также привлекаются в исследуемой теме¹⁸.

В книге по истории центров гончарства Восточной Европы исследователь А. А. Бобринский на основе этнографических, археологических и экспериментальных данных ставит задачу разработки принципов анализа керамики и использование его при изучении истории восточнославянского населения. Ученый дал развернутую схему размещения очагов гончарного производства XX века. К сожалению, уральский регион ограничен только Пермской областью, а южно-уральский не вошел в число обследуемых районов¹⁹. Поставлен и изучен

вопрос развития гончарства у русского населения Восточной Сибири²⁰.

В начале 1990-х годов в Челябинске, в связи с организацией выставки «Народное искусство Южного Урала», проведена работа по систематизации музейных коллекций традиционных художественных ремесел²¹. Музейные собрания города (областного краеведческого музея, картинной галереи, этнографического музея государственного университета), представившие на выставку немало интересных образцов местного керамического производства, позволили классифицировать данный материал по центрам производства, имеющим свою специфику развития. Систематизированный комплексный материал дал возможность автору составить карту по распространению основных видов народных художественных ремесел Южного Урала, в том числе гончарного, воспроизвести таблицу керамических мастерских Оренбургского края, действующих в период с 1863 по 1925 гг.²²

Дальнейшие научные экспедиции²³ 1995 и 1997 гг. в села: Миасское, Шумово, Есаульское, Бродокалмак, Русская Теча, расположенные на северо-востоке современной территории Челябинской области, позволили выявить отдельные центры гончарного дела в местах первых русских поселений края, дали возможность познакомиться с мастерами и реконструировать предметно-образную форму глиняных сосудов и игрушки более раннего времени.

Информантами названы имена бродокалмакских гончаров: Иван Степанович Кузнецов (1888 г. р.), Степан Тимофеевич Чухарев, Гавриил Федорович Бабин (1870-е). У последнего учился гончарному ремеслу Николай Алексеевич Бекленищев (1927 г. р.), с 1941 года работавший в одной из трех бродокалмакских мастерских, сохранявших ремесленные традиции предшествующего времени. Из воспоминаний Н. А. Бекленищева предстает картина местного гончарного производства, схожего с множеством других российских промыслов и ремесленных мастерских, но имевшего свои некоторые отличия, в основном, касающиеся его художественной стороны. Пластическое решение сосудов во многом зависит от качества природного материала. Бродокалмакская белая глина, добываемая в восьми километрах от села Тавранкуля, позволяла делать посуду различной емкости на любой вкус: кружки, сливочники, кринки, корчаги, кувшины, латки для приготовления теста, горшочки для меда, жарехи. Мастера выполняли сложные по формам и объемам сосуды: двухведерные налепные корчаги (второй ярус налеплялся вручную, отсюда и название «налепные»), двухведерные кувшины для воды и кваса, комплекты латочек емкостью от двух до десяти литров, вставляемые одна в другую, пользовавшиеся особым спросом у сельчан. Для хранения меда делали горшочки по специальной технологии: на два раза плотно крыли глазурью донце сосуда изнутри и снаружи, чтобы мед не просачивался.

Со слов Николая Алексеевича, каждый мастер выбирал форму по своему навыку: «как рука понесла, так и делали», а руке бродокалмакского гончара была подвластна сложная конфигурация кувшина со сливом и ручкой, требующая хорошей пластич-

ной глины, особого мастерства, умения²⁴. Форма русских кринок традиционна, но ее вариации очень разнообразны: горловина узкая или широкая, плавно переходящая в тулово, либо вытягивается в высокую стройную шею. Сосуды выразительны по своим очертаниям, пропорциям и удобны в пользовании. Для кринок нередко делали крышечки также с помощью круга, а сверху коковку налепляли от руки. Аналогичный образец представлен в коллекции Челябинской областной картинной галереи (ныне Музей искусств: ДПИ-2491). Обжигали глиняную посуду на два раза: при повторном обжиге добавляли свинцовую глазурь, которая давала желтовато-оранжевый и красноватый оттенок. Разный цвет глазури придавала и различная степень накала. Глазурь ровно и плавно растекалась по стенкам керамических изделий — «потеки» воспринимались своеобразным художественным эффектом. Предметно-образный характер местной керамики реконструирован по рассказу Н. А. Бекленищева и по образцам, сохранившимся в школьном музее Бродокалмака и областном краеведческом музее Челябинска. Художественные достоинства изделий, объем керамического производства и широкое распространение продукции на уральских ярмарках — Шумовской, Копейской, Челябинской — подтверждают существование развитого гончарного промысла в Бродокалмаке²⁵, старинном селении около реки Теча, основанном в XVII в.

Свои искусные ремесленные навыки мастера передавали другому поколению и способствовали развитию гончарного ремесла в близлежащих селах и деревнях. Так, по свидетельству Анатолия Петровича Пашнина (1932 г. р.), гончарству в деревне Есаульской обучал приезжий мастер из Бродокалмака. До сих пор сохраняется бревенчатый дом гончарной мастерской («гончарни»), который в 1950-х годах, после ее закрытия, был перевезен в соседнюю деревню Шумово, куда переехал и А. П. Пашнин. Анатолий Петрович занимался гончарством в послевоенные годы, пройдя путь от ученика до мастера²⁶.

В Есаульской лепили те же кринки, корчаги, латки, миски, но формы их отличались от бродокалмакской: они более приземисты и округлы по объему. Мастера использовали множество пластичных вариаций, которые могли дать только ручное исполнение с помощью гончарного круга. В день выходило от трех и более десятков сосудов. Красную и белую глину добывали поблизости от озера Мыркай, разные ее сорта соединяли, чтобы придать материалу больше вязкости и прочности. Поливу составляли сами: вручную плавляли свинцовые палочки, затем массу перемалывали в «золку» на жерновах, полученный порошок соединяли с водой — таким образом, свинцовая глазурь была готова к использованию. Обжигали изделия по 10—12 часов (во второй обжиг сосуды покрывали глазурью).

В свободное от основного производства время гончары лепили для детей игрушку: из остатка глины делали простые свисточки в виде птички «гоголя», «петушка», «курочки» — без боковых отверстий и покрывали фигурки глазурью. Глину раскатывали

в лепешку и на пальце сворачивали в пустышку — свисток протыкался палочкой сверху вниз. Бродокалмакские свисточки незамысловаты по форме и не отличались сюжетным разнообразием, более выразительна по художественному достоинству и пластичному решению есаульская игрушка — окарина. Она представляла собой уникальную форму: объемную фигуру курочки с малыми фигурками четырех птенцов по бокам, имеющих с каждой стороны по два сквозных отверстия для свистка. Маленькие фигурки цыплят крепились к курочке под прямым углом и были съемными. Игрушка, состоящая из нескольких фигур, легко собиралась и раскладывалась, превращаясь в своеобразный музыкальный инструмент — окарину²⁷. Просто и со смекалкой рождалась есаульская глиняная игрушка в достаточно оригинальном самобытном стиле, реконструированный образ которой помогает нам в этом убедиться.

В справочных изданиях XIX — начала XX вв. указывались, по всей вероятности, только самые крупные гончарные заведения, и из года в год повторялись одни и те же данные по городам Оренбургу, Верхнеуральску, Троицку, Челябинску²⁸. В 1863 г., помимо гончарных производств, обозначенных в Челябинске и Верхнеуральске, зафиксированы изразцовые и фаянсовые заводы в г. Оренбурге, что свидетельствует о существовании более высокой технологии производства изделий из глины с применением механизированного труда. Но последнее не исключает развитие мелких кустарных производств, сохраняющих традиции народного гончарства.

В начале XX столетия ремесленники, работающие с глиной, начинают разделяться на гончаров и горшечников с выделением мастеров, подмастерьев и учеников. Отсутствие сведений за 1896—1900 гг. не позволяет проследить дальнейшее развитие гончарного производства, но можно предположить, что происходит укрупнение мастерских в городах Оренбургской губернии, и появляются предпосылки к возникновению больших заводских производств, каким, по всей вероятности, был гончарный завод братьев Михаила и Николая Федотовичей Кудрявцевых, располагавшийся близ вокзала в Челябинске (указывается в статистике за период с 1906 по 1915 г.)²⁹.

Развитие керамического промысла отразилось и в топонимике улиц. Например, в г. Челябинске на карте города значились: Керамическая улица (ныне Востречева), Горшечные ряды (ул. 8 Марта), Горшечная улица (ул. Калинина до ул. Работниц), а также поселок Керамзавода³⁰.

Таким образом, можно предположить, что в речной части города, по левому берегу реки Миасс, находилась целая ветвь гончарных мастерских. С одной из них была связана деятельность мастера А. В. Журавлева, чьи гончарные работы представлены в коллекции областного краеведческого музея³¹. По этим и другим образцам гончарного дела, хранящимся в музейных коллекциях, и относимых на основе свидетельства бывших владельцев к гончарному производству Челябинска, можно определить стилистику челябинской гончарной керамики.

Из белой и красной глины мастера изготавливали сосуды устойчивой традиционной формы: горшки, корчаги (одно и двухведерные), кринки, кружки,

кувшины, отличающиеся многообразием своей конфигурации. Наиболее изменчива форма кринок: приземистая или вытянутая с уплощенным или объемным туловом, с широким отогнутым венчиком или слегка выступающим. Художественная выразительность глиняных изделий усиливалась сочетанием разноцветных глазурей, растекающихся плавно по стенкам сосудов. Как правило, гончары покрывали посуду стекловидной свинцовой поливой с двух сторон, за исключением керамики, происходящей из мастерских юго-западного региона края (Аша, Миньяр), в которой встречается одноличная посуда (покрытая изнутри) или наполовину покрывающая сосуд снаружи. Сочетание сверкающей глазурованной поверхности с глухой матовой придавало изделиям художественное своеобразие. В челябинской керамике нередко использовался декоративный прием свободно растекающейся глазури с потеками в нижней части сосуда. Мастера использовали поливу как бесцветную, так и цветную, в которую добавляли разные окислы металлов (цвет темно-коричневый поливы давал окись марганца; зеленый — окись меди; желтый и красный — окись железа, свинца). Контррельефный орнамент в виде горизонтальных прямых линий, реже волнистых, наносился на округлую поверхность строго и лаконично, а порой и вовсе отсутствовал.

Южно-уральскими мастерами применялся и более ранний способ обработки глиняных изделий — обварки. Обожженные сосуды окунали в мучнистую болтушку, раствором которой заполнялись поры черепка, придавая не только прочность сосудам, но и составляя художественный узор в виде различных по очертанию пятен и кругов. В челябинских музейных коллекциях также хранятся единичные образцы глиняных сосудов, датированные серединой XIX в., обработанные с помощью другой древней техники — лощения, когда поверхность сосуда заглаживалась специальным камешком — «лощилом». Но со временем глазурованная посуда вытеснила старые технологии лощения и обварки, и со второй половины XIX в. стала предпочитаемой и универсальной в гончарном деле.

Среди гончарных изделий челябинских мастеров следует отметить традиционную форму ритуального предмета кадилницы — шаровидной, с овальным отверстием на тулове, с прямой втульчатой ручкой, сквозным отверстием в верхней части и заканчивающейся трехконечным крестом³². Аналогичные образцы представлены в каталоге Сергиево-Посадского музея-заповедника и отнесены исследователем Л. Э. Калмыковой к гончарным мастерским Подмоковья, что свидетельствует о привнесении на Урал среднерусских традиций народного гончарства³³.

В 1933 году в этнографическую коллекцию Челябинского краеведческого музея поступил курьезный экспонат — глиняная кринка с обмазкой и налепами из металлических мелких деталей, пуговиц, кнопок, ракушек — составляющих стилизованный рисунок цветка колокольчика³⁴. Подручный бросовый материал, превращался волею мастера в оригинальную декоративную фантазию. Самобытный образец ярко свидетельствует о творческой выдумке и сноровке народных мастеров.

К 1925 г. по Уралу насчитывалось 43 гончарных производства³⁵. По архивным документам удалось восстановить круг имен некоторых челябинских гончаров с указанием года рождения и места работы³⁶:

- Ложкин Никита Петрович (1852 г. р., Володарского, 10);
- Ложкин Петр Никитович (?);
- Ложкин Александр Гаврилович (? Горшечные ряды, 9);
- Горуев Иван Ефимович (1873 г. р., Володарского, 12);
- Вахрушев Иван Данилович (1875 г. р., Горшечные ряды, 4);
- Горелов Петр Иванович (1884 г. р., Свободы, 39);
- Ревников Александр Акимович (1892 г. р., Горшечные ряды, 2);
- Корьетов Георгий Андреевич (1903 г. р., Могильниковская, 107);
- Зыков Иван Андреевич (1906 г. р., Горшечные ряды, 5).

Адреса местоположения домов (одновременно служащих мастерскими) подтверждают наличие целого куста мастерских, расположенных в заречной части города. Двое мастеров: А. А. Резников, И. Е. Горуев имели при себе учеников. Династия гончаров Ложкиных плодотворно работала в городе Челябинске, имела свою мастерскую, чья деятельность зафиксирована В. А. Весновским в городском справочнике³⁷.

Южнее г. Челябинска выделяется следующий керамический центр — Чебаркульский (с. Кундравы, Варламово, Шабунино и др.), где добывалась высококачественная черная, светло-голубая и красная глина³⁸. Музейный коллекционный материал позволяет отметить характерную форму и поливу чебаркульской керамики. Помимо распространенных глиняных сосудов: кринки, горшки, корчаги, в Чебаркульском районе выделяется своеобразная форма кубышки или бутылки, предназначенной для хранения льняного масла — с округлым туловом, сужающимся книзу и кверху, с узкой высокой горловиной, покрытые зеленой поливой различных оттенков. Кубышки отличаются выразительностью пластичного объема и звучностью насыщенной цветовой гаммы поливы. Гончарами села Варламово была отработана форма кружки со сливом и ручкой, покрытой красной поливой.

Иные вариации традиционных гончарных формы обнаруживаем в керамике г. Верхнеуральска Оренбургской губернии. Образцы, датированные концом XIX — началом XX в., выполненные мастером Рухмалевым, отличаются архаичностью шаровидных форм. Предельно выразительны силуэты округло-вытянутых белоглиняных сосудов с узкой шейкой и профилированным раструбом, многие из них не покрыты глазурью — сохраняют матовость фактуры и естественный цвет глины. Лаконичным украшением служат контррельефные полосы под венчиком горловины и на тулове сосуда. Если на лепная керамика древних археологических культур Южного Урала отличается насыщенностью орна-

ментальных мотивов (от геометрического до зооморфного), то народное гончарство XIX — начала XX века, сохранив устойчивые, оправдавшие себя в быту посудные формы прошлых веков, предельно лаконичны в своем декоративном оформлении.

Гончарство, пройдя многовековую эволюцию производства, обогатилось новыми способами обработки глины. С началом использования ручного, а затем ножного гончарного круга, появилась возможность с помощью динамичного и ритмичного вращения круга создать симметричную форму сосуда с ровной и гладкой поверхностью. Орнаментация сосудов, как правило, ограничивалась графичными контррельефными рядами полосок — прямых, реже волнистых линий. Но отсутствие орнамента не умаляет художественного значения гончарных изделий, созданных по своим законам — законам выразительности природного материала, дающего пластику, объем, фактуру. Качество глины во многом предопределяло и художественное качество, образность изделий.

В результате проведенного анализа развития гончарного ремесла на Южном Урале, подведем некоторые итоги. Источниковедческая база в совокупности (архивные материалы, данные статистики и экспедиционных обследований, записанные легенды, воспоминания старожилов, музейные памятники народного гончарства) послужила основанием для восстановления местонахождения и ареала распространения гончарного производства в Оренбургской и близлежащих к ней Пермской, Уфимской губерниях (в пределах нынешней территории Челябинской области). Центры гончарного производства располагаются в районах глиняных месторождений, что объясняется доступностью сырья — глины, а также леса, необходимого в качестве топлива при обжиге изделий. Северо-восточнее Оренбургской губернии таким центром, как отмечалось, являлась Бродокалмакская волость. Возможно, отсюда промысел распространился в другие районы Челябинского уезда (с. Есаульское, Миасское, Долгодеревенское), в районы Чебаркульского поселения (с. Кундравы, Варламово), Верхнеуральска (с. Шабунино) и на юг губернии (Варна, Агаповка, Карталы) — в районы с хорошей сырьевой базой.

В настоящее время во многих музеях областных городов, районов сосредоточены местные этнографические коллекции народного гончарства Южного Урала, по которым можно представить характер развития и локальные особенности этого промысла. Южноуральская керамика по художественному стилю и способам технологии производства близка к гончарству среднерусской полосы, для которой, по определению Е. Н. Хохловой, характерны «плавные линии, округлые упругие объемы; классическая строгость форм» и в которой «не привились ни многоцветная орнаментальная роспись, характерная для керамики южной России, ни изысканная сложность восточных форм, ни суховатая четкость отделки западных изделий»³⁹. Традиционные формы гончарных сосудов (кринки, горшки, корчаги) — многовариативны по пропорциям, пластичности лепки, величине объемов, цветовому решению поливы (однослойной или двух-трехслойной, когда ис-

пользуется несколько глазурей, например, порошок медной окиси, дающий зеленый цвет, сочетался со свинцовой, дающей красный или желтый и белый цвет, если черепок до обжига обливался жидкой белой глиной). Подобные многослойные изделия особенно выразительны и привлекают внимание исследователей. В музейных коллекциях встречаются сосуды с ярко-блестящей глазурованной поверхностью, так называемая «муравленая» посуда, получаемая в условиях, когда перед обжигом посуду поливали крепким раствором соли⁴⁰. С этим способом также были знакомы южноуральские мастера. Строгая пропорциональность и лаконичность форм сосудов гармонично соотносились с насыщенным цветом глазури и сдержанной графичной орнаментацией, что рождало гармоничный художественно-пластический образ утилитарно-необходимого предмета.

Изделия гончарного производства практически до середины XX в. были востребованы. Исторически сложившиеся центры гончарного производства на Южном Урале имели высококачественную сырьевую базу, большой объем производства и широкие рынки сбыта на многочисленных Уральских ярмарках. На протяжении столетий мастера сохраняли преемственность: из поколения в поколение передавали знания, умение и секреты гончарного дела, совершенствовали художественный уровень изделий.

Традиционное народное гончарство способствовало появлению ряда заводов по выпуску терракотовых и изразцовых изделий на Урале — изразцовый и фаянсовый завод в Оренбурге (с 1863 г.), керамический завод В. В. Лоренсова в Челябинске (с 1910 г.). Челябинское производство по выпуску изразцовых и терракотовых изделий имело достаточно высокий художественный уровень. Об этом свидетельствуют как иллюстрированный прейскурант 1911 года (где приводятся цветные иллюстрации двадцати видов печей и каминов с предлагаемыми вариантами облицовки: глазурованные, белые и одноцветные, эмалированные, терракотовые, майоликовые), так и сохранившиеся изразцовые печи в бывшем особняке Михаила Петровича Архипова (купца, владельца крупных мельниц в Челябинске и его округе), а также оригинальные фрагменты изразцовых плиток, хранящиеся в областном краеведческом музее (многие из которых, с клеймом завода В. В. Лоренсова)⁴¹.

Имя Всеволода Васильевича Лоренсова появляется на страницах уральского справочника

Клеймо завода В. В. Лоренсова

«Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1910 год», где он представляется владельцем большого производства изразцовых и терракотовых изделий из огнеупорного кирпича⁴². Для выпуска керамической плитки использовалась высококачественная белая глина месторождений села Долгодеревенское. Продукция завода отличалась разнообразием художественной стилистики и была ориентирована на различные вкусы потребителя. Печи архиповского особняка имеют строгую вытянутую форму с двумя карнизными поясами и фронтоном различной конфигурации: витиеватую с завитками в стиле неорококо или строгую лаконичную ампирического стиля, но предпочтение отдавалось модерну — стилю, получившему повсеместное распространение в начале XX столетия. В растительном орнаменте рельефной изразцовой плитки преобладали текущие линии, плавно переходящие друг в друга. Стилизация растительного узора основывалась на изломах, сплетениях льющихся линий цветочных стеблей. Мотив линии оказался наиболее предпочитаемым у художников — приверженцев модерна. Нередко среднюю часть печей мастера украшали прямоугольными вставками и сюжетными композициями, такими как пасторальные сценки, изображающие пастухов и пастушек на лоне природы. В цветовой стилистике модерна распространение получили приглушенные, дымчатые глазури различных оттенков коричневого, кремового, болотного, бледно-зеленого колера. Рисунок керамических плиток не повторялся строго по готовым образцам изразцовых печей и каминов, а свободно варьировался на вкус заказчика.

Изысканные формы и мотивы рельефных изразцовых печей особняка гармонируют с лепным орнаментом зальных плафонов. На широких потолочных фризах одной из комнат западной стороны особняка сохранился лепной декор: сочные льющиеся линии образуют веер извивающихся стеблей, листьев и бутонов лилии, нарцисса, бульдонежа. Но органичную динамику лепного рисунка останавливают строгие горизонтальные фризовых и карнизных поясов плафона и изразцовых печей: модерн словно спорит с отголосками неоклассицизма, с его основным принципом симметрии и ясности архитектурных членений. Спокойствие и равновесие внутреннему пространству придают живописные панно на плафоне, расположенные с четырех сторон и заключенные в горизонтально вытянутые, овалообразные лепные обрамления. Поток света, идущий из больших оконных проемов, отражался на былой блестящей поверхности печных изразцовых плиток и преобразовывал воздушную среду интерьерного пространства. Архитектурный ансамбль особняка М. П. Архипова представляет уникальный комплекс, вобравший в себя достижения не только архитекторов и строителей, но и кузнецов, лепщиков, изразечников.

Плодотворная деятельность южно-уральских гончарных традиционных мастерских и керамических производств в дальнейшем послужило основой для профессионального мастерства нового поколения керамистов XX века, и способствовало открытию в 1963 году фарфорового производства в г. Южноуральске Челябинской области, с которого уже начинается новая страница истории.

Примечания

1. Дурылин, С. Н. Челябинские курганы // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. — Книга I. — Челябинск: Издание музея и общества изучения местного края, 1927; Клер О. Я. Предварительная заметка об открытии животных на сосуде неолитической эпохи на Урале // Записки УОЛЕ. — Вып. 22. — 1900. — С. 224—225; Минко Н. К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде Оренбургской губернии в 1906 г. // Записки УОЛЕ. — Т. 26. — Екатеринбург, 1907. — С. 105—112; Теплоухов Ф. А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных. С 3-мя табл. // Пермский край: сб. сведений о Пермской губернии, издаваемый Пермским губернским статистическим Комитетом / под ред. Д. Смышляева. — Т. 2. — Пермь, 1893.
2. Дурылин Указ. соч. — С. 66.
3. Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля. ГИМ. — Вып. 10. — М., 1940; Кипарисова Н. П. Чебаркульская неолитическая стоянка // КСИИМК. — Вып. 59. 1955; Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических местных племен // КСМА, — Вып. 131. — № 4, 1965. — С. 36—45; Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. — М., 1967; Крижевская Л. Я. Южноуральская экспедиция // Археологические открытия 1966. — М., 1967. — С. 108—110; Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. — М., 1976.
4. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. — СПб., 1762. — С. 257—259. В дальнейшем уральский историограф XIX в. В. Н. Шишонко повторяет факт, зафиксированный П. И. Рычковым. См.: Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263 по 1881: в 7 кн. — Т. 5. — Пермь, 1881—1889. — С. 59.
5. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук. — Т. 6. — СПб., 1824. — С. 241; Т. 7. — СПб., 1825. — С. 123—127 — Гл. VIII. Глина.
6. Паласс П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. — Ч. 2. Кн. 2. — СПб., 1786. — С. 67—94; Он же. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Ч. 3. — Кн. 1, 2. — СПб., 1788.
7. Лепехин И. И. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук, по предложению ее Президента. — Т. 4. — СПб., 1822. — С. 198.
8. Там же.
9. Зырянов, А. Н. Выделки глиняной посуды (1870 г.) // Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии. — Ч. 2. — Шадринск, 1997. — С. 3—9.
10. Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г. — Оренбург, 1865; Справочная книжка по Оренбургской губернии на 1884. — Оренбург, 1884; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1896, 1898, 1899, 1900 гг.; Уральский торгово-промышленный адрес-календарь. — Пермь, 1906, 1909, 1911, 1913, 1914, 1915, 1925; Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1910, 1912; Троицк и его уезд. Справочник и адрес-календарь на 1912—1913 гг. — Троицк, 1912.
11. Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка // Записки УОЛЕ. — Т. 10. — Вып. 3—4. — Екатеринбург, 1887. — С. 67—68; Хохлова Е. Н. Кустарные промыслы на Всероссийских промышленных выставках XIX — начала XX вв. // Народные основы искусства художественных промыслов: сб. научных трудов НИИ ХП. — М., 1981. — С. 117—125.
12. ОГАЧО. Ф. 627. Оп. 3. Д. 279. Л. 3. Материалы Приуральского общества изучения местного края за 1918—1919 гг.
13. ОГАЧО. Ф. 627. Оп. 3. Д. 284. Л. 6. Доклад И. Г. Горохова, 1923 г.; Д. 279. (Материалы Приуральского общества изучения местного края за 1918—1919 гг.); Д. 283. (Доклады И. Г. Горохова, 1922 г.); Д. 284. (Доклад И. Г. Горохова, 1923 г.).
- Статья опубликована, см.: Приложение к газете «Советская правда». — 1924. — № 218. — 25 сент. (ОГАЧО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 266). Программа по собиранию предметов быта местного края изложена С. Н. Дурылиным в докладе «Чего мы не знаем» (Архив ЧОКМ, НВ-3448, А-3780. Пр. 133). О Сергее Николаевиче Дурылине (1886/7—1954) см.: Савина Н. Е. Пионеры краеведения // Рифей. — Челябинск, 1990. — С. 128—137; Шабалин С. М. Дурылин и Челябинск // Музей и художественная культура Урала: сб. докл. науч.-практич. конф. — Челябинск, 1991. — С. 68—75; Боже В. С. Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.): справочное пособие. — Челябинск, 1995. — С. 111—113; В. С. Боже. Ремесленники дореволюционного Челябинска: численность, состав, специализация // Народное искусство Южного Урала: сб. материалов науч.-практич. конф. / авт.-сост. Н. М. Шабалина. — Челябинск, 1998. — С. 53—58.
14. Труд и быт рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII — начала XIX вв. Путеводитель по выставке // ГИМ. — М., 1927; Уральская выставка ГИМ // Северная Азия, 1928. — № 1; Историко-бытовые экспедиции 1949—1950 гг. // Труды ГИМ. — Вып. 23. — М., 1953. После 20-летнего перерыва, в 1949 г. ГИМ осуществил следующую экспедицию на Урал под руководством Н. Р. Левинсон по теме: «Домашний быт и формирование заводского пролетариата Урала второй половины XIX—XX вв. и образцы местных производств, заводов и ремесленников». В обследованные районы вошли южно-уральские города: Касли, Кыштым, Карабаш, Верхний Уфалей. В числе привезенных экспонатов предметы быта: тканые половики, образцы кружев, изделия из дерева, металла, сундуки.
15. ГИМ. ОПИ. Ф. 434. Оп. 1. Материалы уральских историко-бытовых экспедиций ГИМ, 1925—1927, 1929, 1949, 1951, 1961 гг.; ВМДПИНИ. Ф. 4. КН. 25249/299. Оп. 1. КО № 299. Л. 22.
16. Бирюков, В. П. Художественные промыслы на Урале. 1935 (рукопись) — Библиотека научно-исследовательского института художественной промышленности. — Т. 745 (С) 1 Б 64; Там же: Бобылев В. Д. Художественные промыслы на Урале до революции. Без даты, рукопись. В. П. Бирюковым дана характеристика пяти промыслов: каменно-резного, металло-издельного, деревообрабатывающего, текстильного и гончарного, существовавших на Урале в пределах бывшей Пермской губернии (названия промыслов приводятся в авторской редакции). Данные составлены краеведом на основе земских отчетов и других изданий XIX века.
17. Гусев, В. Е. Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала (по материалам экспедиций Челябинского пединститута в 1952—1953 гг. // Ученые записки ЧГПИ. — Челябинск, 1956. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 235—258; Турбин А. Г. К истории русских крестьянских переселений на Южном Урале в XVII — первой половине XVIII в. // сб. статей по краеведению и истории географии. — Челябинск, 1963; Турбин А. Г. Южноуральские говоры: учебное пособие. ЧГПИ / под науч. ред. Л. А. Глинкиной. — Челябинск, 1979.
18. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. — М., 1978; Бобринский А. А. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. / под ред. А. А. Бобринского. — Самара, 1999.
19. Маслова, Г. С. Гончарство русского населения Восточной Сибири // КСИЭ. — Т. 37. — 1962.

20. Народное искусство Южного Урала: из собраний Челябинской областной картинной галереи, Челябинского областного краеведческого музея, Музея декоративно-прикладного искусства Урала, Этнографического музея Челябинского государственного университета при историко-археологическом центре «Аркаим» / авт.-сост. и автор вступительной статьи Н. М. Шабалина. — Челябинск, 1997. — С. 38—49. Раздел «Гончарство и глиняная игрушка»; Н. М. Шабалина Народное искусство Южного Урала // Сб. материалов науч.-практич. конф. — Челябинск, 1998.
21. Шабалина Н. М. К вопросу истории развития керамического производства в Челябинске и его округе. // Исторические чтения. Материалы научной конференции «Культура Челябинска: поиски и находки» (1998) / Центр историко-культурного наследия Челябинска. — Челябинск, 2000. — С. 26—34.
22. Экспедиции Челябинской областной картинной галереи проводились под руководством автора в 1995 и 1997 гг.
23. Полевые материалы экспедиции автора в Красноармейский район Челябинской обл., сентябрь 1995 г. (информаторы: Н. А. Бекленицев; 1927 г.р., А. П. Пашнин 1932 г.р.; И. И. Филимонова 1925 г.р.).
24. По статистическим данным начала XX в. в Бродокалмакской волости отмечено 12 гончарных хозяйств, а по Шадринскому уезду — 61. См.: Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда Пермской губернии. — Пермь, 1915. — С. 76.
25. Полевые материалы экспедиции автора в Красноармейский район Челябинской обл., июнь 1997 г. (информаторы: Н. А. Бекленицев, 1927 г.р.; А. П. Пашнин 1932 г.р.).
26. Форма и лепка глиняной игрушки была показана мастером А. П. Пашниным во время экспедиционного выезда 1997 г. См.: Шабалина Н. М. Просто и со смекалкой // Народное творчество. — 2000. — № 4. — С. 20—21.
27. Шабалина Н. М. К вопросу истории... — С. 31—34.
28. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1906, 1909, 1911, 1913, 1915, Пермь.
29. Улицы Челябинска : справочник. — Челябинск, 1989.
30. Народное искусство Южного Урала... Раздел «Гончарство и глиняная игрушка». — № 64—68.
31. ЧОКМ — экспонат поступил в 1924 г. от А. Н. Казанцева, г. Челябинск.
32. Калмыкова Л. Э. Народное гончарство Московской области XIX — начала XX в.: каталог собрания. — М.: Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, 1995. Кат. № 8, 9.
33. ЧОКМ. В/Х 3534. Пост. В 1933, г. Челябинск
34. Уральский торгово-промышленный справочник. — Пермь, 1925. — С. 314.
35. ОГАЧО. Ф. Р-205. Оп. 1. Д. 7, 14. Анкетная книга Челябинского городского общества кустарей и ремесленников одиночек, 1926—1932 гг.
36. Весновский, В. А. Весь Челябинск и его окрестности: карманный справочник. — Челябинск, 1909. — С. 117.
37. Чебаркульские огнеупорные глины добывались в Барановском, Дмитровском, Петровском месторождениях и разрабатывались для Златоуста и фарфоровых заводов России. См.: Уральский торгово-промышленный справочник. — Пермь, 1924. — С. 199. Также данные по месторождениям глин приводятся по источнику: матлы для сборника «Полезные ископаемые Челябинского округа». Автор — горный инженер И. Н. Балыков, 1934 // ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 317; Солодкий Н. Ф. Керамическое сырье Среднего и Южного Урала // Керамическая промышленность. Керамическое сырье Урала и Сибири. По материалам научно-технического семинара «Керамика-93». Вып. 1—2. — М., 1994. — С. 2—9.
38. Хохлова Е. Н. Русское гончарное искусство // Декоративное искусство. — Вып. 6. — М., 1983. — С. 246.
39. На использование уральскими гончарами «муравь» указывал И. П. Фальк: Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька. — Т. 7. — СПб., 1825. — С. 127. Также см.: Понамарев Н. Кустарные промыслы в России. — СПб., 1900. — С. 41.
40. Прейскурант завода изразцовых и терракотовых изделий Всеволода Васильевича Лоренсова в г. Челябинске Оренбургской губернии. — Варшава, 1911.
41. Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1910. — Оренбург, 1910. — С. 92.

Поступила в редакцию 11 июня 2010 г.

ШАБАЛИНА Наталья Михайловна Шабалина, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Дизайн» Южно-Уральского государственного университета. Автор более 50 научных статей, около 30 музейных экспозиций. Принимала участие во всероссийских и международных научных конференциях. Область научных интересов: декоративно прикладное искусство и художественная промышленность, народное традиционное искусство. E-mail: sha.62@mail.ru

SHABALINA Natalia Mikhailovna is Cand.Sc (History), Associate Professor of the Design Department of South Ural State University. She is author of more than 50 scientific articles and 30 museum expositions, participated in Russian and international scientific conferences. Research interests: decorative applied arts, artistic industry and national traditional art. E-mail: sha.62@mail.ru

Политология и социология

УДК614(470.5)
ББК С55.47

ИЗУЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ И СОХРАНЕНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Н. В. Бредихина

RESEARCH OF STATE OF HEALTH AND ITS PRESERVATION AMONG SOUTH URAL POPULATION

N. V. Bredikhina

Статья посвящена проблеме состояния здоровья и распространения здорового образа жизни среди населения Челябинской области. В статье указывается, что «здоровый человек» воспринимается населением как визуально, по внешнему облику, так и по внутреннему состоянию. Понимание «здоровья» и способы его достижения существенно различаются в зависимости от социально-демографических факторов.

Ключевые слова: социология здоровья, состояние здоровья, гендерные аспекты, экологические факторы.

The article deals with the problem of health state and propagation of healthy way of life among Chelyabinsk region population. The author indicates that a healthy person is perceived by population both by appearance and inner state. Notion "health" and ways of its achievement vary depending on socio-demographic factors.

Keywords: health sociology, health state, gender aspects, ecological factors.

В рамках современной социологии уже получили широкое распространение понятия, связанные с изучением здравоохранения, здоровья, медицины. В отечественной социологической науке активно развиваются такие отрасли социологического знания как: «социология медицины», «социология здоровья», «медицинская социология».

Проблемы, исследуемые этими отраслевыми областями, несомненно, актуальны в современном российском обществе, так как связаны со здоровьем населения, профилактикой заболеваний, ролью больного в процессе лечения и выздоровления, организацией медицины и здравоохранения, с изучением факторов, которые приводят к заболеванию, улучшением качества жизни, качества здоровья, доступа к здоровью, с формированием ориентаций и установок на здоровый образ жизни.

Широкую известность в рамках этого направления получили работы по «социологии здоровья» Е. В. Дмитриевой, И. В. Журавлевой, В. Н. Иванова и В. М. Лупандина, по «социологии медицины» А. В. Решетникова, А. М. Изуткина, В. П. Петленко, Г. И. Царегородцева.

Данные социологических исследований позволяют получать четкое представление о понимании населением ценности здоровья, способах его укрепления, лечения болезней и роли здравоохранения и медицины в решении этих задач. Также позволяют формировать программы в области здравоохране-

ния, социального развития, образования, которые будут актуальны, востребованы и эффективны.

Прежде чем говорить о факторах, влияющих на формирование здорового образа жизни и сохранение здоровья, рассмотрим актуальное и деятельностное измерение первого.

Говоря об актуальном измерении отношения к здоровому образу жизни, мы изучали помимо состояния здоровья и ориентации населения на выполнение тех или иных требований здорового образа жизни.

Нас интересовал вопрос о том, как представляют респонденты здорового человека. Мнение населения области и экспертов по этому поводу совпали. Мы получили некую идеальную «модель» здорового человека: это человек, который никогда не болеет, не имеет хронических заболеваний; не жалуется на свое здоровье, хорошо выглядит. В представлениях населения области о здоровом человеке выявились значимые гендерные различия. Так, для опрошенных женщин характерен акцент презентативных показателей (характеристики внешнего вида) в то время, как опрошенные нами мужчины чаще фокусировали свое внимание на показателях активности и работоспособности. Иначе говоря, мы можем выделить два гендерных аспекта социальных представлений респондентов об их здоровье и здоровом человеке: «феминный» и «маскулинный». Первый аспект говорит о том, что быть здоровым, — значит

проявлять активность, бодрость, сохранять работоспособность в реальных социальных условиях. Второй свидетельствует о том, что быть здоровым, — значит хорошо выглядеть

Значимым фактором в конструировании социальных представлений о здоровом человеке явился возраст респондентов. Так, представители более молодежной группы (14—25 лет) дали наиболее высокие показатели таким характеристикам, как успешность, благополучие, в то время как респонденты, входящие в более старшие группы, выбрали такие характеристики, как хорошее самочувствие, отсутствие болезней. Данные нашего исследования подтвердили результаты исследования, проведенного О. С. Васильевой и Ф. Р. Филатовым в Северо-Кавказском регионе по такому показателю как роль гендера в формировании социальных представлений о здоровом человеке¹. Создается впечатление о том, что у большинства респондентов возникает четкий визуальный образ здорового человека, словно сошедший с экрана телевизора или рекламного ролика, что говорит о тенденции к визуализации. Таким образом, чаще всего здоровый человек определяется нашими респондентами либо по соматическим характеристикам, либо по тому, как выглядит, воспринимается другими людьми.

Исследование показало, что каждый двадцатый респондент считает себя полностью здоровым человеком (5,3 %); а 27,9 % респондентов отметили, что имеют отклонения в здоровье; 8,8 % считают себя нездоровыми людьми.

Все это свидетельствует о недостаточно высоком уровне физического здоровья респондентов. При этом социальное и психологическое благополучие опрошенных находится на несколько более высоком уровне, хотя и далеко от желаемого.

Приведенные данные говорят о том, что подавляющее большинство опрошенных не могут говорить о том, что являются полностью здоровыми людьми (особенно если принимать во внимание определение здоровья как физического, психического и социального благополучия). К тому же, 33,6 % жителей области имеют хронические заболевания.

По оценкам экспертов, к числу главных факторов и условий, оказывающих негативное воздействие на здоровье населения области, относятся стрессы и нагрузки, неблагоприятная экологическая обстановка, снижение уровня жизни, вредные привычки, на них указали более 50 % опрошенных. Южный Урал считается одним из самых экологически неблагоприятных регионов страны. Промышленное развитие Челябинской области без учета экологической нагрузки, а также недальновидное проектирование предприятий, основанных на экологически вредных технологиях, создали крайне опасные зоны для жизни людей. Как отмечает Л. П. Бердник, «с 1949 г. на Восточно-Уральской территории радиоактивного загрязнения подвергались радиоактивному воздействию 436 тыс. человек, в том числе почти половина — жители Челябинской области². Кроме того, катастрофическая нехватка финансовых средств приводит к снижению качества медицинского обслуживания. Факторы, влияющие на здоровье человека, приведены в табл. 1.

Исследование показало, что по большинству показателей мнение экспертов и населения совпадают. Настораживает недооценка медицинскими работниками такого фактора, как предоставление населению низкого качества медицинского обслуживания. На этот фактор указало лишь 7,7 % экспертов. Действительно, этиология формирования заболеваемости населения лежит в основном за пределами института здравоохранения. Вместе с тем, здравоохранение может внести реальный вклад в позитивные сдвиги показателей заболеваемости населения за счет реализации вторичной профилактики заболеваний — оказания высококачественной медицинской помощи при их возникновении; обеспечения полной экспертизы состояния здоровья при любых контактах с населением; выявления ранних стадий заболевания. Таким образом, вопрос о влиянии института здравоохранения на здоровье чрезвычайно актуален, тем более, что большинство жителей Челябинской области (до 90 % опрошенных) продолжает активно контактировать с его различными структурами. Однако мы можем заметить тенденцию к снижению таких контактов среди взрослого населения. Так, 52,8 % респондентов указало на то, что в случае болезни займется самолечением, а 14,6 % опрошенных будут лечиться нетрадиционными методами.

Исследование показало, что каждый десятый житель области постоянно болеет, каждый двенадцатый — один раз в месяц и каждый третий опрошенный — один раз в год. Основная масса больных людей характеризуется низким уровнем дохода, что приводит к низкому качеству жизни.

Что касается детей и молодежи, то на них помимо перечисленных факторов, на наш взгляд, негативно влияет отсутствие трансляции культуры здоровья в учебных заведениях и пропаганда вредных привычек с помощью рекламы и средств массовой информации. Для формирования стойкой позиции в отношении собственного здоровья и здоровья окружающих для подрастающего поколения особенно важен пример окружающих его взрослых.

Наше исследование показало, что наблюдается тенденция к снижению возраста употребления наркотиков. Так, 8,1 % жителей Челябинской области и 3,9 % экспертов — медицинских работников считают, что употребление наркотиков уже широко распространено среди детей младшего школьного возраста (7—11 лет). 62,5 % респондентов указали на то, что употребление наркотиков является серьезной социальной проблемой для жителей области.

В подростковом возрасте отмечается интенсивный рост употребления спиртного, наблюдается тенденция раннего употребления алкоголя. 56,0 % опрошенных нами жителей Челябинской области и 38,5 % экспертов — медицинских работников считают, что употребление алкоголя является нормой для подростков в возрасте 11—17 лет. При этом употребление спиртных напитков не воспринимается большей частью подростков и молодежи как порок. 72,3 % респондентов отметили пьянство, включая пивной алкоголизм, как важную социальную проблему для жителей Челябинской области.

Курение также входит в число факторов, разрушительно действующих на дыхательную и

Мнения респондентов о факторах, влияющих на здоровье человека
(в % к числу опрошенных)

Факторы	Население Челябинска	Сельское население	Медицинские работники	Специалисты по пропаганде ЗОЖ	Представители органов власти
Субъективные (индивидуально-личностные)					
Плохая наследственность	28,1	32,6	25,0	25,9	24,5
Стрессы, нагрузки	59,2	57,2	44,2	50,0	58,5
Вредные привычки: пьянство, курение, употребление наркотиков	55,7	54,5	76,9	44,4	67,9
Неправильное питание	18,9	16,8	32,7	14,8	13,2
Низкая физическая активность	18,7	15,1	13,5	42,6	35,8
Плохие бытовые условия	9,7	10,0	3,9	1,9	13,2
Объективные факторы					
1. Социальные факторы					
Низкое качество медицинского обслуживания	33,5	33,6	7,7	13,0	30,2
Платная медицина	26,0	25,6	11,5	18,5	24,5
Недоступность новых, современных видов медицинской помощи	15,7	14,4	15,4	7,4	17,0
Отсутствие государственных программ, направленных на укрепление здоровья	12,7	13,4	50,0	31,5	30,2
Плохая организация профилактики заболеваний детей	12,7	9,7	13,5	18,2	24,5
Пропаганда вредных привычек в СМИ	11,9	8,3	13,5	13,0	20,8
Отсутствие системы профилактических осмотров на предприятиях	4,6	3,4	9,6	3,7	9,4
Плохие условия труда на предприятиях и в учреждениях	8,1	7,3	3,9	3,7	7,6
Недоступность спортивных и оздоровительных заведений из-за высокой платы	10,5	5,8	5,8	11,1	7,6
Низкий уровень доходов населения	34,9	39,4	63,5	40,7	49,1
Недостаточная пропаганда ЗОЖ	5,1	4,4	11,5	24,8	28,3
Распространение социально-значимых болезней	18,4	17,8	17,3	14,8	18,9
2. Экологические факторы					
Общее загрязнение окружающей среды	60,5	56,5	79,5	72,2	69,8
Выбросы промышленных предприятий	60,0	38,0	59,6	55,6	49,1
Плохое качество воды	30,5	33,1	32,7	27,8	45,3
Повышенный уровень радиации	22,7	42,3	23,1	16,7	20,8
Неблагоприятный климат	6,8	8,0	3,9	5,6	11,3
Малое количество зеленых насаждений	7,0	2,9	1,9	3,8	1,9

нервную систему человека, особенно подростков и молодежи. 59,8% жителей области отметили табакокурение как важную социальную проблему вне зависимости от типа поселения. Однако при этом курит каждый третий опрошенный нами житель области, а каждый второй высказал мнение о том, что из всех вредных привычек именно табакокурение отрицательно сказывается на здоровье человека. Сегодня «молодеет» и возраст курильщика. 69,8% респондентов считает, что табакокурение стало обычным явлением в подростковой среде. Наше исследование подтвердило данные исследований, проведенных в Челябинской области А. Н. Григорьевой и в Свердловской области С. В. Тачиной в 2002—2004 гг. по проблеме вредных привычек в подростковой и молодежной среде³.

Таким образом, говоря о мере выполнения такого требования здорового образа жизни, как отказ от вредных привычек, можно зафиксировать тот факт, что вредным привычкам в той или иной мере подвержено до 60% опрошенного нами населения Челябинской области.

Возникает вопрос о том, что необходимо сделать, чтобы избавить население области от вредных привычек? Ответ на него мы получили в ходе опроса экспертов. Они заостряют внимание на четырех, казалось бы, простых мерах: пропаганде здорового образа жизни; профилактической работе с населением; развитие физкультуры и спорта; повышение уровня жизни населения.

Вместе с тем, мы прекрасно понимаем, что комплексное решение этой социальной проблемы

невозможно без взаимодействия института здравоохранения, образования и органов власти федерального и местного значения. Не может не беспокоить тот факт, что институту семьи эксперты отвели столь незначительную роль (3,9 и 1,9 % соответственно). Однако, на наш взгляд, подобный подход к борьбе с вредными привычками является не совсем верным. В настоящее время усилия общественности, к сожалению, главным образом направлены на борьбу с последствиями тех социально-экономических и культурных условий, в которых был сформирован и продолжает формироваться человек. А поэтому профилактические меры в большинстве случаев носят «пожарный» характер.

Помимо отказа от вредных привычек здоровый образ жизни предполагает выполнение и других требований. Общеизвестно, что уровень физической подготовленности и развития является одной из характеристик здоровья. Отслеживать этот уровень для его поддержания и коррекции необходимо регулярно, систематически, используя при этом специальные тесты, нормативы, показатели.

Тем не менее, выполняет это важное требование лишь каждый десятый респондент. Практически никто из опрошенных не имеет необходимых знаний по диагностике уровня своей физической подготовленности. Ориентация на собственные ощущения при оценке своей физической подготовленности, безусловно, играет определенную роль, но не имеет под собой научной базы. Тем самым, выработка навыков самодиагностики человека является одним из важных направлений формирования здорового образа жизни.

Если говорить о необходимости оценки уровня своего здоровья и физической подготовленности, то не стоит упускать из внимания и принцип двигательной активности человек как один из важных, основополагающих принципов здорового образа жизни. В большинстве случаев человек реализует свою потребность в двигательной активности благодаря занятиям физкультурой и спортом. Наше исследование показало, что занимается физкультурой и спортом самостоятельно 20,4 % опрошенных жителей Челябинской области и еще 12,9 % респондентов посещают спортивные клубы и секции.

Одним из требований здорового образа жизни является использование различных профилактических и лечебных средств для улучшения физического состояния человека. Данные, полученные в ходе исследования, весьма показательны.

Таким образом, очевидны приоритеты двух групп в области применения различных средств для улучшения здоровья. Наиболее популярны у населения отсутствие вредных привычек, прогулки, баня и сауна, употребление витаминов, БАД, рациональное питание, соблюдение режима дня, физкультура и спорт, средства улучшения физического состояния.

Отраден тот факт, что практически каждый второй житель Челябинской области считает отсутствие вредных привычек важным средством укрепления здоровья. Однако знания здесь не являются основой для формирования здорового образа жизни.

Также значительную роль в улучшении здоровья играет утренняя зарядка, посещение врача с целью профилактики, закаливающие процедуры. Все это свидетельствует об ориентации населения области на использование всего арсенала методов, способствующих сохранению и укреплению здоровья, формированию здорового образа жизни. К сожалению, процент таких респондентов невелик, в среднем 30 % жителей области.

Исследование показало, что такой фактор, как образование, практически не играет роли в выборе жителями области средств для поддержания своего здоровья. Существенную роль в приоритетах респондентов по выбору средств оздоровления своего организма играет материальный фактор, в первую очередь — доход. Так, люди с высоким доходом и доходом выше среднего в два раза чаще посещают спортивные клубы и секции, баню и сауну, рационально питаются, ходят на массаж; в пять раз чаще посещают психотерапевта, в семь раз чаще отдыхают в санатории. Что касается гендерных различий, то, женщины в два раза чаще, чем мужчины отказываются от вредных привычек, принимают витамины и БАД, в три раза чаще принимают успокаивающие и снотворные препараты и в пять раз чаще посещают психотерапевта. Мужчины же практически в два раза чаще используют физкультуру и спорт, баню и сауну как средства, укрепляющие здоровье. Таким образом, мы видим две различные гендерные установки, направленные на сохранение и укрепление здоровья: «самодостаточную», «ресурсную», направленную на поддержание здоровья с помощью активных действий самого человека, свойственную мужчинам, и «поддерживающую», основанную на применении поддерживающих средств, характерную для женщин.

Исследование показало, что мнение населения области и экспертов — специалистов по пропаганде здорового образа жизни по поводу применения средств для сохранения здоровья по большинству позиций совпадают. Однако мы видим существенное расхождение во мнении самих специалистов по пропаганде ЗОЖ, по поводу того, что человеку необходимо принимать и что предпринимают они сами для сохранения здоровья. Налицо существенное расхождение между должным и сущим. Большинство специалистов имеют знания о методах сохранения и укрепления здоровья, однако, в реальной жизни не используют их. Эксперты отметили, что основными причинами, мешающими человеку вести здоровый образ жизни, являются следующие: собственная лень (90,7 % респондентов); наличие вредных привычек (45,3 % респондентов); отсутствие финансов для его поддержания (38,9 % респондентов); отсутствие информации об его формировании (20,4 % респондентов); отсутствие мест для занятий физкультурой и спортом (20,4 % респондентов); реклама табака и пива (20,4 % респондентов); плохое здоровье (16,4 % респондентов); равнодушное отношение к своему здоровью, отсутствие мотивации (11,2 % респондентов).

Таким образом, отсутствие установок на формирование ЗОЖ у большинства населения области является ведущим субъективным фактором, препятствующим его формированию.

Мнение респондентов о средствах, применяемых для улучшения своего здоровья (в % к числу опрошенных)

Средства	Население области (Что делают?)	Специалисты по пропаганде ЗОЖ	
		Что необходимо делать?	Что делают?
Отказ от употребления алкоголя и табакокурения	39,4	64,8	31,5
Прогулки	37,9	20,4	14,8
Баня, сауна	36,5	29,6	11,1
Витамины, биологические добавки	29,2	7,4	9,3
Рациональное питание	22,0	90,7	29,6
Самостоятельные занятия физкультурой и спортом	20,4	33,3	25,1
Соблюдение режима дня	16,9	46,3	11,1
Утренняя зарядка	13,4	25,9	9,3
Спортивный клуб, секция	12,9	55,6	51,9
Систематическое посещение врача с целью профилактики заболевания	12,4	29,6	5,6
Снотворные и успокаивающие препараты	8,7	—	—
Закаливающие процедуры	8,4	35,3	5,6
Массаж	5,6	16,7	9,3
Отдых в санатории	5,3	18,5	1,8
Тонизирующие препараты	5,2	—	—
Психотерапия	0,8	1,9	—
Ничего не делаю	15,3	—	7,4

Все это говорит о том, что в современных условиях необходим поиск оптимального соотношения внешнего воздействия и саморегулирования для решения социальных задач и обеспечения формирования здорового образа жизни, поддержания и сохранения здоровья населения области. Для этого целесообразно использовать имеющийся потенциал институтов семьи, образования, здравоохранения.

Примечания

1. См.: Васильева О. С., Филатов Ф. Р. Психология здоровья человека. — М.: Academia, 2001. — 343 с.

2. Бердник Л. П. Социально-экологическая адаптация населения в условиях радиоактивного загрязнения: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Екатеринбург: Ур. акад. гос. службы, 2005. — С. 18.

3. См.: Григорьева А. Н. Особенности девиантного поведения деструктивной направленности учащихся учреждений начального профессионального образования (Социологический анализ). Уральская социология на рубеже веков: Тенденции. Перспективы развития. — Екатеринбург, 2005. — 166 с.; Тачина С. В. Особенности девиантного поведения подростков // Большой Урал — XXI век. Ч. 1. — Екатеринбург, 2003. — 191 с.

Поступила в редакцию 22 июня 2010 г.

БРЕДИХИНА Наталья Васильевна, родилась в г. Челябинске в 1974 году. В 1997 году окончила исторический факультет Челябинского Государственного Университета. С 1997 года работает на кафедре социологии ЮУрГУ. В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Ориентации населения на здоровый образ жизни: региональный аспект» по специальности социология культуры, духовной жизни. Кандидат социологических наук. Автор одной монографии и более десятка статей.

BREDIKHINA Natalia Vasilievna was born in Chelyabinsk in 1974. In 1997 she graduated from the History Faculty of Chelyabinsk State University. From 1997 she works at the Sociology Department of South Ural State University. In 2006 Bredikhina presented a candidate's thesis "Population orientation towards healthy way of life: regional aspect" in the field of sociology of culture, spiritual life. She is Cand.Sc. (Sociology), author of a monograph and more than 10 articles.

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Н. А. Трегубов

TRANSCENDENTAL BASES OF POLITICAL SYSTEM FUNCTIONING: TO THE PROBLEM DEFINITION

N. A. Tregubov

В статье представлена попытка выявить связь между трансцендентными аспектами бытия человека и общества и характером функционирования политической системы. Выявлена возможность косвенного учета трансцендентного фактора политического структурирования через анализ мировоззренческих оснований общественного устройства. Показано, что ключевые принципы политического взаимодействия религиозного (традиционного) и атеистического (либерального) общества носят диаметрально противоположный характер, что, в сущности, является отражением антагонистичности мировоззренческих принципов, определяющих специфику организации двух этих типов социума.

Ключевые слова: *политическая система, трансцендентные основы политики, политика в религиозном и атеистическом обществах.*

The author makes an attempt to find the connection between transcendental aspects of a person's existence and society and the character of the political system functioning. He also shows that key principles of political interaction of religious (traditional) and atheistic (liberal) society are antipodal.

Keywords: *political system, transcendent bases of politics, politics in religious and atheistic societies.*

В современной науке политическая система общества анализируется по многим параметрам. При этом одним из самых злободневных и дискуссионных всегда оставался вопрос о причинах, обуславливающих качественные различия политических систем в разных странах и регионах. Как представляется, все разнообразие ответов на этот вопрос находится в континууме между двумя противоположными по своему содержанию подходами — «материалистическим» и «идеалистическим». В первом случае разнообразие типов политической организации объясняется воздействием природных материальных факторов (географическое расположение, климат, плодородность почвы и т. п.), а также особенностями адаптации разных обществ к существующим природным материальным условиям существования (уровень развития производительных сил, характер производственных отношений и т. д.)¹. Во втором случае в качестве главного фактора, определяющего ключевые черты политической жизни общества, рассматриваются особенности сознания людей, образующих социум, специфика восприятия ими окружающей политической действительности и своего места в ней². Представляется, что именно в рамках «идеалистического» подхода к анализу качественного своеобразия различных типов политической системы возникают некоторые новые возможности для изучения данной проблемы, недоступные для позитивного научного знания. Пожалуй, главная

из этих возможностей состоит во включении в сферу исследования трансцендентных (выходящих за пределы человеческого опыта)³ факторов, учет которых может быть полезен для выстраивания корректной типологии всех существовавших в истории и современных политических систем, а также для уяснения многих фундаментальных принципов функционирования политий того или иного типа.

Теоретическую и методологическую основу настоящей работы составляют положения дедуктивной археологии, теории традиционного и либерального общества, разработанные методологом гуманитарной науки, историком П. Б. Уваровым⁴, а также основные принципы системного подхода и теории политической системы. В рамках исследования будет представлена попытка обозначить ключевой системообразующий принцип, обеспечивающий качественное своеобразие политических систем разного типа, раскрыть связь этого принципа с трансцендентными аспектами бытия человека и общества, а также рассмотреть специфику влияния этого принципа на функционирование различных типов политической системы. При этом следует оговориться, что настоящая статья носит преимущественно проблемно-постановочный характер, поскольку многие из затронутых в ней аспектов только обозначаются автором на основе «вторичного» анализа значимых для изучения рассматриваемой темы научных изысканий.

К числу основных постулатов классического системного подхода к изучению материальных и идеальных объектов можно отнести ряд следующих утверждений:

1) система есть целостная совокупность взаимосвязанных элементов; целостность системы (наличие у нее качеств и свойств, отсутствующих у отдельных элементов) обеспечивается благодаря устойчивым структурным связям, возникающим между взаимодействующими элементами;

2) все свои основные свойства система приобретает и создает при контакте с внешней средой;

3) поведение взаимодействующей со средой системы может носить пассивный характер, то есть определяться во всех основных пунктах воздействием среды, или активный характер — то есть определяться кроме этого еще и собственными целями системы⁵.

Принято считать, что общество является активной системой. Эта активность обуславливается свойствами основных элементов данной системы — людей, упорядоченное взаимодействие которых и обеспечивает качественное своеобразие общества как системы.

Очевидно, что свобода воли человека (способность в данном конкретном случае поступать независимо от внешних условий, в соответствии с собственным волеизъявлением), а, вслед за ней, и активность общества, зиждутся на способности человека осознавать собственное существование, сознательно формировать цели своей деятельности и упорядочивать свое поведение в соответствии с иерархией этих целей. В свою очередь, иерархия частных целей и задач человеческой деятельности, а также представления о приемлемых способах их достижения определяются в рамках мировоззрения человека, где формулируются ответы на основные смысловые вопросы человеческой жизни. Эти вопросы в явной и скрытой форме задает себе каждый человек. Более того, как представляется, каждый человек дает на эти вопросы более или менее четкие ответы, либо в словесной форме, либо через выбор той или иной долгосрочной модели поведения («ответ делами»). В рамках мировоззрения человек формирует свое представление о мире и существующих в нем ориентирах, без чего осмысленная деятельность по достижению тех или иных целей была бы просто невозможной⁶. При этом, если исходить из идеалистического понимания проблемы человеческой свободы, мировоззрение не навязывается человеку извне, а задается через экзистенциальный выбор личностью того или иного метафизического предельного допущения по поводу природы бытия⁷. Метафизически предельный выбор, в этом смысле, фактически формирует реальность, определяя характер поведения людей в обществе в целом и в рамках отдельных сфер общественной жизни («сознание определяет бытие»). Одним из доказательств «первичности сознания» и, соответственно, невыводимости мировоззрения и качественных особенностей поведения человека из природных и социальных условий его жизнедеятельности можно считать тот факт, что «в одних и тех же условиях близкие по статусным характеристикам люди ведут себя по-разному, а иногда и кардинально по-разному»⁸.

Вопрос о смысле человеческой жизни и прочие мировоззренческие вопросы, по сути, носят трансцендентный характер, поскольку ответы на них не могут быть на сто процентов обоснованы с помощью любого позитивного знания, в том числе знания научного. Следует признать, что наука как система получения конкретных, утилитарных, эмпирических знаний о мире, оказывается принципиально неспособной решать стоящие перед человеком мировоззренческие проблемы. Специфика научного отношения к миру состоит в попытке познать действительность исходя из опытного, индуктивного по своему характеру взаимодействия с ней, и объяснить реальность исходя из нее самой, игнорируя любые трансцендентные сущности. Такой способ познавательной активности обуславливает невозможность получения предельного и целостного знания о бытии ввиду актуальной бесконечности мира⁹ как «вширь» (бесконечность пространства Вселенной), так и «вглубь» (любая исследованная учеными мельчайшая «частица мироздания», состоит, в свою очередь, из еще более мелких частиц — и так до бесконечности).

В связи со всем вышеизложенным следует признать, что, с одной стороны, в рамках научного дискурса невозможен прямой учет влияния на те или иные феномены (общество, политическую систему и т. д.) трансцендентных факторов ввиду неспособности науки получить точное и доказуемое знание о том, что невозможно проверить эмпирическим путем. Однако, с другой стороны, формулируемые в рамках науки теоретические модели анализа общества могут включать рассмотрение трансцендентных факторов в косвенной форме. Это возможно, если исходить из того, что организующим и движущим началом общественных отношений «является точка зрения человека и общества на то, что считать фундаментальным основанием Бытия»¹⁰.

Очевидно, что все мировоззрения в соответствии с отношением к трансцендентным основаниям мироздания могут быть разделены на два основных типа:

1) мировоззрения, имеющие нечеловеческое, божественное происхождение и признающие наличие в мире трансцендентной (божественной) активности («религия»);

2) мировоззрения, имеющие человеческое происхождение и отрицающие влияние на мир любых трансцендентных факторов (их можно условно обозначить термином «идеология»).

При этом такое разделение мировоззрений вытекает из общего социологического закона, сформулированного американским социологом У. Томасом: «Если ситуация определяется субъектом как реальная, то она реальна по своим последствиям»¹¹. Это означает, что исследователь всегда должен исходить из внутренней логики объекта. Необходимо учитывать, что если люди того или иного общества действительно верили в божественное происхождение своих мировоззренческих принципов и пытались жить в соответствии с ними, то поведение этих людей должно анализироваться так, как будто указанные принципы и в самом деле божественны. Иначе действия этих людей просто не получат адекватного объяснения¹².

Суть религиозных ответов на мировоззренческие вопросы состоит в признании того, что мир имеет свое происхождение от Бога и есть продукт того или иного рода активности Бога. Мир рассматривается как статичный стабильный, неизменный в своем устройстве, данном ему Богом. Считается, что мир существует с определенной целью, указанной Богом, и после исполнения своей функции, достижения цели, мир прекратит свое существование в нынешнем виде. В соответствии с этим признается, что человек есть творение Бога, создавшего человека с определенной целью. Смысл и цель человеческой жизни определяется исходя из божественной воли. Считается, что земная жизнь человека — это лишь малая часть его жизни, после которой наступает главная, большая часть; и то, какой она будет, зависит от того, как прошла подготовительная стадия. В результате приемлемым типом поведения в рамках религиозного мировоззрения считается поведение нормативное, соответствующее религиозным предписаниям, обязательное для всех и призванное способствовать достижению предписанной Богом для всех цели жизни¹³.

В свою очередь, идеологические мировоззренческие конструкции основываются на отрицании любого варианта трансцендентного божественного начала, то есть являются по своей сути атеистическими. Атеистическое представление о мире и человеку состоит в признании того, что мир возник стихийно и самостоятельно, без внешних воздействий. Мир рассматривается как динамическая система, которая постоянно изменяется; это изменение видится как подчиненное имманентным внутренним закономерностям, которые, в свою очередь, также могут со временем измениться. Развитие мира рассматривается как стихийный, спонтанный и случайный процесс, не имеющий никакого особого «собственного» смысла. Считается, что мир однажды случайно и бессмысленно (бесцельно) появился и также случайно и бессмысленно когда-то исчезнет. В соответствии с этим, признается, что человек как частица мироздания появился случайно, в процессе стихийной эволюции мира. Земная жизнь человека рассматривается как единственная. В связи с этим признается, что нет и не может быть никакой цели и извне данного смысла человеческой жизни: человек может или сам придумать этот смысл, или вообще отрицать его необходимость, удовлетворившись бессмысленным течением жизни. Поэтому приемлемым типом поведения считается поведение ситуативное: человек вправе удовлетворять свои желания и стремления любыми способами в зависимости от ситуации и возможностей¹⁴.

Если переходить от индивидуального уровня анализа мировоззренческих основ деятельности человека к рассмотрению общества в целом, то можно предложить следующую модель социального взаимодействия как специфического пространства действительности¹⁵:

1) расположенные в пространстве общественных отношений элементы-индивидуумы, которые представляют собой носителей определенного мировоззрения, сформированного в соответствии с осуществленным ими экзистенциальным выбором;

2) индивидуумы осуществляют определенную общественную активность в форме проекции миро-

воззренческих принципов на действительность; при этом проекция мировоззрения индивидов на общественный уровень организации, с одной стороны, формирует социальную реальность в соответствии с определенным эталоном, а с другой, — может подвергаться некоторой корректировке в связи со свойствами этой реальности и происходящими в ней изменениями¹⁶;

3) проекционистская активность неизбежно порождает возникновение устойчивого взаимодействия индивидов, т.е. системы общественных отношений; складывается определенный тип коммуникации на основе доминирования разделяемых всеми или большинством членов общества мировоззренческих принципов (либо религиозных, либо атеистических);

4) в соответствии с установившимся типом коммуникации организуются все сферы общественных отношений — сфера поддержания физического существования (экономика), сфера упорядочивания и организации общественных отношений (политика), сфера воспроизводства человеческого потенциала, социального структурирования и распределения социальной справедливости (социальность), а также область символического обмена между членами общества (культура).

Применение представленной теоретической модели для анализа интересующей нас проблемы, предполагает, во-первых, рассмотрение того, каким образом религиозные и атеистические мировоззренческие принципы организуют социальное взаимодействие в рамках соответствующих типов общества, и, во-вторых, выявление характера влияния этих принципов на функционирование в религиозном и атеистическом обществе системы политических отношений.

Исходя из особенностей религиозного типа мировоззрения, системообразующим компонентом любого религиозного (традиционного) общества является религия, вера членов этого общества в божественное происхождение мира и человека, которая в качестве предельного допущения о бытии формирует всю структуру общественных отношений. Всякая религия является системой Абсолютного, т.е. неизменного знания, поскольку это знание происходит от абсолютного существа — Бога. Признается, что люди, существа конечные и изменчивые, объективно не в силах дополнить и развить это Абсолютное религиозное знание. В силу этого их единственной задачей относительно этого Абсолютного знания видится максимально возможное следование ему, воплощение его принципов в своей жизни, а также сохранение и передача без искажений последующим поколениям. Всякое Абсолютное знание как системообразующий принцип общественной организации является исключительным, т.е. исключает все другие системы знания. Поэтому инакомыслие в любом религиозном традиционном обществе рассматривается как прямой подрыв основополагающих принципов жизнеустройства и жестоко преследуется. Главным системообразующим началом традиционного общества является Бог как первопричина и абсолютная точка отсчета (теоцентризм). Главная же цель такого общества носит трансцендентный характер и может быть

обозначена термином «теозис» — богопознание, богоуподобление. Соответственно, в традиционном религиозном обществе учитываются, находятся и хранятся только те знания, которые, так или иначе, способствуют достижению этой трансцендентной цели. Случайные знания, простая информация, даже если они содержательно не противоречат религиозному вероучению, исключаются как ненужные¹⁷.

Мировоззренческой основой существования атеистического (либерального, современного) общества является идеология, признающая верховенство человека, который объявляется верховным арбитром по любым вопросам. Человек в либеральном обществе свободен по отношению к любым системам надличностных ценностей, ни одна из которых не может быть единственной и обязательной в данном типе общества. Однако для того, чтобы эта базовая атеистическая предпосылка либерального общества (человек как верховное существо и «мера всех вещей») смогла воплотиться в действительности, создать систему общественных отношений, недостаточно просто отвергнуть религию как форму Абсолютного знания. Необходимо найти ей такую замену, которая, во-первых, выполняла бы мировоззренческую функцию, то есть формировала бы картину мира и правила жизни в нем, а во-вторых, не являлась бы абсолютной, принудительно-обязательной для человека, но, напротив, была бы изменчивой, текучей, подвластной человеку. На эту роль как нельзя лучше претендует информация, которая и является системообразующим компонентом в атеистическом либеральном обществе взамен Абсолютного религиозного знания¹⁸. В отличие от Абсолютного знания информация всегда относительна, изменчива, привязана к конкретным земным событиям. В этой связи функционирование либерального общества строится на признании принципиальной относительности любых характеристик бытия. Данный тип общества не имеет какой-либо трансцендентной, надчеловеческой основы своего функционирования, а его смысловым центром является человек и его личное мнение по тому или иному вопросу (антропоцентризм или я-центризм). Самая общая цель либерального общества — это максимальное удовлетворение человеком своих конкретных земных потребностей и интересов (И. Бентам: «Избегать страданий и искать удовольствия»). Соответственно, информация в либеральном обществе занимает высшее место еще и потому, что обладание информацией и умелое ее использование гарантирует богатство, власть, высокий социальный статус и прочие земные блага. Растущий информационный поток создает дополнительные возможности для достижения человеком тех или иных земных целей. В то же время, единомыслие является губительным, смертельным для либерального общества, поскольку прекращает или критически сужает информационный поток как системообразующий компонент данного типа общества¹⁹.

Разумеется, в традиционном обществе также есть информация, но там она играет вспомогательную, подчиненную роль, в то время как в либеральном обществе информация — это главный системообразующий компонент социального взаимодействия. С другой стороны, в либеральном обществе также

могут быть надличностные религиозные ценности, но они не носят там всеобщего и обязательного характера. Статичность, определенность мировоззренческих оснований в либеральном обществе всегда относительна, а не абсолютна, всегда есть следствие того или иного договора людей, который всегда можно отменить или изменить.

При рассмотрении вопроса о том, как названные мировоззренческие основания религиозного и атеистического типов общества влияют на особенности их политической организации необходимо для начала выяснить ключевые параметры, по которым принято разграничивать различные типы политической системы. Наиболее известными вариантами типологизации политико-системных объектов с учетом их «внутренних» качественных характеристик являются теоретические модели, разработанные политологами Г. Лассуэллом и А. Кэплэном, Г. Алмондом и Дж. Пауэллом, а также Р. Далем. В первой из названных моделей для анализа отношений в рамках политической системы используются такие основные критерии, как расположение власти (в чьих руках она находится), границы распространения власти государства в обществе, разделение властных полномочий (или отсутствие такового), закрытый или открытый характер рекрутирования элит, ответственность (безответственность) власти перед народом, возможности для оспаривания политических решений и справедливость (несправедливость) распределения ценностей. Г. Алмонд и Б. Пауэлл, в свою очередь, главными критериями типологизации политических систем считают направленность и силу политического контроля (в демократической системе преимущественное значение имеет контроль управляемых над правящими, в авторитарных — наоборот), а также степень развития и внутрисистемной автономии таких инструментов воздействия общества на государство, как политические партии, группы интересов и СМИ. Наконец, Р. Даль строит свои идеальные типы политической системы на основе таких критериев, как уровень допустимой оппозиции и политической конкуренции (степень открытости институтов системы для претендентов на управление обществом) и уровень участия населения в процессе публичного соперничества за власть (пропорция населения, имеющего право участвовать в системе публичного соперничества)²⁰.

Обобщив приведенные варианты типологизации политических систем, можно выделить два ключевых интегративных параметра, определяющих качественное своеобразие различных вариантов упорядочения политических отношений. Этими интегративными параметрами, на наш взгляд, следует считать, во-первых, уровень политической конкуренции (включающий такие показатели, как распределение власти между субъектами политического взаимодействия, степень автономии политических акторов, наличие или отсутствие возможностей для оспаривания политических решений со стороны конкурирующих акторов), а во-вторых, — особенностями обратной связи (параметр, интегрирующий такие переменные, как мера влияния населения на процесс осуществления власти, наличие или отсутствие в обществе дискуссии по поводу важнейших политических решений, уровень развития

политических организаций, специализирующихся на установлении коммуникации между обществом и государством). Кроме того, исходя из особенностей ряда других современных моделей анализа политических отношений²¹, в качестве дополнительного уточняющего критерия типологизации политических систем может быть рассмотрен такой параметр, как уровень формализации (юридического закрепления) в политической системе норм и правил политического взаимодействия. В соответствии с этими критериями и будут проанализированы особенности политической организации религиозного и атеистического типов общества.

В религиозном (традиционном) обществе источником политической власти является Бог. Соответственно, система политических отношений в данном типе общества должна быть такой, чтобы максимально соответствовать источнику власти. Поэтому принципом организации политической власти в традиционном обществе является агиократия (власть святого, великого). Эталонной формой агиократии считается монархия, при которой вся политическая власть сосредоточена в руках одного человека (моноцентризм). Тем самым за основу берется такое политическое устройство, которое максимально сочетается с религиозным видением мира, являясь его актуализацией в конкретной сфере деятельности: наличие единого Бога (или Бога главенствующего, доминирующего) автоматически предполагает моноцентризм и авторитарность земной политической власти в рамках традиционного общества. Функция монарха в традиционном обществе — это функция устройства и поддержания земного порядка (общественной организации) в соответствии с требованиями определенной религии. При этом наследственный характер монархической власти в решающей степени основывается в данном типе общества на представлении о вечности и непреходящем характере небесного Порядка. Считается, что, поскольку монарх смертен, он не может своими личными усилиями обеспечить вечный характер своего земного царства, вечное подобие этого царства Царству божьему; поэтому дело монарха должен продолжать его прямой наследник. Выполнение воли монарха по устройению и поддержанию земного порядка в традиционном обществе возлагается на сословие воинов. При этом воины не являются самостоятельными политическими акторами, поскольку обязаны, как и все подданные, беспрекословно подчиняться указаниям правителя²².

В рамках монархической формы политической организации в религиозном обществе отсутствуют какие-либо структуры и механизмы, обеспечивающие влияние подданных на деятельность монарха. Считается, что если после венчания на царство государством через волю монарха правит Бог, то ни одно земное влияние (в том числе влияние любых социальных групп традиционного общества) не должно воздействовать на правителя. Кроме того, поскольку в традиционном обществе у всех людей имеется одна религиозная цель, то нет необходимости периодически опрашивать их мнение. Поэтому в таком типе социума полностью отсутствует профессиональная деятельность, связанная с обеспечением коммуникации между обществом и государством²³.

Появление же такой посреднической деятельности можно считать одним из показателей нестабильности функционирования политической системы традиционного общества²⁴.

Наконец, в рамках религиозного общества относительно низким считается статус формально-юридических регуляторов политических отношений. Поведение человека в рамках политической системы (как, впрочем, и поведение в других сферах традиционного общества) в решающей степени регулируется религиозными нормами и предписаниями и является императивным (повелеваемым). Право в традиционном обществе основывается на требованиях конкретной религии, а также на элементах обычного права, которое, в свою очередь, также безусловно связывается с религиозной основой. Необходимость правовых регуляторов общественных и политических отношений воспринимается как следствие несовершенства человеческой природы, требующего внешней регуляции и внешнего организующего давления²⁵.

Таким образом, основными особенностями политической организации традиционного религиозного общества, вытекающими из трансцендентных оснований его функционирования, являются моноцентризм политической власти наследственного монарха, отсутствие механизма влияния подданных на правителя, а также приоритет культурно-религиозных форм регулирования политических отношений над формально-юридическими.

В атеистическом либеральном обществе источником власти является народ. Поэтому принцип организации политической власти в либеральном обществе — это демократия. При этом эталонной формой демократии можно признать парламентскую республику, так как через механизм парламентского представительства каждый человек получает возможность управлять государством. При отсутствии общей для всего населения цели наиболее оптимальной возможностью принятия политических решений является выявление воли и желания арифметического большинства граждан, а также рассредоточение политической власти между максимальным числом акторов во избежание «диктатуры» любого рода. Полицентризм политической власти достигается в либеральном обществе за счет таких основных механизмов, как разделение властей, федерализм, а также система сдержек и противовесов (обеспечение взаимного влияния друг на друга различных уровней и ветвей политической власти)²⁶. Однако, если доводить тезис о полицентричности как идеале политической организации либерального общества до предела, то следует признать, что даже демократия не может считаться стопроцентно подходящей под принципы такого типа общества, поскольку и она содержит определенный элемент подчинения, пусть и максимально сглаженный: меньшинство всегда, так или иначе, подчиняется мнению большинства. Поэтому идеальной формой организации государственной власти в либеральном обществе можно признать отсутствие государства, то есть анархию, поскольку государство — это всегда надличностное начало. Но так как реально построить анархическое общество не получилось, то наименьшим злом в рамках подобного типа социальной организации

может быть признана полицентрическая демократическая система политических отношений.

Другим принципом организации политического пространства в либеральном обществе является наличие развитых структур и каналов обеспечения обратной связи, донесения мнений граждан по поводу тех или иных политических проблем до органов государственной власти. К числу основных структур такого рода, вслед за Г. Алмондом и Дж. Пауэллом, можно отнести политические партии, группы интересов и СМИ. Совокупность таких организаций, а также набор принципов из взаимодействия, представляют собой систему информационного посредничества в политической сфере либерального общества. При этом следует иметь в виду, что информационное пространство политической коммуникации в либеральном обществе всегда является в той или иной мере ассиметричным, поскольку регулируется слоем профессиональных информационных посредников — интеллигентов (интеллектуалов), обладающих собственными корпоративными и личными интересами²⁷. В этой связи «доминирование некомпетентного «большинства» в демократиях является «господством» максимально инфо-зависимых, несамостоятельных людей, крайне подверженных манипуляциям со стороны интеллигенции»²⁸.

Основным регулятором политических отношений в либеральном обществе является детализированная система правовых норм. Эта система представляет собой формальную договорную конвенцию между людьми («правила политической игры»), которая легко может пересматриваться, трансформироваться в связи с изменением текущей конфигурации политических акторов. При этом, несмотря на наличие формально-правовых ограничителей политической активности, доминирующим типом поведения индивида в политической сфере (как и в других сферах общественных отношений) становится поведение ситуативное. С этой точки зрения эпохальность и величие работы Н. Макиавелли «Государь» заключается в том, что она оказалась блестящей по форме и содержанию экстраполяцией поведенческого компонента секулярного мировоззрения в пространство повседневной политической активности. По мнению П. Б. Уварова, «Государь» представляет собой универсальное руководство по ситуативному поведению и для правителя, и для простолюдина, так как в условиях, когда человек является «мерой всех вещей», основные параметры поведения у них полностью совпадают, за исключением только масштаба возможностей²⁹.

Таким образом, ключевыми принципами организации политической системы либерального общества являются максимальный полицентризм политической власти, наличие развитых институтов политической обратной связи, а также господство формально-правовых способов регулирования политических отношений. Все эти принципы по своей сути диаметрально противоположны принципам функционирования политической системы традиционного общества, что, в сущности, является отражением антагонистичности мировоззренческих принципов, определяющих специфику структурирования двух этих типов социума.

Необходимо помнить, что рассмотренные в рамках настоящей работы общественная и политическая системы традиционного и либерального общества являются только теоретическими моделями. Как и всякие модели, они абстрактны, идеальны, последовательны, они сознательно не учитывают противоречий, непоследовательностей и компромиссов реальной действительности. Цель конструирования этих моделей — показать, к каким логически обязательным последствиям для политической сферы общественной жизни приведет принятие или неприятие тех или иных мировоззренческих принципов жизнеустройства.

Очевидно, что в реальности традиционное и либеральное общество «вообще» никогда не существовали, а были и есть многообразные разновидности традиционных и либеральных обществ. При этом если либеральные общества разных стран постоянно стремятся к унификации своих характеристик (феномен глобализации), то традиционных обществ в истории было множество. Как правило, среди них выделяются два вида — политеистические (языческие) и монотеистические. В силу распыленности (растворенности в природе) божества в политеизме, в рамках этого типа общества указанные выше традиционные принципы социального и политического взаимодействия проводятся менее последовательно. Соответственно, эталонным вариантом традиционного общества может быть признано общество, основанное на принципах монотеистических религий (христианство, ислам, иудаизм).

Кроме того, в настоящей работе не был затронут еще один специфический тип общественной организации — квазитрадиционное или тоталитарное общество. Это общество основывается на идеологии, положения которой объявляются Абсолютным знанием, универсальным способом упорядочения всех сторон общественной жизни. Не вдаваясь в детальный анализ общественной и политической системы квазитрадиционного общества, необходимо отметить, что это общество представляет собой переходный тип между традиционным и либеральным обществами, являясь продуктом становления либерального общества в особых культурно-исторических, социально-экономических и политических условиях. При этом ряд специфических черт квазитрадиционного общества, очевидно, определяется наличием единой и обязательной для всего общества цели (построение коммунизма, тысячелетний рейх и т. д.), тогда как другие особенности обуславливаются тем, что названная цель не имеет трансцендентного характера и формируется конкретными людьми (например, К. Марксом, В. И. Лениным, или А. Гитлером).

В целом, представляется, что рассмотренная в работе модель анализа трансцендентных условий функционирования политической системы обладает довольно существенным эвристическим потенциалом, позволяя многое понять в характере политической организации общества религиозного или атеистического типа. В частности, эта модель может быть использована для изучения политической организации современной России, в которой с очевидностью присутствуют компоненты как традиционных, так и либеральных принципов функционирования политической системы. Выявление соотношения

этих компонентов является, на наш взгляд, весьма нетривиальной задачей, которая предполагает более фундаментальный анализ рассмотренных в настоящей работе проблем и вопросов, а также адаптацию полученных теоретических построений к эмпирическому материалу современной России.

Примечания

1. Применительно к анализу политической системы современной России данная точка зрения наиболее последовательно обосновывается, в частности, в работах С. И. Кирдиной. См.: Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

2. Из исследователей, занимающихся изучением отечественной политической системы, наиболее близки к этой позиции С. Б. Пивоваров, И. И. Глебова и нек. другие. См., напр.: Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. — М.: РОССПЭН, 2006; Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. — М.: Наука, 2006.

3. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев и др. — М.: Советская Энциклопедия, 1983. — С. 693.

4. Уваров П. Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. — М.: АИРО — XX, 2005. — С. 24—74.

5. Исследования по общей теории систем. — М.: Прогресс, 1969. — С. 11—12, 31—45; Садовский В. Н. Основания общей теории систем. — М.: Наука, 1974. — С. 107—190 и др.

6. Уваров П. Б. Указ. соч. — С. 57, 63.

7. Там же. — С. 61.

8. Там же. — С. 54.

9. Там же. — С. 45—50, 121—122.

10. Там же. — С. 54.

11. См., напр.: Символический интеракционизм // Культурология: XX век: словарь / гл. ред. С. Я. Левит. — СПб.: Университетская книга, 1997. — С. 114—115.

12. Эта и многие другие значимые для настоящей работы идеи были почерпнуты автором из курса лекций по социальной философии к. ф. н., преподавателя кафедры Философии ЧГПУ С. С. Логиновского.

13. Уваров П. Б. Указ. соч. — С. 62, 100—104.

14. Там же. — С. 101, 144—145.

15. Данная теоретическая схема представляет собой вариант разработанной П. Б. Уваровым модели «пространства исторического», адаптированный к цели и задачам настоящего исследования. Подробнее см.: Уваров П. Б. Указ. соч. — С. 67—69.

16. Вместе с тем, следует иметь в виду, что, в рамках описываемой модели коррекция мировоззрения в ответ на изменение природных или социальных условий существования индивида может рассматриваться исключительно как результат свободного выбора человека — выбора между приспособлением своих жизненных целей и ценностей к изменившимся обстоятельствам и отказом от такого приспособления.

17. Уваров П. Б. Указ. соч. — С. 78—86, 99, 11, 145.

18. Информация в рамках настоящего исследования рассматривается как совокупность простых «точечных» сведений и мире, о конкретных воспринимаемых человеком феноменах («сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами»). См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1978. — С. 232.

19. Уваров П. Б. Указ. соч. — С. 119—120, 123, 134—135, 142—146, 163.

20. Сморгун Л. В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. — С. 91—116.

21. См., напр.: Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. — М.: МОНФ, 1999; Шевцова Л. Ф. Режим Бориса Ельцина / Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 1999; Иванов А. Ф., Устименко С. В. Самодержавная демократия: дуалистический характер российского государственного устройства // Полис. — 2007. — № 5. — С. 56—67 и др.

22. Уваров П. Б. Указ. соч. С. 79, 83, 93—96.

23. Там же. — С. 97, 108.

24. В качестве иллюстративного примера можно привести высказывание Ю. С. Пивоварова о том, что роль народного представительства на Руси традиционно состоит в укреплении моноцентризма политической власти «тогда, когда власть либо вообще исчезает, как будто куда-то проваливается... либо существенно слабеет». См.: Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 14.

25. Уваров П. Б. Указ. соч. — С. 123—124.

26. См.: Локк Дж. Два трактата о правлении // Дж. Локк Сочинения: в 3 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — С. 135—406; Монтескье Ш. Л. О духе законов / сост., пер. и коммент. А. В. Матешук. — М.: Мысль, 1999; Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Медисона и Дж. Джея / пер. с англ.; под общ. ред., с предисл. Н. Н. Яковлева. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Литера», 1994 и др.

27. Подробнее о природе и функциональной роли интеллигенции в современном либеральном обществе см.: Уваров П. Б. Указ. соч. С. 133—181.

28. Там же. — С. 173.

29. Там же. С. 148—149.

Поступила в редакцию 19 мая 2010 г.

ТРЕГУБОВ Никита Александрович в 2004 г. окончил исторический факультет ЧГПУ. В 2007 г. защитил диссертацию по политическим наукам в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Доцент кафедры политологии исторического факультета ЮУрГУ. Сфера научных интересов — теория политики, политическая система современной России.

TREGUBOV Nikita Aleksandrovich was born in 1981, in 2004 he graduated from the Faculty of History of Chelyabinsk State Pedagogical University. In 2007 he presented a thesis on political sciences at Lomonosov Moscow State University. Now Tregubov is an associate professor of the Political Science Department of the History Faculty of South Ural State University. Research interests: political theory, political system in present day Russia.

О ФИЛОСОФИИ, ТЕОЛОГИИ И РЕЛИГИИ

В. Е. Хвощев

ABOUT PHILOSOPHY, THEOLOGY AND RELIGION

V. E. Khvoshchyov

В тезисах утверждается, что философия, теология и религия имеют близкую по содержанию научную составляющую с общим предметом — сущность бытия. Предметную специфику при этом компонент — философия, теология, религиозная наука — определяют особые подходы, методы и модели, которыми пользуется каждая в единой предметной области.

Ключевые слова: предмет науки, сущность, явление, содержание, форма, модель, философия, теология, религиозная наука.

The author states that philosophy, theology and religion have close scientific constituent content with a common subject – existence. The subject specificity is determined by special approaches, methods and models which is used in each science (philosophy, theology, religious).

Keywords: range of a science, essence, event, content, form, model, philosophy, theology, religious science.

Теология, философия и религия являются социокультурными феноменами с обширными и специфическими предметными областями. Каждый из них вполне самостоятелен, относительно автономен и опирается на многовековые традиции. И теология, и философия, и религия наделены собственными смыслами, особым содержанием, но обладают в то же время и общими основами.

Одной из таких основ, которые позволяют вести сравнительный анализ и получать нетрадиционные результаты является научность первой, второй и третьей. Без выделения узкого (в данном случае научного) контекста сравнения вряд ли можно достичь сопоставимости столь разных предметов.

Не требует доказательств, что теология и философия наряду с мировоззренческими, идеологическими и прочими компонентами содержат научные составляющие. Не столь очевидно, что и религия не чужда науке. Мало того, внимательному аналитику не составит труда найти в любой мировой религии, по крайней мере, отдельные элементы научности. Объединенные вместе, эти важные части образуют единую *религиозную науку*, заслуживающую обстоятельного изучения. Таким образом, в предлагаемых тезисах предпринята попытка компаративного осмысления теологической, философской и религиозной наук, попытка определения в этих науках общего и особенного, поиск единства и различий их предметных областей.

Первый тезис: теологическая, философская и религиозная наука направлены на постижение сущности бытия. Сущность природы и общества является предметом исследования первой второй и третьей, объединяющей основой этих наук. Единство предмета теологической, философской и религиозной наук не означает их тождества.

Второй тезис: Особенности и различия теологической, философской и религиозной наук определяются подходами и методами, которыми они пользуются при изучении общего для них предмета. Методологическая специфика теологической, философской и религиозной наук создает основание для их автономизации.

Наука во все времена располагала двумя принципиальными подходами к получению новых знаний — индуктивным и дедуктивным. Философия преимущественно индуцировала, а теология и религия дедуцировали свои конструкции, представляющие сущность бытия. Если к различию в подходах миропонимания добавить различия в методах каждой из наук, то теология, философия и религиозная наука во многом противостоят друг другу.

Тезисы о философии. В разнообразии окружающего человека мире философское мышление, как правило, ищет общее, присущее каждой конкретной форме действительности. Это общее, объединяющее мир в целостность, исчезающе мало, а следовательно, в такой интерпретации *предмет философии бесконечно узок*. Очевидно, что философия как наука о всеобщей компоненте материальных образований при кажущейся логике обнаруживает непреодолимые трудности в обосновании главного тезиса понимания сущности бытия, от которого незаметно отказались многие конкретные науки и на котором продолжает настаивать наука фундаментальная — о единстве и целостности мироздания. Бесконечно малая всеобщая составляющая бытия исключает единство и целостность природы. Мир становится хаосом, упорядочение которого возможно только субъективным его фрагментированием с помощью озабоченной практикой сознания. Познающее мышление, исходя из человеческих потребностей, создает локальные

природные автономии и осваивает их, обнаруживая необходимую для своего функционирования и вполне объективную для конечных образований целостность и системность. Такая позиция позволяет преодолеть многие логические трудности, не считая той, что всеобщую основу бытия составляет нечто бесконечно малое, к тому же наделенное реальностью. Мало того, поиск всеобщего универсального основания природы, ее первопричин и первоисточников противоречит современным концепциям естественных наук, игнорируя которые философ изменяет индуктивному движению мысли в пользу религиозно-теологической дедукции.

Известна и другая философская позиция, согласно которой все области природы и общества попадают в сферу интересов философа, а, значит, **предмет философии бесконечно широк**. Несмотря на кажущуюся неопределенность подобной интерпретации предмета науки, открывающиеся возможности для пустых идеологических и мировоззренческих мудрствований, риск превращения философской науки в легковесную публицистику, главное приобретение широкого понимания предмета философии очевидно — сближение философской и естественно-научной мысли, возвращение философов в лоно индуктивного мышления.

Философскую науку выгодно отличает от теологии и религиозной науки сложившийся вековыми усилиями человечества научный метод познания — диалектика, отшлифованный в XIX—XX вв. до близкого к совершенству диалектического материализма. К сожалению, к концу XX века диалектика пришел к пугающим власть имущих социальным выводам и подвергся тотальному шельмованию. Захватившие власть в обществе группы стали остро нуждаться в идеологическом оправдании своего господства, которое расшатывалось диалектикой борьбы и единства противоположностей. По этой причине развитие научной части философии, сосредоточенной в диалектическом методе, заметно затормозилось, а поиск путей преодоления социальных противоречий, принципиально обозначенный марксизмом, переориентирован на общественное примирение, основанное на терпимости. Не удивительно, что столь банальный утопический ориентир, не может предложить формулы единения индивидов, обладающих противоположными интересами.

Философская наука, лишённая диалектики, превращается в метафизику. Следует отметить, вопреки негативному ореолу, созданному диалектикой вокруг последней, метафизика способна обеспечить пусть медленное, но поступательное познание сущности природы и общества, а, следовательно, и соответствующее развитие научной философии. Поэтому обращение к метафизике нужно расценивать как временное и вынужденное отступление к начальным рубежам философской науки, что является меньшим злом по сравнению с распространенным на Западе погружением в хаос околонуточного философского дискурса.

Нет сомнений, что своими успехами наука во много обязана методу, которым располагает, а сам метод не может быть универсальным продуктом и должен продуцироваться предметом науки. В этом отношении современная философия заметно

отстала от естественных наук не только в осмыслении отдельных фактов, но и в обобщенном анализе развития природы. Достижения конкретных наук навязывают философии смену собственной вековой парадигмы: перестройку мышления с поиска всеобщей основы бытия на осмысление **суммарности** мироздания. Действительность как сумма природных форм составляет в суммарном подходе предмет философии и является сущностью бытия.

Признание суммарности природы как предмета философии предполагает разработку соответствующего предмету метода. Подобная диалектика давно начала складываться в недрах естественных наук. В масштабах космического времени обыденные действия «сложение-вычитание» уступают место более сложным процессам — «расширение — сжатие». В таких координатах «расширяющийся мир» означает «мир формирующийся», где сущность «является» разнообразием новых форм, воспринимающихся сознанием, в том числе, и как возрастающая сумма объектов. Проходит неопределенное космическое время и по неясным причинам мир обращается к стадии «сжатия» и сопутствующей «сжатию» деформации: формы утрачивают особенности, «обезличиваются» и объекты сливаются в единую сущностную субстанцию, чтобы начать при некоторых условиях новый цикл природного формирования. По-видимому, формы жизни относятся к переходному от «расширения» к «сжатию» периоду, когда разнообразие форм проявления природной сущности максимально. Однако тотальность и строгая цикличность такого мегапроцесса не очевидны. «Расширение» вселенной, определяемое астрофизикой как «большой взрыв» имеет, несомненно, локальный характер и сопровождается обратными процессами «сжатия». «Расширение-сжатие», легко заметить, представляют собой относительные отклонения состояния субстанции от некоторого равновесного положения. Обнаружение периодического «дыхания» вселенной готовит почву для нового осмысления предметов теологии и религиозной науки.

Тезисы о теологии. В движении к познанию сущности мироздания теология занимает особое место. Если признать, что Бог в теологии является той самой природной сущностью, а, значит, и предметом науки, то может показаться, что теология тождественна метафизике — базовой части философии. На самом деле между метафизикой (философией) и теологией имеется принципиальное различие: первая, приближается к сущности, расширяя познание на основе исследования конкретных форм действительности, вторая (теология) — моделирует эту сущность и объясняет на основе модели разнообразие бытия (априорно предлагает конструкцию определенного содержания и дедуктивно выводит из нее знание о конкретных формах).

Моделирование — общепризнанный научный метод осмысления действительности. При этом какой бы странной ни казалась предлагаемая модель, если она обладает объясняющим потенциалом, то может быть пригодной для использования и в научных и в практических целях. С таких позиций теология может быть признана учением, разрабатывающим модели сущности природы. По этой при-

чине теологию, по крайней мере, ее содержательную часть, следует относить к строгой науке, оставляя за скобками богословие, вероучение, религиозную текстологию, ритуальное и институциональное сопровождение как атавизмы мифологического прошлого, как религиозные и идеологические наслоения.

В таком аспекте Бог, как предмет теологии, может быть представлен не только в виде общей и неуловимой для человеческого разума природной закономерности, но и как динамичная сумма вполне определенных взаимодействующих объектов («Бог — это все»).

Теологические построения могут опираться и на более конкретные модели природы, в частности, гуманитарного плана. Разработкой гуманитарных моделей сущности природы и общества занимается на протяжении тысячелетий религиозная наука — важная часть теологии.

Тезисы о религиозной науке. На почве бытовых моделей сущности природы с древних времен возникло множество миропониманий, классифицируемых как мифологические и религиозные. Их особенностью была уязвимость обоснования выбора той или иной модели, преодолеть которую возможно лишь посредством веры. Вместе взятые, идейные построения на базе такого рода моделей образовали специфический дискурс, ставший предметом вероучений и религиоведения. Получила широкое распространение парадигма, что сущность бытия — конструкция, хотя и объективная, но во многом умозрительная и, скорее, духовная, чем материальная субстанция. Эта сущность является нам в формах, которые в большей или меньшей мере отражают ее собственное содержание. Искусство исследователя заключается в выборе для моделирования сущности такого явления, которое по своему содержанию наиболее близко приближается к содержанию сущности.

Вряд ли можно подобрать универсальное явление в природе, которое бы достаточно близко отражало всеобщую сущность. Возможно, когда-нибудь для моделирования сущности мироздания удастся найти некоторый аналог, к примеру, сложную молекулу, обладающую универсальными сущностными качествами. Пока же гораздо легче и продуктивнее подобрать форму, не столь универсальную, но удовлетворительно моделирующую основные стороны бытия.

Разумеется, что человечество во все времена интересовалась, прежде всего, областью своего существования. И по мере того, как эта область все глубже социализировалась, выражением ее сущности все в большей степени становился выдающийся челове-

ский индивид. Иначе говоря, обществу предлагалась и его основной массой поддерживалась в качестве мировоззренческой модели конкретная человеческая личность, вобравшая в себя существенные свойства бытия. Логика такого подхода к пониманию действительности безупречна: поскольку все явления и процессы существенны (несут в себе отражение сущности бытия), то есть среди них и такие, которые этой сущности соответствуют в большей мере. Отождествляя подобное явление с сущностью природы, легко получить приемлемую модель для ориентации человека в окружающем его мире.

Однако любая модель требует напряженной работы мысли по ее проектированию на действительность. Облегчить эту задачу можно, придав модели человеческий образ, предписывающий правила гуманитарного отношения к природе и обществу. С этой непростой задачей удовлетворительно справляется религиозная наука, которая, опираясь на научно-теологическую базу, вынуждена прибегать к логическим вольностям, преодолеваемым только с помощью веры и послушания. В этой части религиозная наука заканчивается и начинается религиозная идеология в виде сомнительных догм и ритуалов.

Можно заключить, что научная философия опирается на индуктивный метод познания, в то время как теология и религиозная наука строят свои представления о сущности, опираясь на метод дедукции. Это обстоятельство объединяет теологию и религиозную науку, противопоставляет в определенной степени ту и другую философии.

С другой стороны, философия и теология концентрируют внимание на природе в целом, рассматривая социальное развитие как часть природного процесса (эволюции). В противоположность философии и теологии религиозная наука предлагает человечеству гуманитарные модели миропонимания, в которых природа играет роль производной или проекции духовного начала.

На этой почве возникают специфические парадигмы человеческого мышления — теологическая, общеполитическая, научно-религиозная и некоторые их симбиозы.

Совершенно очевидно, что и философия с ее бесконечным движением к познанию сущности природы и общества и теология с аксиоматическими представлениями основ мироздания не противоречат друг другу, создают базу для религиозной науки и оставляют простор для фантастических религиозных построений.

Поступила в редакцию 19 мая 2010 г.

ХВОЩЕВ Владимир Ефимович, заведующий кафедрой политологии ЮУрГУ. Председатель Челябинского отделения Российской ассоциации политической науки, кандидат философских наук, доцент. Автор более 60 научных работ, участвовал в руководстве 6 научными проектами РФФИ, РГНФ и Минобрнауки. Научные интересы — проблемы безопасности и пограничной политики, теория политической активности субъектов, геополитика.

KHVOSHCHYOV Vladimir Efimovich, Head of the Department of Political Science SUSU. Chairman of the Chelyabinsk branch of the Russian Association of Political Science, PhD, Associate Professor. Author of more than 60 scientific papers, participated in the leadership of six scientific projects RFBR and RFH and Ministry of Education. Research interests — security and border policy, the theory of political activity of subjects, geopolitics.

ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОГА: АНСЕЛЬМ КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ И ИММАНУИЛ КАНТ

Л. М. Григорьева

PROBLEM OF ONTOLOGICAL EVIDENCE OF GOD EXISTENCE: ANSELMUS CANTUARIENSIS AND I. KANT

L. M. Grigorieva

В статье рассматривается одна из фундаментальных проблем в истории философии — проблема доказательства бытия Бога. Автор на основе анализа концепций Ансельма Кентерберийского, Р. Декарта и И. Канта показывает парадигмальное значение структуры доказательства для понимания природы религиозного и научно-философского осмысления действительности.

Ключевые слова: *религиозное и научно-философское осмысление реальности.*

The article deals with one of the fundamental issues in the history of philosophy, the problem of evidence of God existence. On the bases of the analysis of concepts of Anselmus Cantuariensis, R. Descartes and I. Kant the author shows paradigm meaning of structure of evidence for comprehension of nature of religious, and scientific and philosophic comprehension of the reality.

Keywords: *religious and scientific and philosophic comprehension of reality.*

В православной традиции не возникало попыток доказательства бытия Бога. Главным в православии всегда был сам человек, встретившийся с Богом в сердце своем. Вера в Бога переносится на область интимных переживаний человека, и не нуждается ни в каких доказательствах.

Согласно выдающемуся русскому мыслителю и богослову С. Н. Булгакову религия субъективно-объективна. Она не является чьим-либо созданием: «Бог есть вне меня, но и для меня, — превыше моей субъективности, однако сообщаясь ей»¹. Он подчеркивает, что вопрос о существовании Бога, о познании Бога не может рассматриваться вне личного религиозного переживания, вне личного опыта. Осознание непосредственной живой связи с Богом возможно «благодаря одаренности человека, существованию религиозного органа, воспринимающего Божество и Его воздействие»². С. Н. Булгаков отвергает саму идею доказательства бытия Бога. Эта идея, считает он, является внутренне противоречивой уже в самой постановке задачи: бытие абсолютного, возвышающегося над относительным, свободным от причинности, доказываемая, исходя из соображений относительных, основанных на законе причинности³. Утверждение «Бог есть» Булгаков считает априорным синтетическим суждением: «Вера есть путь знания без доказательства, вне логического достижения, вне закона причинности и его убедительности... Вера свободна от ига рассудочности (не хочу сказать: разума, ибо она является выражением высшей разумности), рассудок презирает, в лучшем случае игнорирует и не понимает веры»⁴.

Для западноевропейской христианской традиции характерно обращение к рациональным методам для осмысления основоположений христианского вероучения. Онтологическое доказательство бытия Бога в рамках этой традиции имеет давнюю историю. Оно встречается уже у Плотина и у Августина. Затем в XI веке, Ансельм Кентерберийский построил онтологическое доказательство, которое признается классическим. Онтологическое доказательство приводит Н. Кузанский. Его доказательство С. Л. Франк считает достаточно глубоким и убедительным⁵. Р. Декарт переформулирует доказательство Ансельма и усиливает его. В дальнейшем доказательство бытия Бога дают Н. Мальбранш и Б. Спиноза. Реставрацию онтологического доказательства находим у И. Г. Фихте, Ф. В. И. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля.

В общем и целом логическая схема рассуждений в онтологическом доказательстве может быть представлена в следующем виде:

1. Абсолютное совершенное существо обладает всеми совершенствами.

2. Существование является одним из возможных совершенств.

3. Совершеннее существовать в реальности, чем только в представлении.

4. Если бы Бог не существовал в реальности, он не был бы совершенным. Бог как существо совершенное должен иметь бытие ни в одном только нашем представлении, но и в реальности. Следовательно, Бог существует и в представлении, и в реальности.

Однако действительно ли онтологическое доказательство бытия Бога передается логикой приведенной схемой? Либо в онтологическом доказательстве есть допущения, которые невозможно выразить на языке формальной логики. Покажем это на примере онтологического доказательства, приведенного Ансельмом Кентерберийским.

Ансельма мучила проблема: существует ли Бог только в уме, как идея, или он существует и в реальности. Стремление уразуметь смысл веры у Ансельма находит отражение в аргументе, который бы обосновывал бытие Бога. Ансельм находит, по его убеждению, тот аргумент для доказательства бытия Бога, который бы не требовал больше ничего кроме самого этого аргумента. Бога Ансельм определяет как «то, более чего нельзя ничего помыслить»⁶. Если Бог существует только в уме, можно вообразить нечто большее. А это приводит к противоречию. Следовательно, Бог существует и в уме, и в действительности. Может быть, мы здесь на самом деле имеем дело с вариантом психологического доказательства бытия Бога? Не является ли это доказательство результатом самовнушения у Ансельма и стремлением распространить это состояние и на других?

Самому Ансельму доказательство кажется настолько очевидным и убедительным, что он посредством этого доказательства хотел убедить не только всех сомневающихся в существовании Бога, но и показать абсурдность неверия. Конечно, Ансельм был глубоко верующим человеком. Он решительно ставит веру выше разума. Позиция Ансельма: верить, чтобы понимать. Для Ансельма вера — это исходное данное. Понимание, согласно Ансельму, предполагает веру. Эта позиция Ансельма выражена в его произведении «Прослогион», в котором и излагается его доказательство бытия Бога: «Не ищу разуметь, дабы уверовать, но верую, дабы уразуметь; ибо верую и в то, что если не уверую, не уразумею»⁷. Он полагал, что для постижения Бога недостаточно разума, что путь постижения Бога — это не путь интеллектуальной деятельности. Разумеется, Ансельм рассматривал вопрос существования Бога в контексте своего личного духовного переживания, из осознания своей связи с Богом, из своего личного опыта. Ансельм явно прочувствовал и понял ту силу, с которой понятие Бога, проникая в самые глубины души, необходимо связано с полаганием существования Бога. Для Ансельма «сказать в сердце своем и помыслить есть одно и то же»⁸.

Разумеется, доказательство Ансельма, как и любое онтологическое доказательство, независимо от предмета доказательства, не является доказательством в собственном смысле слова. Не является выводением утверждаемого в выводе суждения из других утверждений, являющихся посылками. Доказательство бытия Бога не является рассуждением в собственном смысле слова. Заключение от мысли к бытию Бога является результатом непосредственного схватывания существования Бога и не зависит от дедукции. Как собственно и другое онтологическое доказательство, которое общепризнанно и считается образцом самоочевидного положения. Речь идет о положении Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую». Доказательство существования «я» у

Декарта представляет собой не форму рассуждения, а результат непосредственного схватывания бытия и мысли. На это указывает и сам Декарт. Он отмечает, что в отношении огромного большинства предметов, я всегда могу усомниться, является ли мысль только моим представлением о них, только моей идеей об их сущности, или им соответствует реальность самого предмета. Но в отношении моего «я» я имею дело не только с идеей, но одновременно и с реальностью «я». Согласно Декарту сущность «я» заключается в мышлении, в том, что я непосредственно осознаю свое существование. Декарт сам отмечает, что это не умозаключение, не выведение следствия из мысли. Это положение есть результат непосредственного схватывания мысли и бытия⁹. В этом принципе бытие «я» высказывается одновременно и как сущность и как существование. Мы встречаемся здесь с понятием, в котором невозможно разделить содержание понятия и существование предмета, о котором говорится в понятии. Мысль «я», невозможно находится в позиции внешнего наблюдателя и мыслить некое содержание, которое может и не существовать.

Итак, в положении Декарта мы имеем дело с онтологическим доказательством нашего «я». Понятие «я» совпадает с реальностью «я». Идея «я» неотделима от реальности «я». Здесь вместе с идеей предмета очевидна и реальность предмета. То есть мы имеем дело с непосредственным усмотрением самоочевидной истины.

В доказательстве Ансельма мы имеем дело с аналогичной ситуацией. Сущность и существование Бога, согласно христианской теологии, неразрывно связаны. Для Ансельма существование Бога тоже является непосредственно очевидной истиной. Доказательство бытия Бога у Ансельма также не является формой опосредованного знания, выводением утверждаемого из посылок. Вполне возможно, что Ансельм посредством своего аргумента хотел показать, что Бог и есть само бытие. Хотел показать, что единственный способ бытия Бога — это наша мысль о нем, что Бога невозможно услышать, увидеть или обнаружить посредством какого-либо другого органа чувств, что Бог не является вещью, доступной нам в опыте, что Бог — это не вещь среди вещей, он не доступен эмпирическим научным методом проверки.

Ансельм, разумеется, понимает, что просто иметь что-то в понятии и иметь его существование в реальности, это не одно и то же. Он не говорит, что вещь, которая есть в уме, есть и в действительности. Он различает существование вещи и понятие о ней. Ансельм, по-существу, понимает, что бытие, не является реальным предикатом. Он нигде не рассматривает бытие как один из признаков или свойств субъекта суждения. В его доказательстве утверждается существование абсолютной реальности, которая не имеет ничего вне себя. Эта реальность является первоосновой нашей мысли. Для нее различие между идеей и реальностью не существует. В ней вместе с идеей неотрывно дана и сама ее реальность, как и в доказательстве существования «я» у Декарта.

Доказательство Ансельма подверг сомнению Гаунилон, современник Ансельма. Он строит свои

возражения примерно в следующем ключе: можно помыслить о чем угодно, о каком-нибудь нечто, но это не значит, что это нечто тут же станет существовать в реальности, поэтому нельзя делать вывод о существовании вещи, данной в понятии. Критику Гаунилоном доказательства Ансельма нужно признать неудачной, по крайней мере, в контексте размышлений Ансельма. Для опровержения его доказательства Гаунилон приводит пример с неким островом, самым совершенным из всех островов. На возражения Гаунилона Ансельм отмечает, что переход от понятия к существованию возможен только тогда, когда речь идет о Боге, а Бог существует не на уровне обычных вещей, которые мы можем пронаблюдать. Для Ансельма вопрос, существует ли Бог, также абсурден, как и вопрос, существует ли бытие, поскольку Бог — есть само бытие.

Таким образом, вопрос о существовании Бога у Ансельма все-таки невозможно рассматривать вне религиозного переживания, вне уверенности сердца. Т. е. мы сталкиваемся здесь с аналогичной православной традиции ситуацией. Так может быть доказательство Ансельма все-таки является вариантом психологического доказательства?

В рамках историко-философской традиции считается, что И. Кант подверг онтологическое доказательство бытия Бога разрушительной критике и опроверг это доказательство. Так, действительно ли Кант опровергает онтологическое доказательство бытия Бога? Рассмотрим суть кантовского опровержения. И. Кант рассматривает проблему онтологического доказательства бытия Бога в своем сочинении «Критика чистого разума».

Для Канта предложение «Бог есть» является «тем тайным стимулом, который движет всей работой мысли в «Критике чистого разума» и остается мотивом всех последующих главных произведений»¹⁰. Согласно Канту источник таких наших идей как душа, мир как целое, Бог остается для нас непознаваемым и рационально непостижимым. Это «вещи в себе», объекты умопостигаемого мира. Они недоступны теоретическому познанию. Существование чего-либо можно обнаружить только через внешний опыт. Опыт же становится возможным лишь в соединении чистых форм рассудка с чистыми формами чувственности. Идея Бога относится к понятиям разума, понятиям, которым не соответствуют предметы опыта. Все, что мы привыкли считать предметами, представляет продукт нашей деятельности. Бытие же не есть реальный предикат. В «Критике чистого разума» Кант пишет: «бытие не есть реальный предикат, иными словами, не есть понятие о чем-то таком, что может быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе. В логическом применении оно есть лишь связка в суждении»¹¹.

Как же Кант разъясняет этот тезис? Начнем с того, зачем Кант вводит слово «реальный»? Кант отмечает, что бытие не есть реальный предикат. Но ведь бытие означает реальность. Как же тогда бытие нельзя считать реальным предикатом? М. Хайдеггер обращает наше внимание на то, что слово «реальный» Кант использует в его исконном значении,

как нечто, относящееся к предмету, к предметному содержанию вещи. То есть реальность для Канта означает вещьность, а не действительность¹². Практически Кант словом «реальный» обращает внимание на то, что бытие не есть нечто предметное, вещное. Кант далее отмечает: « В логическом применении оно (т. е. бытие как полагание вещи. — Л. Г.) есть лишь связка в суждении». В логическом суждении устанавливается отношение между субъектом и предикатом суждения. В предложении «Бог есть» к субъекту не прилагается никакого предметного, вещного предиката. В этом суждении мы имеем абсолютное полагание объекта. То есть в нем констатируется, что Бог существует. В предложении же «Бог есть» связка «есть» предполагает иной смысл, чем просто логический, в нем не устанавливается никакого отношения между субъектом и предикатом. Итак, в высказывании Канта утверждается, что бытие не есть реальный предикат, он не выводим из вещного содержания объекта. Высказывание «Бог существует» не является простым полаганием Бога в предметном, вещном смысле. У Канта логическое применение к понятию бытия не является единственным. Но в опыте бытие и существование могут определяться лишь из отношения к применению рассудка. Я мыслю, значит, я связываю все чувственно данное многообразие представлений через категории рассудка. Бытие превращается в предметность. Такой нечувственный предмет как Бог остается закрытым для нашего познания, так как мы не располагаем никаким нечувственным созерцанием, которому этот предмет мог бы непосредственно предстать сам по себе. «Существование, — пишет Кант, — есть абсолютное полагание вещи»¹³. Бытие, согласно Канту, это не реальный, а трансцендентальный предикат¹⁴. Таким образом, бытие не есть реальный предикат, но все же предикат. Он не выводим из вещного содержания объекта, в то время как полагание объекта определяется из мышления. Человеческое познание имеет дело лишь с явлениями, а не вещами в себе. Миром, доступным человеческому познанию, является лишь мир чувственный.

Для того чтобы показать абсурдность приписывания трансцендентальным объектам предметного статуса, Кант в главе «О невозможности онтологического доказательства бытия бога» приводит пример о ста талерах. Содержание ста талеров не зависит от того, лежат ли они у меня в кармане или в кармане у моего соседа. Содержание не изменится даже, если мы просто о них помечаем. Существующие сто талеров и сто талеров воображаемые представляют одну и ту же сумму денег. Между ними нет логического различия. Не может Бог существовать по типу ста талеров. Кант демонстрирует абсурдность рассмотрения такого трансцендентального объекта как Бог по аналогии с обычными эмпирическими объектами. Кант отнюдь не пытается утверждать, что Богу может соответствовать реальная вещь, которая может быть дана нам в опыте. То есть Кант хочет показать, что вопрос о существовании Бога невозможно рассматривать по аналогии с существованием обычных предметов. Кант в «Критике чистого разума» показал невозможность найти для

Бога конкретное воплощение в рамках мира явлений. Он показал, что решая метафизические вопросы о последних основаниях бытия, разум неизбежно приходит к антиномиям. Познание Бога находится вне сферы нашего рассудка, не возможно, говоря о Боге опираться на формальную логику.

Идею о Боге Кант рассматривает как идеал чистого разума. Он считает, что эта идея не может являться предметом познания и нужно отказаться от всякой попытки доказать существование Бога. Кант не опровергает бытие Бога, а лишь утверждает, что разрешить проблему существования Бога теоретическими средствами невозможно. Тем самым Кант отмечает бесперспективность попыток опровержения существования Бога. Доказательство бытия Бога как в ту, так и в другую сторону переступает познавательные способности человека.

Таким образом, Кант не опровергает существование Бога. Кантовская теория познания имеет дело лишь с кругом человеческого опыта и его переработкой с помощью чистых форм разума. Он лишь показал, что существование вещи нельзя усмотреть в содержании ее понятия. Посредством своих понятий рассудок может мыслить любой предмет лишь в его возможности. Он показал, что ни доказать, ни опровергнуть существование Бога невозможно.

Таким образом, западная философская традиция, по сути приходит к тем же выводам, что и православная: доказать существование Бога с помощью рациональных аргументов невозможно.

Примечания

1. Булгаков С. Н. Природа религиозного сознания. Свет невечерний: созерцания и умозрения. — М. : Республика, 1994. — С. 19.
2. Там же. — С. 20—21.
3. См.: там же. — С. 20.
4. Там же. — С. 28.
5. См.: Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. — М. : Наука, 1995. — С. 388.
6. Ансельм Кентерберийский. Прослогион // Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. — М. : Наука, 1972. — С. 251.
7. Ансельм Кентерберийский. Указ. соч. — С. 251.
8. Там же. — С. 252.
9. См.: Декарт Р. Сочинения : в 2 т. — Т. 2. Размышления о первой философии. — М. : Мысль, 1994. — С. 20—28.
10. Хайдеггер М. Тезис Канта о бытии // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. — М. : Республика, 1993. — С. 367.
11. Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Сочинения : в 6 т. — Т. 3. — М. : Мысль, 1964. — С. 521.
12. Хайдеггер М. Указ. соч. — С. 365.
13. Кант И. Указ. соч. — С. 403.
14. Хайдеггер М. Указ. соч. — С. 373.

Поступила в редакцию 25 мая 2010 г.

ГРИГОРЬЕВА Людмила Михайловна, окончила математический факультет Иркутского государственного университета в 1976 г., училась в аспирантуре при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета. Научные интересы: история античной и средневековой философии, методология и гносеология научного познания.

GRIGORIEVA Lyudmila Mikhailovna graduated from Mathematics Faculty of Irkutsk State University, studied in post graduate school of Lomonosov Moscow State University. Grigorieva is Cand.Sc. (Philosophy), an associate professor of the Philosophy Department of South Ural State University. Research interests: history of ancient and medieval philosophy, methodology and gnoseology of scientific knowledge.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ АНТИЧНОСТИ И ГЕГЕЛЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПОЗИЦИИ ЛИБЕРАЛЬНОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Е. В. Миронов

INFLUENCE OF THE SOCIAL ANCIENT WORLD AND HEGEL CONCEPTS ON FORMATION OF SOCIOPHILOSOPHICAL ATTITUDE OF LIBERAL CONSERVATISM

E. V. Mironov

В статье представлен анализ социально-философских концепций античности и Гегеля известного российского философа и политолога Б. Н. Чичерина, который явился основанием его собственных оригинальных концепций общества и государства.

Ключевые слова: *концепция, естественное право, государство, нравственность, монархия, аристократия, демократия, справедливость, равенство, свобода.*

The article gives the analysis of sociophilosophical concepts of ancient world and Hegel by B. N. Chicherin, a famous Russian philosopher and political scientist. The analysis became a basis for his own original concepts of society and state.

Keywords: *concept, law of nature, state, morality, monarchy, aristocracy, democracy, justice, equality, freedom.*

Будучи последователем Гегеля, основатель либерального консерватизма Б. Н. Чичерин не выходит за рамки его схемы развития человеческой истории. Он такой же европоцентрист, поэтому в анализе политической мысли начинает не с Востока, хотя и признает его «колыбелью человечества», а с европейского античного («классического») мира, где «мысль получает чисто светское направление, государство — чисто гражданское развитие». В античности он выделяет три основных периода:

- 1) космологический;
- 2) софистический;
- 3) метафизический.

Согласно Чичерину, на метафизическом этапе в истории античности, главенствующее положение начинает занимать рационализм и чистое умозрение. Предметом мышления становится сама мысль, абстрагированная от всего остального, собственно на этой фазе развития и выделяется учение о политике. Главными представителями политической мысли в тот момент выступают Платон и Аристотель.

Вехи становления политики как науки Чичерин прослеживает вначале в работах Платона: «Парменид», «Государство», «Законы» и «Критий».

В «Пармениде» Платон дает общее философское обоснование политического учения. Высшая идея мироздания — добро, что тождественно богу, добро размещено в природе, однако преимущественно встречается в человеческой душе, ибо только она способна осознавать вечные, божественные истины. Высшее осуществление добра в человеческих взаимоотношениях — лежит в государстве, таким

образом, сама политика является «венцом философии». Чичерин считает, что, будучи диалектиком, Платон в перечисленных работах рассматривает политическое устройство человеческого общества с разных позиций. «Государство» — это книга — утопия, некий идеал, «Законы» — практическое руководство к действию; «Критий» — по мнению Чичерина, скорее политический художественный роман, чем серьезная работа¹.

«Государство» — идеальное представление Платона о политических отношениях, складывающихся в человеческом обществе. Политические отношения между людьми начинают складываться в тот момент, когда, согласно Платону «1) появляется большее количество народа и 2) когда имеет место быть разделение труда, а также специализация»². В обществе начинают возникать противоречия между разными слоями населения. Государство, как таковое, являет особый организм, обладающий своими членами, каждый из которых имеет свою особую внутреннюю природу. Ремесленники (или низшие сословия) погружены, по Платону, в удовлетворение своих материальных потребностей, что снижает их ценность как истинных граждан, которые должны стремиться к благу всего государства. В то время как настоящими, истинными гражданами Платон видит воинов, призванных защищать страну, из них для управления государством выбираются самые достойные, испытанные и пожилые, им и вручается неограниченная власть.

Из всего хода рассуждений видно, что Чичерин обращает больше внимания именно на само обще-

ство, составляющее государство. Каждый из социальных классов имеет определенную доминанту, которая, как некий дхармический закон ведет тот или иной слой населения к его преуспеянию. Чичерин обращает внимание на тот факт, что Платон называет мудрость ведущим началом в правителе, в воинах — мужество, а умеренность, как следствие, удел низших классов. Над всем этим господствует высший закон, согласующий и охватывающий всех в едином государстве. По Платону, путь к такому политическому устройству лежит через правление философов, причем форме монархизма. Однако в реалиях жизни в политической сфере существуют отклонения. Наиболее близко к идеальному устройству государства в виде монархии — тимократия. Правда, надо сказать, при данном устройстве моральные понятия, определяющие процветание общества, такие как храбрость, сила, заменяются честолюбием и богатством. Подобное правление, согласно Платону, сходно с управлением Спартанского полиса. Из двух зол выбирают меньшее, поэтому Спартанское политическое устройство объявляется Платоном лучшим из существующих. Второе отклонение — олигархия: там господствует алчность, проистекающая из жажды богатства, а тем самым из тимократии, вот почему тимократия тоже ненадежна. Рано или поздно она породит олигархию, это, в свою очередь, сведет на нет все положительные достижения общества. Олигархия вызовет борьбу, что приведет к воцарению демократии, а значит, и неограниченной свободы. Рано или поздно демократия породит тиранию — худший образ правления. Тирания всегда ищет опору в рабах, а также в самом низменном и порочном, что есть в человеке и обществе.

Определяя цель государства, как счастье всех его членов или, по крайней мере, стремление к этому идеалу, Чичерин указывает на актуальность слов Платона о том, что необходимо в действительности сочетать монархию с демократией. «Монархия должна быть ограничена свободой граждан, а Демократия давлением власти»³.

Аристотеля Чичерин называет «одним из самых величайших мыслителей всех времен и народов»⁴. «Аристотель, — согласно Чичерину, — переходит из идеала и фантазий в сферу действительности». В этом скрыт парадокс — Аристотель, по классификации Бориса Николаевича, идеалист и рационалист, а не эмпирик. Тем не менее работу Аристотеля «Политика» Чичерин называет «самым замечательным из всех политических сочинений, которые когда-либо являлись в свет»⁵. «Это сочинение — единственное сочетание философского, юридического и политического в одной книге»⁶. Именно у Аристотеля Чичерин берет тезис о том, что государство есть высшее единство человеческой жизни.

Само государство, по Аристотелю, живет естественными и искусственными приобретениями, из которых естественными он называет те, что создаются только по необходимости, а искусственными — те, что даются коммерческими стремлениями, вызванными к жизни желанием приумножения богатства. Сочетание данных двух начал по-новому конституирует созданную Платоном схему видов

государственного устройства. Во всем многообразии политической жизни общества Аристотель различал не идеальные и действительные государства, как у Платона, а правильные и неправильные, тем не менее, реально существующие:

Правильные образы правления:	Неправильные образы правления:
Монархия	Тирания
Аристократия	Олигархия
Тимократия (Полития: тимо на греческом языке означает ценз)	Демократия

Монархия — царство, установленное по преимуществу для пользы высших классов, которые ищут в царской власти защиту против народа. Тирания поддерживается массой против высшего сословия, причем в тирании соединены олигархия и элементы чрезмерной демократии. Как отрицательное, неправильное правление, «тирания характеризуется нравственным унижением подданных, возбуждением взаимного недоверия и старанием держать их в бедности»⁷. «Женщинам и рабам полная свобода, так как они доносчики по своей природе. Тиран приближает к себе низких и развратных людей. Все, что возвышается над толпой, искореняется всеми мерами. Благородство души ненавистно тирану; лучшие люди общества — первые его враги»⁸.

В свою очередь, аристократия — власть лучших из лучших, другими словами, это меритократия общества. Кто же такие эти лучшие? Чичерин приводит слова Аристотеля, взятые им в «Никомаховой этике».

«Главный элемент государства не в богатстве и не в свободе, а в добродетели. Когда один человек или несколько настолько превышают остальных политической добродетелью, что сравнения никакого быть не может, правление в государстве, очевидно, должно принадлежать им; они не равны между равными, а боги между людьми»⁹. Здесь Чичерин замечает: «В этих мыслях Аристотеля можно видеть начало того учения о конституционной монархии, которое, отправляясь от владычества разума и правды в человеческих обществах, отрицает принадлежность последних какому бы то ни было лицу или собранию людей, а потому требует совокупного участия всех общественных элементов в общих решениях. Это учение получило распространение в Новом времени»¹⁰.

В отношении тимократии действительны те же правила, за тем исключением, что власть определяется уже не только одними добродетелями, а также и имущественным цензом, как неким механизмом, регулирующим взаимоотношения между людьми. Другими словами, аристократия менее долговечная и устойчивая система, чем тимократия, последняя более приближена к действительности. Все это становится более понятным с привлечением системы права Аристотеля, что Чичерин собственно и делает: «В системе греческого философа существуют два вида правды, — пишет он, — сообразно двум значениям равенства математического, а именно, правда, числительно уравнивающая и пропорцио-

нально распределяющая. За основу первой берется арифметическая пропорция, пропорция равенства; во второй — пропорция геометрическая, то есть, большему большее, меньшему меньшее»¹¹. В правде распределяющей приоритет отдается именно врожденной или выработанной добродетели, в то время как в первом случае работает уравнивающий механизм взаимоотношений людей, что дает собственно начало демократии.

Демократия — доведенная до абсурда идея равенства, граничащая уже с определенной анархией, угрожающей самому существованию политического тела. Принимая тот факт, что любое политическое устройство на основе добродетелей всего лишь утопия, каждому политическому деятелю в реальности приходится иметь дело именно с уравнивающим правовым началом, которое привносит в систему определенную умеренность. «Главная причина любых политических переворотов — стремление людей к равенству (арифметическому и геометрическому)»¹², — эта мысль Аристотеля приводит Бориса Николаевича в восхищение. Вывод — «все односторонние образы правления, даже правильные, только тогда могут рассчитывать на некоторую прочность, когда они приближаются к некоему среднему»¹³. Взятые каждый в отдельности они очень шатки, сам политический процесс предстает в виде умерения каждого из приведенных начал противоположным. Аристотель не хотел переделывать людей, он желал вывести все лучшее из того, что имелось. В своих рекомендациях Аристотель видится Чичерину предвозвестником Макиавелли.

В реальности это выглядит следующим образом. Тирания и олигархия — самые шаткие из правлений, поэтому по возможности их следует избегать. «Если олигархическая система стремится быть прочной, то, по Аристотелю, ей следует облекаться, по возможности, в демократические формы, особенно в отношении членов высшего сословия»¹⁴. «С другой стороны, она должна проявлять заботу о благе народа. В свою очередь, монархия охраняется умеренностью, чем ограниченнее власть монарха, тем безопасней для всех. Аристократии и Тимократии надлежит помнить, что общественная должность не должна становиться средством обогащения, ибо, когда почести соединяются с богатством, негодование исключенных становится вдвое сильнее»¹⁵, — а это уже угроза стабильности и безопасности общественного устройства.

Демократия прочнее олигархии и тирании, так как она противостоит не большинству, а меньшинству, в то время как олигархия вынуждена бороться как с большинством, так и внутри своего клана. Все же демократии следует для достижения большей стабильности воздерживаться от посягательств на богатство и имущество высших классов.

Все поставленные задачи, в каком бы политическом устройстве они ни находились, можно решить, создав некоторую прочную социальную базу для умеренности. Это достигается развитием в социальной сфере средних классов. «Только средние классы соединяют в себе чувство равенства с умением подчиняться предписаниям разума»¹⁶. Именно здесь Чичерин видит аллюзию на конституционную

монархию, ибо отличительный признак конституционной монархии для Чичерина в сочетании порядка со свободой (синтез противоположных начал) и в преобладании средних классов. К тому же в работе Аристотеля присутствуют зачатки теории «разделения властей», а именно: «Собрания (решающие дела), правители (осуществляющие дела), суды (выносящие суждения о делах)»¹⁷.

Подводя итог развитию древней политической мысли, Чичерин подводит все «правильные», согласно Аристотелю, политические системы под свою теорию конституционной монархии, по крайней мере, в работе греческого философа русский ученый видит недвусмысленный намек на нее.

Обширность рассматриваемых Чичериним философских работ значительна. Сам мыслитель пишет в предисловии к четвертому тому «Истории политических учений»: «Я дал значительное место изложению чисто философских систем. К этому побудила меня, с одной стороны, тесная связь между немецкой философией и немецкой политической наукой, с другой стороны, убеждение, что без философии важнейшие вопросы политической науки должны остаться неразрешенными»¹⁸. Согласно словам самого Чичерина, он хотел показать, что только серьезное изучение философии может продемонстрировать глубину и границы политической науки, что «философия — не пустой бред человеческого ума, а развитие необходимых понятий, которое приносит и жизненный плод»¹⁹. «Знаю, — пишет он далее, — что философия теперь не в моде. Этому главным образом и следует приписать то шатание умов, которое составляет характеристическую черту современных обществ, явление всего более распространенное там, где отсутствие политической жизни открывает простор политическим мечтаньям. Без руководящей нити философской мысли остается или бродить наобум, или произвольно очертить себе ограниченный круг воззрений, который, конечно, не может иметь притязаний на научное значение»²⁰. Четвертый том является важнейшим потому, что в нем указана «тесная связь между немецкой философией и немецкою политической наукою», которая не может не служить примером для подражания и заимствования.

Натурфилософская стадия идеализма охватывает таких ученых, как Шеллинг, его последователей, а также особняком стоящих Краузе и Шопенгауэра. Для Чичерина данное направление мало способствовало разработке политических вопросов, но, тем не менее, Чичерин отмечает, что у писателей этого разряда встречаются весьма существенные мысли. Натурфилософское воззрение сводится к следующему: «Государство есть произведение природы, а не человеческого произвола. Поэтому в основании его отнюдь не лежит договор. В идее оно является предписанием разума, в действительности — созданием естественных сил. Само государство есть соединение сил, как духовных, так и физических. Оно охватывает человека всецело, не только как разумно-нравственное существо, но и как существо физическое, почему оно и стоит под влиянием законов природы. Цель его есть цель самой природы, именно, облагорожение физического мира и человека»²¹.

Критика Чичерина подобных постулатов обычно сводится к констатации того, что государство есть организм, но не естественный, а духовный, в котором противоположные начала стремятся к самостоятельности, и гармония является результатом этой борьбы. Одним словом, натуралистическое начало преобладает над мировоззрением идеализма. Среди представителей натуралистической школы Чичерин отдает предпочтение тем, кто в большей степени отдает предпочтение личности. В этом ракурсе Краузе и Шопенгауэр Чичерину импонируют более, чем Шеллинг.

Нравственное течение идеалистических учений, в отличие от Шеллинга, который пытался сочетать мировые противоположности, природу и разум, единством основы, причиной производящей, выводом все мироздание из абсолютного, тождественного с собой бытия, развивающего из себя противоположные определения, становится на более одностороннюю точку зрения. В частности Фихте, оставляя в стороне первоначальное бытие, берет одно из его определений, абсолютный разум, и старается вывести все его законы, совершенно отвергая самостоятельное существование природы. В его глазах то, что называется природой, ничто иное, как объективное проявление мысли, собственного значения она не имеет. Из подобного нравственного начала вытекают теория государства и философия истории. Государств существует два типа: правомерные и неправомерные. Наибольший интерес для нравственного направления представляет правомерное государство, правителями которого выступают сословие учителей, его задача состоит в нравственном воспитании народа. Последний составляет данный природой материал, который они перерабатывают по заключающемуся в их сознании образцу. Первым учителем выступает бог, как нравственная сила, заложенная в естестве любого человека. Это нравственное начало, как и внешняя природа, составляет непосредственное явление абсолютного. Отсюда необходимость признания бога как нравственного существа и провидения как начала, управляющего историей человечества. Верховный разум для того, чтобы стать видимым, с одной стороны, противопоставляет себе образ внешней природы, которая становится для него материалом, с другой стороны, полагает нравственное естество человека, которое должно служить орудием для произведения этой видимости. «Вся цель человеческого развития состоит в том, чтобы этот непосредственно данный образ воспроизвести путем свободы. Поэтому история представляет круг, в котором конец должен совпадать с началом. Историческое движение народов есть путь от образа, непосредственно данного, к тому же образу, воссозданному свободой»²².

Теперь необходимо обратиться к чичеринскому анализу политических взглядов его учителя — Гегеля. Главная заслуга Гегеля, по мнению Чичерина, — его диалектика: «Это бессмертная его заслуга, которая дает ему первенствующее место в истории человеческого ума»²³. Подробно рассматривая «диалектическое здание» философии, возведенное Гегелем, не во всем, однако, соглашаясь с ним, он,

естественно, особое внимание уделяет «Философии права» Гегеля, где представлены диалектические «переходы» объективного духа. «Основным определением объективного духа признается свободная воля. Воля есть практический разум, то есть разум, действующий на внешний мир»²⁴. Воля обладает свободой, поэтому «все существа, одаренные волею, сознают себя свободными». А осуществление этой свободы и составляет право, которое проявляется в трех ступенях развития:

1) как отвлеченное или формальное право, выражающее самоопределение воли во внешнем мире;

2) как мораль, или внутреннее самоопределение воли;

3) как нравственность, представляющая сочетание права и морали: общие требования морали, осуществляясь во внешнем мире, становятся системою юридических учреждений, определяющих права и обязанности людей в общественных союзах²⁵.

Таких союзов у Гегеля три: семейство, гражданское общество, государство (Чичерин добавляет к ним четвертый — церковь). Государство — важнейший из них элемент, оно, как высшее осуществление идеи свободы, возвышается над семейством и гражданским обществом, но не поглощает их, а признает их права и самостоятельность, подчиняя их только в качестве высшей власти. Как самостоятельный союз, государство имеет собственное политическое устройство, распадающееся на три власти — законодательную, устанавливающую общие нормы; правительственную, применяющую эти нормы к отдельным случаям; княжескую, представляющую последнее, верховное, решение воли и связывающую две предыдущих. Естественным поэтому является вывод Гегеля, что «из всех политических форм полное развитие идеи государства представляет только конституционная монархия»²⁶. Зная, что именно с Гегеля началось философское развитие Чичерина, можно предположить, что именно у него он позаимствовал свою основную политическую идею — идею конституционной монархии. У него же он обнаружил и идею народного представительства: «Через представительство закон и государство входят в народное сознание и в нем получают самую крепкую свою опору»²⁷. Обе эти идеи русский мыслитель развил в стройную систему политологических представлений.

К чести Чичерина следует отметить, что Гегеля он читал критически, не соглашаясь со многими его выводами, в частности — со слишком ограниченным пониманием народности как ступени развития духа, с его европоцентризмом и абсолютизацией германского народа в ущерб народам восточным, в том числе славянским, наконец, с тем, что в гегелевской философии завершается развитие человеческого ума. Для Чичерина каждый народ настолько является историческим, насколько он участвует в общем процессе развития и, наоборот, настолько остается на нижней ступени, насколько он уединяется в своей особенности.

Следуя в целом метафизике и философии права Гегеля, Чичерин не согласен с его тезисом о растворении личности в Абсолюте, ибо это лишает ее внутренней свободы, снимая ответственность

за содеянное; источник и смысл свободы в осознании человеком своей безусловной сущности и независимости, в том, что человек, как носитель абсолютного начала, сам по себе имеет абсолютное значение и потому может быть признан свободным лицом. Личная свобода, неразрывно связанная со свободой других, ограниченная их свободой, подчиняется гражданскому закону и повинует власти, поэтому власть и свобода так же нераздельны, как нераздельны свобода и нравственный закон. Власть призвана охранять закон и сдерживать свободу, а право есть свобода, определенная законом.

Чичерин, точно так же, как и Гегель, свои представления о внутренней свободе личности как сферы проявления субъективной нравственности конкретизирует в учении собственности. Их социально-философские взгляды на частную собственность по существу совпадали. Гегель считал свободу частной собственности одним из великих завоеваний Нового времени, он писал, что в ней воля человека выступает как воля единичного человека, поскольку собственность имеет характер частный, лишь в собственности лицо есть разум.

Чичерин также, рассматривая основания собственности, видит в них проявление воли свободного индивида как первое явление свободы в отношении к физическому миру. Сущность частной собственности Чичерин рассматривает в противопоставлении ее обществу и государству. Общество, отмечает он, есть совокупность частных сил, не обладающее, как и государство, никаким достоянием, ни капиталом, следовательно, и правами на них. «Капитал, — пишет он, — производится и умножается работою и сбережениями частных лиц, которые поэтому являются законными его собственниками и, как таковые, передают его своему потомству»²⁸. Согласно его концепции, право собственности содержит два вида отношений: отношение фактическое (пользование) и отношение идеальное (право), источником первого являются природные потребности и физическая сила, источником второго — высший закон, закон разума. Из всего этого вновь следует, что собственность, по Чичерину, вытекает из природы человека как разумного свободного существа, а овладение ею «составляет законный способ приобретения собственности, способ, вытекающий из коренных начал права»²⁹. Поэтому государство, узаконив свободу, освящает то, что вытекает из природы человека, отсюда он делает вывод: покушение на собственность есть покушение на природу человека, на его свободу, а все, что колеблет собственность, подрывает основы гражданского порядка.

Разлагаются первоначальные элементы общественного быта, все бесчисленные отношения, связывающие людей, разом порываются. «Поэтому, — подчеркивает Чичерин, — вторжение государства в область собственности и стеснения права хозяина распоряжаться своим имуществом всегда должно рассматриваться как зло, которое по возможности должно быть устранено. Посягательство же со стороны государства на право собственности, иначе как в случае нужды и за справедливое вознаграждение, всегда есть насилие и неправда»³⁰.

Чичерин, исходя из гегелевской концепции разделения и философского различия гражданского общества и государства, проводит изучение их взаимоотношений по принципу единства и борьбы противоположностей: «... государственное единство и общественная рознь составляют соответствующие и восполняющие друг друга явления»³¹. В соответствии с Гегелем, государство определяется как осуществление нравственной идеи, а его внутренняя цель как «высшее сочетание свободы с разумным порядком», служение идеалу общего блага, охрана свободы и прав личности и собственности. Так же, как и Гегель, идеальной формой правления Чичерин считал конституционную монархию, позволяющую, по его мнению, совместить сильную власть (монархическое начало) и свободу (элемент народного представительства). Вполне в духе гегелевской философии права государство определяется как продукт осознавшего себя духа, продукт народного самосознания, действительность идеи воли, действительность конкретной свободы. В государстве находит диалектическое разрешение формула: семья, гражданское общество, государство.

Мысли Чичерина о зависимости и опоре государства на гражданское общество не совпадают с Гегелевским пониманием отношений государства и гражданского общества. По Гегелю, гражданское общество, как сфера частной собственности индивидуальных интересов корпораций, общин, сословий, должно быть подчинено интересам государства. Чичерин, в отличие от Гегеля, склонен усилить в системе этих отношений элемент частного, делая его, в сущности, автономией, сферой, независимой от государственной власти и от политических целей. «Подлинным выражением юридических начал, без всякой посторонней примеси, является право частное, или гражданское. Здесь человек представляется как свободное, самостоятельное лицо, которому присваивается известная область материальных отношений и которое состоит в определенных юридических отношениях к другим таковым лицам. По самой природе этих отношений, в этой сфере господствует индивидуализм, здесь находится главный центр человеческой свободы»³².

В заключение можно сформулировать основные особенности, присущие Б. Н. Чичерину в его интерпретации государства и права. Во-первых, человек является не абсолютно свободным лицом, как таковым, а абсолютной ценностью. Во-вторых, хотя свобода лица и есть источник формирования права, нравственности и политической власти, однако сам процесс развития свободы и обеспечения прав человека связан с развитием государства. Иными словами, человек развивается не для себя, а как существо общежительное, в служении общим целям и для общего блага. В третьих, регулирование общественных отношений возможно только на основе идеи правды — сущности права, — которая определяет принципы человеческого общежития. Объединяющим началом, способным осуществить идеалы правды и справедливости, является государство как высшее проявление Абсолютного Разума в действительности.

Примечания

1. Чичерин Б.Н. Политические мыслители Древнего и Нового мира. — М., 1897. — С. 6.
2. Там же. — С. 7.
3. Там же. — С. 17.
4. Там же. — С. 25.
5. Там же. — С. 28.
6. Там же. — С. 30.
7. Там же. — С. 51.
8. Там же. — С. 52.
9. Там же. — С. 39.
10. Там же. — С. 40.
11. Там же. — С. 38.
12. Там же. — С. 48.
13. Там же. — С. 52.
14. Там же. — С. 50.
15. Там же.
16. Там же. — С. 44.
17. Там же. — С. 45.
18. Чичерин Б.Н. История политических учений. — Т. 4. — М., 1869—1902. — С. 5.
19. Там же. — С. 6.
20. Там же. — С. 5.
21. Там же. — С. 40.
22. Там же. — С. 196.
23. Там же. — С. 575.
24. Там же. — С. 380.
25. Там же. — С. 582.
26. Там же. — С. 590.
27. Там же. — С. 592.
28. Чичерин Б. Н. Философия права. — СПб. : Наука, 1998. — С. 270.
29. Чичерин Б. Н. Собственность и государство : в 2 ч. — Ч. 1. — М. : Тип. Мартынова, 1882—1883. — С. 97.
30. Там же. — С. 154.
31. Медушевский А.Н. История русской социологии. — М. : Высш. шк., 1993. — С. 13.
32. Чичерин Б. Н. Собственность и государство : в 2-х ч. — Ч. 2. — М. : Тип. Мартынова, 1882—1983. — С. 88—89.

Поступила в редакцию 25 мая 2010 г.

МИРОНОВ Евгений Владимирович, родился в 1944 году. В 1972 году окончил философский факультет Уральского государственного университета в Екатеринбурге по специальности «Философия», обучался в философской аспирантуре МГУ. В 1984 году защитил диссертацию по теме «Гносеологические и социальные функции научной теории» по специальности «Философия». С 1991 года работает на кафедре социологии Южно-Уральского государственного университета. Заведующий кафедрой. Автор 2 монографий и более 40 статей, посвященных творчеству Б. Н. Чичерина.

MIRONOV Evgeny Vladimirovich was born in 1944. In 1972 he graduated from the Philosophical Faculty of Ural State University in the city of Ekaterinburg, major was Philosophy, took the post-graduate course at the Moscow State University. In 1984 he presented a thesis "Epistemological and Social Functions of the Scientific Theory", major of Philosophy. He has been working at the Sociology Department of South Ural State University since 1991. He is Head of the Sociology Department. Mironov is an author of 2 monographs and more than 40 articles devoted to work of B. N. Chicherin.

Рецензия

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: ИЗУЧАТЬ, ПОМНИТЬ, ПЕРЕДАВАТЬ ТРАДИЦИИ

Рецензия на сборник статей «Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте истории XX—XXI веков»

Е. И. Семочкина

HISTORY OF THE GREAT VICTORY: STUDY, REMEMBER, HAND DOWN TRADITIONS

Collected works "The Great Patriotic War and Second World War in the Scope of History of 20—21 Centuries"

E. I. Syomochkina

В мае 2010 г. отмечалось 65-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Среди многих мероприятий, приуроченных к этой дате, в Челябинске проходила Международная научно-практическая конференция на базе государственного педагогического университета. К началу ее работы был выпущен сборник материалов конференции в двух частях. Название конференции и сборника «Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте истории XX—XXI веков» [1] предопределяло широту тематики публикаций как по времени, так и в пространстве. Закономерно, что больше половины статей — уральских авторов, из которых примерно половина — челябинцы. Были представлены и другие города России: Абакан, Казань, Кострома, Махачкала, Москва, Омск, Орел, Санкт-Петербург, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Ханты-Мансийск. Статус международной конференции определили участники из Белоруссии, Казахстана, Украины, Великобритании.

Изучение истории Великой Отечественной и Второй мировой войн идет уже более полувека. Все более востребованной для дальнейших исследований становится историографическая работа. В этом сборнике они составили целый блок. М. А. Фельдман предельно четко и лаконично представил «Актуальные проблемы социальной истории уральского общества» [1, ч. I, с. 84—89]. В статьях Е.И. Семочкиной «Историки Челябинска о проблемах уральского тыла периода Великой Отечественной войны (вторая половина XX века)» [1, ч. I, с. 178—193] и Г. К. и В. Д. Павленко «Челябинская область периода Великой Отечественной войны в публикациях первого десятилетия XXI века» [1, ч. I, с. 193—208] охарактеризован многолетний труд челябинских историков-«военщиков», проанализированы его особенности в контексте менявшихся социально-экономических, политических и культурных условий, отмечены успехи, сложности объективного и субъективного порядка, намечены перспективы дальнейших изысканий.

Внимание также привлекают статьи И. В. Сибирякова «Интернет-ресурсы, посвященные Великой Отечественной войне: первый опыт типологизации» [1, ч. I, с. 65—72] и И. А. Лудина «Ленд-лиз:

обзор англоязычных статей интернета» [1, ч. I, с. 116—123]. Во «всемирной сети» все чаще и проще найти необходимую информацию, в том числе и по истории Второй мировой войны XX века. Авторы подчеркивают, что интернет более привлекателен с чисто технической стороны для молодежи, которая пренебрегает традиционной литературой. Поэтому так важны качественные исторические публикации в интернете, а не только «сенсационные откровения», которыми так богаты его сайты.

Особо следует отметить статьи донецких историков А. С. Мартынова «Великая Отечественная война в интерпретации историографии «украиноцентризма»: к вопросу о забвении великой Победы» [1, ч. I, с. 132—162] и М. А. Шипович «Цивилизационный раскол в Украине и интеллигенция в начале XX века» [1, ч. II, с. 318—324]. Их историографические статьи напрямую оказались связанными со сложной политической ситуацией в современном украинском государстве. Взяв прозападный курс, украинские лидеры всячески стараются, в том числе с помощью исторических подделок и манипуляции фактами, лишить свой народ исторической памяти через СМИ и систему образования, в частности фальсифицируя историю войны и героизируя местных националистов. Авторы считают это трагедией своей родины, так как Украина оказывается расколотой на два культурно-исторических полюса, что проявляется в политике, обществе и историографии.

Значительную часть сборника составили статьи, посвященные социально-экономическим факторам Победы, общественно-политической и культурной жизни страны в годы Великой Отечественной войны. Здесь представлен разнообразный конкретно-исторический материал, введены в научный оборот ранее не публиковавшиеся документы, детально рассмотрены еще малоизученные сюжеты социальной истории. К таковым, например, относятся статьи М. Н. Потемкиной «Социальная роль денег в повседневной жизни жителей советского тыла», Н. Н. Ивлева «Обеспечение кадрами банков долгосрочного кредитования Челябинской области в годы Великой Отечественной войны», Ю.Б. Костяковой «Сатира и юмор в прессе военного времени как «антистрессовое» средство (по материалам газеты

«Советская Хакасия», Н. А. Абдуллаева «К вопросу обустройства эвакуированного населения в Казахстане» и А. Турдалиева «Насильственная миграция народов в Казахстан в 1940-е годы», М. Н. Федченко «Борьба правоохранительных органов Курганской области с преступностью (1943—1945 гг.)» и др. Такие статьи дают возможность представить всю многогранность событий военных лет, их сложность и противоречивость. Это не снижает героизм тружеников тыла и воинов, а напротив, позволяет лучше увидеть их жертвенность и самоотверженность, истинную, высокую цену Победы.

Особый раздел сборника носит название «Память сердца», статьи которого подчеркивают, что связь времен, неразрывное духовное единство поколений не могут формироваться само по себе. Документы личного характера — письма, дневники, воспоминания — представленные в публикациях, позволяют глубже понять истоки мужества людей, переживших войну, их беды, боль утрат, высочайшую ценность победы. Письма, прошедшие военную цензуру, как правило, отличаются оптимизмом, уверенностью в победе, события передают в самых общих чертах, в них больше чувств, чем информации. Но они сами по себе были драгоценной информацией о том, что родственники живы. До сих пор они являются самыми драгоценными семейными реликвиями. А вот письма, не пропущенные цензурой, были надолго арестованы в архивных спецхранах и освободились только в постсоветское время. О них как о правдивом, не приукрашенном историческом источнике, повествующем о бедственной жизни людей, речь идет в статье Р. Р. Хисамутдиновой «Письма военных лет как источник о материальном положении уральских колхозников» [1, ч. I, с. 89—101].

Сочинения своих студентов в Южно-Уральском государственном университете организовала, представила и проанализировала Л. А. Кубицкая. [1, ч. I, с. 51—60] Она считает очень важным сохранение памяти о старших родственниках непосредственно в каждой семье, где и начинается формирование основ личности, в том числе возникают первые, самые сокровенные по своей простоте представления о своей стране, ее истории, патриотизме. Или не возникают, если нет воспоминаний, если в семье нет духовного единства разных поколений. Как отмечает Н. С. Сидоренко, представившая мемуары своего отца, сумевшего преодолеть все невзгоды и заново построить свою жизнь после войны, «эти документы несут огромный воспитательный заряд...» [1, ч. I, с. 43].

О патриотизме очень много сейчас рассуждают политики и журналисты. Практически его воспитанием занимаются педагоги, зачастую преодолевая массу негативных факторов. Статьи по проблемам патриотического воспитания современной молодежи составили практический блок конференции. История Великой Отечественной войны как никакая другая страница нашей истории имеет мощный патриотический импульс. Эта мысль проходит во всех публикациях педагогов-энтузиастов. Колоссальную работу, например, ведет Центр патриотического воспитания «Росток» на базе таяндинской средней

школы Еткульского района Челябинской области, о чем рассказала ее учительница Е. В. Зязева в своей статье «Патриотическое воспитание в школе: традиции и эксперименты». Ее эмоциональное искреннее выступление на пленарном заседании никого из слушателей не оставило равнодушным, тем более, что оно сопровождалось любительским фильмом и фотографиями о поисковой работе школьников. Ориентируясь на «сочетание традиций и инноваций», такие учителя считают воспитание патриотизма необходимой ценностной категорией фундамента российского общества [1, ч. II, с. 379—387].

Основная масса статей была связана непосредственно с военными событиями, но ряд статей посвящался предвоенным и послевоенным сюжетам, что позволило авторам выявить взаимообусловленность всего комплекса событий середины XX века как в нашей стране, так и за рубежом. Среди этих работ интересна статья А. В. Мордвинцевой «Жизнь после войны: человек в провинциальном городе» [1, ч. II, с. 292—304] антропологически ориентированным исследовательским подходом, известным как «история повседневности». Отечественная историческая наука значительно позже зарубежной стала осваивать этот подход — подобных работ сравнительно мало. Воспоминания о той эпохе, самостоятельно собранные аспиранткой, помогают зримо представить простых послевоенных тюменцев без особых прикрас, но и без ложного пафоса, столь характерного для советской историографии.

Авторы статей — от студентов до профессоров. Конечно, уровень публикаций очень разный, но высокий статус автора не всегда гарантирует качество. И подчас материал студента или аспиранта представляет больший интерес, чем кандидата или доктора исторических наук. Это объясняется просто: стремясь участвовать в максимальном количестве конференций, такие «корифеи» позволяют себе послать в сборник «что-нибудь из старенького». Не умаляя прежних заслуг и достоинств этих авторов, следует все же отметить компилятивный характер некоторых подобных статей. Недостатком оформления сборника является хаотичное расположение статей, не в алфавитном порядке фамилий авторов, что, видимо, объясняется какими-то техническими условиями, однако весьма затрудняет поиск нужных статей.

Сборник материалов конференции имеет свое запоминающееся «лицо» благодаря пересечению и взаимосвязанности научно-исторических изысканий с проблемами патриотического воспитания. Кроме того, он позволяет получить всем заинтересованным читателям — студентам и преподавателям, молодым и ветеранам — массу полезной информации для размышлений и дальнейших исторических поисков.

Примечания

1. Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте XX—XXI веков : в 2 ч. // Материалы Международной научно-практической конф., посвященной 65-летию Великой Победы. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. — Ч. I. — 382 с. Ч. II. — 442 с.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, аннотация (не более 500 знаков), список ключевых слов, текст работы, литература (в алфавитном порядке, ГОСТ 7.1-2003). После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее — 23, нижнее — 23, левое — 22, правое — 25 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 1,25—1,27 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Исторический факультет, кафедра «История», 303/1. Тел./факс (351) 267-91-01, ответственному редактору профессору Балакину Виктору Сергеевичу, ответственному секретарю доценту Кривоноговой Светлане Анатольевне.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>), следуя ссылкой: «Научная деятельность», «Вестник ЮУрГУ», «Серии».

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

7. Подписной индекс научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серии «Социально-гуманитарные науки»: 29076, каталог «Пресса России». Периодичность выхода — 2 номера в год.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 28(204) 2010

**Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»**

Выпуск 15

Отв. ред. серии *Балакин В. С.*

Компьютерная верстка *Батанина И. А., Феркель В. Б.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 16.09.2010. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл.-печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 16,56. Тираж 500 экз. Заказ 376/645.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76.